

Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев

МЕСТА ПАМЯТИ В МОЛОДЫХ ГОРОДАХ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

ББК ТЗ(235.554)-22
В38

Издание книги осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 16-03-16056 «д» (2016 год)

Рецензенты:

- Е. С. Б а р а з г о в а, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории и социологии управления
Уральского института управления – филиала РАНХ и ГС;
Е. Г. Т р у б н а, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социальной философии
Уральского федерального университета

Веселкова, Н. В.

В38 Места памяти в молодых городах : моногр. / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямикова, М. Н. Вандышев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 394 с.

ISBN 978-5-7996-1848-3

Отталкиваясь от концепции «мест памяти», в книге показано, какими смыслами наполнен опыт молодого города. Созданные в советское время уральские города Заречный, Качканар, Краснотурьинск, Лесной раскрывают свое прошлое и настоящее в мобильных интервью с горожанами, фотографиях, материалах СМИ, архивных документах.

Для социологов, антропологов, культурологов, всех интересующихся тематикой социальной памяти и молодых городов.

ББК ТЗ(235.554)-22

Рисунок на обложке – С. В. Шевченко

При оформлении обложки использованы
фото авторов и снимки из фондов ЦДООСО

© Веселкова Н. В., Прямикова Е. В.,
Вандышев М. Н., 2016

ISBN 978-5-7996-1848-3

© Издательство Уральского университета, 2016

Предисловие

«Город юности» – сохранившееся до наших дней самоназвание стройки первых пятилеток Комсомольска-на-Амуре и уральского Качканара, основанного уже в период «оттепели». Эта книга посвящена городам, которые когда-то называли молодыми, юными, новыми. В нашей стране в подавляющем большинстве такие поселения создавались в советское время, поэтому в рамках исследования мы определяем молодые города как поселения, возникшие после 1917 г. и имеющие статус города.

Широким контекстом исследования, таким образом, является советский опыт, соотнесенный с мировыми тенденциями образования новых городов и урбанизации в целом. Эмпирическим фокусом являются молодые уральские города. В условиях ускоренной индустриализации и сопровождающей ее урбанизации новые поселения в Советском Союзе, как правило, возникали при предприятиях. В результате появлялись индустриальные города, многие из которых так и остались монопрофильными. На апрель 2015 г. в России насчитывалось 319 моногородов¹.

Моногорода при наличии одного градообразующего предприятия или нескольких, но имеющих отношение только к одной отрасли, чрезвычайно уязвимы в ситуации неопределенности. Конкуренция на рынках сбыта, истощение необходимых ресурсов абсолютно противоположны прежней концепции постоянно работающего производства, обеспечивающего стабильную жизнь целому городу. Как правило, такие предприятия не способны быстро перестраиваться и приспосабливаться к изменяющимся условиям.

Молодые города также зачастую остаются небольшими по размеру. При взятых на старте очень высоких темпах роста далеко не все из них достигли «границы благополучия» в 250 тыс. человек населения (для ситуации 1990-х, см.: [Нефедова, Трейвиш, 2010]).

Сегодня молодые города не могут вырваться из силков индустриальности, не могут обеспечить своим жителям уровень жизни, соответствующий

¹ См.: Перечень монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) (приводится в редакции Распоряжения Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 668-р).

эпохе потребления. Население жалуется в лучшем случае на низкие доходы, на качество жизни, например, недоступность жилья и неудовлетворительные возможности местного здравоохранения, в худшем – на отсутствие доходов вообще, вызванное закрытием градообразующего предприятия. «Монодежь уезжает» – главный вектор открывающейся мрачной перспективы. В целом общественно-политический и научный дискурс тематизирует монопоселения обычно в негативном ключе. Этим вопросам был посвящен наш предыдущий проект «Динамика стратегий и практик жизнеобеспечения в моногородах» (2010–2012)²; мы пытались понять, что собой представляет жизнь моногорода, что меняется к лучшему, а что – к худшему.

Потенциал моногорода очень часто оценивается с точки зрения возможных ресурсов, обеспечивающих процесс производства, конкурентоспособность выпускаемой продукции и т. п. При таком подходе горожане оказываются одним из ресурсов индустриального производства, рабочей силой, обеспечивающей его процесс. В ходе исследования мы столкнулись с крайне интересными особенностями восприятия жителями самих себя, своего города, его прошлого и будущего. Эти темы звучали в интервью, прорисовывались в ментальных картах. Какой город вообще считается своим – в котором индивид родился или в который переехал учиться или работать? Или это город мечты, в котором человек хотел бы жить, но пока еще не знает где [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013]?

Действительно ли люди в небольшом индустриальном городе экономически пассивны, привыкли к постоянной работе, стабильному заработку и благам социальной сферы в обмен на свой труд в привычных условиях? Им не хватает сил, чтобы сорваться с насиженного места или все дело в накопленных ресурсах (квартира, дача), которые трудно восстановить при переезде в более перспективный населенный пункт? Или они настолько привязаны к своей родине, что просто не хотели бы жить где-то еще? Что вообще ценно для жителей, если сам город появился на свет всего-то полвека назад и представляет собой по большому счету завод да жилые кварталы? Этот комплекс вопросов привел нас к необходимости следующего проекта – «Места памяти в молодых уральских городах: особенности построения идентичности», материалы которого и стали основой для написания данной книги. Исследование проведено в 2013–2014 гг. при финансовой поддержке РГНФ и правительства Свердловской области (грант № 13-13-660).

² Исследовательский проект был поддержан РФФИ и правительством Свердловской области, грант № 10-06-96021.

Сегодня молодые города, как и все остальные, озабочены поиском достойного места в конкурентном пространстве урбанистической цивилизации, их жители нуждаются в источниках позитивной самоидентификации. Отталкиваясь от концепции «мест памяти» французского историка Пьера Нора [Nora, 1996 : 17], мы попытались выяснить, какими смыслами наполнен опыт города.

Одним из основных выводов исследования является то, что городов без истории не бывает. У молодых городов своя история – героическая, основанная на мощи и патетике грандиозных преобразований эпохи социализма. Что сохранилось от этой истории после всех трансформаций постсоветского периода? Насколько героика и романтика прошлого значимы для жителей в настоящем?

В основу методологии полевой части исследования положен мобильный метод – go-along интервью. Это прогулка или поездка по городу, во время которой информант сам определяет маршрут, «активирует» городское пространство, что не равноценно простому перечислению особенностей города в ситуации стационарного интервью.

Участники исследования знакомили нас с городом, исходя из своего опыта, показывали то, что связано с их жизнью: места учебы, работы, прогулок с детьми и друзьями, рассказывали о различных мероприятиях. При этом отбор и предъявление мест заметно структурировались существующими канонами и порой сильно напоминали экскурсию. В итоге получился интересный микс «города для себя» и «города для других». Мы намеренно не афишировали интерес к истории, пытаюсь увидеть, в какой момент и в связи с чем возникали исторические ремарки, если вообще возникали. В итоге все названные и/или показанные места в той или иной степени примечательны, но все ли из них могут претендовать на то, чтобы считаться местами памяти?

Мы определяем места памяти во встречном движении двух (условно разделяемых) типов дискурса: текущего, актуального, с его импликациями или явными отсылками к прошлому, с одной стороны, и советского дискурса процесса возникновения молодых городов, с другой стороны. Таким образом, дискурс советского прошлого играет роль объяснительной рамки для распространенных сегодня способов говорить о молодых поселениях. При обращении к прошлому мы делаем ставку на *официальный* дискурс, предполагая его влияние на представления о молодых городах, какими мы знаем их сегодня и встречаем в рассказах информантов.

Для исследования были выбраны четыре города Свердловской области – Заречный, Качканар, Краснотурьинск, Лесной (прил. 1). Последние три мы начали изучать в проекте, посвященном стратегиям и практикам

жизнеобеспечения населения моногородов. Наряду с ними в проект о местах памяти был включен Заречный как молодой город, находящийся недалеко от областного центра, что могло повлиять на предмет нашего исследования.

Первый раздел книги – обоснование теоретического подхода и дизайна эмпирического исследования. Второй раздел посвящен прошлому молодых городов, тому периоду, когда их стали так называть. Советский официальный дискурс, как показал анализ, содержит устойчивую схему, где между «раньше» и «теперь» молодого города размещаются: 1) апология голого места; 2) грандиозность преобразования; 3) его субъект; 4) аффективный режим восторга и гордости. Основу эмпирических данных здесь составляют тексты советских газет и журналов, протоколы партийных заседаний, от которых мы пытаемся протянуть ниточки к бытующим сегодня рассуждениям. Третий раздел – о настоящем, в центр внимания поставлен актуальный дискурс, представленный прежде всего данными интервью в соотношении с материалами современных СМИ; импульсы прошлого тут выступают на вторых ролях.

Дискурс молодых городов – это не только вербальные, но и визуальные конструкции, поэтому во всех разделах книги участвуют «картинки» с места событий: фотографии – архивные и сделанные нами во время go-along интервью, а также визуализация информантов: нарисованные ими ментальные карты и фотографии, любезно предоставленные для целей исследования.

Любое исследование, затрагивающее людей, потенциально содержит возможность нежелательных эффектов. То, что для ученого – предмет анализа, для изучаемых людей – сама их жизнь. Исследование рискует невольно профанировать то, что дорого, выставить в неожиданном свете то, что представлялось совсем по-другому. Мы очень старались на всех этапах работы следовать правилам профессиональной этики и с уважением относиться к чувствам и ценностям изучаемых людей. Это позволяет надеяться на то, что в случае, если аналитика все-таки произведет означенные эффекты, читатели отнесутся с пониманием к нашим рассуждениям.

Мы бесконечно благодарны всем, кто содействовал нам на разных этапах осуществления проекта: в теоретических консультациях, организации и проведении полевых работ, подготовке к изданию, коллегам и участникам исследования.

РАЗДЕЛ 1

Характеристика подхода: теоретико-методологические основания и дизайн исследования

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕСТ ПАМЯТИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ

1.1. Урбанистика и новые города

Ключевым противоречием развития городского пространства на рубеже XIX–XX вв. становится противоречие между спонтанностью и закономерностью. Исторические города, те, например, о которых писал Макс Вебер в своей классической работе «Город», появлялись спонтанно, они вырастали из крепостей и рынков, а потом прирастали за счет часто произвольного строительства домов, пригородов, объектов инфраструктуры. В таких городах запечатлены разные этапы истории, такие города можно «прочитывать».

В то же время далеко не всегда исторические города могут быть удобными для жизни. Отсутствие сквозной единой транспортной инфраструктуры, наличие ярко выраженной сегрегации и другие особенности не делают такие города приспособленными для массовой индустрии, они не годятся для заполнения населением примерно одного социального статуса, дохода, образования и пр. Такие города подходят для сословного общества, в них закреплена память множества поколений горожан, которые гордятся своей принадлежностью к такому городу. Принадлежность к городу на протяжении многих поколений рассматривается едва ли не как показатель особой социально-территориальной общности, обладающей своими уникальными традициями, образом жизни. Ну и в таком городе, как правило, существует множество городских легенд, развита городская мифология и существует множество потайных мест.

Исследованием таких городов занимались, например, представители чикагской школы. Они создали множество методов изучения городского

пространства. Более того, для того, чтобы подчеркнуть экспериментально-практический характер современного города и тот факт, что он является результатом целенаправленного, рационального конструирования среды, ландшафта, один из основателей данного направления, Р. Парк, назвал свою статью «Город как социальная лаборатория».

Город для представителей этой школы является средой обитания, созданной благодаря усилиям человеческого сообщества. Он содержит необходимые элементы для обеспечения разнообразных потребностей. В целом концепция чикагцев является примером экологического подхода к исследованию города. Он метафорически представлен как система координат, в которой выделяются места по функциональному признаку. Создание этих мест, их отладка являются едва ли не главной задачей, решение которой обеспечивает определенное качество жизни и безопасность.

Представители чикагской школы впервые в социологии начинают развивать картографические методы. Предметом их исследования при этом выступали места концентрации девиантных практик поведения. В этой связи представители данного направления критикуют за ценностный и несколько морализаторский характер концепции. В то же время ученые показали, что в городе существуют места, в которых переплетаются разнообразные практики – те, что заданы создателями, например для танцев на дискотеках, и те, что генерируются «не по плану» и часто носят криминальный/девиантный характер – например, некоторые аспекты деятельности ресторанов, ночных клубов и т. п. В целом представители чикагской школы подготовили идею о необходимости введения нормативов, стандартов развития городов, планирования и даже унификации их пространства, атомами которого должны были выступать жилища горожан.

Альтернативой подходу чикагцев стало *движение новых городов*, вдохновленное работами английского судебного репортера и социолога Эбенизера Говарда¹. Он считал, что существующие города не годятся для счастливой жизни людей, поскольку они серые и густонаселенные. Идеальный город должен быть создан «с нуля», в нем должны быть представлены все функции, необходимые для обеспечения жизни людей. Механизмом, обеспечивающим единство города, должны были выступать торговля, обмен необходимыми ресурсами. Рассуждая о том, как это возможно, Говард считает, что стоит обратить внимание на пригороды, в которых сочетаются

¹ Сам Говард, в свою очередь, находился под впечатлением от социалистических и феминистических идей новых городов Э. К. Остин из Санта Барбары в Калифорнии [Macdonis, Parrillo, 2010 : 401].

природные компоненты и элементы городской инфраструктуры. Развивая свою идею о городе-саде, английский ученый приходит к мысли о том, что необходимо создавать малые города, которые смогли бы сочетать в себе указанные элементы.

Концепция английского социолога оказала значительное влияние на дальнейшее развитие градостроительной политики. Непреложные, почти сами собой разумеющиеся правила отворачивания жилых домов от улиц, вынос мест торговли и возможной концентрации постороннего населения за пределы проживания горожан – все это характеристики современного города. Город должен представлять собой своеобразное содружество относительно автономных и замкнутых на себя кварталов, разделенных улицами. Город получает черты регулярности и почти математической выверенности, главное в нем – возможность одновременного существования природного и социального компонентов, так образуется «город-сад».

Другой версией подхода к новым городам стала концепция «лучезарного города» Ле Корбюзье. Город должен располагаться в парке и включать в себя небоскребы, муниципальные и административные здания, университетские кампусы и школы. В целом за счет высоты строений он должен быть похожим на лучи солнца.

К новым городам также принято относить послевоенное строительство пригородов Парижа, а также субурбании Амстердама, Стокгольма и Афин.

Новые или молодые города обладают рядом особенностей, делающих их привлекательными для исследования. Во-первых, это города, возникшие в ранее не обитаемом месте, «глухой тайге». Во-вторых, инициатива создания новых поселений была целиком государственной. В-третьих, молодые города – это типичные индустриальные моногорода, поселения, создаваемые при каком-либо промышленном объекте.

Какие же знаковые места составляют символическое пространство и задают опыт молодого города? Логично было бы ожидать, что одним из главных является градообразующее предприятие. Например, в Заречном это Белоярская атомная станция; особую гордость представляет собой новый блок, который вот-вот будет введен в эксплуатацию, а значит, город получит новую возможность для устойчивого развития. В то же время характерен и несколько печален опыт Краснотурьинска, в котором градообразующее предприятие испытывает существенные сложности, а у населения проявляются упаднические настроения, вплоть до констатации «умирания» города. Однако и в том и в другом случае мы обнаруживаем значение, придаваемое градообразующему предприятию в конструировании дальнейших перспектив развития города.

Особая темпоральность молодого города дает уникальную возможность наблюдать в режиме реального времени работу коллективной памяти, когда конструируемые здесь и сейчас места памяти не испытывают конкуренции со стороны многовекового исторического наследия. Сегодня в молодых городах актуализирован запрос на историю, характерный для функционирования культурной памяти в условиях коммодификации прошлого.

Конструирование социального пространства предполагает исследование восприятия горожанами собственного места проживания. Этот процесс и его результаты, с одной стороны, являются материалом для построения связей с ограниченным фрагментом территории, на котором находится некоторое число материальных объектов и совместно проживает некоторое число людей; с другой стороны, само восприятие определяет рамки, в пределах которых разворачивается деятельность различных территориальных акторов.

В восприятии обывателя физические/материальные объекты, элементы ландшафта приобретают определенный смысл, значимость и становятся, например, привлекательными или непривлекательными с позиций устройства собственной жизни. Человек под влиянием различных обстоятельств меняет свое отношение к этим пространственным объектам. Это очевидно на примере личного жилища, но в масштабах города может размываться посредством разнообразных воздействий.

Утрата российскими городами мобилизационного потенциала советского времени, усугубляемая прагматической ориентацией градообразующих предприятий, превращает молодые города в территории с противоречивой идентичностью. С одной стороны, они нуждаются в поиске «новых мест» (привязанностей) для дальнейшего развития, а с другой, в силу экономических причин, они должны опираться на уже сложившиеся индустриальные системы координат локального городского пространства. Напряжение сложившейся ситуации отражается в трех парадоксах.

Парадокс первый, темпоральный. Отсутствие длительного прошлого должно было бы освобождать от пут path dependency («эффекта колеи»), создавая предпосылки для разного рода творчества. Однако интенсивная историзация, накладываясь на самую жесткую модель моногорода (единственное абсолютно доминирующее градообразующее предприятие), результирует в ускоренном формировании path dependency.

Парадокс второй, субъектный. Смешение непохожих людей, молодость, высокая значимость и плотность межличностных связей² тоже

² О высокой значимости межличностных отношений в связи с доверием и гражданской активностью в российской глубинке 2000-х, в том числе в городах Екатеринбург и Ачите Свердловской области, см.: [White, 2004, 2006].

могут служить питательной почвой для расцвета креативности. Однако и в этой плоскости разнообразию противостоит унифицирующее воздействие постсоветского малого индустриального моногорода [Vandyshev, Veselkova, Pryamikova, 2013].

Парадокс третий, повседневный первоначально бросился в глаза, когда молодые информанты, увлеченно рассказывавшие о своих разнообразных занятиях (участие в музыкальном ансамбле и подготовка статьи о нем в городскую газету, различные проекты молодежного клуба «Бригантина» в Качканаре – от помощи детским домам до опросов населения, возможности развитой сети спортивных учреждений и т. п.), поведали, что молодежи в городе заняться нечем. Все встает на свои места, как только мы признаем, что культурные (в узком смысле «культуры») практики принципиально вторичны по отношению к «основной» занятости, в структуре которой абсолютно доминирует ГОК. Как и в советское время, культура существует главным образом на правах самодеятельности.

Указанные парадоксы задают рамки для понимания конфигурации социального пространства молодого города, его концептуальных отличий от города исторического. Однако и для молодых, и для исторических городов остается справедливым утверждение французского исследователя Анри Лефевра о существовании трех измерений социального пространства города:

1. Физическое пространство, представленное в виде так называемых «пространственных или пространственно организованных практик». К таковым мы относим, например, привычные, рутинизированные, не-рефлектированные элементы территории (окружения). Это те места, та заключенная в определенные границы протяженность, например традиционные границы города, которые выполняют функции воспроизводства социального порядка. Это пространство представлено в виде предметов, которые могут окружать жителя города в повседневной жизни. Их можно не замечать, не обращать внимания. Так, приезжие зачастую указывают на то, на что резиденты не обращали внимания и даже не предполагали о существовании того или иного объекта/места на территории города.

2. Рефлексивное пространство (или «понятное», согласно А. Филиппову) [Филиппов, 2008]. Это измерение непосредственно связано с тем, как актер понимает, наделяет смыслом различные места в пространстве. Например, каким образом производится «привязанность к месту», разумное объяснение привязанности актора к занимаемой территории. Практики эксплуатации такого измерения пространства обнаруживают себя в рамках

школьных программ, уроков любви к родине и пр. Некоторое время назад младшие школьники изучали стихотворение З. Александровой «Родина»:

Если скажут слово «родина»,
Сразу в памяти встает
Старый дом, в саду смородина,
Толстый тополь у ворот.
У реки березка-скромница
И ромашковый бугор...
А другим, наверно, вспомнится
Свой родной московский двор.
В лужах первые кораблики,
Где недавно был каток,
И большой соседней фабрики
Громкий радостный гудок.
Или степь, от маков красная,
Золотая целина...
Родина бывает разная,
Но у всех она одна!

В этом стихотворении очень четко фиксируются объекты привязанности, маркирующие местность и наделяющие ее особыми свойствами. Рефлексивный уровень пространства, как правило, визуально выражен (как в стихотворении – тополь, смородина и пр.). Соответственно это измерение наполняется разнообразными символами, знаками. В ходе анализа восприятия пространства, который был произведен в рамках исследовательского проекта (РФФИ-Урал, № 10-06-96021 «Динамика практик и стратегий жизнеобеспечения населения моногородов»), было обнаружено, что город – это трубы, церкви, памятник Ленину, завод, лавочка в парке и т. д. В этой связи несомненный интерес представляет анализ территориальной идентичности, территориальной привязанности. Малые города в настоящее время переживают процессы миграции (в Уральском регионе это устойчивая тенденция), в связи с этим вопрос об объектах привязанности становится не просто теоретически важным, но обретает практическую актуальность.

3. Наконец, третье измерение пространства – «проживаемое пространство». Это сложная система пространственных и территориальных кодов, с помощью которых производятся и конструируются территориальные и прежде всего городские привязанности. Это не просто уровень восприятия или разумного объяснения (восприятия), но уровень практического (включенного) использования (потребления) пространства. Данное измерение пространства позволяет репрезентировать, «делать отметки», производить

процедуры, обозначенные М. де Серто [Серто, 2013] «синтаксисом» пространства. Следуя в целом логике французского исследователя, мы считаем, что существенной проблемой является переплетение разных порядков в рамках территориально целостного пространства города. Акторы, организующие городское пространство, в конечном итоге воспроизводят пространство благодаря своим рутинным, повторяющимся действиям, которые рождают впечатление чего-то устойчивого, стабильного, недвижимого, «запечатленного на определенном месте». Но производится оно в борьбе за легитимацию своих порядков. В любом городе мы сталкиваемся как минимум с двумя порядками. Во-первых, это порядок, навязанный урбанистической политикой, обычно он создается и поддерживается правящими инстанциями (муниципалитетами, представительствами региональной и федеральной власти), представителями крупного бизнеса (градообразующие предприятия). Во-вторых, социальные порядки, создаваемые разнообразными социальными акторами, действующими на территории города. Соответственно в городе мы сталкиваемся с двумя родами мест: 1) места, репрезентирующие официальный дискурс, и 2) места, репрезентирующие неофициальный дискурс.

В рамках пространства города социальные акторы изображают свое собственное видение города, они конкурируют между собой, т. е. пространство города становится местом борьбы социальных акторов. В своей работе «Практика повседневной жизни» Серто указывает на то, что этими акторами город воспринимается как карта, которая иногда описывается скорее как черная дыра, требующая резких движений и значительной активации усилий. Такая позиция восходит к функционалистской трактовке городского пространства, заданной в работах Р. Парка и Э. Бёрджесса: город – это совокупность функционально связанных между собой зон.

В конечном итоге, обращаясь к емким формулам А. Лефевра [Лефевр, 2002], мы исходим из того, что «социальное пространство есть социальный продукт», а его двойственность определяется тем, что, с одной стороны, оно воспринимается как таковое, т. е. отождествляется с окружающим социальным порядком. Показательны история деления городского пространства на функциональные зоны и попытки выработки абстрактных моделей города. Так, в одной из работ Р. Парка город напрямую определяется как лаборатория [Парк, 2002], а в одной из работ Э. Бёрджесса [Бёрджесс, 2000] город (любой, по образцу Чикаго) делится на четыре функциональные зоны, и эти деления до сих пор используются в градостроительной политике. Отличием малых городов является, пожалуй, то, что здесь действует эффект масштаба: количество зданий, а соответственно мест

на территории, обслуживающих власть, бизнес и пр., существенно меньше, а потому и вопроса о структурировании на практике почти не возникает: город строится обычно вокруг проспекта или рядом с рекой.

Такое понимание находит яркое выражение и в современных практиках управления городом. Например, программы развития моногородов почти во всем мире практически не имели успеха («ржавый пояс» в США; отдельные случаи, такие как Манчестер в Великобритании, не в счет – масштаб не тот, и он один, а таких городов только в Свердловской области более десяти). Изменение функций города или модификации уже имеющих также редко оказываются успешными. Мы можем поделиться наблюдением из исследовательской практики: большинство малых промышленных уральских городов стремятся (обычно на словах) превратиться в туристические центры, приглашать иностранцев бродить по лесам, кататься на лыжах и т. д.

Социальное пространство возникает в процессе его освоения. В городе обычно у каждого есть любимые, значимые места: у кого-то это городской пляж, а у кого-то – кафе или парк аттракционов. Не все места в городе являются одинаково притягательными, не ко всем местам привязываются горожане.

В пространство малого города включены объекты, оказывающие влияние на поведение горожан, например, памятники, лавочки, дороги, промзоны и т. д. (см. [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2011]). Материальные объекты, такие как дома, дороги, элементы ландшафта, не только запечатлены в памяти горожан, но и являются категориями физического мира, они обладают собственной геометрией. На уровне обыденного сознания пространство становится «социальным», когда на него автоматически переносят характеристики, качества самого общества. Вместе с тем, если согласиться с аргументами представителей акторно-сетевой теории (Б. Латур и др.), оказывается, что материальные объекты могут и должны рассматриваться в качестве особых элементов социального мира. Так, например, на подъезде к Нижнему Тагилу возникает специфический индустриальный пейзаж, говорящий о том, что город жив (если из труб валит разноцветный дым) или испытывает проблемы (если трубы не дымят). Материальные объекты не просто свидетельствуют о состоянии организаций, предприятий, но и активно участвуют в их создании (производстве).

Понятие «место памяти» было введено в интеллектуальный оборот французским историком Пьером Нора. Под ним он понимал *«...любой объект материального или нематериального характера, который с течением времени благодаря усилиям множества людей приобретает*

символический характер и становится элементом памяти...» [Нора, 1996]. Такие места содержатся в социальном пространстве города и задают его уникальность. Кроме того, они позволяют проследить связь между социальными акторами (горожанами) и социальным пространством.

В своем исследовании мы фокусируемся главным образом на территориальных локализациях памяти – Уральский регион и его молодые города, их отдельные места: заводы, парки, монументы и т. п. При этом мы отдаем себе отчет, что понятие мест памяти в проекте П. Нора значительно шире, чем места-территории, – это любые узлы смыслов, которые могут включать фигуру национального героя вроде Жанны д'Арк, культурный феномен (новый революционный календарь) или событие (революция) и т. п. Места как территории – только один из типов мест памяти, и об этом не следует забывать, дабы избежать искажения концепции, что, к сожалению, встречается, и, видимо, редукционистская тенденция будет нарастать по мере дальнейшей рецепции идей П. Нора и его коллег. Вероятно, соблазну свести места памяти только к территориальным местам способствует и давно известная продуктивность материализации для работы памяти, в том числе с помощью «привязки» к окружающему пространству [Йейтс, 1997]. Так или иначе, мы считаем продуктивной первоначальную множественность типов мест памяти (не говоря уже об уважении к приоритету авторской трактовки).

В социальном пространстве города обнаруживается множество мест. Свой оригинальный подход к их изучению предложил американский социолог Рэй Ольденбург [Ольденбург, 2014]. Порядок мест, представленный Ольденбургом, включает в себя, во-первых, места проживания; во-вторых, места работы; в-третьих, общественные места для неформальных встреч. В этой концепции места определяются по функциональному принципу. Третьи места служат «объединению района» [Там же : 20]. Места памяти в их классической трактовке соотносятся с третьими местами. Так же, как и они, места памяти объединяют людей в сообщество жителей молодого города или, например, квартала мегаполиса. В городах встречаются места, которые известны и значимы. Так, кафе «Гном» в г. Лесном показали почти все информанты, у всех существуют воспоминания о посещении этого заведения, праздновании там дней рождения и, возможно, знакомствах с новыми людьми. Перефразируя Р. Ольденбурга, мы утверждаем, что ничто так не способствует чувству принадлежности к сообществу, как принадлежность к месту памяти.

Другим важным исследованием мест в социологии стала концепция мобильности Дж. Урри [Урри, 2012а, б]. Он рассматривает места как пункты

аттракции, к которым притягиваются или от которых отталкиваются жители города. Места в пространстве представляют собой узлы, связывающие это пространство и выстраивающие траектории повседневной и «выходной/праздничной» мобильности. Они конкурируют между собой в том, что касается привлечения посетителей, более того, эти места могут олицетворять собой национальную идентичность и национальную гордость. По мнению Урри, в мире существуют места, которые способны выдерживать глобальную конкуренцию, это те места, где мечтают побывать почти все. Английский социолог рассуждает о значительных масштабах; местами для него выступают города, регионы, в которых, например, есть курортные зоны. В любом случае, он делает важное замечание: места должны порождать аффекты у тех, кто с ними связан. Это особое отношение между горожанином и пространством, в которое он заключен. Урри указывает на то, что такие места, как театры, национальные галереи и пр., тесно связаны с конструированием национальной идентичности и обретением статуса полноценной нации. Мы же утверждаем, что места в городе тесно связаны с конструированием сообщества горожан.

Места, по мнению Урри, могут быть классифицированы на те, что притягивают, и те, что отторгают. Для нашего исследования такой подход к пониманию работы места также актуален. Есть места, с которыми связаны самые теплые воспоминания, – вертолетная площадка в Качканаре, парк аттракционов в Лесном или бульвар Алешенкова в Заречном. В то же время есть места, которые не показывают и о которых не рассказывают. Наконец, места динамичны: они способны наращивать притягательность и терять ее. Так, например, многие элементы с советской символикой превращаются в отсутствующие места, хотя еще совсем недавно они почитались как сакральные.

Кроме эмоциональных состояний места должны обладать некой рефлексивностью, т. е. пониманием необходимости соблюдать некоторый набор правил, ритуалов акторов по отношению к месту. Например, памятники воинам требуют почтения, в то же время списанная военная техника предполагает ее почти полное освоение, применение в играх и развлечениях. Таким образом, места способны порождать определенные (мемориальные) практики.

Наконец, по мнению Дж. Урри, места тесно связаны с «представлениями», содержащими в себе определенную смысловую и образную нагрузку. Эти представления выступают своеобразными посредниками между элементами социального пространства и социальными акторами (в данном случае горожанами).

В своей работе «Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века» Дж. Урри указывает на то, что места в пространстве обладают способностью связывания географических и социальных элементов: «...место может рассматриваться в качестве особой связки между, с одной стороны, географической близостью, характеризующейся довольно насыщенными взаимодействиями, основанными на соприсутствии, а с другой стороны – стремительно распространяющимися сетями, покрывающими большие физические расстояния. Такие географические соседства и обширные сети, соединяясь, обеспечивают функционирование определенных мест и возможность действовать внутри них» [Урри, 2012б : 202].

В рамках нашего исследования под местом памяти мы будем понимать квинтэссенцию символического капитала территории, артикулирующую ее идентичность в представлениях обитателей (резидентов) и транслирующуюся вовне [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013].

1.1.1. Новые города: международная ретроспектива

Индустриализация и урбанизация – процессы, охватывающие, хотя и в неодинаковой степени, разные части мира на протяжении последних столетий. Двадцатый век пожинал плоды промышленной революции, а среди эффектов урбанизации оказался не только повсеместный рост существующих городов, но и массовое образование новых.

Целенаправленно возводимые промышленные монопоселения имеют давнюю историю. С конца XVIII и до середины XX в. их отличали две черты: а) частная инициатива и капитал; б) воплощенное социально-утопическое визионерство. Совместное действие этих составляющих обусловило сочетание, казалось бы, несочетаемого: крайнее подчинение жителей производству и системная организация гармоничной среды.

Приведем наиболее известные примеры.

В 1784–1786 гг. в Шотландии, в 40 км от г. Глазго, Дэвид Дейл основал Нью-Ланарк, дабы предоставить дешевое жилье рабочим текстильной фабрики. Женившийся на дочери Дейла, Роберт Оуэн не только купил заводы и построил хорошее жилье и школы, но и организовал Институт формирования характера (1816). Модельное общество Оуэна в Нью-Ланарке ставило целью создание принципиально новой социальной среды.

В 1849–1853 гг. в округе Брэдфорд (Великобритания) сэр Титус Солт организовал текстильное поселение Солтейр, также сочетавшее подчиненность производству с развитым социальным обеспечением и грамотной планировкой.

Череду модельных индустриальных монопоселений XIX в. продолжает Порт Санлайт под Ливерпулем, задуманный (и построенный) Уильямом Левером в 1888 г. как красивое, чистое и здоровое поселение для работников его мыловаренного завода [Rees, 2012].

Наиболее известный подобный опыт на американской земле – г. Пульман с вагоностроительным заводом, построенный Джорджем Пульманом в 1880 г. в 23 км от Чикаго. Как и другие, наряду с извлечением прибыли, предприниматель стремился создать идеальный во всех отношениях город со здоровой средой и гармоничной социальной жизнью.

Пульман довольно быстро вошел в состав Чикаго, другие местечки тоже не стали самостоятельными городами [Minney, 2012]. Постепенно социальный эксперимент сошел на нет, старые индустрии завершили свой цикл развития, и сегодня эти поселения являются памятниками самим себе, так, Солтейр включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

На рубеже XIX–XX вв. концепцию идеального жизнеустройства в гармонии с природой, без социальных конфликтов капитализма и ужасов перенаселенных мегаполисов, предложил Эбенизер Говард в двух изданиях о городе-саде (1898, 1903)³. В соответствии с его идеями в первые десятилетия XX в. неподалеку от Лондона были построены Лечворт, Велвин и Хемпстед [Бунин, Саваренская, 1979; Гутнов, Глазычев, 1990]. Эти города до сих пор существуют. Они небольшие по размерам и, конечно, со времен Э. Говарда претерпели некоторые изменения, однако остались городами-садами, в которых воплощены идеи комфортной и удобной жизни. Так, например, в Лечворте развиты разнообразные виды спорта, жилищное малоэтажное строительство, много зелени. Этот город до сих пор является примером нового городского дизайна, в котором места максимально продуманы и как будто бы удобны для жителей. Население этого города едва ли превышает 33 тыс. жителей. Строго говоря, г. Велвин не является новым городом, он был образован недалеко от небольшой старой деревушки. Для того чтобы различать эти поселения, используются названия Старый Велвин и Велвин город-сад. Население города совсем небольшое – чуть больше 3000 человек.

Европа и США возвращаются к идеям Говарда после Второй мировой войны. Нацеленное на равномерное расселение, движение новых городов переживает всплеск, особенно в 50–60-е гг. XX в. При всех различиях между национальными практиками на данном этапе везде была велика роль

³ Говард опирался на целый ряд близких идей и концепций [Бунин, Саваренская, 1979; Macionis, Parrillo, 2010 : 401].

государства [Madge, 1962 : 209; Wilson, 1986 : 27; Ward, 1990; Macionis, Parrillo, 2010], с ним связывают не только инициативу, но и собственно плановый характер возведения города. В работах самого Говарда с течением времени исследователи его творчества стали акцентировать не столько попытки решения социальных проблем, сколько соответствующее индустриальной эпохе планирование (см., напр.: [Buder, 1969 : 390]).

На этой волне большой интерес представляет советский опыт планового строительства городов [Fisher, 1962; Osborn, Reiner, 1962; Johnston, 1977; Merlin, 1980; Underhill, 1976, 1987, 1990], хотя, например, Стефан Уард в последних публикациях уже более осторожно оценивает англо-советское взаимодействие в данной сфере [Ward, 2012] (ср.: [Ward, 1990, 1999]).

По мере разочарования в «левой идее» и накопления собственных проблем в осуществлении плановых проектов (негибкость заранее разработанных планов, сложности централизованного руководства в условиях либеральной демократии) эти идеи уходят на задний план. Как отмечают Мационис и Парилло, в США холодная война привела к тому, что многим стало казаться, будто спонсируемые государством города Зеленого пояса (The Greenbelt Towns) отдают «коммунизмом» [Macionis, Parrillo, 2010 : 404]. Среди противников усиления роли государства получает распространение точка зрения, согласно которой ставшая притчей во языцех монотонность застройки вытекает из самой сути планирования [Ibid., 401]. С конца нулевых разочарование в новых городах питается неолиберальными настроениями, которые обостряют каждый кризис. Тем не менее в рамках движения новых городов в Великобритании таковых было построено более 30, в США – более 100. По оценке Энтони Александера, британские новые города с конца 40-х и до конца 70-х привлекали наиболее талантливых и креативных профессионалов своего времени, а также вдохновляли подобное урбанистическое развитие по всему миру [Alexander, 2009 : 4].

1.1.2. Новые города: отечественный опыт

Работы Говарда были хорошо известны в дореволюционной России, в начальный советский период они вдохновляли конкретные градостроительные проекты, прежде всего «Зеленый город» М. Барща и М. Гинзбурга (см., напр., [Хан-Магомедов, 2001]). Идеи города-сада повлияли на дискуссии урбанистов и дезурбанистов о том, каким должен быть социалистический город. С начала XX в. важными идейными источниками являются также функционализм и конструктивизм, связанные с деятельностью Ле Корбюзье [Ле Корбюзье, 1976] и со школой Баухаус. Ле Корбюзье тесно взаи-

модействовал с советскими архитекторами, в 1928–1930 гг. бывал в Москве, где по его проекту построено здание Центросоюза (Наркомлегпрома); школы Баухаус и Вхутемас развивались во взаимном влиянии. Разработка концепции социалистического города Николаем Милютиным (1930, см.: [Архитектор..., 2013]) оказалась весьма продуктивной, его ленточная система застройки применялась в первых советских городах-новостройках, именно она, как считает Хмельницкий [Хмельницкий, 2008], принесла автору всемирную славу. Специалисты отмечают влияние советского опыта на Афинскую хартию, составленную Ле Корбюзье для конгресса CIAM 1933 г. В целом первые российские десятилетия XX в. бурлили революционными градостроительными идеями, до начала 30-х гг. советская и европейская мысль развивалась в одном направлении, обогащая друг друга⁴.

Создание молодых советских городов вписывается в общую волну направленного, спланированного градостроения. Так же как за рубежом, эти города возникали благодаря усилиям государственной власти, но, в отличие от зарубежного опыта, молодые советские города создавались преимущественно в целях обеспечения индустриального развития территории. По состоянию на 2015 г. в Российской Федерации насчитывалось 159 молодых городов, больше всего их в Сибирском и Северо-Западном федеральных округах (по 32), а меньше всего – в Крымском федеральном округе (2) (табл. 1.1). Общая численность населения, проживающего в таких городах, – 8 909 318 человек (табл. 1.2).

Официальной точкой отсчета эпопеи новых городов в Советском Союзе следует считать первый пятилетний план и последующие постановления. Так, Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 15 июня 1931 г. говорит о постройке новых «сотен городов». С этого момента счет пошел на сотни. Сам порядок цифр должен был производить впечатляющий эффект:

За годы пятилетки у нас возникло около 100 новых городов – цифра сама по себе ошеломляющая, если учесть, что ни в одной стране, даже в Америке, на всех этапах ее промышленного развития, не было такого сказочного и молниеносного «изменения географии» (*Вельмин В.* СССР – страна передовой культуры // Смена. 1935. № 2 (254). С. 16).

⁴ Ярким примером тесного сотрудничества, а затем резкого разрыва советских и зарубежных архитекторов является начальный этап строительства Магнитогорска (см., напр.: [Меерович, 2011; Конишева, 2012]).

Т а б л и ц а 1.1

Число молодых городов в Российской Федерации

Федеральный округ	Число городов
Уральский	28
Дальневосточный	15
Крымский	2
Приволжский	6
Северо-Западный	32
Сибирский	32
Северо-Кавказский	7
Центральный	28
Южный	9
<i>Всего</i>	<i>159</i>

Т а б л и ц а 1.2

**Численность населения,
проживающего в молодых городах, чел.**

Федеральный округ	Численность, чел.
Уральский	1 729 960
Дальневосточный	720 275
Крымский	40 729
Приволжский	838 593
Северо-Западный	996 317
Сибирский	1 924 892
Северо-Кавказский	254 614
Центральный	1 666 865
Южный	737 073
<i>Всего</i>	<i>8 909 318</i>

Впоследствии темпы прироста числа городов снизились, а в постперестроечный период стали и вовсе невыразительными [Карачурина, 2013 : 24], однако новые города продолжают появляться и по сей день. Они возникают в результате преобразования из поселков или выделения из состава другого города. Особый интерес в контексте нашей темы представляют такие заново созданные поселения, как Иннополис (2012) в Татарстане. Созданный как город высоких технологий со своим университетом, Иннополис, так же как и эко-город Масдар (2006) в Арабских Эмиратах, принадлежит к совершенно иной генерации новых городов постиндустриальной эпохи. Вместе с тем факт целенаправленного создания «с нуля» делает и эти поселения потенциально сравнимыми с новыми городами индустриального общества, но это уже предмет отдельного исследования.

Новые/молодые города: понятие и история. Это города, о которых принято говорить, что они строились «с нуля». Это первая содержательная характеристика. Вторая задается участием молодежи, особенно если возведение предприятия и города объявлялись ударной комсомольской стройкой. Для таких поселений справедливо определение, сформулированное Л. Н. Коганом для Качканара: не только молодой, но и *молодежный* город [Коган, 1972]. Это романтический центр силы в провинции, разрушающий привычную и пагубную дихотомию: сильная, динамичная столица – и отсталая, застойная периферия. Как правило, именно для таких городов культивируется коммеморация первостроителей. В воспоминаниях молодость города связывается с молодостью строивших его людей.

В настоящем исследовании *новым / молодым городом* мы будем считать поселение: а) имеющее официальный статус города; б) возникшее в советский период, т. е. после 1917 г.; в) появившееся «на пустом месте», где до этого не было каких-либо поселений.

Молодые города в молодой Советской стране. Рост городов, увеличение городского населения и распространение городского образа жизни в XX в. связаны с развитием индустриального общества. Для Советского Союза провозглашенный в 1929 г. курс на ускоренную индустриализацию считался вопросом выживания во враждебном окружении. Наряду с коллективизацией и культурной революцией индустриализация была частью «триединой задачи по коренному переустройству общества» (первая пятилетка 1928–1932). Хотя план ГОЭЛРО предполагал развитие территорий, главенствовало наращивание производства. «Реконструкция» старых городов, а затем и строительство новых на первых порах выступают побоч-

ным эффектом масштабной индустриализации. В нашей работе акцент сделан не на значимости индустриализации, а на символике городского строительства. Именно подобная символика часто становится основой, началом демонстрации города (палатки первостроителей в Качканаре).

Специфика уральской ситуации. С одной стороны, на Урале в начале XX в. была сильна традиция города-завода, имелся свой пласт индустрии. С другой стороны, вся эта промышленность была устаревшей, занятое в ней население обладало самосознанием полурабочих-полукрестьян. Лицо Урала, словами бытописателей, определяли суровый климат, отсталость и нищета. В этих условиях крайне важно было поступление общегосударственных ресурсов, что и обеспечило инициированное командой первого секретаря обкома партии И. Д. Кабакова решение о строительстве на Урало-Кузбассе второй угольно-металлургической базы (первая была в Донбассе). Начали строиться Кузнецк и легендарная Магнитка. Приток людей, инвестиций был обеспечен, бурлила культурная и общественная жизнь. Обратная сторона этого процесса заключалась в том, что «Урал рассматривался в верхах как экспериментальная площадка модернизации, “опорный край”, который выдержит все нагрузки. Нешадно эксплуатировались людские ресурсы, губилась природа, выкачивались природные богатства... Грубейшие диспропорции в экономике Уральского региона закладывались именно в ходе “сталинской индустриальной революции”» [Постников, 2007 : 193].

Поскольку все успехи индустриализации достигались за счет снижения уровня жизни, в «быту стали возникать негативные явления, вызванные отсутствием нормальных жилищных условий, нехваткой продуктов широкого потребления и т. п.» [Демакова, 2007 : 132]. Следует уточнить, что подобные явления имели место и ранее, но относились на счет пороков старого режима. Многократно усиленные «жизнью в катастрофе» (в терминах И. Нарского [Нарский, 2001]) периода Гражданской войны и военного коммунизма, а позднее форсированные индустриализацией и урбанизацией, «негативные явления» объяснялись, насколько можно, пережитками прошлого и теперь уже – недостатками в текущей работе, причем не только «отставанием», скажем, жилищного строительства, но и политмассовой работы. Характеризуя 30-е гг., Демакова далее пишет: «Массовыми явлениями стали нарушения трудовой дисциплины, воровство, брак на производстве, бытовое пьянство, увеличивалось количество разводов и аборт, что повлекло за собой снижение уровня рождаемости в Свердловской области» [Демакова, 2007 : 132].

Городское пространство, как справедливо указывает Е. Конышева [Конышева, 2013 : 133], призвано было зримо являть «мечту прекрасную» о светлом будущем. Продолжая ее логику, отметим, что не только столицы и крупные промышленные центры должны были являть этот образ, но тем более и новые, молодые города.

Строительство новых городов: периодизация. Исходя из анализа общей динамики образования новых советских городов и с учетом специфики городов-участников нашего исследования мы разработали четырехэтапную периодизацию. На наш взгляд, она более точно и адекватно (для отечественного опыта в целом и целей нашего исследования в частности) выражает описываемую ситуацию, чем другие подобные схемы⁵.

Наша периодизация построена на основе анализа социально-политического дискурса новых/молодых городов и выражает, таким образом, вкладываемый в них смысл на уровне широко разделяемого общественного сознания, а также работающих при этом внутренних пружинах и механизмах. В предлагаемой типологии все четыре волны подчиняются мобилизационной логике, везде велик пафос строительства нового, но есть структурные и идеологические различия.

Первая волна охватывает конец 20-х – начало 30-х, когда получили статус города легендарные Магнитогорск (1931) и Комсомольск-на-Амуре (1932). В этот период наряду с реконструкцией старых городов создавались новые – в чистом поле, при новых заводах, а также на базе сел, как говорит об этом Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 15 июня 1931 г.:

В районах Донбасса, Урала, Кузбасса, Подмосковного бассейна и т. д., не говоря уже о недавно возникших новых промышленных центрах (Магнитогорск, Кузнецк и т. д.), вопрос стоит о перестройке поселков полугородского и полудеревенского типа в города, в которых городское хозяйство приходится создавать заново. Наряду с этим организация МТС и крупных колхозов и совхозов, ликвидация округов и превращение ряда сел в районные центры приводят к постройке новых сотен городов в бывших селах.

⁵ Так, Барбара Энгель выделяет три фазы городского планирования, маркерами которых служат фигуры правителей: первая фаза, 1945–1954, – послевоенный период при Сталине; вторая, 1954–1964, – хрущевский период и третья, 1964–1982, – брежневский [Engel, 2006 : 185–187]; типология решает задачу соотнесения советского и западного опыта градостроения.

Это же постановление завершается уже упоминавшейся выше фразой, превращенной затем в лозунг: «Построить десятки и сотни новых, социалистических городов!».

1932 год – завершающий год первой пятилетки; официальный курс уже констатировал как данность сотню новых городов в качестве доказательства своей победы. 11 июня 1932 г. передовица газеты «Правда» была озаглавлена так: «Выше темпы строительства социалистических городов». В статье была нарисована впечатляющая картина: вся карта СССР равномерно покрывается вехами новых городов: «Шумные и быстрые, полные движения и сил, рожденные в вихре социалистической стройки, новые города – своеобразные вехи, с исключительной отчетливостью показывающие бурный рост производительных сил нашей страны».

Городское развитие не просто сопровождало приоритетное строительство заводов, эти стройки поглощали переживающее массовое «раскрестьянивание» [Красильников, 2011] сельское население. Здесь трудились заключенные (в том числе продукт репрессивного раскрестьянивания), добровольно ушедшие из деревни (нерепрессивное раскрестьянивание), а также бежавшие от голода начала 30-х гг. (промежуточный вариант вынужденного раскрестьянивания). По-видимому, именно этот, последний фактор привел к столь критически быстрым темпам роста городского населения, которые превзошли самые смелые расчеты и опрокинули стройные планы системного развития новых поселений, как это было в Магнитогорске, «переезжавшем» то на один берег, то на другой [Меерович, 2011; Конышева, 2012].

Напряжение всех сил – на грани жизни и смерти. Идеологически – пафос ударного строительства новой жизни, воплощавшей невиданный ранее феномен социалистического города с его архитектурными новшествами, новым бытом; упорядочение и стабилизация стихийной мобильности с помощью введения паспортной системы в 1932 г.

В Свердловской области представителем первой волны является Красноуральск, который начал строиться в 1925-м и получил статус города в 1932-м.

Вторая волна – 40-е гг. Сходство с первой волной заключается в значительной доле принудительного труда, массовых миграциях населения разной степени вынужденности, смертельном напряжении и голоде 1946–1947 гг. Важнейший мобилизационный ресурс – энтузиазм послевоенного, победного строительства. Послевоенный голод меньших масштабов, чем в 30-е. Как и на первом этапе, повышенная мобильность, только отчасти управляемая: во время войны – эвакуация, трудовая мобилизация, трудовая армия,

беженцы в восточные районы страны; после войны – обратное движение. Стабилизация с помощью специальных постановлений первой половины 1940-х, после войны – попытки экономического закрепления⁶. Целенаправленные вербовки рабочей силы, выжимание последних ресурсов из ГУЛАГа; все больше делается ставка на повышение привлекательности новых городов как элемент современного маркетинга территорий (престиж, «прокачка» в СМИ, подтягивание жилищно-бытовых условий).

Города – представители этой волны в Свердловской области, в нашем исследовании – Краснотурьинск (статус города – 1944 г.), Лесной (начало строительства – 1947 г., статус города – 1954 г.), их начальный период отмечен страданиями и широким использованием принудительного труда.

Дискурсивно первая и вторая волны основываются на эксплуатации качественной новизны. Города *новые*, смысл качественного отличия в том, что они социалистические.

Третья волна разворачивается в 50-е, празднует свободный, непринудительный труд, энтузиазм «оттепели». В Свердловской области и в нашем исследовании к ней относятся Заречный (1955 г., статус города – 1992 г.), Качканар (1957 г., статус города – 1968 г.). Элементы полускрытого принуждения – для поступления в вуз после школы требовалось заработать трудовой стаж – тонут в радости от новых достижений, от покорения целины, космоса, ощущений открытости и единения с прогрессивными силами всего мира (движение за мир, фестиваль молодежи и студенчества в Москве 1957 г.). Именно в этот период впервые в качестве самостоятельного мотива системно выделяется молодёжность.

Опять происходит массовая мобилизация в формате ударных строек, так как в местах строительства явно недостаточно «свободных» трудовых ресурсов. Вовлекается много «некачественной» рабочей силы – не имеющие нужной квалификации, совсем молодые, неблагонадежные. Ориентированные на высокие заработки опытные строители быстро уезжают из-за неэффективности работ в первые годы строительства. По завершении очередных этапов строительства перед приобретшими квалификацию рабочими возникают два пути – отправиться на новые стройки или остаться, сменив профессию. Местные первостроители поэтому – те, кто изменили пафосу движения с места на место для строительства каждый раз новых объектов, но сохранили верность данному предприятию и городу.

⁶ См.: Постановление Совета министров от 25.08.1946 г. № 1897 «О повышении заработной платы и строительстве жилищ для рабочих и инженерно-технических работников предприятий и строек, расположенных на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке».

Закрепление населения осуществляется через развитие социально-культурной инфраструктуры, ориентированной на молодежность, потребности молодых и динамичных людей, как было показано в исследовании 1969–1970, 1978–1979 гг. в г. Качканаре под рук. Л. Н. Когана [Культура..., 1972; Коган, 1982]. На закрепление же работают романтизация и историзация свершений с колес, на марше, в дальнейшем – коммеморации первостроителей.

Четвертая волна, 60–70-е, – постоттепельный период, инерция «оттепели». Достигнут определенный уровень благосостояния, нет голода, нет войны. Поиск трудностей для поколенческого самоутверждения молодых, романтизация нематериальных ценностей, например, в песне «За туманом» Ю. Кукина 1964 г. То, что сегодня назвали бы дауншифтингом, тогда поддерживалось престижем образа жизни геологов и туристов. Специфика этой волны в том, что строятся преимущественно сибирские города (Байкальск, Усть-Илимск и др.) [Рожанский, 2014].

Третья и четвертая волны характеризуются явной эксплуатацией молодежи, поэтому и города в публичном дискурсе обозначаются как *молодые и юные*.

Во всех четырех волнах основание городов предстает как внутренняя колонизация [Эткинд, 2013]. Сшивание и удержание территории очень зримо было в случае с Комсомольском-на-Амуре, когда энтузиазм не мог полностью реализоваться из-за отсутствия ясных планов промышленного строительства. Важнее было наращивать геополитическое присутствие, город строился как квазиеврейный форпост на Дальнем Востоке. Выпукла, значима колонизация и на последнем этапе, в случае сибирских городов, как хорошо показал в своих трудах М. Рожанский [Рожанский, 2013, 2014, 2015].

Противоречия мобильности и иммобильности. В нашем исследовании – города второй и третьей волн. Эпопея молодых городов в целом и два этих срединных этапа в особенности служат примером и основой противоречия мобильности и иммобильности населения. Целенаправленное строительство города с необходимостью порождает центростремительное движение населения, притягивая людей к этим точкам роста. По мере столкновения с трудностями и/или завершения определенных этапов работ естественным образом возникает обратное, центробежное движение работников.

Строители – мобильная профессия. На первых советских новостройках трудилось огромное количество сезонных рабочих, которых зачастую не удавалось удержать на месте даже на один сезон, не говоря уже о форми-

ровании из них постоянного коллектива. Меерович, Хмельницкий, Конышева [Меерович, Конышева, Хмельницкий, 2011] показывают, как в советских городах формировалось постоянное население административным путем, посредством закрепления за предприятием через систему распределения жилья, введения паспортизации и прописки. Однако это был не единственный способ закрепления населения на территории молодых городов.

Нам представляется важным показать, что в этот период запускаются механизмы «мягкого принуждения», например, культивирование локальной идентичности. Достигалось это средствами героико-романтического дискурса. Многочисленные публикации о новых/молодых городах несли не только общий мессидж об успехах социалистического строительства вовне, но были адресованы и жителям этих поселений, формируя и укрепляя их привязанность к месту. Из-за этих и других усилий на сегодняшний день российское население отличается низкой подвижностью. В наших интервью и других материалах исследования заметно влияние идентификации. Постоянно живущие в своем городе люди, как правило, показывают его с любовью и гордостью, а о проблемах говорят с искренней болью; их речь усыпана притяжательными местоимениями (у нас в городе, наш завод и т. п.). Приехавшие некоторое время назад или, наоборот, уехавшие или склонные уехать люди в большей степени демонстрируют отстраненность, более критический взгляд на вещи⁷. Эти особенности учитывались, но не стали предметом отдельного анализа в данной книге.

а) *Высококвалифицированным строителям* нужны новые объекты работы. Строительство городов, с одной стороны, нуждалось в таких работниках. За неимением достаточного количества людей нужной квалификации много усилий затрачивалось на их обучение, включая создание специализированных образовательных учреждений. С другой стороны, потребность в ряде специальностей закономерно снижалась по мере завершения соответствующих этапов строительства. Решение было найдено в переключении усилий строителей с заводских объектов на жилье и соцкультбыт. Возводимые на голом месте города или районы обеспечивали поле деятельности на десятилетия вперед. Когда «Базстрой» относительно отстроил собственный город Краснотурьинск, он взялся за возведение Качканара. И только с подключением «Базстроя» стопорившееся ранее начало строительства в Качканаре сдвинулось с мертвой точки.

⁷ Наблюдение на уровне вероятных тенденций; для того, чтобы корректно говорить о подобных закономерностях, необходимы количественные замеры.

Используя труд строителей, молодые города, в силу закономерностей собственного развития, в определенный момент начинают их выдавливать, и строителям приходится перепрофилироваться или уезжать. Символический ресурс их также падает. На первое место выходит градообразующее предприятие.

Моногород весьма жестко диктует монотность профессионального спектра, его скудный набор и жесткую иерархию. Короткая история Качканара показывает, как был вытеснен противовес ГОКу – радиозавод с его отличающимся спектром профессий, с его техникумом и музыкальным фестивалем, а главное с его отличающейся ментальностью.

б) *Мобилизационная политика* в целом и специфика военного времени (вторая волна) в частности обуславливали высокую мобильность населения, в той или иной мере принудительную. Краснотурьинск строили трудармейцы, с конца войны ряды рабочих пополнили репатриированные, военнопленные, досрочно освобожденные из заключения. Стали практиковаться организованные вербовки по разнарядке: предприятия посылали своих представителей в отведенные вотчины, например, для Краснотурьинска таковой в конце 40-х была Тамбовщина. Завербованные таким образом люди заключали трудовой договор на несколько лет. И если перемещения трудармейцев, переведенных на положение спецпоселенцев, были жестко взяты под контроль системой спецкомендатур, то вербованные и репатриированные сохраняли огромный потенциал движения, возвратной мобильности.

Именно на них было направлено действие мероприятий по «закреплению» во исполнение Постановления Совета министров от 25.08.1946 г. Краснотурьинские предприятия отчитывались по следующим категориям закрепляемых работников: репатриированные, вербованные, мобилизованные НКО, мобилизованные исполкомом, а также эвакуированные, но последних в конце 40-х тут были единицы. Даруемые кампанией по закреплению бонусы (от ордера на промтовары до индивидуального домика и скота) ожидаемо стали перераспределяться в сторону более давних обитателей здешних мест – тех же немцев-спецпереселенцев, бывших трудармейцев⁸, местных

⁸ Так, большую часть из 86 работников «Волчануглеразрезстрой», внесенных в список на приобретение индивидуальных домов в 1947 г., составляли бывшие трудармейцы (Красноурьинский горком ВКПб, отдел кадров. Сведения о мероприятиях по закреплению кадров на предприятиях города // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 142. Л. 84). См. также: Справка «О закреплении кадров в трестах «Волчануголь» и «Волчануглеразрезстрой» по состоянию на 01.05.47 года» [Там же: Л. 76–77].

жителей. Таким образом, мобильные (например, вербованные) становились еще мобильнее, а иммобильные, вынужденно неподвижные (немцы-спецпереселенцы), – еще неподвижнее.

Сегодня в этих поселениях воспроизводится та же закономерность: имеющие потенциал мобильности категории населения всячески выталкиваются, а стабильные вырастают намертво. Мобилизационная политика, таким образом, вылилась в кромешную иммобильность. Наше исследование обнаружило иммобильную установку у людей разных возрастов и разного статуса – от студентов колледжа до пенсионеров. Человеческий капитал, однако, явно дефицитарен в части столь ценимого сегодня ресурса, установки на мобильность (= мотильность, см.: [Урри, 2012а]). В этом контексте мобильность приобретает драматические черты с оттенком предательства/патриотизма и обреченной включенности.

Сконцентрировать и зафиксировать людей в местах строительства/производства – общая черта индустриального общества тяжелой современности. В советских условиях первой половины XX в. она облекалась в жертвенный героизм, освещавший лишения и выживание на грани жизни и смерти. В случае Красногурьянска в послевоенный период нужно было достраивать и одновременно перестраивать заводские сооружения, наспех сколоченные в военные годы; для работы ТЭЦ нужен был уголь Волчанки, наращивали производство и другие рудники. Все это требовало все больше и больше людей, которых уже нельзя было мобилизовать по законам военного времени (ГУЛАГ в послевоенный период также обнаружил несовместимость карательной и экономической функций), что вынуждало к иным способам регулирования. Чтобы закрепить работников, приходилось все масштабнее строить жилье и соцкультбыт. Сегодняшняя коллизия мобильности в таких городах – результат консервации тяжелой индустриальной современности, вступающей в противоречие с глобальными тенденциями деиндустриализации легкой, текучей современности. Например, красногурьянский студент, в силу изучаемой специальности, знает об изношенности оборудования ТЭЦ и бесперспективности прежнего пути развития городской экономики в целом; индустриальная вузовская специальность, которую он все-таки получает в местном филиале, уступает приоритет обучению в бизнес-инкубаторе, его мечта – зарабатывать деньги в Интернете.

в) *Движение монофункциональности как западня.* О. Дерипаска 19.06.2015 г. в интервью на Петербургском экономическом форуме подтвердил установку на вывод из эксплуатации устаревших мощностей (между строк можно читать – как на БАЗе, хотя Красногурьянск и не звучал).

Заккрытие производств в других проблемных местах дислокации РУСАЛА опровергалось, – официально и краснотурьинское электролизное производство на БАЗе только законсервировано, а не ликвидировано. Тем не менее перспектив его возобновления не просматривается, а работников агитируют переезжать на новый завод РУСАЛА, построенный, как когда-то БАЗ, на новом месте, среди тайги, только теперь Красноярской, а не уральской⁹.

Выше мы указывали на парадокс развития молодых городов, связанный с path dependence. Несмотря на свою короткую историю, отсутствие настоящих трудовых и иных династий, старых кладбищ и пр., молодые города большей частью крепко завязли в колее своей монофункциональности. Градообразующие предприятия изначально создавались в качестве фундамента городского пространства; сам по себе город с его социальной инфраструктурой хотя и выполнял важные функции по закреплению населения, но не являлся ядром этой системы. Теоретически если градообразующее предприятие становится нежизнеспособным, город теряет едва ли не единственную точку роста: доходы населения формируются за счет заработной платы на этом предприятии, ценность земли и других объектов налогообложения невелика – городу остается надеяться только на внешние источники роста, а их, как правило, недостаточно. Таким образом, устойчивость и стабильность города определяются стабильностью предприятия, а рост города – тем, насколько успешно чувствует себя градообразующее предприятие. Стабильность в случае Заречного и Лесного, неясность будущего в Качканаре и Краснотурьинске – эти состояния заставляют обращаться к прошедшим временам, когда наблюдалось очевидное развитие производства, социальной инфраструктуры и пр. Сегодня города находятся перед коренной дилеммой – либо и дальше воспроизводить монофункциональность и всячески (любой ценой) поддерживать градообразующее предприятие, или резко изменить ситуацию, т. е. превратиться в полифункциональный город, найти новые точки роста. Первый путь внушает уверенность, поскольку он проверен, а второй полон рисков и беспокойства.

⁹ См.: *Ивантер А.* Созидательное разрушение // Эксперт. 2014. 13 янв. [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/expert/2014/03/sozidatelnoe-razrushenie/> (дата обращения: 07.08.2015). «24 семьи бывших электролизников Богословского алюминиевого завода покинули Краснотурьинск, – все они переехали на постоянное место жительства в поселок Таежный Красноярского края, где в скором времени планируется запустить Богучанский алюминиевый завод» (Краснотурьинцы уезжают из города // Вечерний Краснотурьинск. 2015. 9 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://krasnoturinsk.info/krasnoturincy-uezzhayut-iz-goroda/> (дата обращения: 07.08.2015)).

Градообразующие предприятия в молодых городах давно уже вышли из-под опеки государства и превратились в малую часть больших холдингов. Когда-то советское государство нуждалось в строительстве заводов и вынужденно строило социалку. Сегодня холдинги дожимают возможное из этих производств, понемногу финансируя социалку. Для холдинга как капиталистического игрока главное не развитие производства, страны, социализма и даже не первенство на мировой арене, а извлечение прибыли, поэтому не то что территории, но и заводы не самоценны. Изработанные и изношенные, они выбывают в утиль (причем утилизация – большей частью забота самих утопающих), захлебываясь от горькой ностальгии по героическому прошлому и апеллируя к нынешней государственной власти¹⁰.

Парадокс закрытия алюминиевого производства полного цикла в ситуации роста мирового спроса на алюминий объясняется макроэкономическими факторами: демпинг государственно поддерживаемого алюминиевого производства в Китае, скачки цен и т. п. Суть же в том, что российское производство неконкурентоспособно. Старые мощности скорее балласт, чем ресурс (человеческий капитал – за скобками), а долгосрочных и капиталоемких движений делать никто не хочет – ни государство, ни частные игроки. В этих условиях оправданным кажется перенос центра тяжести на строительство Богучанского завода (пуск первой очереди в 2015 г.), т. е. развитие нового очага монофункциональности. Исчерпав активную фазу в Красноурьинске, монофункциональность шагает в Богучаны.

Что остается Красноурьинску? Мировая практика показывает, что радикально не изменившие вектор развития (с монопрофильности на диверсификацию) и саму модальность (с индустриальной на постиндустриальную) территории обречены на жестокий упадок. Перелицевать индустриальную среду в туристическую – смелое решение, имеющее шансы на успех при условии системности. Увеличивающаяся конкуренция делает этот выбор все более рискованным, но самое главное – это засада все той же моноспециализации.

И моногорода идут единственно доступным для них путем – под красивыми вывесками «технопарк» (Заречный), «индустриальный парк Богословский» (Красноурьинск) продолжают в расширенном или реинкарнированном виде инерцию своего изначального производства. В Асбесте

¹⁰ См.: После драки кулаками не машут. В Красноурьинске прошел митинг «против смерти города». Профсоюзники вышли слишком поздно // Ura-ru. 14.09.2003 [Электронный ресурс]. URL : <http://ura.ru/news/1052165470> (дата обращения: 16.04.2015).

и Краснотурьинске развивается производство, технологически связанное с основным. В этих условиях вопрос о том, как преодолеть западню, сохраняет свою актуальность.

1.2. Места памяти

Истории молодых городов наполнены драматическими событиями. Ускоренная индустриализация, эвакуация заводов во время Второй мировой войны, острая необходимость восстановления экономики в послевоенный период и задачи по обеспечению достойного места в мире – все эти процессы были в прошлом, которое находит свое отражение в коллективной памяти горожан. Что может рассказать о своем молодом городе его житель? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы обратились к концепциям памяти, бурно развиваемым в последние десятилетия.

Одним из первых исследователей коллективной памяти стал французский социолог Морис Хальбвакс [Хальбвакс, 2007]. В его работе «Социальные рамки памяти» утверждается, что прошлое можно знать только по воспоминаниям, которые проходят сквозь фильтр социальных рамок, индивидуальных воспоминаний и общих представлений о пространстве и времени. Коллективная память, как и индивидуальная память жителей молодых городов, социально детерминирована, однако она не столь богата, как у жителей исторических городов. Вместе с тем это не мешает говорить о ее существовании.

В ходе исследования люди с разным социальным статусом, разного возраста рассказывали нам примерно одни и те же истории о своем восприятии родного города, при этом показывали примерно одни и те же места, которые, по мнению информантов, надо было обязательно увидеть, чтобы получить представление о городе. Очевидно, что такая память образована путем частого пересказа, когда память одного жителя ищет опору в памяти другого жителя. Формирование коллективной памяти происходит потому, что мы постоянно обращаемся к другим, чтобы подтвердить легитимность собственных воспоминаний. Таким образом, носителем коллективной памяти выступает социально-территориальная группа горожан, постоянно проживающих в городе.

Введенное Хальбваксом понятие коллективной памяти нашло свое развитие в работах Пьера Нора, Яна Ассмана, Алейды Ассман и др.

Воспоминания о городе не накапливаются в неизменном виде. Они зависят от множества обстоятельств. Первое из них – временные горизонты. А. Ассман указывает на то, что обычно такие горизонты – 3–4 поколения, при этом для функционирования памяти необходимо поддерживать достаточный уровень коммуникации, нужно рассказывать друг другу одни и те же истории на протяжении некоторого времени, чтобы они превратились в то, что было «на самом деле» [Ассман, 2014]. Молодые города как раз подпадают под критерий оборачиваемости воспоминаний и наличия живых участников событий.

Ассман вводит в оборот разделение памяти на «я-память» и «меня-память». «Я-память» характеризуется тем, что ее носитель непосредственно вспоминает о чем-либо. «Меня-память» активируется с помощью каких-то внешних по отношению к человеку мест и вещей. Исследовательница утверждает, что такой тип памяти оказывается как бы разделенным на две части: одна часть остается личной, в то время как вторая часть воплощается в каком-либо месте или в каком-то предмете. Таким образом, когда «меня-память» активируется, внешняя половинка соединяется с нашей внутренней, телесной половинкой. Место или предмет оказывается эффективным «триггером» для соматически ощущаемой памяти, к которой нет ключа, топографической карты или какого-либо иного сознательного и контролируемого доступа» [Там же : 130].

В своей обзорной статье «Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов» А. Васильев указывает на то, что память извлекается из прошлого (что логично): «Важно, чтобы нарратив памяти, конституирующий идентичность, стал объектом многочисленных пересказов различными членами общности, переходил из поколения в поколение, чтобы сформировался определенный канонический свод историй, подлежащий многократному пересказу. Одна и та же история может принимать различные формы в зависимости от способа своего существования и обстоятельств высказывания» [Васильев, 2012].

Места памяти зачастую не явлены в чистом виде, а предстают как грань такого более широкого явления, как знаковые места города, в значении места не столько как нейтральной «порции географического пространства, занятого человеком или вещью», сколько как «центра ощущаемой ценности», в терминах Ю-Фу Туана [Tuan, 1977 : 23].

Приступив к изучению мест памяти, мы столкнулись с особой протяженностью нашего предмета во времени. Если *места* находятся в настоящем, то *память* отсылает к прошлому. Исходя из этой диахронии, мы определяем места памяти во встречном движении актуального дискурса

с его импликациями или явными отсылками к прошлому, и советского дискурса, каким он был на протяжении десятилетий с момента возникновения молодых городов.

1.3. Где ловить дискурсы? Источники в исследовании

В центре внимания настоящего исследования – актуальный дискурс молодых городов, который контекстуализируется с помощью советского официального дискурса.

Под дискурсом мы понимаем устойчивые узлы смыслов, структурирующие коллективные представления, в таком случае *актуальный* дискурс молодых городов – это циркулирующие сегодня устойчивые смысловые конструкции. В исследовании мы имеем с ними дело прежде всего в интервью, а также в материалах различного рода средств массовой информации и коммуникации – от местных газет и современных краеведческих изданий до городских форумов и тематических групп в социальных сетях. Таким образом, актуальный дискурс берется как неофициальный, но с референциями к современному официальному. Надо сказать, что и сами информанты в некоторых случаях ссылаются на публикации газет, передачи по телевидению и т. п. В Краснотурьинске нам рассказали о снимавшемся в их городе художественном фильме, а также о документальном сюжете РИА «Новости» по поводу голодовки на БАЗе; в Лесном информанты любезно предоставили видеофильм, снятый к юбилею города.

Предполагая, что именно советский официальный дискурс сформировал представления о молодых городах, какими мы знаем их сегодня по СМИ и встречаем в рассказах информантов, при обращении к советскому прошлому мы делаем ставку на официальный дискурс молодых городов. Забегая вперед, можно сказать, что далеко не всегда современные пространства памяти с их отсылками к прошлому действительно встречаются с импульсами советского времени. В определенных случаях они фатально пролетают мимо друг друга. Самый характерный пример – это такие совершенно не работающие сегодня знаки сугубо советской гратификации, как победы в соцсоревнованиях, награды переходящим Красным знаменем и т. п. Частичные разрывы мемориальной коммуникации обнаруживают и такие проявления неработающей семантики, как не считываемые сегодня значения в названиях улиц, парков и т. п. И наоборот, существуют вернакуляр-

ные памятные места, воспроизводящиеся без всяких, казалось бы, организованных усилий прошлого.

Если представить континуум, образованный полюсами абсолютно официального и такого же абсолютно неофициального дискурса, то между ними будет множество промежуточных градаций, тяготеющих, однако, к тому или другому полюсу. Критерием отнесения к официальному выступает статус источника и/или субъекта дискурса. Официальными в таком случае являются все заявления от лица государства и других властных институций. Этот дискурс разлит во всем пространстве общественной жизни, в советское время он настойчиво внедрялся и в частное пространство. Он реализуется в печатных СМИ, радио и телевидении, «наглядной агитации», выступлениях на собраниях, проникая и пронизывая обыденные коммуникации людей на улице, на работе и дома.

В нашем исследовании основным источником послужили печатные СМИ в силу удобства доступа и анализа, они дополнены архивными документами партийных собраний по вопросам строительства и жизнеобеспечения изучаемых городов. Эти материалы обладают разной степенью официальности. В первом приближении можно сказать, что максимальна официальность у центральных СМИ, – они являлись не просто рупором власти, но для нижестоящих инстанций сами были властью. Чуть меньше заряд официальности у региональных изданий типа газет «Уральский рабочий» и «На смену!». В свою очередь, «Уральский рабочий» служил властной инстанцией для районных организаций. Еще чуть меньше официальности у локальных изданий, таких как краснотурьинская «Заря Урала», нижнетурьинская «Вперед, к коммунизму!», освещавшая строительство Качканара, когда там еще не появилась своя газета «На стройке Качканара», и еще долгое время параллельно с ней. Разумеется, каждая газета была изданием соответствующих партийных органов со всеми вытекающими последствиями, однако низовая печать плотнее, т. е. более детально и систематически, освещает текущие события в своем небольшом локусе. Ее нарративная компонента неизбежно заставляет «проговариваться», сквозь сетку официальных указаний и штампованных фраз всегда проглядывают детали текущей жизни.

Официальный дискурс довольно быстро выковал устойчивую схему рассказа о новых/молодых городах, однако официальность не тождественна шаблону. Вполне официальные речи с высоких и не очень трибун могут быть наполнены такими емкими образами и колоритными словечками, которым позавидует иной балагур. Здесь мы подходим к другому крите-

рию официальности – это статус лица и статус ситуации дискурса. Например, выступление первых лиц города на торжественном открытии фонтана в честь годовщины градообразующего предприятия – вполне официально и по статусу выступающих, и по статусу события. А как быть с речевками детей на том же мероприятии? Определенно, дошколята не официальные лица, но вот само выступление, его текст и подача являются официальными в силу статуса события. Повествующий об этом видеоролик мы считаем официальным постольку, поскольку он выложен на официальном сайте одного из городских учреждений¹¹.

В защиту газет. Газеты в первый советский период играли большую роль. Парадоксальным образом при наличии большого числа неграмотных и малограмотных, в целом низкой включенности в письменную и «читательскую» культуру, в первую очередь именно для них газеты, брошюры становились источником правильного языка как ресурса формирования идентичности. Штампы официального языка смешивались, сливались с обыденной речью, форматируя не только выражение, но и восприятие происходящего, и саму жизнь. Этот феномен достаточно подробно исследован в трудах Н. Козловой, И. Сандомирской, Е. Добренко, С. Коткина, Й. Хеллбека, И. Халфина, Ш. Фитцпатрик и др.

Язык газет – элемент культуры второго уровня (после правил гигиены и городского общежития), в терминологии Ш. Фитцпатрик. Важным элементом этой культуры было умение «говорить на большевистском языке» (использовано выражение С. Коткина из его знаменитой книги о Магнитострое [Kotkin, 1995 : Ch. 5]), «т. е. знание советских обычаев и ритуалов, правил ведения собраний и языка газет. Культурный человек не только не плевал на пол, он также умел выступать с речами, вносить предложения на собрании, понимал такие выражения, как “классовая борьба” или “социалистическое соревнование”, и разбирался в международном положении» [Фитцпатрик, 2008 : 101].

И газеты эффективно учили этому новому языку (Козлова, Сандомирская), для иных – открывали лифт восходящей мобильности, мотивируя к общей и специфической советской грамотности, вовлекали в определенные практики. Массовый феномен рабкоров, селькоров, призыв ударников в литературу, горьковские «начинания» по написанию истории Гражданской войны, истории фабрик и заводов – все это включало людей

¹¹ Речь идет о торжественном открытии фонтана в Качканаре, приуроченном к юбилею ГОКа (см.: [Vandyshev, Veselkova, Pryamikova, 2013 : 169]).

в жизнь печатного слова, в том числе тех, кому приходилось для этого спешно «ликвидировать неграмотность», как было и с иными авторами «Былей горы Высокой»¹². В предисловии к этой книге о Высокогорском руднике в Нижнем Тагиле Горький и Авербах обосновывают сохранение особенностей языка его авторов:

Рабочие-рассказчики стремятся найти слова, наиболее точно, наиболее ощутимо и в то же время наиболее лаконично передающие их воспоминания. Там, где им это удастся, – там рассказы начинают превращаться в типические изображения, в художественные картины (*Горький М., Авербах Л.* О книге // Были горы Высокой: рассказы рабочих Высокогорского железного рудника: о старой и новой жизни. М. : Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1935. С. 6).

В. Беньямин говорит об общеевропейском движении: благодаря развитию прессы с конца XIX в. количество авторов и читателей начало выравниваться, а разделяющая их грань – стираться. Обыватель интересен своей вовлеченностью в трудовой процесс, именно в таком качестве ожидают его авторства, и здесь на первый план выходит советский опыт, где «сам труд получает слово. ...Возможность стать автором санкционируется не специальным, а политехническим образованием, становясь тем самым всеобщим достоянием» [Беньямин, 2013 : 93–94].

«Пресса при советской власти всегда была идеологической служанкой партии», – утверждает А. Горчева [Горчева, 2009 : 7]. Продолжая традицию государственной цензуры, институционализированной при Екатерине II, большевики Декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 6 июля 1922 г. учредили Главное управление по делам литературы и издательств [Там же : 9]. Действительно, изучаемые нами советские газеты могли

¹² «Некоторые из авторов еще только-только ликвидировали неграмотность», – отмечают в предисловии Горький и Авербах (с. 9; см. также включенные в книгу свидетельства недавно обучившегося грамоте автора – Г. Быкова. Эта книга оценивалась как большой успех и в момент ее выхода [Добренко, 2007 : 282], и в наши дни (см., напр., [Подлубнова, 2010]). Мы не разделяем трактовки «Былей» как выдающегося достижения горьковского проекта на Урале [Там же], равно как и пафоса разоблачительного, десубъективирующего разбора Е. Добренко, когда он говорит о тирании прошлого и сборке настоящего на примере «Былей горы Высокой» [Добренко, 2007 : 280–292]. Отдельного обсуждения требует культура памяти и этика ее исследования. Ср. интонации (и интенции) Добренко в указанном тексте о «Былях» и рассказы потомков авторов этого труда, помещенные на сайте истории Н. Тагила, в частности о Г. Быкове: *Гребнев А.* «Великан рабселькоровской армии» // История Нижнего Тагила от основания до наших дней. Знаменитые люди [Электронный ресурс]. URL : http://historyntagil.ru/6_91.htm (дата обращения: 17.04.2015).

не указывать тираж, но номер Главлита есть обязательно. Автор книги, подготовленной к 60-летию нижнетуринской городской газеты и 260-летию самого поселения, отдельно останавливается на действии цензуры [Чучкалов, 2014 : 173–176]. Так, в советское время издание ни разу не упоминало о строительстве на границе с Н. Турой закрытого города Свердловск-45 (ныне Лесной), отводя в то же время полосы и развороты Качканару. Не могла газета освещать работу заключенных и военнопленных на собственном объекте – НТГРЭС, а также определенные параметры производственной жизни территории – добычу золота в граммах, грузоподъемность нового моста и т. п. С 1990-х мы узнаем об этом в краеведческих и мемориальных изданиях, открытых архивных источниках.

Акцент на развенчание идеологической пристрастности печати при всей своей справедливости мешает понять, насколько правильной, более того, жизненно необходимой считалась выраженная партийность любого выступления. СМИ не скрывали, а, напротив, всячески подчеркивали и культивировали свою роль коллективных организаторов и агитаторов. Чего стоит один только образ штаба «Комсомольской правды» на Магнитострое, выведенный В. Катаевым, – когда никто не мог быстро организовать поставку нужных материалов, «бессонный штаб» это делал. Подобный «авторитетный орган печати на колесах» [Катаев, 1969 : 273] был и на Среднем Урале – передвижка газеты «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий» (рис. 1.1, второй справа – А. Маленький, один из героев нашего дальнейшего повествования). Легко представить, что Катаев, мягко говоря, художественно преувеличил могущество собратьев по цеху. Для наших целей, однако, важнее подчеркнуть формирование веры в «четвертую власть», равно как и разнообразие форматов активности газетчиков в строительстве нового общества.

Рис. 1.1. Выездная редакция
газеты «Уральский рабочий».
1930-е гг.
(ОМПУ. Ф. 59. Д. 16. Л. 16274)

Выездные редакции существовали и в годы войны. Так, неподалеку от будущего Краснотурьинска в 1943 г. издавался «Уральский рабочий на Богословских копиях».

Следует согласиться с позицией отказа от разделения прессы на два вида¹³ – пропагандистскую и свободную, действующих соответственно при тоталитарных и демократических режимах. Более адекватной, на наш взгляд, являются концепции, раскрывающие особенности конструирования социальной проблематики. Утверждения-требования [Спектор, Китсьюз, 2000], выдвигаемые нашими информантами, сегодня в большей степени связаны с проблемами комфорта жизни в малых городах и опасениями по поводу будущего (*«как будто специально вырыли, чтобы машины там ломались. Просто сама вожу машину как бы. Мне надоели эти качканарские дороги»*) (КЖ19) (здесь и далее: первая буква – название города (К – Качканар, Кр – Краснотурьинск, Л – Лесной, З – Заречный); М, Ж – пол информанта; цифры – возраст)). Завод, центральное индустриальное место памяти, в рассуждениях информантов выступает как источник жизненных благ, а не объект гордости, точнее, взгляды горожан распределяются по этой условной шкале и балансируют где-то между полюсами прагматизма и гордости. В соответствии с концепцией публичных арен «социальные проблемы суть скорее проекции коллективных чувств, настроений и мнений, нежели простые отражения объективных условий в обществе. В конечном счете, в обществе существует множество ситуаций, которые могли бы восприниматься как социальные проблемы, но не определяются в качестве таковых»¹⁴. Советская пресса в данном случае не является исключением, повестка дня определялась в соответствии с основными задачами индустриализации, в рамках общей политики.

Реальность официального дискурса. В наши задачи не входит анализ того, насколько «кривым» было зеркало печати, насколько мощным был маховик пропаганды и сколь зияющим был зазор с реальностью. Хотя у Ш. Фитцпатрик говорится довольно мягко о более сложной реальности в сравнении с тем, что попадало в печать¹⁵, все же ее суждение строится

¹³ Критику теории «двух видов прессы» см.: [Бокарев, 2004].

¹⁴ Стивен Хилгартнер и Чарльз Боск ссылаются в данном случае на Герберта Блума (см.: [Хилгартнер, Боск : 2000]).

¹⁵ «...Реальность, скрывавшаяся за подобными историями об исправлении, как и за их завершением, была сложнее того, что попадало в печать. Однако, по-видимому, и в реальной жизни уголовное прошлое, особенно в ранней юности, действительно не являлось несмываемым пятном в биографии человека» [Фитцпатрик, 2008 : 98].

именно на таком подходе, когда есть некая подлинная реальность и ее многочисленные отображения. Наиболее влиятельные и злостные «двойники» формируют настоящую пелену, затмевающую первореальность. При помощи технологий, всевластная медиа крайне сложно отличить одно от другого, наступает эпоха симулякров.

Своеобразной противоположностью реальности у Фитцпатрик выступают мифы. Их можно определить как распространенные в общественном сознании устойчивые конструкции, выполняющие мировоззренческие и, конечно, идеологические функции.

Эта уверенность в будущем должна была обуславливать понимание настоящего. Человек несведущий может видеть в жизни советских людей только трудности и нищету, не понимая, что временные жертвы необходимы для построения социализма. От писателей и художников требовали показывать жизнь, какой она станет, а не какова она есть, т. е. пользоваться методом «социалистического реализма» вместо реализма буквального, «натуралистического». Но социалистический реализм был не просто художественным стилем – он был чертой менталитета сталинизма. Рядовые граждане тоже развивали в себе *способность видеть вещи не такими, какие они есть, а какими они должны стать и станут*. Зияющая яма – это строящийся канал; заросший сорняками, захламленный пустырь на месте снесенного дома или церкви – будущий парк (курсив наш. – Авт.) [Фитцпатрик, 2008 : 10].

В данном случае предполагается некая подлинная реальность, в которой вещи таковы, «какие они есть», а не должны стать, это одна на всех самоочевидная реальность. Идеологически заряженные дискурсивные практики злобредно выворачивают ее наизнанку, доходя до «откровенного обмана»:

«Социалистический реализм» в его крайних формах трудно отличить от *откровенного обмана* – создания «потемкинских деревень», скрывающих пустоту за своим фасадом. Например, во время голода газеты рассказывали о счастливых процветающих колхозах, где веселые крестьяне по вечерам собираются за накрытым столом, пляшут и поют под гармошку (курсив наш. – Авт.) [Там же, 2008 : 16].

Кант и Пирс задолго до постмодернистских баталий показали производность любого значения от системы координат. «Откровенный обман», семантическая «алхимия» [Bryson, 2013], свидетельствует о столкновении различных систем координат, разумеется, связанных каждая со своей группой интересов.

Будь то марксистская версия или знаменитая теорема Томаса¹⁶, получившая дальнейшее развитие в самосбывающемся пророчестве Р. Мертона, – все эти формулы обычно берут в расчет при разборе того, как идеи воплощаются в жизнь, т. е. с акцентом на действенность. Вместе с тем данные закономерности актуальны и для понимания дискурсивных практик как таковых (как бы ни казалось, что это совсем другая история, уже не под знаменем Маркса или американских социологов, но скорее Фуко).

Мы придерживаемся подхода, актуализированного лингвистическим, нарративным, визуальным, пространственным и тому подобным поворотами, которые реабилитируют эту «вторичную» реальность, рассматривая ее как самостоятельную и самоценную. Таким образом, нас будет интересовать дискурсивное смыслообразование – какие смыслы (в изучаемой тематике молодых городов) возникают в официальном дискурсе и как именно это происходит.

Анализируя дискурсы, мы следуем традициям критического дискурс-анализа, в методическом плане ориентируясь на концепции Н. Фэркло [Fairclough, 2004] и Р. Водак [Методы..., 2009], однако наилучшим образом легла на выявленную дискурсивную схему «парадигма» обоснованной теории в версии А. Страусса [Страусс, 2010].

Глава 2

ДИЗАЙН ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Выборка

В исследовании участвовали четыре молодых города Свердловской области: Качканар, Краснотурьинск, Заречный и Лесной. Помимо их «молодости» в качестве критериев отбора использовались и другие параметры.

По критерию успешности социально-экономического развития минимальными показателями отличается Краснотурьинск: на момент исследования основное производство было остановлено, город официально отнесен к числу поселений с наиболее критичной социально-экономической

¹⁶ Соответственно идея становится материальной силой, когда овладевает массой; если люди определяют ситуацию как действительную, то она действительна по своим последствиям.

ситуацией. Остальные три города находятся в относительно стабильной ситуации, причем наиболее благоприятна она в Лесном и Заречном с их предприятиями концерна «Росатом». По критерию удаленности от областного центра в наилучшем положении, на расстоянии 40 км от Екатеринбурга, находится Заречный. Остальные три города расположены в 250–370 км к северу от областного центра.

Уральская индустриальная ситуация не может быть полной без закрытых городов, поэтому третьим критерием стала открытость – закрытость населенного пункта. В выборку включен г. Лесной, имеющий статус ЗАТО – закрытого административно-территориального образования. Заречный, как Краснотурьинск и Качканар, – открытый город, но с режимным объектом (атомная электростанция).

Краснотурьинск стал ярким примером крушения прежних индустриальных перспектив. Город, накопивший много хорошего, привыкший к определенному уровню жизненных благ, с хорошей архитектурой, развитой системой здравоохранения, потерял почву под ногами с закрытием алюминиевого производства. Горечью такого поражения пропитаны все разговоры местных жителей. Население же более благополучных городов, таких как Качканар, подсчитывает, сколько лет еще продержится их завод. Молодежь точно так же ориентирована на исход в поисках лучшей и перспективной жизни. На общем фоне наиболее благополучным, по мнению информантов, оказался г. Заречный, несмотря на грязные, неработающие фонтаны и другие неприятные моменты. Благополучие выражается в том, что у города вполне радужные перспективы: БАЭС расширяется, проблема истощения природных недр в данном случае совершенно не актуальна. И если во всех означенных городах, даже в закрытом Лесном, есть опасения по поводу будущего, то так называемый «спальный район Екатеринбурга», позволяющий жителям, имеющим личный транспорт, работать в областном центре, продемонстрировал дискурс процветания и определения перспектив развития, не подверженных никаким рискам, несмотря на наличие атомной электростанции.

Отбор письменных документов организован по всем указанным выше категориям документов по всем четырем городам. Центральная пресса советского периода изучалась выборочно, поиск производился по электронным базам газет «Правда», «Известия» и журнала «Смена» с помощью поиска по словам «молодой(ые) город(а)», «новый(е) город(а)», «юный(е) город(а)», «город юности», а также по названиям изучаемых городов. По региональной и локальной прессе отбор производился с помощью каталога краеведческого отдела СОУНБ им. В. Г. Белинского.

Современная локальная пресса отслеживалась по размещенным в Интернете архивам изданий. Архивные источники отбирались по изучаемым городам в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

Вход в поле и поиск информантов осуществлялись разными способами. Во всех четырех городах были проводники, которые помогали рекрутировать информантов, некоторые из них приглашали своих знакомых, реализуя принцип снежного кома. Кроме того, использовался ресурс интернет-социальных сетей: в двух городах в городских группах популярной российской соцсети Вконтакте были размещены объявления, приглашающие принять участие в исследовании (прил. 2), и еще в одном городе часть информантов была рекрутирована через посредничество контакта в Facebook. В отношении социально-демографических признаков мы придерживались принципа максимальной вариации, ориентируясь на людей разного возраста, уровня образования, сферы деятельности и принадлежности к градообразующему предприятию.

Необходимость выделить от часа до двух своего свободного времени для условной «презентации» родного города, определение того, о чем говорить, как говорить, – эти вопросы для кого-то стали основанием для отказа. Поэтому те, кто согласились, – общительные люди с достаточно активной жизненной позицией и, как правило, патриотическими чувствами к своему городу, в возрасте от 13 до 77 лет.

Типы источников. В исследовании использованы два хронологически различных корпуса источников – относящихся к советскому и постсоветскому времени. Основу первого составляют материалы печатных СМИ: центральные («Правда», «Известия», «Смена») и уральские (свердловские областные газеты «Уральский рабочий» и «На смену!», пресса отдельных городов), ряд других изданий. Второй, современный набор источников представлен прежде всего материалами записанных на диктофон интервью жителей изучаемых городов; в дополнение к ним привлекаются публикации СМИ, краеведческая литература, интернет-сайты, форумы и тематические группы в социальных сетях («Типичный Качканар», «Типичный Красноуральск» и т. п.).

Помимо времени создания источники различаются по статусу. Ближе к официальному полюсу находятся протоколы партийных заседаний, публикации печати, материалы официальных сайтов городов и отдельных учреждений (таких как Дворец культуры или городской архив); к неофици-

альному полюсу тяготеют высказывания в социальных сетях и форумные дискуссии, а также рассказы участников исследования. Как уже отмечалось выше, деление на официальные и неофициальные континуально и обнаруживает свою условность. Выступления официальных лиц могут серьезно отклоняться от «протокола», газеты любят предоставлять место «письмам читателей», тем самым снижая планку официальности. В то же время «обычные» люди усваивают и воспроизводят в обыденных коммуникациях заданные правила, в соответствии с ними модерируются форумы и топика социальные сетей. Участники интервью, безусловно, также сознательно и бессознательно «редактируют» свою речь в зависимости от своих ожиданий, меняющегося в ходе общения с интервьюером формата взаимодействия (по степени формальности, доверительности и т. п.).

Еще одно важное деление источников обусловлено изучением вербального и визуального материала. Наряду с лингвистической составляющей мы стремились принимать во внимание также визуальную составляющую, и наоборот. А именно, в печатных изданиях изучалось не только содержание публикаций, но и расположение текста, шрифтовые и цветовые решения, сочетание с картинками (фотографиями, рисунками). Пространство города мы пытались ухватить не только через рассказы, прошлые и нынешние, но также и через его зрительно воспринимаемый облик.

Для решения этой задачи активно привлекаются фотографии. Советский визуальный дискурс представлен архивными снимками изучаемых городов, а также старыми фотографиями, доступными на вышеуказанных интернет-ресурсах. Актуальный мы фиксировали посредством фотомэппинга. Исследовательский фотомэппинг – это производимая исследователем съемка во время интервью «под руководством» участника интервью, а также во время самостоятельных прогулок по городу, посещения городских праздников (День города в Лесном, карнавал в Заречном). Кроме того, трое информантов предоставили для целей исследования свои фотографии.

Наконец, в качестве необязательного дополнения к интервью мы использовали метод ментальных карт, когда позволяла ситуация (например, если во время go-along интервью мы заходили в кафе или если беседа проводилась стационарно). Полученные рисунки, несмотря на незначительное количество (всего шесть из четырех городов), в комплексе с ранее сформированной базой (более 120 ментальных карт) обладают несомненной эвристикой и доступны для проверки и развития ранее сделанных выводов [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013; Веселкова, 2010].

2.2. Методический дизайн

Методический дизайн включает комплекс эмпирических методов сбора данных: документальный метод, фотомэппинг и go-along интервью. Названные выше документы подразделяются:

а) на нецелевые, неспровоцированные (т. е. существующие независимо от целей исследования), среди них опубликованные (печатная и видео-продукция, материалы сети Интернет) и неопубликованные (архивные документы, ранее сделанные фотографии информантов);

б) целевые, спровоцированные исследователями (ментальные карты);

в) производимую исследователями визуализацию.

Работа с методами проходила в кабинетном режиме, интервью и фотомэппинг – в поле, однако имели место и пересечения. Так, одно из автомобильных интервью продолжилось дома у информанта, уже в групповом формате, где при рассматривании книг о городе последние сыграли роль стимульного материала и способствовали включению в разговор прежде не упоминавшихся значимых мест. В другом случае участница стационарного интервью сопровождала свой рассказ фотографиями и вырезками из газет.

В основу полевой части нашего исследования положен мобильный метод go-along интервью. Это относительно новый метод, хотя в социальных науках накоплен уже немалый опыт использования и методологической рефлексии go-along и мобильных методов вообще [Глазков, Стрельникова, 2015; Büscher, Urry, Witchger, 2010; Carpiano, 2009; Cohen, Thulemark, 2013; Merriman, 2014]. Мобильные интервью чаще относят к качественным методам, и все их разновидности имеют нечто общее с наблюдением, особенно техники shadowing («следование тенью» за информантом, особенно популярные в организационных исследованиях – см., напр.: [Czarniawska, 2007, 2014; McDonald, 2005]). Справедливости ради надо отметить, что в любом интервью присутствует элемент наблюдения и чем ближе конкретный вид интервью к качественному полюсу, тем значимее роль невербального канала коммуникации. Кроме того, интервьюер имеет возможность наблюдать окружающую обстановку – особенно информативную, если общение происходит на территории интервьюируемого. Однако в стационарном, или, как его еще называют, седентарном интервью обстановка на протяжении всего периода взаимодействия остается одной и той же, как правило, это замкнутое помещение. В мобильном интервью окружение постоянно меняется, и в этом состоит существенное отличие данного метода, его уникальный ресурс и вызов.

Анализ специфики go-along интервью с точки зрения его познавательных возможностей и ограничений, исходя из систематизации существующих методических разработок и нашего собственного опыта применения и модификации метода в ходе исследования, привел нас к следующим заключениям.

В сложившихся практиках применения мобильных методов подчеркиваются следующие аспекты:

1) *Субъектность информанта*. К таким методам относится интервью-экскурсия (guided tour [Bendiner-Viani, 2005]), поскольку подчеркивается роль информанта как компетентного экскурсовода, который «сам» рассказывает историю о той или иной местности. Для нас важен не только явный отсыл к пространству, но и содержащийся в данном термине элемент некоего планирования маршрута, «домашней заготовки».

2) *Взаимодействие информанта и интервьюера (совместность, сотрудничество в освоении маршрута)*. Так, например, bimbbling – прогулка во время разговора, без какой-либо цели [Anderson, 2004] – акцентирует неформализованный и обоюдно-активный характер разговора, в отличие от односторонней заданности, которой трудно избежать даже в качественных интервью [Brown, Durrheim, 2009], а также ходьбу, движение.

3) *Освоение пространства по ходу движения, walking (ходьба, пешая прогулка)*.

Go-along интервью, на наш взгляд, наиболее удачно сочетает все эти акценты – субъектность, совместность и движение. Термин go-along был предложен Маргарет Кузенбах в 2003 г. [Kusenbach, 2003], сегодня в нем выделяют пешее, автомобильное, велосипедное интервью.

Эти методы используются в разных предметных областях, из которых для нас наиболее продуктивен опыт следующих трех:

- в исследованиях мобильностей такие методы сосредоточены на практиках и паттернах мобильностей, типичных маршрутах;

- исследования в гуманитарной географии направлены на изучение восприятия пространства и влияния места на идентичность и те или иные практики людей [Evans, Jones, 2011; Holton, Riley, 2014];

- исследования социальной политики, здравоохранения и социальной работы сфокусированы на сообществах, мобильные практики которых контекстуализируются/локализируются в определенной местности на предмет благосостояния [Bendiner-Viani, 2005; Fink, 2012; Guell, Ogilvie, 2015; Holland, 2011], молодежных жизненных стилей и их отдельных аспектов, как, например, роль религии [King, 2013]. Акцент делается на повседневных практиках в данных сферах: на заботе о здоровье (например, студентов

[Garcia et al., 2012]), повседневной деятельности социальных работников, работников здравоохранения [Locatelli et al., 2015], их мыслях и чувствах [Ferguson, 2014].

Во всех вариантах информант выступает гидом, который рассказывает и показывает интервьюеру некую местность в соответствии с тематическим фокусом исследования. Подчеркивается активная роль информанта, своего рода реализованная мечта качественного исследователя.

В нашем случае в центре внимания были не передвижения по городу и не сообщество само по себе, типичные для изучения с помощью мобильных методов. Познавательные возможности go-along направлялись на процессы производства мест (place-making) в ключе мест памяти. Каким образом возникновение и функционирование памятных мест, наблюдаемое в специфических условиях молодых городов почти в режиме реального времени, участвует в социальном конструировании идентичности современного человека и современного уральского города? Нас интересовало выделение определенных мест, их оценка в контексте общего восприятия информантами своего города с точки зрения прошлого-настоящего-будущего и в сравнении с другими поселениями.

Место памяти существует в пространстве города, его значение может подкрепляться наличием маршрутов повседневного движения, городскими праздниками, традициями, мифами и т. д. Именно поэтому было важно, чтобы маршруты выстраивались самими информантами, но под запрос исследователя, т. е. это не были их типичные маршруты как таковые, хотя последние частично попадали в сферу внимания. С точки зрения целей и задач исследования нам показалось наиболее эффективным использование мобильных методов.

В каждый город выезжали все три исследователя, проводившие интервью и фотосъемку по ходу интервью, а также независимо от них. Задача исследователей заключалась в том, чтобы обеспечить максимальную свободу информанта в плане выбора компании, средства передвижения и степени подготовленности. Интервью проходили в следующих конфигурациях: два исследователя и один информант или, наоборот, один исследователь и один или два информанта. В отдельных случаях взрослые информанты брали с собой детей, совмещая интервью и прогулку, в этих случаях маршруты сближались с типичными, или «естественными», по Кузенбах [Kusenbach, 2003]. Плотность сетей знакомств в маленьких поселениях проявлялась в том, что по ходу интервью информанты нередко встречали знакомых: одни просто кивали или здоровались, другие вовлекались в интервью в виде особого эпизода.

Все виды мобильных интервью хорошо триангулируются с визуальными методами: фото- и видеосъемкой, GPS-фиксацией¹⁷. Мы во время интервью осуществляли фотомэппинг. Как и в исследовании Габриэлы Бендинере-Виани [Bendiner-Viani, 2005], наши прогулки напоминали экскурсию, однако исследователи не были резидентами изучаемого пространства и, как правило, ранее не были знакомы со своими «гидами». В визуальной части отличий еще больше: информанты Bendiner-Viani сами делали фотографии, которые затем обсуждались с исследователем.

Наш опыт ближе к *photography walking tour* Джанет Финк [Fink, 2012], хотя и здесь есть отличия. Если Финк во время интервью сопровождал профессиональный фотограф и прогулки по микрорайону изначально строились так, чтобы резиденты показывали, что именно снимать, то в нашем случае подобный выбор был совместным. Исследователь мог сам выбирать объекты для съемки, так что в объектив попадало не только то, о чем информант рассказывает/показывает, но и то, что остается за пределами рассказа. Совместность проявлялась в том, что информанты очень быстро вовлекались в этот процесс, рекомендуя и даже требуя лучшие места и ракурсы съемки.

Из 32 наших *go-along* интервью большая часть (23) – пешие (*walk-along*), еще 9 – автомобильные (*ride-along*), когда информанты по своей инициативе использовали машину как привычное средство передвижения. Одно из пеших интервью было продолжено автобусной поездкой интервьюера и информанта в отдаленный район города на праздник и обратно. Пять пешеходных *go-along* включали седентарную часть – посещение кафе, как правило, ближе к концу интервью, причем это были молодые информанты. Еще один такой визит сорвался, поскольку предложенная информантом столовая оказалась в тот момент закрыта.

Автомобильные интервью зачастую были более продолжительными, но в то же время несколько поверхностными. Пешеходные прогулки позволяют увидеть (и зафиксировать) детали, например, маленьких «ежиков», любовно посаженных жильцами дома на газон рядом с деревянной мельницей, или эмблему городского узла связи.

По желанию участников проводились диадные и триадные интервью, при этом в одних случаях все информанты играли одинаково активную роль, в других – кто-то один, а другой обеспечивал поддержку и подсказки в наиболее сложных местах. Некоторые участники продумывали маршрут заранее, другие импровизировали на ходу.

¹⁷ Обсуждение актуальных достоинств и ограничений GPS фиксации см.: [Evans, Jones, 2011; Holland et al., 2011].

Еще восемь интервью проходили в стационарном режиме. В том числе пять – на дому или на работе информантов в изучаемых городах, с людьми старшего возраста. Три интервью (четыре информанта из интересующих нас территорий) проведены вне изучаемого города – по месту работы, учебы либо в третьем месте – кафе. Подобное разнообразие позволило изучить возможности применения выбранного метода, понять специфичность и результативность различных форматов.

Фоном, или рефреном, при показе города стали проблемные моменты, коррелирующие с актуальной повесткой СМИ; они выплывали по самым разным поводам, например, таким, как вещи трудовых мигрантов, вешенные на просушку на общее обозрение, выбоины на дороге, «долгострои» и т. п. И конечно, общей темой были предприятия градообразующие и, наоборот, способные заменить их. Тем самым видение города насыщалось многочисленными подробностями, эмоциональная тональность которых зависела как от социально-экономического положения, перспектив развития, так и от личного опыта информанта, принятия им города как своего.

Как показывают свой город? Остановимся на двух моментах: 1) маршрут движения по городу с точки зрения его содержательного наполнения и структурного устройства; 2) режимы видимости, формируемые в соотношениях рассказа и показа. Места, как заметила Дорин Мейси, это собрания всевозможных историй [Massey, 2005 : 130], вопрос в том, какие места отбираются для маршрута и какие истории активируются для каждого места, или, иначе, вызываются к жизни тем или иным местом, оказавшимся в пространстве маршрута.

Наполнение маршрута сочетает матрицу города для других и города для себя (рис. 2.1). Сочетание этих матриц в каждом интервью различно, и практически всегда они переплетаются и частично совпадают. От чего зависит преобладание той или иной матрицы? Опыт исследования обнаружил ряд закономерностей. Во-первых, официальный показ города-для-других обусловлен асимметрией позиций не знакомых друг с другом людей – исследователя и информанта, подстегнутой посылом к началу разговора.

Наши интервью вербально начинались с гранд-тур пассажа – приглашения показать свой город, соединяющего апелляцию к широким структурам повседневного опыта в технике гранд-тур вопросов у Джеймса Спрэдли [Spradley, 1979] и стимулирование к наррации по Фрицу Шютце [Шютце, 2001; Schütze, 1983], помогающее уйти от направляющего эффекта вопросительных слов. Таким образом, принципиальная установка заклю-

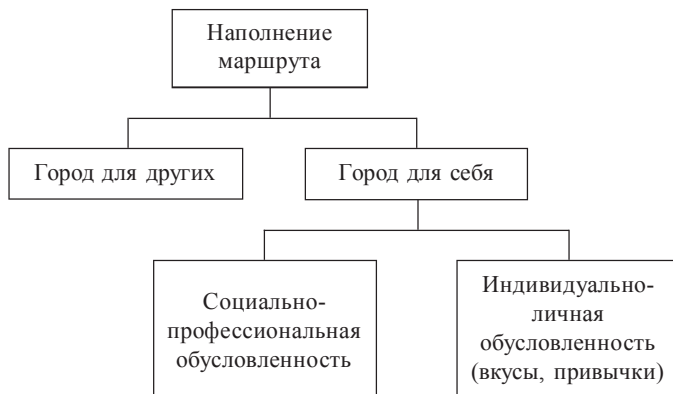

Рис. 2.1. Наполнение маршрута – типы содержательных матриц

чалась в активации субъектности информанта. Что он будет показывать, в какой очередности – полностью в его власти, точно так же, как и содержание комментария, что человек сочтет нужным рассказать о том или ином месте.

В выбранных для изучения поселениях мы никак не ограничивали территорию, как это бывает в исследованиях в больших городах¹⁸, и не просили участников непременно заранее отобрать определенные места для показа (ср. обратное: [Holton and Riley, 2014]).

Изначально казалось, что фраза «Покажите мне ваш город. Я первый раз здесь» просто идеальна, поскольку оставляет за информантом все права по поводу выбора мест (ср.: [Evans, Jones, 2011 : 851]). В ходе полевых работ стало ясно, что такой посыл накладывает определенную ответственность и заставляет информанта показывать именно официально обозначенные памятные места, или «город-для-других».

– Показывайте, рассказывайте все, как хотите.

– Я примерно так представляю, буду небольшим гидом. Хотя я им никогда в практике не была. Человеку, который первый раз приехал, что считаю нужным, буду показывать (ЛЖ35).

Обзорную экскурсию такую сделаем (ЛЖ27).

¹⁸ Так, М. Кузенбах изучала только два из пяти отобранных для исследования микрорайона в Голливуде (Лос-Анджелес) [Kusenbach, 2003 : 456], Г. Бендинер-Виани инициировала исследование в своем «маленьком бруклинском микрорайоне Проспект Хейтс» [Bendiner-Viani, 2005 : 459].

Подобно тому как свои жизненные истории, не сговариваясь, люди излагают согласно укорененным в данной культуре сценариям¹⁹, предъявление города осуществляется, по крайней мере в начале, в соответствии с принятыми правилами официально-экскурсионного гостеприимства, рассчитанного на «показ товара лицом» чужакам. Личностно значимый опыт при этом отодвигается на задний план.

Соответственно по мере разворачивания интервью повышается шанс на включение личных пассажей и увеличение их доли, а также изменение общей тональности интервью с официально-представительской на лично-доверительную. Таким образом, с большей вероятностью раскрывают город-для-себя более длинные интервью.

Если рассматривать информанта и исследователя в go-along как особую разновидность «мобильной-формации-в-действии», но действующих подобно «гибкой сборке участников, материальностей, пространств, присутствий и способов общения» [McIlvenny, Broth, Haddington, 2014 : 104], то в нашем случае эти «мобильные формации» варьировали между культурными паттернами стандартной туристической экскурсии и прогулкой с разговором за жизнь.

Эмоциональная тональность показа. Исследователи отмечают продуктивность отслеживания настроений и интонаций; однако если Гарри Фергюсон относит их к наблюдаемым в исследовании встречам социального работника с клиентами, то в нашем случае атмосфера, или внутренняя эмоциональная текстура [Ferguson, 2014 : 8, 12], – часть показа тех или иных мест, которая сообщает или дополняет их значения. Эмоциональная тональность колеблется от сожаления и возмущения до восхищения, в зависимости от степени (не)благополучия города.

В ходе прогулки по городу восприятие мест происходит в режиме здесь и сейчас, при этом аспекты жизненного опыта, реакция на настоящее и предсказания по поводу будущего сливаются воедино. В Краснотурыинске, где на момент проведения интервью было принято решение о закрытии алюминиевого производства, показ местных достопримечательностей сопровождался переживаниями о том, что все это будет постепенно разрушаться или никогда не будет достроено:

– Ну, вот здесь такая вот попытка 90-х годов постепенно перелиться из старого, из старой архитектуры, в более новый, там потом будет, ну это, к сожалению, долгострой.

¹⁹ О чем П. Бурдые (1986) предупреждает адептов биографического метода в своей «Биографической иллюзии».

– То есть он так и не достроен?
– Да, с 90-х годов, вот, комплекс, он не достроен. Наполовину достроен. Это у нас, получается, центр занятости местный, половину здания только занимает. Остальное там так себе. Далее полностью пустое здание (КрМ27).

В этом же интервью в такой же манере демонстрируются остатки действующего трамвайного пути (рис. 2.2):

Это трамвайные пути, но сейчас, к сожалению, заброшены. Городской трамвай пока испытывает проблемы, малая посещаемость, вот. Поэтому старая линия сейчас не работает. ...За глаза местное население называет те заводские постройки заброшенные Припятью. Потому что там такое ощущение заброшенности, упадничества (КрМ27).

Рис. 2.2. Трамвайные пути
в Краснотурьинске
(фото сделано
во время интервью КрМ27)

Трамвайные пути, причем реально действующие, от заброшенных отличить сложно; заброшенные заводские корпуса, на их фоне даже здания и места, пока находящиеся в полном порядке, тоже вызывают негативные эмоции, переживания по поводу будущего.

Устройство маршрута. Маршруты обнаруживают устойчивую структуру. С точки зрения изучаемой темы важными представляются не только а) начальная и конечная точки маршрута, но и б) место, следующее сразу за начальной точкой, благодаря чему обозначается направление движения. Кроме того, все точки можно разделить на в) дестинации и проходные места, т. е. целенаправленно достигаемые пункты, и те, что «сами» попадают по пути²⁰. Это формальная структура. Кроме нее существенно различие

²⁰ Подобное разделение целенаправленно определенной части маршрута и спонтанно возникающих промежуточных см.: [Holton, Riley, 2014 : 62].

«официального» маршрута города-для-других и личностно значимых мест города-для-себя.

Н а ч а л ь н а я т о ч к а маршрута – это место, где должны встретиться ранее не знакомые друг с другом исследователь и информант при посредстве организатора поля, который либо лично контролирует встречу, либо находится на связи заочно. Поэтому выбирается из технических соображений как удобное место встречи. Такое место должно удовлетворять двум условиям: во-первых, быть хорошо опознаваемым ориентиром; во-вторых, удобно (близко) располагаться для встречающихся сторон. Чисто техническая сторона доминирует, когда такой пункт привязывается к местонахождению исследователей. Так, в Качканаре три встречи были организованы у магазина на площади, неподалеку от гостиницы, где остановились исследователи. По другую сторону от площади начинается Парк строителей, так что вторым пунктом во всех трех интервью неизбежно, как кажется, стала демонстрация этого парка со слегка варьирующим набором его объектов. Иными словами, интервью начинались как стандартная экскурсия по «официальным» памятным местам. В этом случае предъявляется «город для других», а не «город для себя».

Из любой точки, однако, возможны разные маршруты дальнейшего движения по местности. Анализ нереализованных траекторий помогает понять закономерность совершенного информантами выбора следующего, второго после места встречи, пункта. Еще находясь в исходной точке у магазина, двое информантов, независимо друг от друга, произнесли пару слов о хорошо видном оттуда здании городской администрации. Оно расположено чуть правее от входа в парк, рядом с мемориальной стелой, но эти объекты не вызвали интереса у информантов. Далее, если пройти еще правее, находится административное здание ГОКа, прямо перед которым – мемориальный комплекс с информацией об истории и «лучших людях комбината» (рис. 2.3, 2.4).

Там же расположен еще ряд примечательных объектов – старый грузовик на заботливо побеленном пьедестале (рис. 2.5) и постамент с символом главного горного богатства – железной руды «Fe» (рис. 2.6). Последний был описан в одном из интервью, но отвергнут как неперспективный: *«И вот там тоже есть один из памятников в виде куба и на нем такой Fe нарисован, две буквы: F и E. Феррум обозначает. Это как раз про железную руду, но туда, я думаю, мы с вами не пойдем, там далековато, да и не совсем интересно смотреть»* (КЖ28).

Хотя в приведенном отрывке и сказано, что куб «далековато», в свободное время мы легко дошли до него от той же самой площади. Все дело

Рис. 2.3. Доска почета в Качканаре (здесь и далее, если не указан источник, приводятся материалы исследовательского фотомэппинга)

Рис. 2.4. Элемент Доски почета в Качканаре

Рис. 2.5. Памятник грузовику в Качканаре

Рис. 2.6. Символ железной руды в Качканаре

в том, что формируемые информантами маршруты стремились в прямо противоположную сторону – от Парка строителей нас вели в направлении ДК и других культурно-досуговых мест, и ни один из маршрутов не повернул к кубу (а о памятнике машине вообще никто не вспомнил), хотя о ГОКе с его градообразующей ролью в Качканаре говорилось немало. Нереализованной оказалась и другая потенциально актуальная траектория: если свернуть сразу за исходной точкой у магазина на улицу Октябрьскую, можно было подняться к «Первомайке». Это место упоминали многие участники исследования в Качканаре, включая рассматриваемые интервью.

Итак, навязывание информантам определенного места встречи подталкивает и к выбору дальнейшего маршрута. Информанты следуют укоренившейся культурной логике показа города, которую предложенная исходная точка только проявляет, но не детерминирует, о чем свидетельствуют «отвергнутые» траектории.

Помимо чисто технического удобства начальной точки интервью есть и содержательный критерий, исходящий из логики рассказа о городе. Как стало понятно уже по мере проведения исследования, этот содержательный критерий и его отличия от технического становятся заметны, когда встреча организуется исходя из предложений информанта. Само по себе это, конечно, не гарантирует разнообразия. Встроенная в содержательную логику рассказа о городе точка отсчета тем не менее все равно должна служить хорошим ориентиром. Так, в Лесном два интервью (по просьбе информантов) стартовали от центральной вахты. В дальнейшем, однако, они развивались по совершенно различным сценариям – в одном доминировал культурно-исторический экскурс «города для других», хотя и с привлечением лично окрашенного опыта, в другом информантка избрала

местом встречи центральную вахту исключительно в силу близости к ее дому: *«Мы идем ко мне во двор. Я живу здесь рядом. Поэтому наш город начинается, наверно, с моего дома»* (ЛЖ41).

Если место встречи служит отправной точкой интервью, то намеченные для посещения места выступают в роли дестинаций, к которым участники исследования ведут интервьюеров; встреченные по пути места также могут достаиваться некоторого внимания. Эти два типа мест – дестинации и проходные пункты – конститутивны для структуры маршрута.

Д е с т и н а ц и и – это своеобразные пункты назначения, работающие в go-along интервью как места притяжения, достойные непосредственной встречи facing-the-place, по Джону Урри [Urry, 2002 : 262; 2007 : 253].

Дестинации могут быть намечены заранее, а могут возникать по мере развития интервью, но лучше всего они прорисовываются, когда информант готовился к интервью. В некоторых случаях обстоятельная подготовка бывает довольно заметной; в Лесном, например, молодая женщина не раз ссылалась на своих знакомых:

То есть вот вчера общалась буквально с девушкой, рассказывала, что с вами буду встречаться, она, ей, наверное, чуть за 30, она говорит, я помню, в детстве бегала – вот этот был обрыв и видно было старинные могилы тысяча там восьмисотого года (ЛЖ27).

Чуть позднее она объявляет свой план: *«Я вас хочу по центру провести, потом уйти к достопримечательностям»*. Затем, согласовывая время, уточняет: *«Пойдем, значит, сюда, а потом выйдем, покажу. Обзорную экскурсию такую сделаем. Сейчас вот мы выйдем как раз-таки к одному из первых торговых комплексов, “Юбилейный” называется (смеется), в городе Лесной. И увидим поликлинику, э-э, медсанчасть, памятник афганцам»* (ЛЖ27). Таким образом, любой намеченный, а тем более заранее объявленный пункт можно считать дестинацией. Как видим, их может быть довольно много, если рассказчик подробно продумал маршрут и проговаривает его еще до достижения означенных мест.

В других случаях дестинация может быть единственной в маршруте или по крайней мере один из таких пунктов будет резко выделяться среди других, как плотина в одном из зареченских интервью:

Мы решили вас вести на плотину. Это у нас такое место... Там спокойно, там не ездят машины, там любят гулять мамочки с детьми... там с колясками. Там тихо. Собаки там же выгуливаются. Ну то есть относительно такое хорошее место на берегу. Пройдем все прямо по Ленинградской и спустимся. Недалеко. У нас вообще здесь все недалеко, относительно (ЗЖ36).

Этот план был объявлен в самом начале интервью, выбранная дестинация является по сути квинтэссенцией представления о Заречном как о спокойной зоне с большим количеством зеленых насаждений. В то же время данная этому месту характеристика коррелирует с личным и коллективным опытом: в качестве информантов выступают две женщины, 36 и 33 лет, с собой они взяли маленькую девочку. В результате рассказывает в основном одна из них, вторая больше занимается ребенком. Судя по тексту интервью, такая прогулка является традиционной для мам, гуляющих с детьми. Единственное, что не совсем устраивает, это ограждения вокруг плотины, которые были установлены в целях безопасности: мешают оценить красоту пейзажа (рис. 2.7, 2.8).

Рис. 2.7. Заречный. Плотина
(фото сделано
во время интервью
ЗЖ36, ЗЖ33)

Рис. 2.8. Заречный.
Замочки на ограждении
плотины (фото сделано
во время интервью
ЗЖ36, ЗЖ33)

Эта зарешеченность присвоена, на решетках молодожены оставляют свои знаки – однако информанткам замочки не интересны.

Плотина стала единственной дестинацией в этом интервью, стянув на себя множество сюжетов. Помимо темы отдыха и красивой местности (*«Вот видите, здесь как хорошо. То есть спокойно, и с детьми можно погулять, с колясками. ...Вот так, конечно, красота вот неопиcуемая»*) (ЗЖ36)) была актуализирована история плотины (строилась как *«стратегический объект, военный»*) с отсылкой к былой закрытости города и нынешней жизни с массовым выездом зареченцев на работу из города, в силу чего пришлось перекрыть движение по плотине, не рассчитанной на такие нагрузки. Сюда же вплетены драматический сюжет отселения жителей поселка Шеелит и мотокроссы на «Шеелитской горе» (*«известные у нас на всю Россию», «грандиозное такое шоу»*) (ЗЖ36)). Таким образом, место-дестинация стимулирует и организует истории, намного превосходящие ее собственные масштабы.

В сравнении с такой супердестинацией резко контрастирует второй тип точек маршрута – *встреченное по пути, или проходное*, место: *«Вот детский сад, кстати. Настя сюда ходит (девочка, которая с нами), хороший детский сад. Моя дочь сюда ходила... “Сказка” называется»* (ЗЖ36). Вообще, именно проходные места реализуют стимулирующие возможности местности в go-along: попавшие в поле зрения объекты пробуждают комментарии, которые в другой обстановке не возникли бы. Именно эта директивная роль местности способствует перераспределению контроля над разговором в пользу информанта, активируя его локальную компетентность. Приведенные выше наблюдения относительно работы структур коллективного опыта (культурных сценариев, как принято предъявлять город) в интервью действуют отрезвляюще на иллюзии полностью избавиться от предписанного характера коммуникации. Да, нам, может, удастся избавиться от the Q-and-A характера интервью [Brown, Durrheim, 2009 : 915], но только затем, чтобы вызвать к жизни стандартный экскурсионный рассказ.

Таким образом, набор дестинаций кое-что говорит нам об образах этих городов. А именно, это индустриальные моногорода [Веселкова, Прямикова, Вандышев, 2011; Veselkova, Pryamikova, Vandyshev, 2011], хребтом и сердцем которых остается градообразующее предприятие, каковое и оказывается в «обязательной программе» посещения. В Лесном на комбинат нас не повезли по причине особого режима закрытого города. В то же время «образ» индустриального город пока еще удерживает, но уже с трудом, первое место в конкуренции с другими местами, например, символизирующими комфортабельность городского пространства (парки, магазины), сходство с большими городами (образовательные учреждения, архитектурные

особенности (Красногвардейск – «маленький» Ленинград; Качканар – наши многоэтажки; Заречный, Лесной – наличие филиала МФТИ и т. п.).

Корректировка показа/рассказа. Представляется информативной корректировка двух видов – оптимизация маршрута и уточнение участниками собственных представлений. Под оптимизацией мы имеем в виду ситуации, когда информант подстраивается под интересы исследователя, как он их понимает в данный момент. Лучше всего это можно проследить на примере корректировки маршрута с целью предложить наиболее выигрышные места и/или ракурсы для фотосъемки. Так, в гористом Качканаре София повела было нас *под* гору, но, видя, что одна из исследовательниц фотографирует, изменила направление на прямо противоположное, предложив подняться *на* гору:

– *Сейчас там пониже еще спустимся, там еще красивее будет. Вас надо было на го... может, на гору поднимаемся? Здесь еще одна [помимо горы Качканар], вышка у нас где, телевышка, может, поднимаемся? Там горod можно сфотографировать, не хотите?*

– *Как вы хотите...*

– *Нет, просто вы начали фотографировать* (КЖ51).

Съемка трактуется с точки зрения привычного туристического потребления достопримечательностей, так что порой участники предлагали нам сфотографироваться на фоне таковых: София – в живописном месте среди зелени на горе, в Лесном – у мемориала погибшим в локальных конфликтах: «*хотите, встаньте, я вас сфотографирую*» (ЛЖ27). Другой способ оптимизации – попытка согласования своего показа с другими маршрутами с целью дать полное представление о городе, избегая повторов:

– *Вы где уже были в Заречном?*

– *Я вообще сегодня первый раз.*

– *А где вы сегодня уже были?* (ЗЖ33).

Я бы вас на завод сводил, но вы там уже были, так я понимаю. <...> Ну вот, скажем, городской трамвай, он появился благодаря железнодорожной ветке, которая шла к заводу. Там, по Фрунзе, по улице, вы там были, нет? Можем сходить (КрМ25).

Корректировка другого рода относится к развитию информантами собственных познаний в ходе прогулки. Хотя такой «педагогической» цели исследование, разумеется, не ставило, произведенный эффект укладывается в общую закономерность «АА»: актуализации темы и активизации

внимания к ней, производимых любым социальным исследованием (см., напр., [García et al, 2012 : 1399]). У нас юная информантка подробно рассказывала о городском парке и праздничном шествии со свечами в День Победы, которое завершается минутой молчания у мемориала погибшим воинам, где высечено имя и ее дяди. Однако о том, что находящиеся там же «белокаменные палатки» – это памятник первостроителям Качканара, в честь которых, собственно, и разбит Парк строителей, девушка узнала, только прочитав во время показа надпись на нем:

Там, наверное, написано, зачем они (усмехается). Я просто почему-то никогда не интересовалась. Ну, мне говорили в детстве, но я не запоминала (КЖ18).

В другом городе молодые люди решили показать памятник полуторке, первому советскому грузовику, и, только дойдя до места, обнаружили его отсутствие:

Убрали грузовик. Вон постамент стоит, где среди деревьев, среди тополей. Вот там стояла полуторка. ...И в принципе нечего смотреть даже. В том году она стояла, даже месяца два, [когда мы] проезжали. Убрали, жалко (КрМ24).

Эти микросюжеты показательны как в плане неравномерного распределения значимости среди, казалось бы, рядоположенных мест, так и динамической природы самого пространства.

Важной особенностью конструирования (формирование маршрута) выступают точки выбора дальнейшего направления. Вероятно, такая ситуация происходит, когда спланированный заранее маршрут оказывается законченным или, например, информанта гложут сомнения относительно того, как в дальнейшем строить маршрут. Такие точки бифуркации возникают почти во всех проведенных интервью и представляются как ситуации неоправданных взаимных ожиданий. Речь идет о том, что информант в какой-то достигнутой дестинации (места) надеется на окончание прогулки, в то время как интервьюер ожидает от него дальнейшего развития маршрута: «Ну, я не знаю, куда. Я не знаю, где там че смотреть, там-то. Дома, дома. Ну, пойдем» (ЛМ58); «Ну, я не знаю, тут нечего, наверное, рассказывать... Тут магазин, который все время меняется, почему-то надолго не задерживается, то продукты, то стройка вон какая-то...» (ЛЖ25).

Как правило, в таких ситуациях «помощниками» информанта становятся какие-то собственные обрывочные воспоминания: «Сейчас не знаю, что вообще тут происходит. Маленький такой премаленький такой

поселок. Ни светофоров. Школа есть, садик. Единственно, что здесь непосредственно есть, прямо Урал-Урал, т. е. тут горы, скалы, пруд есть свой, речка. Карьер-то я вам сейчас покажу все-таки. Карьер. Вот, посмотри-те. Вот здесь детство проходило. Папа служил здесь вот. Здесь вообще ничего не страшно. Здесь настолько легко и беззаботно было жить, все свои, всех знаешь» (ЛЖ28). Такими помощниками могут выступать элементы городского пейзажа, окружающего информанта в текущий момент времени, и, таким образом, маршрут формируется из случайных элементов, которые связываются усилиями информанта в некоторую направленную линию. Так, например, один из информантов решил показать вновь открытую спортивную станцию – он сам ее еще не видел, и сама по себе прогулка активировала воспоминания и интерес к собственному городу: *«В основном так-то весь город проехали. Сами видели, что ничего особо такого нету. Сейчас на лыжную базу съездим, покажу вам – построили да че да как»* (КМ20).

Рассказ и показ – (а)синхрония и режимы видимости. Словесный рассказ и городское пространство, как оказалось, не так-то просто соединить в одно целое. Рассказ то и дело отделяется от показа, многие места выпадают вообще или в лучшем случае вовлекаются задним числом, уже без показа. Логика повествования и логика мест – совершенно разные вещи, чтобы увязать их вместе, требуются усилия. Очевидная причина сложности – различие одновременной и последовательной природы вербального и визуального текстов. Как картинка воспринимается одномоментно, так и визуальное предъявление и схватывание мест города происходит моментально, тогда как словесный текст читается и рассказывается последовательно, требуя развертывания во времени. То, что менее очевидно и обнаружилось только в исследовании, это, собственно, эффекты интервью, обусловленные необходимостью вербального и визуального предъявления своего города чужому человеку.

Мы обнаружили три варианта сочетания рассказа и показа: совпадение (синхронность) и два вида несовпадения (асинхронности), при котором рассказ может забегать вперед показа и, наоборот, запаздывать или возвращаться к ранее показанному. Рассмотрим их подробнее.

1. Показ и рассказ осуществляются с и н х р о н н о, во-первых, когда доминирует место, а комментарий подстраивается под его показ и рассмотрение. Именно здесь реализуется способность go-along активировать чувство места за счет передвижения по нему в настоящий момент [Kusenbach, 2003]. Процессия может задержаться, пока длится рассказ:

постоять, походить вокруг, сделать фото. Информант старается изложить относящуюся к данному месту историю (истории) именно здесь. Ожидаемо удостоиваются такого внимания а) официальные памятники; б) неофициальные, но общепризнанные примечательные места, как «Ключ» в Качканаре; зачастую они оказываются дестинациями, но могут быть и в) проходными местами, если в интервью или по крайней мере в его текущей части сильна личностная тональность (город для себя).

Вербально совпадение рассказа и показа маркируется указательными словами (здесь, вот, там): *«Вот это все 8-й квартал»* (КЖ51) и проговариванием движения (едем, проезжаем):

Мы едем по самому, будем говорить, свежему району, который ближе к лесу расположен. Вот гора с этой стороны. Проезжаем 10-й микрорайон (КМ59).

Встречающиеся по ходу прогулки места активируют определенные сюжеты. Они могут быть связаны с общезначимыми социально-экономическими проблемами, например, актуальным для моногородов разделением полномочий между городскими властями и градообразующим предприятием: *«Вот Дворец спорта. Тоже ГОК взял его в свои руки. Тоже раньше был городской»* (КЖ51); городским благоустройством: *«Дорога довольно ровная, автомобильная. Вот. К сожалению, такие места не везде, но это классно. Я автомобилист, и мне приятно по этой дороге ездить. То есть все-таки администрация как-то занимается ремонтом»* (ЗМ23), с личными воспоминаниями: *«Здорово, что мы с вами именно в этом районе, потому что жил я раньше на Свердлова и поэтому я вот здесь везде бегал, гулял, для меня это более родной район»* (ЗМ23).

Одновременность показа и рассказа может возникать и в противоположной ситуации – на фоне доминирования внутренней логики рассказа, когда информант уже выдохся, исчерпал «домашнюю заготовку». При таком затухании внутреннего сюжета встреченные по пути подходящие для предъявления места воспринимаются рассказчиком как спасительные опоры, чтобы нанизать на них дальнейшее описание.

Наше исследование отчетливо показало обычно не замечаемый в go-alongs эффект, а именно *подчиненность рассказа собственной, внутренней логике, независимой от внешнего окружения*. В пределе этот эффект приводит к бессмысленности разговора на ходу, что и выразил один из информантов (КМ59). Тем не менее установка показывать город и сам факт движения побуждали информанта все же как-то увязывать рассказ и показ.

Не только при движении автомобиля, но и при пешем интервью многие места визуально предъявляются/воспринимаются одновременно – просто указанием на них, и тут же в поле зрения оказывается что-то другое. Возникает своеобразная конкуренция мест при движении. Рассказ же требует большего времени, посвященного конкретному объекту. Увязывание показа и рассказа осуществляется за счет темпоральных манипуляций. А с и н х р о н и я двух видов: когда рассказ упреждает показ и, наоборот, когда рассказ следует или возобновляется после визуального восприятия.

Информант может рассказывать о том, что не видно, – вообще недоступно в данной прогулке или пока еще не видно.

Отсюда не видно, но на флаге изображен подсолнух с Белоярской атомной станцией внутри. То есть это герб нашего города. Можно подойти поближе, конечно, сфотографировать. Но, я думаю, вам все-таки это интересно (ЗМ23).

Связность повествования, возникающие и развиваемые информантом сюжетные линии то и дело отрывают рассказ от описания встречаемых по пути объектов, так что возникает конкуренция уже не между местами, а между рассказом и показом.

2. Рассказ может п р е д в о с х и щ а т ь, в той или иной степени обгонять непосредственный показ. Вербально проявляется использованием глаголов будущего времени, характеризующих движение и зрение:

Далее полностью пустое здание, и там, в центре, сейчас пока его не видно. Там налоговая служба и прокуратура, ну сейчас мы выйдем, посмотрим (КрМ25).

Вот сейчас мы направо увидим, можно даже проехать – одна из современных школ (КМ59).

Сейчас там, пониже, еще спустимся, там еще красивее будет (КЖ51).

Если мы с вами еще прогуляемся, можно будет дойти до замечательного нашего бульвара нового (ЗМ23).

При этом временная последовательность увязывается с пространственным упорядочиванием; в приведенных примерах за последнее отвечают указательные местоимения (там), иногда сопровождаемые сообщением направления (направо, пониже) или места (в центре).

3. В других случаях рассказ в о з в р а щ а е т с я к ранее показанному. Наиболее бесспорной, понятной незнакомому с местностью исследователю является начальная точка интервью, к которой информанты прибегают для уточнения пространственных описаний:

Вот он [микрорайон] начинается, откуда мы шли, встретились, вот отсюда новый микрорайон. От «Метелицы» он начинается (ЛМ58).

Вот верхом, где вот мы сейчас вот там вот были, по той дороге можно буквально за 15 минут, из одного [конца города], вот где мы были, где встретились с вами, и дойти до площади ровно 15 минут нормальным, обычным шагом (КЖ51).

Асинхрония является проявлением относительной независимости рассказа от окружающих мест.

У одной из наших информанток город начинается с подъезда собственного дома. В этом интервью довольно щедро представлены описания проходных мест, однако они будто нанизаны на все ту же тематику родительской семьи и детства.

Вот это спортивный клуб, у нас детки ходят туда заниматься. ...Тут была площадка, всегда на ней играли. Я в свое детство играла в волейбол. Как-то родители с нами играли, было здорово. ...У меня папа в пожарной части здесь работал, недалеко. ...Есть в нашем в городе Парк Горького, ну там, в центре. У нас раньше там принимали в пионеры. ...Вот пожарная часть. А вот у нас телевышка (ЛЖ41).

Показывая детский спортивный клуб, Людмила вспоминает, как играла с родителями в волейбол, отсюда, чуть забегая вперед, говорит о пожарке, где работал папа. И без всякой связи с местностью – но в полном соответствии с темой детства! – рассказывает о парке, где раньше принимали в пионеры, пока в поле зрения не окажется та самая пожарка, возвращающая к комментированию проходных объектов.

Руководство видением. Показывая важные места, информанты под-сказывают, куда и как нужно смотреть. Указательные местоимения (вот, вон, там) вычленяют нужные фрагменты наблюдаемой панорамы, а проговаривание *видимости* подтверждает и подчеркивает их включение в зону внимания и обсуждения:

Кстати, вот из Екатеринбурга приезжают с палатками сюда отдыхать. Мы на Челябинские уезжаем, а они приезжают сюда. Вот даже видно, во-он стоят палатки. Это не местные (ЗЖ36).

Информанты могут предлагать особый режим зрения – например, *присмотреться*:

Это раньше были железнодорожные пути, они шли прямо там от леса... Там, за лесом ... ну там даже видно, если присмотреться, заводские части, вот это была железная дорога здесь (КрМ25).

Вариативность применения метода go-along позволяет увидеть палитру его возможностей. Наиболее значимыми могут показаться отличия движения или пешком, или на автомобиле. На первый взгляд может показаться, что прогулка на автомобиле более ресурсна, чем пешее интервью, однако наш опыт показывает, что это не так. Скорее, у каждой разновидности go-along свои преимущества и недостатки. Достоинство автомобильного интервью в том, что информанты привозят нас к удаленным местам, пешком практически не доступным или доступным с какой-то одной точки. В Качканаре это были «Ключ» на въезде в город, промзона Качканарского ГОКа и бывшего радиозавода, вертолетная площадка, санаторий «Зеленый мыс» с другой стороны пруда. Часть таких мест была практически недоступна для пешеходных интервью.

Как правило, это места-дестинации, к которым информант целенаправленно едет, в пункте назначения останавливается и предлагает собеседникам выйти и осмотреться. По Дж. Урри [Урри, 2012а : 443], это упоминавшиеся выше точки притяжения, если не сводить их только к местам предназначенным для туристического потребления. Ключевым в данном случае является не наличие автомобиля, а желание информанта показать эти места. Некоторые автомобильные интервью оказались беднее с точки зрения демонстрации мест, нежели пешеходные.

Демонстрация градообразующих предприятий была более эффективной при наличии автомобиля. В Краснотурьинске один из информантов не только довез до места, где идет демонтаж заводских конструкций, но и предлагал проникнуть на закрытую территорию, чтобы сфотографировать процесс ликвидации предприятия.

Во время пешеходных прогулок двое информантов привели интервьюера к центральной проходной БАЗа, в это время другой краснотурьинец на автомобиле объехал всю промзону, показывая знаковые объекты – ТЭЦ, 6-ую серию, с недавним закрытием которой остановилось алюминиевое производство.

– Здесь ТНП завод был, сейчас просто склады товаров народного потребления, жалюзи делали, натяжные, не натяжные... потолки всякие, тоже все заглохло... Весь металл вырежут... Сейчас проедем там, посмотрим... Очень много оборудования, я как-то приезжал, так, из любопытства. ...Ну, потом можно выйти, вокруг объедем, посмотрим, железнодорожные пути были, здесь должен был... новый глиноземный... склад... сейчас свалка заводская... Там они грузят металл, наверное... режут в габариты, все вывозят... Порядка 400 миллионов здесь металла... Поэтому я говорю, вот мое мнение, вся эта тема и придумана... Вот сейчас легально вырежут этот металлолом, знаете, сколько своровано уже, потихоньку люди резали, резали тут...

– Все возможно. Кто знает...
– Вот скорее всего... Видите, завозят, там режут и грузят в вагоны, вагоны уже, вагонами отправляют... Интересно, можно и это сфотографировать... Здесь видите вот эти краны, которыми вот оборудование сюда разгружалось... Растащили много... До сих пор это печи стоят, готовые считайте... Ну, все, сейчас вокруг объедем... (КрМ34).

Двое информантов независимо друг от друга привозили исследователей на краснотурьинскую лыжную базу, связанную с деятельностью местной параолимпийской чемпионки Анны Бурмистровой. В Заречном – БАЭС, где мы также объехали вокруг станции с остановкой у проходной, в Лесном автомобильная поездка захватила входящий в состав городского округа поселок Горный.

Еще одно бросающееся в глаза отличие автомобильных интервью: места, которые не являются отдаленными дестинациями, а плотно следуют друг за другом по пути, устаиваются гораздо меньшего внимания. В этом мы усматриваем недостаток или по крайней мере сложность автомобильного интервью. В лучшем случае информант называет быстро проносящиеся за окном места. Они мелькают слишком быстро и не обязательно четко выделяются из общей ткани города, так что незнакомый с местностью исследователь может просто не соотнести рассказ с тем, что видит. Так что объекты остаются неопознанными и уж точно не сфотографированными, если только интервьюер не проявит настойчивости, например:

– Это у нас центр детского творчества.
– Мне надо сфотографировать.
– Давайте подъедем поближе (КрМ34).

В то же время эффект скорости не является таким уж значимым. В ходе пешеходного маршрута упоминание мест могло быть также кратким и схематичным. Более того, в ходе прогулки возникала необходимость «заполнения эфира». Тем самым пешеход, точно так же как автомобилист, просто перечислял какие-то особенности городского пространства, встречающиеся по дороге. Наиболее значимыми и в том и в другом случае были фиксированные остановки либо пешехода, либо автомобиля для более подробной демонстрации. Пешее движение, по мнению одного из информантов, как раз предоставляет больше возможностей для осмотра значимых мест. Более того, в небольшом городе важен не масштаб, а детали, которые трудно демонстрировать в автомобиле. Можно предположить, что размеренность такого города лучше сочетается с пешеходной прогулкой.

– Просто, на машине если ездить, у нас смотреть не на что...

– Почему?

– Вдоль центральных дорог, ну представьте, мы ехали бы по Кузнецова, что бы мы с вами увидели, внимание: с правой стороны мы проезжаем мимо Алешенковского бульвара, проехали мимо Алешенковского бульвара. Ну, это смешно и глупо, потому что, чтобы понять, что это такое, нужно пройтись, нужно посмотреть, увидеть своими глазами, это сейчас самое красивое место в Заречном. И до ротонды мы на машине не доехали бы, можно, конечно, здесь прямо по бульвару, я видел ребят, которые этим занимаются, есть такие, дурные и отчаянные. Буквально вчера я видел, на каком-то джи... внедорожнике, они здесь проезжали. Очень пожалел, что не было с собой гранатомета, но это другое дело (смеется). Вдоль дорог, но вот даже проехали бы мы с вами по Ленину, мы бы пронеслись мимо этих прекрасных, зеленых насаждений, мимо вуза по этому кольцу, мимо вот аллейки, мимо... Ощущения смазываются, на автомобиле всегда смазываются ощущения, либо нужно ехать на скорости 10 км в час. Это неинтересно, хотя вы, наверно, устали. (ЗМ23).

Очевидно, однако, что машина не может останавливаться у «каждого столба», тогда потерялся бы смысл автомобильной поездки. В некоторых случаях остановка невозможна по правилам дорожного движения или ситуации на дороге. Ну и частые просьбы остановиться могут сбить информанта с толку, отвлечь от его замысла, даже если тот формируется на ходу. Поэтому на автомобильном интервью надо быть готовыми к тому, что значительная часть мест «по пути» к destinations окажется недорассказанной и недопоказанной, если не потеряется вовсе. Эти потери не станут критичными, если исследование сочетает автомобильные и пешие интервью.

Маршрут автомобильной прогулки в большей степени подвержен влиянию внешних обстоятельств, таких как правила дорожного движения, наличие дорожного покрытия и мест для стоянки. Конечно, это не значит, что пешеходная прогулка проводится по колдобинам и бездорожью, но пешеходы оказываются в несколько более выигрышной ситуации по сравнению с автоинформантом. В то же время у информанта за рулем появляется больше возможностей выбирать места.

Во время автопрогулки меньше времени остановиться, войти в плотный контакт с местом/погрузиться в место, о котором рассказывает информант. Во время автопрогулки есть возможность рассказывать сразу обо всех местах понемногу, не согласовывая это с тем, что за окном. Машина выступает в роли своеобразной капсулы, изолирующей информанта и исследователя от текущего пространства города и, собственно, от мест, образующих маршрут движения. Места, которые проезжают, сливаются в мозаику,

в которой порой сложно классифицировать места по уровню значимости, оценить востребованность мест со стороны горожан (например, проследить, насколько много детей ползает по танку или насколько сильно протоптана тропа в парке и т. п.). Это свойство автопрогулки задает мозаичность рассказу информанта о дестинациях; существуют риски не-складывания целостного образа города и некоторой нелогичности сконструированного внутри городского пространства маршрута: «...здесь Вечный огонь и... Великой Отечественной войне. Тут 9 Мая, различные там городские праздники большие здесь проходят, эстафеты... как сказать, вот мы проехали с вами больничный городок. Здесь у нас сейчас начинается спортивный городок. Здесь у нас стадион большой, бассейн» (ЛЖ30). Более того, сами места могут мешать информанту рассказывать о своем городе, отвлекать его от собственных идей, составляющих канву рассказа.

Во время автопрогулок немного в большей степени проявляется предвосхищение места – рассказа о том, куда только информант собирается подъехать. Это желание обозначить свое назначение (дистинкцию) отвлекает от описаний текущих мест: «...мы школу будем проезжать. В общем, культуры в городе Лесном очень много. Это вот наш фонтан, недавно аллею... нам сделали... влюбленных, так сказать, вот видите... Всякие чугунные там, стальные сварены...» (ЛЖ30); «бассейн вон там вдоль дороги стоит. Сейчас подъедем, стадион посмотрим»; «самый третий блок наш работающий. Сейчас вот с этой стороны подъедем, с северной» (ЗМ48). В пешеходных прогулках момент предвосхищения тоже существует и скорее выступает как часть презентации, подчеркивания своей ведущей роли самим информантом. Дескать, мы считаем важным отвести вас туда-то...

В go-along объединяется потенциал совместности, субъектности и движения. И пешеходный вариант, и автомобильный позволяют соблюсти все необходимые аспекты и не дают весомых различий по сравнению с личностью самого информанта и его видением предстоящей прогулки. Заинтересованность информанта, его укорененность в городское пространство, эмоциональные ощущения, безусловно, более значимы для ситуации интервью, нежели средство передвижения. Пространство города предстает как динамичное, заданное не столько дорогами и тропинками, сколько маршрутами, которые являются результатом смешения официальной и неформальной памяти. Мобильный метод – едва ли не единственная возможность понять сложность восприятия городского пространства даже в ситуации малого города. Сочетание желания как можно лучше продемонстрировать свой город и сюжетов, связанных с особенностями личного опыта проживания в данном городе, позволяет получить особый результат – выделение

мест памяти, коллективно обозначенных и лично­стно присвоенных. Городское пространство видится как пронизанное токами субъективного восприятия, представляется многомерным, неким ансамблем когнитивного и чувственного. Высвечивается особая оптика города, подчеркиваются акценты, начиная с признания и подтверждения индустриальной сущности и заканчивая все больше и больше проявляющимися акцентами на комфортабельности данного пространства, подчеркивании экологических, художественных особенностей.

РАЗДЕЛ 2

ПРОШЛОЕ: молодые города, дискурс преобразования

Глава 3

ЯЗЫК НОВИЗНЫ

3.1. Новые, молодые, юные: как формировалась лексика

Сначала в ходу была риторика социалистических и новых городов и только позднее стали говорить о молодых и юных. «Городами юности» называли как новообразованные, так и старые поселения, недавно получившие статус города. Переход от «новых» к «юным» не был просто подбором синонимичных выражений, применяемая терминология символизировала нечто большее, нежели строительство еще одного города. Итак, на рубеже 20–30-х гг. XX в. говорили преимущественно о новых городах, в этот период важно было показать их принципиально новый, социалистический характер. Система координат строилась по эпохам (старое – новое) и классам. Термин «социалистический город» вошел в обиход в конце 20-х, в ходе знаменитой дискуссии о соцгородах. Отвергнутая позиция дезурбанистов выражала не только широко распространенное отвращение к большим городам как прибежищам порока, но и стремление государства, не способного справиться с жилищной и другими проблемами, «затормозить урбанизацию»¹. В тот же период исподволь складывалось убеждение, что любой социалистический город должен иметь основное производственное предприятие, в отличие от буржуазного города, где основой служит рынок (см.: Использовать проекты утопистов // Правда. 02.12.29. № 282. С. 2).

Новый, социалистический vs молодой. Вместе с тем уже в 1931–1932 гг. провозглашается установка на строительство новых городов, официальной точкой отсчета которой является Постановление Пленума ЦК ВКП(б)

¹ В. Колосов и П. Полян относят этот момент к 1932 г. – установлению строгого паспортного режима и прописки [Колосов, Полян, 2009 : 29].

«О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 15 июня 1931 г. Соответственно разворачивается и полномасштабное дискурсивное полотно. Печать прославляет социалистические города главным образом как новые, только создаваемые поселения, развивая партийные постановления «построить десятки и сотни новых городов»². Встречаются и напоминания о том, что «понятие “социалистического города”, относимое только к новым городам, неверно, так как наши существующие города и есть социалистические» (Художники – на перестройку городов! // За пролетарское искусство. 1931. № 7). Таким образом, новые города рассматривались в модусе строительства, старые – в модусе реконструкции. Последняя означала не просто восстановление после Гражданской войны³, но коренное преобразование на совершенно новых, социалистических началах, что, в свою очередь, влекло омоложение поселения.

В. Глазичев отмечает, что уже в первой пятилетке (1929–1934) «старые города были отодвинуты на второй план» и все внимание сосредоточилось на крупнейших стройках, среди которых автор выделяет ГАЗ – фактически новый город рядом с Нижним Новгородом, Магнитогорск, Сталинск (Новокузнецк). «Именно тогда был закреплён принцип формирования жилых слобод при промышленных предприятиях, который в наше время сказался кризисом так называемых монопрофильных городов» [Глазичев, 2011 : 61].

Разумеется, системное развитие городского хозяйства, провозглашенное Постановлением Пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г., не могло осуществляться столь всеобъемлюще во всех городах СССР, как это предусматривалось для Москвы. Приходилось останавливаться на чем-то одном, главным, и таковой оказывалась, конечно, промышленность, тем более если речь шла об уральском городе-заводе. Так, надеждинская городская газета в первый день нового 1932 года разместила на первой полосе статью «Омолоченный завод» свердловского журналиста А. Маленького⁴. Против обыкновения, фамилия автора была набрана не мелким шрифтом внизу, а сверху

² Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», 15 июня 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0008_gen&object=translation&l=ru (дата обращения: 11.02.2015).

³ Дезорганизация и разрушения вследствие революции и Гражданской войны, а также пагубное «наследие царизма» признавались и проговаривались, бедствия голода 1931–1932 гг. – нет.

⁴ См.: *Маленький А.* Омолоченный завод // Пролетарий. 01.01.32. № 1. С. 1. А. Маленький в тот момент приступил к работе над историей Надеждинского завода в рамках горьковской «Истории фабрик и заводов».

статьи и оказалась по иронии ровно под рисованным изображением Сталина. Внизу по всей ширине страницы представлена фотографическая панорама предприятия, на которой можно различить деревянные постройки неясного сегодня назначения и вздымающиеся тут и там трубы. Отметим, что дискурсивные приемы, призванные подчеркнуть грандиозность творящихся свершений, в этой статье все те же самые, что будут использованы и в репортажах о новых городах («поезд долго идет по лесу, как вдруг...»). При этом получивший статус города в 1926 г. (и основанный в 1894 г., одновременно с закладкой завода) Надеждинск не позиционируется как молодой. В начале 1932 г. городская газета в духе времени провозглашает: «Надеждинск должен стать *социалистическим* городом» (курсив наш. – Авт.), для чего необходима соответствующая планировка (Рябов. О схеме планировки города Надеждинска // Пролетарий. 20.02.32. № 42. С. 2).

Возникновение принципиально новых, социалистических, городов является разновидностью «великих событий спасения», как следует из работ П. Рикера в интерпретации С. Зенкина. Основанные на радикальном разрыве с прошлым, такие события знаменуют начало новой истории, несущей избавление. В отличие от природных катаклизмов эти события суть интенциональные действия, однако в дальнейшем первоначальные конкретные цели уходят на задний план и тогда событие «становится символом, который принадлежит всем и может приобретать новые смыслы» [Зенкин, 2014: 76], что и происходит в ходе практик коммеморации. Чуть перефразируя Зенкина, можно сказать, что обыгрывание «всевременной значимости» событий своей новой истории, укладывание их в традицию, подвергаемую постоянному (пере)толкованию, сохраняют действенность, ресурсность «начала». «“Освободительные деяния” повторяются потому, что перетолковываются, а перетолковываются они потому, что заново (более или менее символически) “переигрываются” в ходе истории» [Там же : 74].

С. Зенкин полагает, что для современной истории характерна своя, особая категория основополагающих событий – революции, обладающая повышенной «истолкуемостью» в сравнении с другими – заключение договоров, провозглашение законов, основание городов [Там же : 78]. Наш анализ показывает, что новизна/молодость городов обладает также весьма высокой, а главное содержательно богатой «истолкуемостью». Дискурсивная эксплуатация молодечности сформировалась не сразу. Юность и участие молодежи не артикулировались ни для Магнитки, ни для Красноуральска. Ситуация меняется для Комсомольска-на-Амуре (1932), однако тоже не сразу. Только спустя четыре года с его основания, в 1936 г., центральная печать начинает продвигать Комсомольск как город юности. В приведен-

ном ниже отрывке он олицетворяет юность края, отсчет которой ведется с установления советской власти. Качества юности и новизны увязаны с другими положительными эпитетами (богатый, передовые, большие, крупнейшее), выражающими количественные размерности:

Дальневосточный край моложе других краев советской страны, лишь в конце 1922 года он освободился от интервентов – империалистических хищников, но волей большевиков советский Дальний Восток становится богатым индустриальным краем, быстро догоняя передовые края и области социализма. ...В Комсомольске, в этом городе юности, олицетворяющем юность родного края, растет новый индустриальный центр с большими заводами, имеющими крупнейшее значение (VI Чрезвычайный съезд Советов Дальневосточного края – великому вождю партии и народов, любимому учителю и другу всех трудящихся – товарищу Сталину // Правда. 13.11.36. № 312. С. 1).

Наряду с позитивными коннотациями, молодость имеет и негативные. Последние используются в дискурсе молодых городов значительно реже, чем положительные, и служат для оправдания негативных сторон. Молодость, юность в таких случаях служат синонимом незрелости. В отличие от положительных негативные коннотации проскальзывали уже в характеристиках самых первых советских городов. Так, «детскими болезнями» пускового периода Красноуральского медеплавильного завода именуют многочисленные недоделки (см.: *Васильковский, Верховский, Верховцев, Зуев, выездная бригада «Правды»*. Там, где плавится советская медь // Правда. 02.03.32. № 91. С. 3).

В 1957 г. в одном и том же выпуске нижнетуринской газеты рядом с прославлением молодых строителей Качканара встречаем заметку «Хватит ссылаться на молодость», критикующую «допотопный способ производства».

В первые дни получили работу только те, которые пришли со своими топорами и пилами. ...Тогда ссылались на молодость. Дескать, организация новая, техника еще не пришла. Но прошло лето, а лесоповал ведется все еще теми же топорами и пилами (Хватит ссылаться на молодость // Вперед, к коммунизму! 27.10.57. № 128. С. 2).

Авторы материала апеллируют к уже полугодовому стажу треста и масштабу стройки: «Строительство такого крупного предприятия нельзя вести допотопным способом».

Эпопея: энтузиазм и прагматика. Просматриваются т р и а с п е к т а советской эпопеи новых городов. Во-первых, в свете вышесказанного отправку наэлектризованных – романтикой ли борьбы или не-

прикаянностью – масс на новые стройки можно рассматривать как перенаправление людей прочь от старых поселений с целью избежать их сверхконцентрации в этих «естественных» точках сборки. Во-вторых, отрывая людей от привычной среды обитания, проще было справиться с путями традиций. Отмеченное еще Дюркгеймом, это обстоятельство (все прошлое тянет нас назад) было особенно существенно в начальный период становления советской власти. И в-третьих, новое и невиданное начинание «оправдывало» экстремальность жизни и работы в отсутствие жилья и прочих необходимых элементов жизнеобеспечения. Думается, с этими тремя аспектами в значительной степени связана апология голого/пустого места, на котором и разворачивалось строительство.

С 1931 г. город как таковой уже некорректно ругать. Путем преобразования старых, возникновения новых разрастание их сети всячески преувеличивается. Масштабы создания новых городов в СССР поистине колоссальны в 1932 г. Почувствовать планы призывает «Правда», а в 1935 г. «Смена» прославляет достижения, гипнотизируя цифрой 100:

За годы пятилетки у нас возникло около 100 новых городов – цифра сама по себе ошеломляющая, если учесть, что ни в одной стране, даже в Америке, на всех этапах ее промышленного развития, не было такого сказочного и молниеносного «изменения географии» (*Вельмин В.* СССР – страна передовой культуры // Смена. 1935. № 2. С. 16).

Эта линия – радость от умножения количества городов – ничуть не изменилась за десятилетия советской власти. Успехи и проблемы строительства освещают книжки социологов [Культура..., 1972; Коган, 1982] и градостроителей уже эпохи развитого социализма: с 1917 до 1967 г. на территории Союза (в границах СССР 1939 г.) было создано более 900 городов, включая города, выросшие из поселков городского типа и сельских поселений [Смоляр, 1972 : 6]⁵.

Официальный дискурс новых/молодых городов. Постепенно с начала 30-х гг. практически каждый новый город, независимо от того, построен он с нуля или возник из поселка, называли (самым) *молодым, юным*. В «Правде» и «Известиях» выражение «молодой город» встречается в 473 документах с 1933 г., «юный город» – в 126 документах с 1937 г. Распространено было и выражение «город юности» – 213 документов с 1938 г. Однако закрепилось такое название за немногими – Комсомольском-на-Амуре (1932)

⁵ Сведения о количественном росте новых городов, включая эти цифры, активно использованы, в частности, Барбарой Энгель [Engel, 2006].

и Качканаром (1957). В центральных газетах советского периода наиболее частотное выражение «новые города», реже – «молодые», «юные». Если слово «новый» просто фиксирует факт появления, то «молодой», «юный» скорее романтически повествует о возрасте и росте. Привычно словосочетание «молодой город» и в местной печати начиная с 40-х гг. XX в., где речь идет о поселениях, недавно получивших статус города. В целом же в словоупотреблении *новый, молодой, юный* встречается довольно много смысловых оттенков.

М е т а ф о р и к а. В конце 20-х выражение «новый город» метафорически обозначало новые качества или, как любили тогда говорить, новое *лицо* давнего поселения, проблематизируемые в борьбе старого и нового.

С первого взгляда Новочеркасск – новый город. Новые люди. Новые вывески. Новые названия улиц. Внешний вид – все в порядке. А копнешь глубже, соскоблишь стирающуюся позолоту кричащих надписей – раскрывается неприглядная гниль далекого прошлого.

Наступает старый Новочеркасск «бывших» людей.

Классовый враг – действует (*Липищ С.* Классовый враг действует // Революция и культура. 01.11.29. № 19/20. С. 82).

Новый город, таким образом, мог обозначать результат усилий по *реконструкции* существующих поселений.

Позднее апелляция к молодости превратилась в художественный оборот, на контрасте со всем известной древностью подчеркивающий юное «состояние души» сколь угодно давно заложенного поселения, крупного города: Москвы, Ленинграда. Такие фразы изобилуют красочными эпитетами и изображают город в утопически сказочном ключе, вне реалистичных координат времени. Характеристика «вечно юный», «бесконечно юный» идет в паре с противоположной – величавостью, древностью.

Празднично украшенный, величаво строгий и в то же время вечно юный город Ленина проснулся в симфонии маршей и боевых песен, в рокоте движущихся к площади Урицкого танков (Советский народ демонстрирует свою мощь и сплоченность вокруг партии Ленина – Сталина (по телеграфу и телефону от корреспондентов «Правды» и ТАСС) // Правда. 09.11.40. № 311. С. 3).

В 1952 г. «Известия» иллюстрировали такое состояние Москвы достраиваемой тогда высоткой на Смоленской площади⁶.

⁶ В 1952 г. газета сообщает о состоявшейся сдаче в эксплуатацию «административного здания», ныне известного как здание МИД, с указанием сроков: 1948–1953, архитекторы В. Гельфрейх, М. Минкус.

Чудесными дворцами украшаются широкие магистрали и просторные площади столицы. Сказочно красив наш древний и бесконечно юный город! (Фадеевичев Е. Замечательное творение советского зодчества. Фото А. Новикова. Высотное здание на Смоленской площади // Известия. 22.08.52. № 199).

Идеализация ситуации в контексте существующей идеологии предполагает не просто высокий слог изложения, речь идет о превосходстве того, что делается в условиях советской страны, и даже «старые» постройки царского режима иначе выглядят в свете новых реалий. Нереалистичность юности подкрепляется дополнением «бесконечно», в целом очень настойчиво педалируется сказочность: чудесные дворцы, сказочно красив. Новые города в этом смысле мы далее рассматривать не будем.

Новый, молодой, юный город – недавно выстроенный, как правило, «с нуля», на «голом месте». В этом смысле новым городом могла называться селитьба вокруг предприятия, административно входившая в «старый» город, как соцгород Уралмаш в Свердловске. Поселение такого рода первоначально часто именовали рабочим поселком завода. Новые в этом смысле города мы затрагиваем только по касательной (как тот же свердловский Уралмаш), основное же внимание в нашем исследовании уделено следующему виду именованию в качестве нового (молодого, юного), а именно, новый город как поселение, которое возникает, согласно дискурсивной формуле, в ранее необжитом месте либо рядом (на месте) с поселением негородского типа. Справедливо как для поселения в целом, так и для какой-либо его части. Так, уточняя для интервьюера длительность «новизны» нового района в Лесном, информантка сообщает:

Вообще, сколько здесь живу, строительство всегда идет сюда, в лес. Вот по крайней мере вот эти все новые дома, когда мы приехали в город и вот дочери было 7–8 лет, мы ходили сюда, в лес, сосиски жарить на старей Новый год. Этого еще не было. Так, 30 лет назад. Грубо. Расстраивается быстро в сторону леса (ЛЖ64).

Оценочные коннотации молодости и новизны вкратце таковы:

а) Молодой – значит сильный и красивый. Интересно, как в 1946 г. главный архитектор Базестроя объясняет значение молодого как сильного и красивого, причем подвластной человеку красотой:

Наш город Краснотурьинск один из молодых, рожденный в дни Отечественной войны. Все молодое – сильное, а все сильное – красиво. Есть красота, которая создается природой, а есть красота, которую создает человек. Это зависит от нас. Нам, трудящимся молодого города, предстоит много сделать,

чтобы он был красивым, благоустроенным городом. Таким, чтобы в нем хорошо было жить, учиться, работать и отдыхать (*Гринев, главный архитектор Баззтроя*. Соцгород должен быть красивым и чистым // *Заря Урала*. 01.05.46. № 43. С. 1).

Далее архитектор говорит о ближайшей задаче – озеленении конкретных кварталов, «заготовке штакетов и установке их» и т. п. И если апология молодого как непременно сильного и красивого смахивает на демагогию, то общий заряд фразы все же подкупает своей человечностью. Здесь не говорится о борьбе и патриотизме, а ведь эта риторика отнюдь не исчезла с газетных полос, хотя и пошла на убыль с окончанием войны. Город должен быть таким, чтобы в нем хорошо было жить – просто жить, а не преодолевать трудности и отдавать всего себя. Такой посыл в 1946 г. звучал свежо и смело. Тема красоты получит богатое развитие в дискурсе молодых городов.

б) Молодой – значит активно строящийся. В таком городе много движения, за счет этого – свежести и новизны:

Североуральск – город молодости. В нем все свежее и новое. За несколько месяцев строители воздвигают новый многоквартирный дом, детские ясли или другие здания (*Камов Н.* Огни Североуральска: Растет и хорошеет наш северный край // *Заря Урала*. 21.02.54. С. 4).

Отдельный прием – превращение молодого в город молодости, юного – в город юности. В этом случае молодость будто поселяется в городе, приобретая антропоморфные черты⁷.

в) Молодой – значит еще недостроенный. В городе много недоделок, необходимо еще много вкладывать; в такой подаче формулировалась критика:

Краснотурьинск – молодой строящийся город, в него вкладывается много средств на капитальное строительство (Под знаком большевистской критики: С пятой городской партийной конференции: Из выступления т. Гиренко // *Заря Урала*. 24.03.49. № 33. С. 2).

В целом соотношение старого и нового, молодого однозначно рассматривалось в пользу последнего, что особенно ярко выделяется для раннесоветского периода. Новое не только основа для будущего, но само его

⁷ В 20-е гг. XX в. антропоморфизм отличал пролеткультовские описания производства, отдельно отметим очерки Л. Рейшер.

зримое пришествие, готовые к предъявлению доказательства. Дискурс строится на предельно контрастных сочетаниях, через бесконечно нагнетаемое противопоставление⁸.

Таким образом, с развертыванием строительства начинают формироваться и способы о нем говорить. Привычный сегодня образ «города юности» появился далеко не сразу, сначала говорили о социалистических и новых поселениях, только позднее в обиход вошли выражения «молодой» и «юный».

3.2. РАНЬШЕ – ТЕПЕРЬ: новое как качественное преобразование

Узловые моменты, главные смысловые звенья дискурса новых городов формировались в общем дискурсе радикальных преобразований, по оси противопоставления «раньше – теперь». Идея преобразования вообще является краеугольным камнем советской программы, по выражению Ш. Фицпатрик [Фицпатрик, 2008 : 94]. Она анализирует противопоставление «тогда» и «теперь» через миф «долой отсталость», рисующий «настоящее в его связи с прошлым, а не с будущим» [Там же : 16–17]. Сравнение с прошлым мы будем встречать на протяжении всей эпопеи новых городов, однако было в достатке и будущего, особенно в самом начале, в период конструктивистских проектов, дискуссий урбанистов – дезурбанистов и тому подобных авангардистских дерзаний.

Двадцатые–тридцатые годы отличает дискурс гигантов. До начала 30-х гиганты героически строятся – в постоянной борьбе со все еще сильным старым. Единичные объекты, будь то совхозы, гидросооружения или заводы, своим гигантизмом (зачастую только еще предстоящим, как с Магнитостроем, Уралмашем) должны были демонстрировать победную силу и потенциал нового порядка. Идет наступление на старые устои труда и быта, в новостройках – покорение природы. Примерно к середине 30-х – перелом (создан новый Урал). Важно было утвердить, зафиксировать достигнутое. До системности еще недотягивали. Поэтому ставка – на грандиозность преобразований, использование остатков революционного порыва. В целом первая половина советского периода подчеркивала именно грандиозность преобразований.

⁸ Ср. у Е. Добренко при анализе эпопеи «Истории фабрик и заводов»: «“Советская действительность” всегда рождается на контрасте» [Добренко, 2007 : 281].

В 40-е – дискурс чрезвычайности войны и послевоенного восстановления (выполнить «при любых условиях»). В 50-е начинает появляться все более убедительная системность – построенное во время войны в тыловых регионах плюс послевоенная реконструкция и новое строительство (с конца 50-х – Качканар). Начиная с 60-х можно наблюдать переход к дискурсу тотальности свершившихся и продолжающихся преобразований (коррелирующему с концептами победившего и развитого социализма).

РАНЬШЕ – ТЕПЕРЬ в 20–50-е: грандиозность преобразований. Уже в этот период наблюдается начало изменений «до неузнаваемости», как предельное выражение изменения. Одна из функций данной лексемы – маркировать свершения за отчетный период, особенно если он чем-либо примечателен. Так, I Свердловский областной съезд Советов в 1935 г. не просто подводил итоги сделанного за четыре года, минувших после VIII съезда Советов Уральской области, но и должен был обозначить как нечто позитивное переход в новое качество – Свердловскую область – после расформирования Уральской области в 1934-м.

А сколько новых промышленных центров и городов выросло за это время! Как неузнаваемо изменился облик старых городов и рабочих поселков! Березники, Соликамск, Красновишерск, Красноуральск – это города, выросшие за последние 4–5 лет (Внимание нерешенным задачам // Уральский рабочий (далее – УР). 05.01.35. № 5. С. 1).

Люди, звавшие поселок Дегтярку, каким он был четыре года назад, со времени последних выборов в Верховный Совет РСФСР, с радостью отмечают, что он преобразился неузнаваемо (Захаров И., председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. Самый юный // УР. 27.02.55. № 49. С. 2).

«Гигантский размах строительства» отличает страну победившего социализма от капстран. В день пятилетия «Заря Урала» утверждала в передовой: «За этот короткий период наш город изменился до неузнаваемости» (Город сталинской эпохи // Заря Урала. 27.11.49. № 132. С. 1).

С тех пор [с 27.11.1944] еще более неузнаваемо изменился социалистический городок (Норкин П. Уральский город юности // На смену! 30.11.49. № 66. С. 1).

Попытки представить неузнаваемость как качество, имеющее большую или меньшую степень («как неузнаваемо», «еще более неузнаваемо»), важны нам здесь, конечно, не как свидетельство косноязычия. Газетам важно было указать на процессуальность изменений, демонстрируя неуклонное поступательное движение вперед.

РАНЬШЕ – ТЕПЕРЬ в 60–80-е: тотальность преобразований: «невозможно узнать». Преобразования вошли в фазу системности. Они меняют окружающую действительность до неузнаваемости. Такой тотализирующий подход, продолжая прогрессистскую установку преобразования, уходит от выпячивания покорения и демонстрации отдельных гигантов. За десятилетия целенаправленных усилий получены уже определенные результаты, поэтому вместо преобразований все чаще говорят об изменениях, и ставка идет на их повсеместность, всеобщность. От старого ничего не осталось, хорошо знакомое место теперь невозможно узнать.

Сейчас в новом городе невозможно узнать тихий уральский поселок Туринские рудники. Эти изменения особенно заметны, когда от станции Воронцовки, спускаясь вниз, замечаешь, как на пригорке появляются новые дома, и на первом плане – гордость краснотуринцев – здание второй горбольницы (*Уфимцев Ф., ветеран партии*. А родина звала к себе // Заря Урала. 26.11.74. № 141. С. 2).

Стоит согласиться с М. Рожанским, что в 60-е гг. «стройки коммунизма» и новые города были очередным воплощением антропономических, в терминах Д. Берто, «намерений советской власти, выраженных в проекте «нового человека». Формула «строитель коммунизма» (как синоним «нового человека») была одним из основных звеньев пропагандистского обеспечения «ударных строек». Но сам язык пропаганды уже был чужим для тех, кого пропаганда воспевала. Великие стройки 70-х осуществлялись прежде всего поколением, выросшим в 60-е, но в социальной атмосфере, резко отличающейся от эпохи десталинизации и «рывка в коммунизм», а именно в эту эпоху происходила первичная социализация людей этого поколения» [Рожанский, 2013 : 107].

Прошлое – хорошее, традиции реабилитированы. Весьма примечательно, что во второй советский период прошлое уже не рисуется в черных тонах. Принципиально меняется сама темпоральная система координат. Если в первые десятилетия советской власти в роли прошлого выступали дореволюционная эпоха и сохранявшиеся в настоящем ее отголоски, то в 70-е уже накоплен достаточный актив собственного «правильного» прошлого.

Прекрасен Краснотуринск сегодня, но и прошлое его – замечательно (*Дружинин П., председатель горисполкома*. Нам – тридцать // Заря Урала. 26.11.74. № 141. С. 1).

Эта статья из краснотурьинской газеты показательна тем, как конструируется безопасное прошлое через вкрапление сведений о революционных деятелях и заслугах: имена изобретателя радио А. С. Попова, первого Президента Академии наук СССР А. П. Карпинского идут через запятую с упоминанием Героя СССР А. К. Серова. Названы «революционные традиции», «кратные подвиги на полях сражений» и самоотверженный труд тех, «кто остался на трудовом фронте». Прошлым теперь можно гордиться. Разумеется, тщательно выстраивая его репрезентации.

Глава 4

ДИСКУРСИВНАЯ СХЕМА ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЫХ ГОРОДОВ

В официальном дискурсе с начала эпопеи новых/молодых городов формируется схема, которая вскоре станет неизбежной, будет воспроизводиться снова и снова, как мантра: РАНЫШЕ (1. Голое место) – (2. Преобразования и достижения) – (3. Субъект) – (4. Восторг и гордость) – ТЕПЕРЬ.

По логике вещей вторым пунктом должен идти субъект: раньше было голое место, пришел субъект, преобразовал все, построил город, теперь полный восторг. Однако в действительности субъект теряется в описании свершений и восторгов, что не является изъясном газетных репортажей, но вполне соответствует установке: люди растут вместе со стройкой, т. е. сначала преобразования, потом субъект. Субъект другого рода – партия и ее вождь – подобно божеству, разлиты повсюду, они есть всегда и везде.

Схема соответствует модели парадигмы А. Страусса и Дж. Корбин [Страусс, Корбин, 2010]: каузальные условия – феномен – контекст, промежуточные условия – стратегия действия – следствия.

Каузальным условием оказывается строительство нового общества после революции, для начала обнуляющее все бывшее раньше – «голое место».

Феномен – молодые города с момента их создания.

Контекст – характеристики конкретных мест.

К промежуточным условиям отнесем аффективный режим и матрицу субъектности.

Стратегия действия – преобразование, покорение, создание нового.

Следствием выступают эти города сегодня.

Рассмотрим, что собой представляют названные элементы дискурсивной схемы новых городов с рубежа 20–30-х XX в. и до периода закладки наших городов (1940–1950-е).

4.1. Голое место

Начальный элемент схемы – указание на «голое место»; вариант: «пустое», «совершенно свободное» место⁹. Именно с такового – в дискурсивной схеме – начинаются молодые города советской эпохи. Город, построенный на голом месте, сегодня ассоциируется с чем-то искусственным, противоестественным. Искусственный именно в том смысле, который заложен в дихотомии М. Рагона, подразделяющей современные города на спонтанные, т. е. древние, и искусственные – «родившиеся в наше время при промышленных предприятиях» [Ражон, 1963 : 100]. Какой бы уязвимой ни казалась эта оппозиция, она воспроизводится и в современных работах. «Городу как самостоятельному, свободно растущему поселению, с жителями, обладающими правом выбора места работы, места жительства и правом свободного передвижения» Д. Хмельницкий противопоставляет основной градостроительный принцип советской эпохи, предполагавший насильственное или полунасильственное переселение «гигантского количества людей в необжитые, большей частью, места» [Хмельницкий, 2013 : 60–61]. Забегая вперед, можно сказать, что актуальный дискурс всемерно поддерживает концепт необжитого голого места, как правило, без негативных коннотаций, скорее наоборот, с подразумеваемым или явным оттенком гордости за свершенное:

– *А эта дорога куда идет?*

– *Дак куда-то. Здесь же наше все, леса были, медведи ходили. А вот когда первооткрыватели сюда приехали, строители, они на этой территории еще медведей гоняли.*

– *А вы откуда знаете?*

– *Со стариками-то общаемся. С ветеранами-то БАЭСовскими. Они же все, кто пришел сюда, сейчас ихние дети, ихние внуки работают. Тут уже есть довольно большие династии, у которых на всю семью больше 200 лет выработанного стажа на БАЭС. Начинали дедушки-бабушки, потом продолжили ихние дети, а сейчас уже и внуки и правнуки работают здесь (ЗМ48).*

⁹ Еще вариант – девственная территория (virgin territory) у М. Рожанского [Рожанский, 2013 : 107]. Сегодня девелоперы называют такой тип площадок greenfield в противоположность территориям brownfield, которые уже имеют определенную инфраструктуру.

Зигмунд Бауман показывает, что создание «с нуля нового, функционально безупречного пространства» [Бауман, 2004 : 54] было общим этапом процесса модернизации государств эпохи Нового времени. Утописты XVIII в. мечтали о пространстве, «не оскверненном историей» [Там же : 59], таков же и замысел лучезарного города Ле Корбюзье (1933) – разрушить или бросить существующие города, перенести жизнь в функционально спланированные и выстроенные поселения [Там же : 63–65]. Обнуление прошлого во имя радикально нового, по В. Паперному, – характерная черта советской культуры, отграничивающей себя от прошлого «ясно выраженной точкой начала, где все начинается заново и как бы на пустом месте. Все, что было до этой точки, однородно, оно обобщается негативным отношением к себе» [Паперный, 2011: 41]¹⁰.

Базовые принципы идеального города противопоставляют рациональную плановость и единообразие хаотичной случайности разных пластов исторически вырастающей застройки. Для наших целей важно отметить, как настойчиво английский социолог З. Бауман (начинавший свою деятельность в социалистической Польше) подчеркивает необходимость для этого идеала «создания города “с нуля”, на чистом или расчищенном месте, в соответствии с замыслом, разработанным еще до начала строительства» [Бауман, 2004 : 55]. Только такая структура пространства делает его читаемым и управляемым исключительно сверху (из окна чиновника, издевается Бауман). Нумерация кварталов вместо названий улиц представляется очень ярким выражением подобного планирования.

По мысли М. де Серто (2013), низы противопоставляют установленному свыше стратегическому порядку собственные тактики, влияние которых отчасти прослеживается при рассмотрении современной сети мест памяти молодых городов.

Выношенные утопистами, принципы плановости и монотонной регулярности вполне воплотились в советских городах, особенно в тех, что возводились «с нуля». Многие из них остаются монопоселениями. Не имеющие в силу этого социально-экономического и культурного разнообразия, они лишены и богатой истории как возможного ресурса развития территории, что признают эксперты (см., напр., [Пузанов, Ланцев, Попов, 2014]). Эта логика является, однако, закономерным продолжением той самой

¹⁰ Феномен нового начала станет предметом размышлений А. Ассман [Ассман, 2012, 2014]. В статье «Трансформация нового режима времени» она называет фиктивное новое начало одним из пяти признаков нового режима времени, иллюстрацией чему призван служить сюжет из новейшей российской истории – учреждение Дня народного единства 4 ноября вместо «стертого из памяти» праздника 7 ноября [Ассман, 2012].

властной позиции, которая сегодня снова обратилась к ценности истории. Низовые тактики, напротив, раскрывают значимость любого своего места, характерным выражением чего может служить следующий вывод жительницы современного Серова (Надеждинска), описавшей свою прогулку по родному городу:

Да, оказывается, не только древние города могут быть интересны своей историей. Большой или маленький город, древний или молодой, у каждого есть своя история (*Гриценко В.* Открываем свой город. 17.12.2013 // Историки: Путешествие по России [Электронный ресурс]. URL: <http://istoki-tur.ru/otkryvaem-svoj-gorod/#comment-414> (дата обращения: 07.02.2015)).

Описание свершений через быстрое преобразование «пустого места» уже в начале 1930-х превратилось в дискурсивный штамп. Сверхраспространенность данного оборота хорошо зафиксировал, можно сказать заклеил, созданный по наблюдениям 1931 г. на Магнитострое и опубликованный в 1932 г. роман В. Катаева «Время, вперед!». Один из героев, недавно приехавший на строительство «беллетрист», первым делом записал: «Полтора года назад здесь была абсолютно пустая, дикая, выжженная степь» (с. 207)¹¹. Работающий там с самого начала молодой корреспондент РОСТА подтверждает, что полтора года назад тут была «абсолютно голая степь. Пустое место. Жили в палатке» и тут же замечает, что все бывавшие здесь литераторы обязательно начинали с этого трюизма: «Это... путь наименьшего сопротивления» (с. 231).

Вскоре, в 1933 г., критик в уральском журнале «Штурм» подтвердит, что «года два тому назад» штамп о голой степи «преобладал в нашей очерковой литературе, посвященной “воспеванию” строек», что и заметил «остро наблюдательный и иронический художник Валентин Катаев»¹². Кухня поверхностного очерка наполняет схему восторженностью и декламацией:

Очерк строится по схеме. За «развернутым» описанием «голой» или «дикой» степи (в выборе эпитетов очеркисты также не выходили за пределы штампа), после описания «дикой» степи следовало описание тех гигантов, которые в этой степи строятся. Очеркисты создавали прямо батальные картины, рисуя обнесенные проволокой траншеи и черные котлованы, рядом с которыми высятся «железно-бетонные крепости пролетариата» – «гигантские корпуса заводов пятилетки.

¹¹ Катаев В. П. Собрание сочинений : в 9 т. Т. 3 : Растратчики : повесть. Время, вперед!: хроника. М. : Худож. лит., 1969. 439 с.

¹² Никитин М. Библиография «Сквозь тайгу» (*Харитонов Н.* Сквозь тайгу: очерки. Уралогиз, 1932. 142 с.) // Штурм. 1933. № 2. С. 93.

Захлебывающаяся восторженность, декламация по поводу победившего пролетариата, цифры производительности будущих заводов – таковы были составные элементы штампованного очерка о строике¹³.

Критик был весьма проницателен, разве что излишне оптимистичен в отнесении разоблачаемого им схематизма к самому началу 1930-х, – подобные конструкции утвердились в официальном дискурсе на долгие десятилетия. Возможно, они оказались столь живучими потому, что обеспечивали наилучшую оптику для понимания творимой соцреализмом действительности¹⁴.

Пафос пустотелого лозунга, провозглашающего труд делом чести, славы, доблести и геройства (XVI съезд ВКП(б), июнь 1930 г.), сочетался, по-видимому, с действительным энтузиазмом и упоением¹⁵.

Пустое место существует не само по себе. Оно возникает, как только начинает мыслиться как антитеза тому, во что должно превратиться. В анализируемых образцах дискурса это пустое, голое место фигурирует практически всегда ретроспективно, т. е. как преодоленная антитеза.

Пустое место – это (еще) не облагороженное, не преобразованное человеком место. И прежде всего в качестве такового выступает, конечно, дикая природа, противопоставленная культурной цивилизации. Ну а поскольку венцом творения считалась цивилизация индустриальная, которую еще предстояло достичь, то пустому месту противостоит именно индустриально преобразованный рукотворный пейзаж. Иными словами, пустым оказывается любое место в момент (после) его преобразования в индустриальное, желательно грандиозное.

Характеризуя возникновение новых городов в 1917–1967 гг., И. М. Смоляр сообщает, что за этот период более 400 городов возникло «на совершенно свободном или малозастроенном месте, в них теперь проживает около 13 млн чел., или 10 % городского населения страны» [Смоляр, 1972 : 6].

Необитаемость и ничтожность такого пространства подчеркивают внушительность свершений – преобразования природы и всей прежней жизни. Мораль: происходит утверждение абсолютно нового (качества, типа жизни), желательно с чистого листа, ну или хотя бы коренное преобразование, качественные перемены.

¹³ Никитин М. Библиография «Сквозь тайгу». (Рецензируемые очерки Харитонов, по мысли Никитина, выгодно отличаются от раскритикованной им штамповки.)

¹⁴ Если верить, скажем, Е. Добренко (2007), призывающему видеть в соцреализме машину по производству социализма.

¹⁵ О действительной вовлеченности людей в строительство социализма см.: [Быкова, 2003].

Там, где несколько лет назад на тысячи километров простирались бесплодные степи и глухая тайга, каменистые горы и безлюдная тундра, где плотность населения измерялась единицами, – там теперь кипит стройка (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1).

Такой переделке должно было подвергаться абсолютно все, даже жизнь на селе могла освещаться в терминах города, как в описании совхоза «Гигант», расположенного «в степях недалеко от Ростова»:

Совсем недавно здесь была голая степь, и одинокий вокзал стоял напротив поселка хмуро и сиротливо. Это было полтора года тому назад. Теперь местность не узнать. Тянутся ровным строем домики рабочего городка...» (Совхоз «Гигант» – зерновая фабрика // Наш Союз ССР: Книга для чтения и работы для IV года обучения. М. ; Л. : Работник просвещения, 1930. С. 47).

«Голое место», таким образом, приобрело характер мощной идеологии, на которой воспитывались школьники.

В альбоме про эпопею «Челюскина», в предисловии об арктических экспедициях, упоминается город Игарка. «Основанный в 1929 году на совершенно голом месте, он в 1934 г. представлял собой индустриальный город с 15-тысячным населением и имел почти круглый год авиосвязь (sic!) с Красноярском»¹⁶. Если сравнить описания голых мест по Советскому Союзу, станут заметны серьезные различия исходной «пустоты», общим остается одно – заведомая никчемность ландшафта до той поры, пока он не подвергся заведомо же благотворному преобразованию.

Нас позвали в голую волжскую степь, нас, 4000 молодых рабочих и крестьян, и сказали: «Стройте завод!» (*Косарев А.* Шестнадцатому съезду // Смена. 1930. Июнь. № 16–17. С. 4 (ни Сталинградский тракторный завод, ни город не упоминаются)).

На пустошах, в ковыльных степях, в таежном захолустье, на приречных равнинах внезапно вытянулись километровые проспекты многоэтажных домов (*Вельмин В.* СССР – страна передовой культуры // Смена. 1935. № 2. С. 16).

¹⁶ Героическая эпопея : альбом фотодокументов. Арктический поход и гибель «Челюскина»... М. : Изд. редакции «Правды» и Партиздата ЦК ВКП(б), 1935. Ср. текст о дальнейшей жизни Игарки: *Конрадова Н.* Лжеписатель, вор, плагиатор. 20.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: booknik.ru <http://booknik.ru/yesterday/live-history/lzhepisatel-vor-plagiator/> (дата обращения: 11.02.2015). Антропологический анализ современной Игарки см.: [Нендза-Щикониовска, 2014].

Небит-Даг – юный город Туркмении, возникший в безводной песчаной пустыне (Город среди песков // Правда. 21.02.51. № 52. С. 2).

В безлюдной степи, где на десятки километров – ни деревца, ни кустика, были раскинuty палатки (Акрамов А., секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана // Правда. 29.06.58. № 180. С. 3).

«Совершенно новое место» может означать также и отсутствие чего-то важного и соответственно требование его создания. Так авторы единого плана культурного строительства в Магнитогорске обосновывали совершенную необходимость планировки города, увязанной «с расположением школ, дошкольных учреждений, больниц, детских яслей, кино, клубов, библиотек, красных уголков и т. д.»:

Магнитогорск строится на совершенно новом месте. Никаких культурно-просветительных и бытовых учреждений нет. Все начинается и должно быть построено заново (Единый план культурного строительства г. Магнитогорска и района на 1931 год. Магнитогорск : Изд-во «Магнитострой», 1931. С. 8).

Уральские «голые места» отличались дремучестью, непроходимостью, топью, морозами. В 1930-е Н. Харитонов рифмует новые предприятия с новой культурой, опровергающей клеймо бесперспективности Урала:

В тайге, в степях возникли могущественные предприятия социалистической индустрии, и в корпусах этих предприятий рабочий класс создает новую культуру, создает свое искусство, свою литературу. В тех немногих литературно-художественных произведениях, которые имеются об Урале, он отражался как край глухой, край, у которого нет перспективы, край, обреченный на бесконечный исторический застой...

Мы видим, что нет больше Урала – диких сосен. Нет глухого Урала, обреченного капитализмом на вечный застой. Могучая сила большевиков превратила этот край в сгусток социалистической индустрии. Мы видим, как бесследно гибнет то, что называлось глухой провинцией, вырастают новые социалистические культурные центры (Харитонов Н. Учиться, бороться, расти: Выступление на 12-й Уральской областной конференции [ВКП(б)] // Штурм. 1934. № 2. С. 117–120).

В 40-е снова говорилось о неприютности этих бесконечных болот и лесов:

Тайга. Болота. Глушь (Тарнягина В., председатель участковой избирательной комиссии 63-го избирательного участка // Заря Урала. 01.01.46. № 1. С. 2–3).

На сотни верст – дремучая нетронутая тайга, болотная трясина, бездорожье и вековая, звонкая тишина (Хазанович Ю. Город в тайге // Заря Урала. 24.08.46. № 74. С. 2).

Здесь дремучий лес, топь, голое снежное поле. Первые строители расположились лагерем в палатках, непривычные к трескучим уральским морозам, метелицам... (*Полисюк Мих.* Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77 С. 3 (о Краснотурьинске)).

Ровно теми же словами будет описываться поле деятельности и перво-строителей Заречного:

Раскинулся на месте тайги и болот поселок Заречный. ...Те дни, когда начинать здесь приходилось «с нуля», останутся в памяти как свидетельство подвига простых советских людей (Они были первыми // Ленинская искра. 01.05.60. № 16. С. 1).

И Качканара спустя 10 и 20 лет:

Сейчас уже около пятисот рабочих трудится на стройке. А стройки пока нет. Есть глухие уральские леса, миллиарды комаров, двадцать белых палаток, тракторы, бульдозеры (*Галушин Н. У пионеров большой стройки* // Вперед, к коммунизму! 05.07.57. № 79. С. 3).

Болотная жижа, тучи комаров и гнуса (*Панкратов В. Снимки А. Зольникова.* Молодые покорители тайги // На смену! 27.05.67. № 102. С. 1).

В 1974 г. уральский писатель А. Пудваль романтизирует необжитую тайгу: «Качканар!.. Ты – как заглавная буква в биографиях многих моих сверстников – комсомольцев-свердловчан 50–60-х годов! По путевкам уезжали в необжитую тайгу мои друзья-современники» (*Пудваль А. Р.* В поисках Ивана Козырева // Поиск. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 80). Подобные описания применяются и к возникновению БАЭС (будущего г. Заречного) в сюжете кинохроники 1966 г.:

Так начиналась эта атомная. Постепенно отступил, сдался уральский лес. Вот уже дороги легли под автомашины. Так начиналась Белоярская атомная (Строительство Первой очереди БАЭС – Белоярск-1. 1966 г. [Электронный ресурс]. URL : http://www.youtube.com/watch?v=NSd_EvLSJ8o&feature=related (дата обращения: 18.04.2015)).

А в 1948 г. формула необжитых мест, освоение которых сопряжено было с экстраординарными трудностями и должно было особо цениться, использовалась руководством Базстроя для выбивания жилья под работоспособные «спецконтингенты» (заключенные и военнопленные):

Считаем совершенно недопустимым, чтобы жилой фонд, созданный с таким трудом на необжитых местах Северного Урала в годы Великой Отечественной войны, был занят под неработоспособные контингенты, искусст-

венно завозимые извне, вместо того, чтобы служить своим прямым обязанностям – являться базой для быстрого завершения грандиозного строительства и освоения богатств Северного Урала, предусмотренных историческим решением Партии и Правительства (Письмо начальнику Свердловского областного управления МВД генерал-лейтенанту т. Шикторову, подписанное Управляющим трестом Базстрой и парторгом ЦК на Базстрое (заверенная копия) // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 58).

Сегодня круг может замкнуться. И в экономическом отношении, по выражению краснотурьинского информанта, после демонтажа заводских сооружений *«вообще должно чисто поле остаться»* (КрМ34), и в экологическом: *«раньше застраивали, деревья оставлять старались. А сейчас застраивают, оставляют почти голую землю»* (ЗМ48).

Впрочем, штамп голого, чистого, пустого места по сей день любим журналистами и живо используется в репортажах о молодых городах:

Бульвар имени ученого-атомщика Алещенкова построили буквально на пустом месте (Градобоева Е. В Заречном появился «атомный» бульвар // Областная газета. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://old.oblgazeta.ru/new_print_v.htm?top_id=2887 (дата обращения: 19.03.2015)).

Рассматривать на старых фотографиях, как на месте уральской тайги вырастают уникальные сооружения и строятся первые дома Заречного, очень интересно! (Горохова Т. Новые книги к юбилею БАЭС // Зареченская ярмарка. 17.07.14. № 29 [Электронный ресурс]. URL: http://zar-yarmarka.ru/2014/29/Novie_knigi_k_ubileu_BAES (дата обращения: 19.03.2015)).

Устойчивость данного элемента дискурсивной схемы демонстрируют наши информанты: *«Была глушь, были болота, были топи»* (ЗМ23), он помогает представить внушительность преобразований:

Было мне интересно, на глазах строился, там, где сейчас я живу, там был лес глухой (смеется); И вот у меня подруга постарше, она местная. Вот, говорит, где рынок у нас, вот я не знаю, где библиотека... там был лес, город тут заканчивался, не было ничего... когда я приехала, мы там ходили в лагерь «Солнышко» пешком, да по лесу, ни асфальта, ничего (ЛЖ43).

Конечно, место не было совершенно пустым, напротив, из рассказов оно предстает вполне обитаемым, но через совершенно другие практики, нежели сейчас. Жительница Лесного продолжает рассказывать о подруге: *«Она говорит, мы туда бегали в лес, там сторожка лесника стояла»* (ЛЖ43). Теперь вместо сторожки лесника, условно говоря, – рынок и библиотека. Такие наблюдения в пределах человеческой жизни позволяют ощутить ход времени, причастность если не к истории с большой буквы,

то все же к чему-то значительному, значимому не только в масштабе личной жизни.

Таким образом, место объявлялось голым, пустым снаружи, в смысле отсутствия «правильной» «второй природы», но конечно же не было пустым внутри. Пустота как отсутствие желаемых качеств призвана усиливать грандиозность производимых преобразований – центрального элемента дискурсивной схемы новых/молодых городов.

4.2. Преобразование

Преобразование – самый главный элемент дискурсивной схемы, на который, по существу, работают все остальные. Газетные материалы именно его расписывают наиболее подробно. Анализ обнаруживает три аспекта: 1) преобразование как покорение (природы), преодоление (отсталости прежней жизни и трудностей процесса); 2) преобразование как достижения и 3) преобразование как особая темпоральность.

Итак, *старое и новое*, трактуемые как *отсталость и дикость* (природы, условий жизни), и *цивилизация, благоденствие* доводятся до крайности и жестко противопоставляются друг другу. В разные периоды, однако, эта оппозиция меняет очертания и смысл.

4.2.1. Природа: преобразование как покорение¹⁷

Активное воздействие на природу – продолжение гуманистической ренессансной и суть активистской программы Нового времени, ставящей человека в центр мироздания, с установкой на деятельное, рациональное переустройство мира [Трубина, 2008]. Возможность и необходимость повелевающе управлять природными процессами уже в XIX в. будоражили умы и в России, и на Западе [Вайнер, 1991: 20–22; Макнотен, Урри, 1999: 264]. Альтернативные способы «чтения» природы в эпоху индустриального роста не имели шансов на успех. В России еще в дореволюционный период сформировались, по Д. Вайнеру, два таких течения. Провозглашавшая самоценность природы безотносительно ее полезности для человека «пасторальная» модель с ее (нео)романтическими, этико-религиозными обертонами и резким неприятием технократизма была обречена. «Экологическая» модель природы, пережив взлет в 1920-е, также затем была оттеснена

¹⁷ Материалы данного параграфа использованы в: [Веселкова, Вандышев, Прямикова, 2016].

на обочину. В итоге центральное место в советском официальном дискурсе заняла фундаментальная для модерна в целом «прометеевская» установка господства человека над природой.

Покорение природы – один из важнейших элементов раннесоветской героики преобразований (ср.: [Болотова, 2006]), наряду с успехами строительства и воспитания новых людей. Апогеем прометеевской модели станет «великий план преобразования природы»¹⁸, принятый в 1948 г. и свернутый при Хрущеве, хотя грандиозные проекты типа строительства сибирских ГЭС с огромными зонами затопления¹⁹ осуществлялись и позднее. Проблески бережного отношения к природе в 30–40-е гг. выглядят исключением, в 50–60-е они станут появляться чаще, пока не закрепятся в повестке дня в позднесоветский период.

В дискурсе новых, затем молодых городов отношения с природой неизменно выступают в модусе активного на нее воздействия и замены рукотворным: болота осушаются, зелень и водоемы на освоенных территориях создаются искусственно. Отсылки к природе эффектно фиксируют исходное положение дел в режиме «что было – и что стало», участвуя в мифологизации нового начала:

Там, где несколько лет назад на тысячи километров простирались бесплодные степи и глухая тайга, каменистые горы и безлюдная тундра, где плотность населения измерялась единицами, – там теперь кипит стройка (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1).

Пространственные и временные характеристики такого (квази)природного состояния сказочно-утопичны – где-то далеко и испокон веков; они присутствуют не только в раннесоветском дискурсе, но и в более поздних описаниях.

Тысячелетние таежные устои (Как мы начинали...: Из доклада секретаря комитета ВЛКСМ на 1-й партийной конференции строительства 24 декабря 1932 года // Строители трех городов. Хабар. кн. изд-во, 1967. С. 33).

¹⁸ «Великий», или «Сталинский», план преобразования природы был утвержден постановлением Совмина и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. и рассчитан на 1949–1965 гг.

¹⁹ Работы на отдельных объектах продолжаются и по сей день, однако сегодня такая деятельность вызывает неоднозначную реакцию, включая сопротивление общественности. Так, с 2007 г. действует информационно-экологический проект Плотина.нет, одноименный интернет-сайт <http://www.plotina.net/boges-angara-dictionary/> с красноречивым слоганом: «Реки – источник жизни, а не электричества». Такие культурные инициативы, как «Ангарский словарь», стремятся противостоять «затоплению культуры».

Ивдель долго был медвежьим утлом», «загерянным в дебрях Уральского севера» селом (Чазов Н. Поправка к мечте // «Северная звезда» (Ивдель). 01.01.41. № 1. С. 2).

Лес, до этого молчаливый тысячелетиями, огласился штурмом труда (Щелконогов В., бригадир плотников участка № 1. Начало штурма // На стройке Качканара. 28.05.59. № 4. С. 1).

Природа предстает бесплодной, глухой и дикой, места – далекими; такие характеристики закономерно вытекают из понимания природы как отделенной и противоположной человеку сущности. Как показал в своем классическом эссе Раймонд Уильямс [Williams, 2005: 76–78], природой в этой логике стало считаться то, что не затронуто, не испорчено человеком, – уединенные места, дикая местность. Подчеркнуто «дикая глухомань»²⁰ делает результаты преобразующей деятельности еще более впечатляющими, что заставляло пропагандистов снова и снова возвращаться к этому приему.

Важным свойством преобразований является их всеохватность. Мир нуждался – и подвергался переделке, особенно это чувствуется в 30-х гг:

Мы построим канал и переделаем Уральский Север (Маленький А. Дорога к океану. Переделка Севера // Маленький А. Новый материк. Свердловск ; М., 1933. С. 38).

История еще не знала такого гигантского размаха, таких поистине большевистских темпов переделки экономики, культуры необъятной страны, переделки природы и человека (Двадцать лет советской власти // Социалистический город. 1937. № 9–10. С. 5–8).

В собранных вместе номинациях отношения к природе: покорение, переделка, преобразование и т. п., – легко читается и другое означаемое – человек (и на него, как известно, всерьез распространялось то же гипер-активистское стремление к перековке).

В целом дискурсивный ход – *от вчерашней дикости к процветанию в будущем* – демонстрирует завидную живучесть, идет ли речь о первых социалистических городах или стройках 50–60-х, о текстах того времени или созданных десятилетия спустя. Так, начатое в 1957 г. строительство г. Качканара стабильно снабжается риторикой *глухой необжитый край vs красавец комбинат/город*²¹.

²⁰ Сальник В., строитель, поэт. Начало // Качканар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 37.

²¹ См.: Анимациа Е. Г. Качканар // Анимациа Е. Г. Города Среднего Урала. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975 // Уральская библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://urbibl.ru/Knigi/animica/goroda_sred_urala_22.htm (дата обращения: 20.03.2015); Медведев Ю. Будь вечно юным, Качканар! // Качканар. С. 3.

Субъектностью обладает не только человек-преобразователь. Дикая природа в анализируемых текстах также нередко выступает самостоятельным субъектом, причем до сих пор безраздельно господствовавшим. К человеку сей субъект расположен довольно неприветливо, чтобы не сказать враждебно.

А вокруг поселка стояла тайга – неприступная, молчаливая, словно охраняя от человека богатства, спрятанные природой в глубоких недрах (*Хазанович Ю.* Город в тайге (О Краснотурыинске) // *Заря Урала.* 24.08.46. С. 2).

Тайга встречала неприветливо (*Панкратов В.* Молодые покорители тайги // *На смену!* 27.05.67. № 102. С. 1).

Представление о недружелюбности природы в этой логике оправдывает взаимодействие с ней в модусе противоборства, героической борьбы, ведущей к полному завоеванию.

Милитаристский окрас упоминаний природы в текстах о новых городах с начала 30-х гг. становится программным во многом благодаря призыву Горького «Объявим природе бой!», обращенному к рабочим Магнитостроя, Уралмашиностроя и другим со страниц «Правды» и «Известий» в 1931–1932 гг. (см.: [Ушакин, 2005 : 275–282; Добренко, 2007]).

В послевоенные 40-е дискурс представлял новые города как завоевания. В рецензии на книгу географа Н. Михайлова «Над картой Родины» известная газета «Культура и жизнь»²² в 1947 г. восклицала:

Смотрите, какие огромные сдвиги произошли за 30 лет на просторах нашей Родины... смотрите, как советские люди творят «вторую природу», как они насаждают новые города и спрямляют реки, ликвидируют «белые пятна» в разных концах великого государства, как под воздействием советского человека меняется облик великой Родины... Смотрите, радуйтесь и гордитесь! (*Галин Б.* Над картой Родины // *Культура и жизнь.* 20.12.47. № 35).

Набор глаголов «насаждают», «спрямляют», «ликвидируют» хорошо передает агрессивно-наступательный настрой, вдохновляющий преобразование как покорение. И если верно, что насилие и топос вообще кровно

²² Газета «Культура и жизнь» – орган агитпропа ЦК ВКП(б), выходила с 1946 по 1951 г., обслуживала идеологические кампании в области культуры (см.: Документ № 12. Из Постановления политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы оргбюро и секретариата ЦК ВКП(б)» об учреждении газеты агитпропа ЦК. 13.04.1946 // Фонд А. Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69277> (дата обращения: 19.08.2015).

связаны, как считает В. Савчук²², то в первый советский период воинствующая наступательность насилия была особенно явственна.

У уральского писателя-фронтовика Ю. Я. Хазановича военные метафоры получают весьма насыщенными:

Однажды утром они [первые строители] вышли в наступление на тайгу. Валились под топорами столетние сосны и ели. Дерево за деревом, ломая ветки, оглашая тайгу тяжелым тревожным стоном, падало на землю.

Потом вдруг раздались взрывы. Будто переключаясь с далекими полями сражений загрели взрывы в тайге и высоко к небу поднялись черные густые клубы дыма. Но это были взрывы созидания.

Взлетали и падали вывороченные пни, сплошным черным дождем осыпалась земля, и тогда на голой поляне чудесно возникали столбики с дощечками, на которых были написаны названия цехов (*Хазанович Ю. Город в тайге (о Краснотурьинске) // Заря Урала. 24.08.46. № 74. С. 2).*

Военная лексика (наступление, сражения, взрывы) сопровождается картинками разрушения (валились, ломая, взлетали и падали, осыпалась), здесь много страшного: «тяжелым тревожным стоном», «черные густые клубы дыма», «сплошным черным дождем». Позитивный импульс, по крайней мере для сегодняшнего восприятия, менее убедителен – это данное через противительный союз «но» утверждение о том, что взрывы созидательны, после них чудесно возникают указатели будущих цехов.

Утрируя, можно сказать, что сначала природу наделили «вековой косностью», а затем объявили ей войну. Эта логика прогрессистского проекта лучше всего прочитывается в дискурсе первых советских новостроев. Так, книжка о Магнитострое²⁴ приглашает восхититься мгновенным разрушением природных объектов. Эффект построен на контрасте между вековой работой природы и одномоментным воздействием человека:

Два семисотметровых уступа разрезали склон горы Атач. По разрезу уже ездит на гусеницах и властно орудует ковшем (так) красавец-экскаватор Бьюс-Айрес. Паровозы и автомобили легко взбираются на высоту. Горы взяты в стальные пути железнодорожных линий.

²³ «Заселение и обживание любого места связано с насилием. ...Население свидетельствует о насилии, насилении места. Чуткий к такого рода “единству” противоположных значений архаический язык неразрывно соединяет в одно сопутствующие значения действия: населять, населить и насиловать» [Савчук, 2013 : 229].

²⁴ Книга А. Маленького была написана по предложению информационно-издательского отдела Магнитостроя и прошла специальное обсуждение технического и хозяйственного руководства строительства.

Каменная возвышенность Ай-Дарлы утратила под напором динамита свои нежные, округлые, веками отшлифованные формы. Динамит здесь закладывали в скважины десятками тонн одновременно. Работа веков разрушалась в течение одной секунды (Маленький А. Магнитогорск. Каким будет Магнитогорский металлургический комбинат. М. ; Л. : Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. С. 37).

Всесилие преобразователей подкрепляется романтизацией техники. Красавец-экскаватор, паровозы и автомобили показаны весьма бодрыми и властными. Проговаривается ли автор, ставя рядом «напор динамита» и «нежные, округлые, веками отшлифованные формы»? Остается догадываться, какие чувства рождали подобные тексты в душе и сознании современников.

На заре социалистического строительства очень важно было снова и снова подчеркивать, кто тут главный: советский человек переустраивает мир по своему плану — с полным знанием дела, энергично и безоговорочно. Именно такой модус воздействия на реку Урал в зоне Магнитоостроя выражают глаголы следующей фразы:

Строители возьмут реку в железобетонные шоры, перегородят плотинами и заставят подчиняться тому режиму, который они ей преподадут (Маленький А. Магнитогорск. Каким будет магнитогорский металлургический комбинат. М. ; Л. : Гос. науч.-техн. изд-во, 1931. С. 37).

Венчает борьбу закономерная победа советских людей. Природа, будь то река, тайга или степь, в этой схватке неизбежно покоряется и отступает.

Обильные своими водами стремительные реки покоряются человеческому труду, они покорно меняют свои русла и соединяются каналами. Недоступные прежде районы ледяной Арктики и Заполярья ныне завоеваны большевиками (Двадцать лет советской власти // Социалистический город. 1937. № 9–10. С. 5).

Тайга отступила, и на ее месте красуется молодой Краснотурьинск (Нейштадт А. И. Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток. Свердловск : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1951. С. 23).

Все дальше и дальше под сильными ударами молодых патриотов, пришедших на строительство самого молодого уральского города, отступает вековая тайга, уступая место жилым и производственным объектам, растущим ввысь с каждым днем (Терешко Я. В передовой бригаде // На стройке Качканара. 05.05.59. № 1. С. 2).

В 60-е, в эпоху обновления, уже не шло речи о жизни и смерти, «бой с суровой природой» поэтому представлялся скорее «джентльменским поединком: на одной стороне могучая непокоренная стихия, на другой —

молодость, задор, идеалы» [Вайль, Генис, 2013 : 102]. С новой силой звучит тема романтики, мобилизующей молодежь на свершения. Приемы милитаристского дискурса – метафора строителей как армии бойцов, одушевление отступающей природы – по-прежнему популярны, но уже не рисуют батальных сцен. Энергетика преобразования вместо суровой борьбы теперь (снова) требует л и р и з м а, и описание природы блестяще выполняет эту задачу:

Шумят под ветром ветвями белоствольные березы, одевшись в первые зеленые листья. Под напором дружной армии молодых бойцов отступает тайга, а на месте ее вырастают новые дома (*Ямин Н.* Бригадой руководит Альбина Фролина // На стройке Качканара. 21.05.59. № 3. С. 1).

В этом фрагменте идея победной борьбы (напор – армии – бойцов → → отступает), пожалуй, сама уступает в выразительности приходящей ей на смену идее дружной молодости, романтики первенства, которая оформится в культурной памяти, как уже упоминалось, в виде глорификации первостроителей. Природа уже не видится враждебной силой, воплощающей то мрачное из прежних описаний, что противостояло человеку. В белом и зеленом, она здесь скорее на стороне дружных молодых, подыгрывает им шумящими ветвями и первыми одеждами.

Преобразование природы, однако, предстает не менее радикальным, чем в годы первых пятилеток, когда в Нижнем Тагиле «была гора Высокая, стала яма глубокая». В 60-е такая же судьба предрекалась горе Качканар: «Почетно считаться вершиной. Но скоро горе Качканар придется расстаться с этим титулом. Гору сровняют с землей» (*Сметанин В.* Высота Качканара // Смена. 1962. № 846. С. 10). В итоге почет достается не горе, а ее покорителям: горы Качканар нет ни на одном из восьми снимков, сопровождающих данный фотоочерк В. Сметанина в центральном молодежном журнале.

Гора осталась и служит визитной карточкой города, красуясь на всей сувенирной продукции, буклетах и книгах о городе. В поселке с характерным названием Горный, входящем в ГО «Лесной», гористая местность вкупе с другими элементами ландшафта является единственной изюминкой, но изюминкой сугубо уральской: *«Единственно, что здесь непосредственно есть, прямо Урал-Урал, т. е. тут горы, скалы, пруд есть свой, речка»* (ЛЖ28). Гора Качканар выступает главной достопримечательностью и в официальном дискурсе, и в предпочтениях информантов, которые признают ее любимым местом. Гора присутствует в городском пространстве в качестве «классного вида» на нее, за счет чего и сам город становится «классным»:

С некоторых улиц просто классный вид опять же на пруд, опять же на гору (КМ17).

Про свою гору, я ее очень люблю. Я ее со всех точек люблю, но больше всего с улицы Свердлова, когда там спуск есть... там пруд, знаете, осенью, золотая осень, красные, желтые листья отражаются в пруду. Ой, вообще красота... она величавая гора, она украшает город. И на фоне города она вообще! (КЖ59).

Иными словами, гора придает населенному пункту уникальность, является ценным символическим капиталом. Можно сказать, что сама гора в качестве non-human актора организует пространство. Кроме пространства прогулок, маршруты которых строятся так, чтобы включить знаменитый вид, это относится и к архитектурно-планировочным решениям, среди которых самое заметное – трилистники Торопова, знаменитые качканарские двенадцатизатжки, которые были вписаны в ландшафт так, чтобы служить градостроительной антитезой горе (подробнее об этом см. в гл. 7). Кроме того, гору ценят за красивую природу и высоту, в которых тоже подчеркивается исключительность:

Там очень красивая природа, там есть такие цветы, которые нигде в городе не увидишь (КЖ29).

Это одна из самых высоких гор на Среднем Урале (КЖ28).

Кроме любования открывающимся на нее видом гора предлагает (в режиме affordance, по Дж. Урри) целый ряд более активных способов присвоения. Первый, самый, наверное, традиционный – туристические походы, распространенные среди местных жителей (см. гл. 5) и привлекающие приезжих. Туда ходят организованно – классом, просто с друзьями, семьей с маленькими детьми. В одном семейном интервью родители не без гордости рассказали об участии сына, который во время первого похода был еще дошкольником:

А в позапрошлый год мы ходили аж два раза на гору Качканара. ...Костя у нас очень активно там отдыхал, да? Он сам забирался по горам. ...Мы там ходили прям до верха, на Верблюд ходили туда. А в этом году у нас Костюша ходил на самую высокую точку и на, чего там, Гагарина? (КЖ29).

Если ты был в Качканаре и не побывал на горе Качканар, то ты не был в Качканаре (КМ17).

Такого рода восхождения несут смысл уже не столько покорения, сколько приобщения к знаковым местам (рис. 4.1, 4.2).

Рис. 4.1. На горе Качканар
(фото предоставлено
информантом КМ17)

Рис. 4.2. Буддийский монастырь
на горе Качканар
(фото предоставлено
информантами КМ30, КЖ29)

По правилам производства и потребления туристического пространства гора оснащается дополнительными примечательными местами, о которых упоминают участники исследования. Упомянутое выше место на горе, посвященное Гагарину, – это «стела, ракетка маленькая», а еще

там такая гора есть – Танцплощадка. На нее забираешься, плоская такая. Это когда в поход мы ходили с классом, там идешь, первая остановка – Танцплощадка. Вторая – гора Аллы Пугачевой так называемая, а потом на Высоцкого, а потом уже на вершину и на Верблюда с другой стороны на западном карьере выходили (КМ30).

Второй вариант присвоения горы осуществляет обосновавшийся там с 1995 г. буддийский монастырь, многие туристические маршруты включают его посещение. Вокруг монастыря ведется много споров. Защитники

позиционируют его как вторую, после горы, достопримечательность города, противники говорят о том, что у буддизма нет корней на Урале, это нечто чуждое, а создание монастыря представляет собой захват территории, принадлежащей ГОКу. Монастырь отстаивает у ГОКа свое право на гору, симпатизирующие буддистам горожане – свое право на гору с монастырем. Еще один пример несостоявшегося присвоения – горнолыжный курорт, амбициозный план создания которого вынашивался несколько лет, но был свернут по той же причине, поскольку попадает в зону приоритета интересов комбината.

Третий вид присвоения осуществляет ГОК, который и был построен для разработки горных недр. На его стороне в момент создания было государство, права которого перешли к компании-владельцу. Если туристические и культовые практики практически не «расходуют» объект потребления, то промышленная разработка очень даже расходует. Для комбината гора – источник невозобновляемых природных ресурсов, и в ходе их присвоения гору «срывают» (КМ15), как и предрекал вышеупомянутый материал «Смены» 1962 г. Ведь изначально планировалось использование не только Гусевогорского, но и собственно Качканарского месторождения; большой Качканарский карьер можно видеть на схеме 1957–1963 гг. рядом с отметкой 872,2 горы Качканар.

Героики покорения сегодня в таких действиях уже нет, тем более не просматривается семантики хозяйского использования богатств. В новой системе смыслов действия ГОКа могут восприниматься скорее как алчное выкачивание прибыли в ущерб интересам разных сообществ. Смыслы освоения, таким образом, поменялись на противоположные: если раньше разработка недр, пусть даже ценой «срытия» горы, рассматривалась как добыча богатств в интересах народа, то теперь – в интересах владельца и вопреки интересам общества. Здесь включается казуистический аргумент: город живет за счет ГОКа, а чтобы ГОК работал, нужно разрабатывать гору. Дальше того дня, когда гора исчезнет, этот аргумент не идет, но это не лишает его силы в монологовике. Разрушительность раннеиндустриального покорения, таким образом, воспроизводится функционированием моногорода, даже при утрате той лексики и чувств.

Смысл покорения и его символы. В 368-страничном собрании документов, очерков, статей и воспоминаний первостроителей Комсомольска-на-Амуре, Амурска и Солнечного (1967) лишь изредка встречаются упоминания местных жителей, будь то нанайцы в селе Дземги или давшие название селу Пермскому ссыльные из Пермской губернии, но нет даже намека

на их отношение к развернувшемуся строительству. С этой стороны ситуация попросту не проблематизируется, поскольку, очевидно, считалось, что иного, кроме радостного, восприятия перспектив изменения исходного ландшафта быть не могло. Нам представляется продуктивной следующая оценка В. Каганского о том, что ландшафт считается природным почти всегда потому, что люди

не склонны уважительно относиться к культуре его коренных обитателей, которая вовсе не обязана быть технологичной, вести к безудержному росту населения и агрессивному внедрению антропогенных материальных элементов в ландшафт. Тундра или тайга – культурный ландшафт, как и пустынные пастбища, умирающий аграрно-лесной мир северной России, джунгли урбанистической цивилизации [Каганский, 2001 : 34].

Довольно смелым поэтому выглядит включение уральским писателем А. Маленьким в роман «Покорители тундры» эпизода со стариком Афанасием, которому не нужна строящаяся железная дорога: «Зверя распугае... Оленей где пасти будем? Собаки одуреют» (*Маленький А. Покорители тундры*. М. : Худож. лит., 1968. С. 80). Получалось, что не все хорошие люди безоговорочно радуются покорению тундры – довольно крамольная для 40-х гг. мысль²⁵. Практически о такой же реакции некоторых жителей пос. Валериановского в 1957 г. вспоминает главный маркшейдер Качканарского ГОКа Н. П. Тукмачев: «Услышав о предстоящем строительстве, кое-кто начал сожалеть о покосах и охотничьих угодьях», а одна «бабуся» пыталась даже запугать строителей²⁶. Другие окрестные жители, продолжает маркшейдер, с нетерпением ждали, когда можно приступить к работе. Радетели угодий в общем контексте предстают скорее как темные, недалекие люди, нежели как представители местной культуры и жизненного уклада, требующие уважения.

Ж е л е з н а я д о р о г а – общеизвестный символ (ранне)индустриального общества. Самой своей уложенной в землю стальной арматурой железная дорога весомо утверждает тяжелую современность. Волнующее масштабами освоение пространства внутренне связано с социокультурной

²⁵ Если действительно усматривать в этом эпизоде элементы крамолы, то можно связать ее появление с обстоятельствами создания романа. Репрессированный в 1937-м и безуспешно боровшийся за пересмотр дела, А. Маленький (автор цитированной выше брошюры о Магнитострое и многих других публикаций в 30-е гг.) писал «Покорителей тундры» в лагере, отбывая 10-летний срок на строительстве Северо-Печорской железной дороги.

²⁶ См.: Тукмачев Н. В эти первые дни // Пономарев Г. А. Истоки: (Воспоминания первостроителей о Качканаре). Качканар : [б. и.], 2000. С. 87.

экспансией колониализма. Как будто в развитие этого тезиса весь эпизод со стариком является ярким воплощением колониального дискурса, включая верно предсказанное Афанасием и неожиданное для строителей резкое изменение погоды. Начиная с допотопных построек в деревеньке и до самого больного старика, неправильностей его речи: «Железной дороги васей не надо» (*Маленький А. Покорители тундры. М. : Худож. лит., 1968. С. 80*) – все выражает экзотическую архаичность жизни аборигенов. Этот слившийся с природой мир охотников и оленеводов может вызывать разные чувства, но, безусловно, нуждается в цивилизаторском преобразовании, даже если сами аборигены не понимают ее благотворности, внушает нам роман, ведь он же о покорителях тундры.

Очерки о молодых городах нередко начинались на манер травелога, с описания прибытия поезда, особенно если ехать от «культурных центров» приходилось долго, как в случае с Краснотурьинском:

Гудок паровоза, густой и протяжный, замирает где-то далеко в молчаливой чаще леса, плотно обступившего обе стороны железнодорожного полотна. Поезд замедляет ход и тихо, словно нехотя, останавливается вблизи неприглядного бревенчатого здания глухого полустанка (*Полисюк М. Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77. С. 3*).

Из Серова поезд идет на север. ...Мы направляемся по новой железнодорожной линии. Она проложена в годы войны. ...Через два часа на горизонте показались яркие электрические огни Краснотурьинска (*Дробышевский Г. Город, которого не было на карте // УР. 17.12.46. № 293. С. 2*).

Дорога из Свердловска на Краснотурьинск устремляется по прямой на север. Скорый поезд восемнадцать часов мчится мимо зеленых и серых каменистых холмов, поросших соснами, и чем дальше на север, тем ближе подступают к железнодорожному полотну нетронутые массивы лесов, и, сколько видит глаз, – тайга (*Хазанович Ю. Юный город. Краснотурьинск // УР. 14.11.47; В помощь пропагандисту и агитатору. 1950. № 2. С. 87*).

Такие пассажи работают на все ту же цель – убедить в торжестве преобразований. Нагнетая ощущение удаленности, всевластия чащи леса, на контрасте тексты дальше показывают достижения юного города. А ведет к ним, в прямом и переносном смысле, железная дорога.

Сегодня железная дорога лишена каких бы то ни было элементов прежней героики. Она давно стала естественным элементом индустриализованного ландшафта, на который не обращают внимания, если все остальное исправно работает. Так, один из информантов в Заречном в спонтанном рассказе ничего не сказал о железнодорожной ветке, находящейся в том месте, с которого он решил начать показ своего города (градообразующее

предприятие). Отвечая же на расспросы интервьюеров, быстро переключился на функционирование предприятия:

Интервьюер 1: *Железная дорога работает?*

ЗМ48: *Тут-то три ветки уже не работают.*

Интервьюер 2: *Это узкоколейка?*

ЗМ48: *Нет, это нормальная. С Баженово приходит ветка. С Асбеста почти, с асбестовской ветки приходит. Вот видите, кирпич стоит, народ вон [бетонную] плиту маленько подвинули и проезжают. Все хотят на работу на машинах ездить почему-то. Вот это и есть работающий третий блок наш. Понятно, пар разогревают (ЗМ48).*

Как видно из приведенного отрывка, практики работников, которые нашли способ, минуя заграждение, подъезжать к проходной на автомобиле, а также признаки производственного процесса (пар) находятся в зоне компетентного внимания, железная дорога – нет.

В Краснотурьинске, по рассказу одного из информантов, «благодаря железнодорожной ветке, которая шла к заводу» (КрМ25), в свое время начал работать трамвай. В связке железной дороги, завода и трамвая заключена жизнестворность индустриальности, которая смогла обеспечить поистине городское качество жизни в виде трамвая.

В 2013 г. пассажирский поезд до Краснотурьинска перестал курсировать, в высказываниях информантов это звучит как симптом упадка, ухудшения качества жизни:

Ветку эту отключили, типа невыгодно (КрМ20).

Поезд у нас убрали, теперь у нас поезда нету, вокзал стоит, поезда не ходят. Теперь все очень неудобно, все старые, и все с детьми маленькими, все на операции, кто бабушки, лежа уже до Свердловска не доедешь (КрЖ45).

У нас даже закрылось, теперь не ходит поезд пассажирский, полгода назад закрыли. ...Кому-то ведь был необходим все равно поезд, хотя бы ради того, что кто-то больной там ехал, кому-то, пожилой, чтобы не трястись на том же автобусе. Теперь все (КрЖ67).

Другой важный символ состоявшегося покорения – **з а в о д с к и е т р у б ы** (см., напр., [Тимофеев, 2014]). На заре советской индустриализации гиганты с их дымящими трубами, безусловно, выступали флагманами прогресса. Пропагандистской машине, правда, нужно было крутиться вовсю, чтобы объяснить связь этих конструкций с обещанным улучшением жизни людей.

Ушел в вечность старый «демидовский» Урал. Возникла новая промышленность, в глухой тайге задымились трубы гигантских предприятий, выросли новые города (Доклад председателя облисполкома тов. В. Ф. Головина [первому областному съезду Советов Свердловской области] // УР. 08.01.35. № 7. С. 1).

Вопрос о том, каково приходится тайге, очевидно, не беспокоил покорителей, и, думается, не только в силу торжества прогрессистской установки, легитимировавшей поведение как в мастерской, а не в храме. Другая причина происходит также из проекта просвещения – это уверенность в лучшем будущем правильно преобразованного мира. Поэтому, вероятно, казалось, что все окружающее человека счастливо участвовать в этой творческой переделке, сотворении нового.

Житель Заречного про трубы своего предприятия говорит с заметным энтузиазмом, оценивая их параметры с санитарной и эстетической точки зрения:

На третьем блоке у нас короткая труба, там блок выше. У нас получается, третий блок где-то в районе 70 метров до крыши, первый – он чуть пониже, но у него трубы повыше, поменьше и побольше. А так в любом случае они выведены за 100 метров. Третий блок 106 метров у нас высота, здесь тоже, в этом же районе, в районе 110 метров трубы заканчиваются. Это санитарно-эпидемиологическая разрядка, что трубы должны выходить выше 100 метров. ...Все уже новое, красивое. Внутри еще как доделают, будет совсем красота (ЗМ48).

При этом черный дым из труб котельной выпал из поля зрения, так же как и не вполне актуальные железнодорожные пути.

В нынешней ситуации оба индустриальных символа, как, собственно, и само состоявшееся покорение природы, меняют свое значение. Параллельно с индустриальным ростом – а в Заречном на момент исследования вводился в строй новый энергоблок атомной электростанции – природа как бы восстанавливает равновесие и выпускает птиц, животных: «Грибы, ягоды, живность всякая разбегалась вон. Косули попадаться начали, те-терева появились, потихоньку развелись» (ЗМ48). Наличие живности призвано свидетельствовать о здоровой, благоприятной экологической ситуации. Для города, особенно с выраженным промышленным профилем, тем более связанным с расщеплением атома, такие свидетельства имеют серьезный вес:

У нас тут даже на территории белки где-то живут, вот в семьдесят пятой школе, у них сосняк, сосновый бор, с одной стороны от проезжей части закрывает, – белки. Все, что есть, живет в лесозоне-то (ЛЖ43).

Рыба тоже водится абсолютно разная (ЗЖ33).

В то же время наступление природы в современном дискурсе может трактоваться как проявление заброшенности или неухоженности города – но опять-таки в рамках модернистской рамки «город–природа»: *«Травы очень много. Вот сейчас она только поперла, а потом она такой будет, сухостой стоять неубранный»* (ЛЖ27).

П л о т и н а – третий символ индустриального наступления. В статье 1929 г. у Николая Харитонов покорение природы исполнено удивительного для газеты лиризма: *«Это было ночью у Днепра. ...Совершалось великое таинство покорения природы, сковывалась бетоном седая сердитая река, заливались цементом потрескавшиеся древние скалы* (*Харитонов Н. Реконструкция человека // УР. 07.11.29. № 256. С. 2*). Возведение плотин вообще, как показала М. Кайка [Kaika, 2006], концентрирует в себе мощный символизм модернизации, Днепрострой же поражал воображение не только 25-летнего уральского журналиста, но и 60-летнего М. Горького²⁷. Подобные материалы демонстрируют, на наш взгляд, как не вдруг, а довольно постепенно и неровно выковывался канон формулы покорения.

Создаваемые в начале 60-х искусственные водоемы Качканара с самого начала получили романтическое название – море. Оно фигурирует в заголовках репортажей с места событий весной 1962 г.: «Рождение Качканарского моря», «Романтики моря», а очерк в книжке «Мой Качканар» 1963 г. озаглавлен «Море в горах»²⁸. Один из двух цветных разворотов в этой книжке занимает «Качканарское море» – так подписана красочная акварель Л. Полстоваловой. На переднем и заднем планах – желто-зеленая и коричнево-красная листва, а между ними – полоса густой синевы с изящным, тонким изгибом плотины-дороги, машины на ней видны непримет-

²⁷ Многократно уличенный в «природоненавистничестве» ([Добренко, 2007 : 124], см. также: [Вайнер, 1991 : 252–255; Ушакин, 2005]), пролетарский писатель в 1929 г. совсем не демонизирует реку, с наслаждением купаясь в поэтической картине: «Ночью над рекой и далеко по берегам вспыхивают голубые огни электрических фонарей. Днепр заплескивает их шелковые отражения, но они светятся на темных волнах точно куски неба в тучах, гонимые ветром. ...Теплый бархат ночи богато расшит, украшен голубым серебром огней, в сумраке стремительно катятся волны Днепра, река точно хочет излиться в море раньше, чем люди возьмут ее в плен и заставят работать на себя» (*Горький М. По Союзу Советов. III // Наши достижения. Кн. 3. 1929. С. 7–8*).

²⁸ См.: *Степанов П. Рождение Качканарского моря // На стройке Качканара. 21.04.62. № 31. С. 1; Матыков Н. Романтики моря // Вперед, к коммунизму! 23.05.62. С. 2; Копылов С., Алеев Н. Море в горах // Мой Качканар : [сб.] / [Ф. Селянин [и др.] ; ред. В. Артюшина ; худож. Л. Полстовалова]. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1963. С. 141–146.*

ными прямоугольниками²⁹. Во всех текстах почти дословно обыгран один и тот же эпизод – появление уток над водой. Они первыми «объявили благодарность» гидростроителям, как бы узаконивая затопление:

Послушали бы вы, как они весело кричали на заре. Просто обворожительно. Видимо, удивились и обрадовались не меньше людей, что здесь, в горах, родилось море (*Матыков Н.* Романтики моря // Вперед, к коммунизму! 23.05.62. № 60. С. 2).

Героическая победа над стихией (раннее таяние снега и весенние дожди грозили «смыть трехлетние труды») и в то же время романтический знак признания природой подводят к мысли: никто не должен жалеть о том, что ушло под воду. Впрочем, негативное восприятие вряд ли было свойственно самоотверженным строителям и другим адресатам анализируемых текстов.

«Еще совсем недавно здесь цвела черемуха, шептались кудрявые березки, старожилы ездили за дровами в сосновый бор... А теперь тут кругом вода. Волнуются, плещутся в берег волны» – этот лирический пассаж идет в газете сразу после уток над Качканарским морем. У современного читателя он вполне может пробудить жалость к березкам и сосновому бору. (Примерно такой же эффект возникает сегодня от эпизода с деревенской идиллией рядом с грохочущей пыльной стройкой Магнитки в романе «Время, вперед!» Катаева.) Без явного сожаления, скорее с ностальгией, наши информанты вспоминали: когда не было пруда, *«тут прямо вообще непролазные чащи такие были... здесь мы в лес ходили, здесь столько ягод, грибов было!»* (КЖ51). У современника, а тем более участника событий в начале 60-х, полагаем, восприятие с большей вероятностью соответствовало ожидаемому: радостное сопереживание, гордость от сопричастности к историческому свершению, в контексте доминирующего аффективного режима. Вчерашние чащи и ягодные места, сегодня скрытые водой, в дискурсе молодых городов ассоциируются с масштабом и скоростью преобразований, а не утраченными возможностями³⁰.

²⁹ На живописном холсте А. Ф. Бурака «Создание Качканарского моря» (1962), написанном в тот же период, напротив, передний план занимают самосвалы и только за ними – гладь воды.

³⁰ Залогом такого восприятия служили не только мощности официального дискурса, но и системная «формовка советского читателя» (см.: [Добренко, 1994, 1997]). Вместе с тем вкусы, оценки и чувства «советских читателей», конечно, не могли быть одинаковы у всех социальных групп. Восприятие официального дискурса молодых городов современниками событий на разных этапах заслуживает отдельного исследования.

В Заречном – плотина, в Лесном – пруд вовлечены в дискурс закрытости города. В Заречном плотина представляла собой стратегический объект, как объясняет участница исследования; теперь город открытый, а плотину закрыли для транспортного движения:

Раньше же у нас был закрытый город, и плотина которая, это стратегический объект, военный тоже. Плотину закрыли, сейчас здесь нельзя ездить (ЗЖ36).

В одном из интервью зареченская плотина прозвучала как образцовое место памяти, соединив качественные и количественные маркеры начала (к семантике начала мы обратимся далее в разделе о преобразовании как особой темпоральности):

У нас вот город в 55-м году начал строиться, а гидроузел вот этот в 58-м. В течение трех лет это все делали, и они где-то в 61-м, получается, запустили (ЗЖ33).

Пунктирно плотина выступает в рассказах источником рисков. В Заречном нам рассказали, как из-за угрозы затопления несколько лет назад расселили близлежащий поселок Шеелит: *«с годами стало опасно, что живут возле плотины, что если что – их смое»* (ЗЖ36). В Качканаре, но только после целенаправленного вопроса, нам рассказали о том, какая катастрофа произошла *«лет 15–20 назад»*, когда прорвало плотину хранилища и *«где-то километров двадцать все леса, все залило массой шлама»* (КМ59). Еще одна информантка некоторое время спустя призналась, что только после наших вопросов обнаружила, как сильно за последнее время выросло шламохранилище.

Что касается образованных плотинами прудов, то в целом они воспринимаются вполне позитивно. Сразу же после создания водоемы стали осваиваться в досуговых практиках и сегодня по-прежнему популярны: *«У нас народ очень любит отдыхать на берегу»* (ЗЖ36), *«Вот возле берега это все базы, та сторона»* (ЗЖ33). Красивые окрестности, прекрасные возможности для отдыха дают основание для вывода о самодостаточности места, в Лесном упоминание о водоеме встречается не только в ходе интервью, но и в фильме, созданном к 60-летию города.

Вот это очень красивый водоем, его полностью не видно, потому что часть уходит за гору, за Нижнюю Туру, и сейчас там благоустроенные пляжи, но раньше буквально весь город в выходные высыпал на берега этого пруда. Мы даже на юг ездили редко, потому что не было такой необходимости, были жаркие такие деньки (ЛЖ51).

Я люблю в синеву уходящие горы и манящие в зелень глухие леса.
Что мне юг, если рядом такое раздолье,
Если зеркалом манит меня дивный пруд.
Для души и для сердца такое раздолье, что другие места к себе не зовут
(фильм к 60-летию Лесного. ЗЕ=video. Лесной, 2007. Редактор Т. Саитова;
видеосъемка, монтаж – Е. Ефимова; диктор – Н. Мухина)³¹.

Обычный, в общем-то, оборот для выражения локального патриотизма (ср: «не нужно мне солнце чужое, чужая земля не нужна» в песне «Летят перелетные птицы» 1948 г. на стихи М. Исаковского) в случае Лесного приобретает особое звучание, если принять во внимание режим секретности, включающий многолетний запрет на выезд за границу для многих категорий работников.

Местные жителей гордятся, что их ландшафты привлекают приезжих. Признание других подтверждает как природную неиспорченность, так и ценность города в целом:

У нас знакомая из Москвы приехала, почитала в Интернете про пруд наш: «Во, на качканарском море побываю сейчас». Понравилось, чисто (КМ15).

Вот так, конечно, красота вот неописуемая. ...Кстати, вот из Екатеринбурга приезжают с палатками сюда отдыхать. Мы на Челябинские уезжаем, а они приезжают сюда. Вот даже видно, во-он стоят – палатки. Это не местные (ЗЖ36).

В отличие от Качканара, Заречного и Краснотурынска, где пруд был создан для нужд предприятия в первые годы строительства, водоем между Нижней Турой и Лесным возник раньше, его происхождение окружено интригующей неясностью: «Городской пруд, до сих пор неизвестно, его вырыли крепостные Демидова или он естественным путем возник» (ЛЖ51). По другой версии, пруд «берет свое начало, для чего он здесь находится, вот трубы – это Нижнетурунская ГРЭС, электростанция... И вот, значит, пруд как для электростанции» (ЛМ27).

Отметим, что именно индустриальная версия включает подчеркнуто утилитарную трактовку: пруд находится здесь для обслуживания ГРЭС. Точно такая же утилитарная трактовка вклинилась в эстетизирующий в целом показ зареченской плотины: «изначально строилась как искусственный водоем, для станции, для охлаждения реактора» (ЗЖ36).

³¹ Фильм любезно предоставлен участниками исследования в Лесном.

Впрочем, более молодые и вполне ясного происхождения качканарские заводы тоже становятся предметом активного мифологического конструирования. В подтверждение статуса Качканарского моря нам рассказали, что вода в нем раньше была соленой (!):

Раньше здесь города не было. Вырубили лес. Так же и пруд наш качканарский – не было. Это искусственный. Вырыли. Раньше пруд называли качканарским морем, потому что там раньше соль была, а сейчас эта соль не чувствуется (КМ15).

Соленая якобы вода в водоеме характерным образом связана с переходом из пра-времени, когда города еще не было, к нынешнему цивилизованному состоянию с пресной водой. Следующий обмен репликами между участниками группового интервью показателен в плане попытки запустить драматизацию и встречной попытки остановить ее:

КЖ29: Где у нас тут зеленый-то пруд? ...Говорят, там есть, какие там рыбы? В общем, здесь водятся чудовища, вот в этом водохранилище.

КЖ33: Это техническое водохранилище.

КЖ29: Вода зеленая в нем. Туда воду с карьера сливают.

КМ30: ...Я не думаю, что там кто-то водится.

КЖ29: Ну кто-то говорил, что водятся вот всякие мутанты.

В Лесном пользование благами природы сопровождается необходимостью миновать вахту. Пятидесятилетняя участница интервью вспоминает, как в детстве «родители нас отпускали за несколько километров от города и мы маленькими ходили на пляж и купаться» (ЛЖ51). Любопытно, что для нее этот факт – способ иллюстрировать прежнюю безопасность в городе, а необходимость миновать вахту, по пропускам, она подтверждает только после уточнения интервьюера.

Маршруты разных информантов приводили нас к «парковой», или «прудовской», вахте, за которой открывается выход к Нижнетурунскому пруду, а со стороны Лесного примыкает парк аттракционов. Ценность представляют одновременно и обустроенность, и аутентичность природы, предстающей как настоящий «лес-лес». Разумеется, акценты зависят от индивидуальных предпочтений горожан, но во всех случаях оказывается важным, что природа находится в шаговой доступности и готова для досугово-го потребления:

Слева у нас пруд, парковая вахта. Там летом загораем, купаемся. Плюс еще спортивные секции – лодочная, парусная. ...Ходят круглый год. У нас же пропуск, мы в любое время можем выйти (ЛЖ64).

Маршрут (смеется) классический – из города пойти вот, выйти на природу, не то что вот в какой-то парк, да а вообще в лес, в лес. То есть в нашем городе мы имеем возможность за 10 минут от цивилизации дойти до леса. Вот мы сейчас за границей видим пруд Нижнетуринский (ЛМ27).

В Краснотурьинске ситуация прошла полный цикл – от яркого взлета до упадка. Набережную пруда начали благоустраивать уже в конце 40-х, и вскоре она стала любимым местом жителей, превратившись в неформальный центр и визитную карточку города.

Турья и ее высокие обрывистые берега – излюбленное место летнего отдыха краснотурьинцев. Река тоже изменилась за эти годы. Поперек ее легла широкая бетонная плотина, на берегу распластались мостики водной станции, а сверху, над обрывом, словно птичье гнездо, приютился круглый шатер танцевальной площадки. Никогда не видала Турья столько лодок, быстрых и легких, никогда не слыхала таких хороших песен, какие распевают люди, когда вечером плывут по ее спокойной и чистой воде... (Хазанович Ю. Юный город. Краснотурьинск // УР. 14.11.47. С. 88–89).

Сколько жизней совсем недавно, в начале 40-х, унесло строительство плотины, политика места, конечно, не проговаривала. Сегодня «Водная» – по-прежнему «достопримечательность», но не центр притяжения, а тронутое кодом смерти место (см. гл. 6), включая и грязную воду, где уже «никто не рискует купаться» (КрМ20).

– А это все водохранилище, набережная... Когда-то было две лодочные станции, сейчас уже нет ни одной.

– Вообще ни одной?

– Не работает. Когда тут люди отдыхали, очередь на лодки стояла. На каждой станции было лодок по 200, и их не хватало. Весь пруд был, люди катались, и спасатели были, тут понтоны, вышки. Все, завод рушится, и все бросили социальное (КрМ34).

Мирное взаимодействие с природой: трансформация оптики. Представлению о природе как стихии сопутствовал еще один образ – кладовой. Мир огромен и полон б о г а т с т в, человек им господин, – это пронизывающее весь индустриальный дискурс следствие доктрины исключительности человека, в терминах Ф. Макнотена и Дж. Урри [Макнотен, Урри, 1999 : 264], в начальный период проявляется наиболее отчетливо.

В переломный для Урала период, когда на рубеже 20–30-х решалось, будет ли регион в числе приоритетных (в качестве второй угольно-металлургической базы) и сумеет ли вынести эту ношу, особенно важно было избавиться от ярлыка седого Урала с полностью выработанными ресурсами:

Кое-кто стремится представить Урал если не выпотрошенной шкатулкой, то уж во всяком случае инвентаризованной и уже не содержащей особых сюрпризов. В изображении иных «певцов седого Урала» он выглядит не только седым, но и полысевшим, сморщенным, истощенным. Было немало рецензий на Урал, как на устарелую книгу, читаную и перечитаную (*Горев И.* Первое слово – районам // УР. 13.01.32. № 11. С. 3).

Так что «колоссальные богатства нашего края, необъятные его ресурсы»³² (Внимание нерешенным задачам // УР. 05.01.35. № 5. С. 1) прочно вошли в актуальную повестку дня. Ставка на природные богатства работала в двух направлениях – на обеспечение притока инвестиций из центра и мобилизацию трудящихся на упорный труд. Ведь, кроме природных, других «богатств» в распоряжении не было. Строительство действительно затевалось в «чистом поле», т. е. без подготовленной материально-технической и бытовой базы. Уралмашинострой, признавал в 1932 г. секретарь Уралобкома И. Кабаков, «[н]а первых порах работал “при ничтожных материальных и культурных ресурсах”»; на Вишере, Березниках, Уральмедьстрое, Магнитострое, Тагилстрое сотни тысяч людей вооружены были лишь “примитивными орудиями производства” да “неустанной дерзостью»» (*Кабаков И. Д.* Против оппортунизма и гнилого либерализма // УР. 03.01.32. № 3. С. 1).

Поэтому так важно было снова и снова проговаривать, утверждать представление о «необъятных ресурсах», и печатные СМИ дают нам щедрые образцы выполнения этой задачи. Из-под пера писателя как из рога изобилия сыплются всевозможные блага коммодифицированной природы:

Сколько же тут богатств! Какие электрические станции можно построить на этой великолепной реке с ее 150 перекатами? Сколько уксусной кислоты, бумаги, целлюлоида, человеческих жилищ, эфирных масел, лаков, красок, шелкового белья, кинолент, смолы, канифоли, медикаментов можно получить из этих лесов, если за них взяться по-настоящему? (*Маленький А.* Новый материк: (Письма с Вишеры). Свердловск ; М. : Урал. обл. гос. изд-во, 1933. С. 15–16.

Анализируемые тексты доносят искреннюю убежденность в том, что природные богатства просто пропадут, если их не использовать (ср.: [Вайнер, 1991: 253]):

Сколько рыбы умирает в реке от старости, не будучи выловлено человеком? Сколько рябчиков, уток, гусей пропадает здесь попусту? (*Маленький А.* Новый материк: (Письма с Вишеры). Свердловск ; М. : Урал. обл. гос. изд-во, 1933. С. 15–16).

³² Из выступления секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова на Первом областном съезде Советов в 1935 г.

Природа жаждет прихода человека. Полезные ископаемые не просто ждут, порой они просто рвутся, выпирают и тянутся к хозяйской руке, – набор глаголов не оставляет сомнений, что их нужно немедленно добыть и пустить в дело:

Руды сами ищут людей. Пласты сбрасывают покров, чтобы облегчить человеческие поиски. Нет надобности зачастую взламывать сокровенные сейфы геологических наслоений. Ископаемые рвутся из дальних глубин, выпирают на поверхность, ждут только того, чтобы человек нагнулся. Драгоценный вкрапленник в советскую землю – уральские недра – сами тянутся к хозяйской руке (*Горев И.* Первое слово – районам // УР. 13.01.32. № 11. С. 3).

Фундаментальное отличие советского дискурса заключается в легитимации хозяйского статуса сущностью советского строя: если капитализм хищнически эксплуатирует природу, то социализм распоряжается исключительно разумно, не во вред, а во благо. Все действия советских людей морально оправданы самим этим статусом.

Формулировки 50-х предполагают чуть более мягкие, неагрессивные варианты взаимодействия с природой (сохраняющие тем не менее весь потенциал активности человека), где она благосклонно позволяет себя разбудить. После описания героической борьбы строителей дороги к Братской ГЭС с пожаром «Смена» дает лирическую концовку: «Тайга просыпается от векового сна, тайгу будят молодые, сильные, бесстрашные парни и девушки» (*Киселев Е.* На подступах к Ангаре // Смена. 1958. № 18. С. 2). На той же странице подпись к фотографии, демонстрирующей двухэтажные дома и собравшихся возле автобуса людей: «Там, где недавно шумела вековая тайга, вырос поселок железнодорожников». Точно так же про недавно шумевшую тайгу писали и о Краснотурьинске в 40–50-е, и о Качканаре – десятилетия спустя. Без формул покорения и пробуждения эти позднесоветские тексты тем не менее предлагают восхититься совершенным преобразованием (завод и город на месте недавней тайги).

В то же время установка покорять вкупе с убежденностью в неисчерпаемости богатств (ср.: [Евланов, 2013]), яростно осуществляемые в чрезвычайных условиях первых пятилеток, войны и послевоенного восстановления, к концу 1950-х привели к повсеместному серьезному ухудшению состояния окружающей среды. Исчезла рыба из забитых топляком сахалинских рек, из-за вырубки лесов под водохранилища и разработку нефти значительно сократилась площадь зеленых зон вокруг населенных пунктов. Нерациональное ведение лесного хозяйства, особенно в колхозах, стало причиной существенного истощения лесов, – все это констатируют

правительственные постановления рубежа 50–60-х гг.³³ Для Урала актуальности проблеме техногенных экологических рисков в данный период добавила авария 29 сентября 1957 г. на химкомбинате «Маяк» в закрытом Челябинске-40. В стране начинается реформирование организации системы природопользования³⁴. Сказываются и «оттепельные» настроения, и к 60-м намерения б е р е ч ь природу входят в официальную риторику.

Как этот поворот сказался на дискурсе молодых городов? Определенно, стало больше критики бесхозяйственности, направленной уже не только на простои техники и срывы сроков, но и на небережное отношение к окружающей среде.

«Лес служит человеку защитой от ветров и жары, украшает города и поселки, наши скверы и парки, оздоравливает человеческую жизнь», – объясняет инженер стройки БАЭС со страниц многотиражки. Конкретная проблема заключалась в «неряшливости в работе» трактористов и самовольных вырубках «с целью приобретения бесплатных дров» (*Миронов Г., инженер дирекции. Берегите природный лес и зеленые насаждения поселка // Ленинская искра. 18.02.61. № 5. С. 2*). Утилитарное восприятие природы дополняется теперь правовой компонентой: гражданам объясняют, что «бесплатные дрова» – это наказуемое деяние.

Специалисты констатируют сложившуюся практику, когда «при строительстве городов в лесных массивах в большинстве случаев лес или вырубается полностью, или сохраняется в количествах, не превышающих 10–12 % от первоначального», и тот вскоре гибнет [Мирзоев, 1963 : 74]. Но есть и хорошая новость, на примере Ангарска демонстрируются положительные изменения. Если в начале застройки города в 1949 г. лес не принимали во внимание и вплоть до 1960 г. «рубили безжалостно», то на текущем этапе начала 60-х среди городской застройки планировочными средствами лес удалось сохранить. В результате он «способствовал в огромной мере созданию своеобразного привлекательного облика города, придал ему тот “сибирский”, “таежный” колорит, который отмечают все побывавшие

³³ См.: Постановление Совета министров РСФСР от 19 декабря 1960 г. № 1896 «Об упорядочении лесозаготовок в Сахалинской области по берегам рек, их притоков и озер, являющихся местами нереста лососевых рыб»; Постановление Совета министров ТАССР от 30 апреля 1960 г. № 264 «О мерах по улучшению ведения лесного хозяйства в лесах зеленой зоны городов и рабочих поселков»; Постановление Совета министров РСФСР от 4 августа 1959 г. № 885 «Об улучшении ведения лесного хозяйства в лесах РСФСР».

³⁴ См.: Закон РСФСР об охране природы в РСФСР от 26 октября 1960 г., см. также: [Евланов, 2013].

в Ангарске», что позволяет автору говорить о новом типе города в лесу – «лесном городе» [Мирзоев, 1963 : 78–80]. Этот сюжет показателен в двух отношениях. Во-первых, акцентированием сбережения леса: заслугой строителей теперь становится не поваленное дерево, а сохраненное. Во-вторых, для молодого поселения первостепенную значимость имеет не унифицированный набор атрибутов социалистического города, а своеобразие, свой собственный колорит.

В 70-е индивидуализированный благодаря содружеству с природой облик города, красота ландшафта признаются актуальными ценностями. Архитекторы разрабатывают методы вписывания «новых промышленно-жилых районов в красивый, по разнообразию сложный ландшафт Северного Урала, Зауралья и Среднего Приобья» [Шауфлер, 1975 : 50]. Теперь важно, чтобы архитектурно-планировочная структура селитебных районов следовала особенностям естественного уральского ландшафта. «Этим сохраняются более ценные лесные массивы, исключаются из жилой застройки заболоченно-заторфованные участки, городские центры раскрываются в сторону красивых видов ландшафтов и в конечном итоге создаются наиболее благоприятные, комфортные условия для проживания трудящихся» [Там же]. Ландшафтное фокусирование, по мысли архитектора, предполагает размещение видовой площадки и ресторана на Лысой горе, вблизи карьера Качканарского ГОКа.

Такая площадка до недавнего времени открывала вид на один из карьеров. Сама гора и открывающийся вид весьма значимы для качканарцев: *«Там все наши месторождения железной руды, там все наши карьеры... Вид, конечно, захватывающий, смотришь на эти карьеры, там есть смотровая площадка»* (КЖ28).

Информанты из этого города весьма сожалеют о том, что компания, владелец ГОКа, закрыла смотровую площадку. Показательно, что для обзора предоставлялось по умолчанию самое замечательное – карьер как реально остающийся в городе результат деятельности комбината. Вполне закономерно также, что этот вид присвоен предприятием, которое и распоряжается им по своему усмотрению, – ГОК уже в 90-е пытался построить «живописные ландшафты» в конструкцию привлекательной локальной идентичности:

Окрестности города Качканара славятся своими живописными таежными ландшафтами, чистыми водоемами, располагающими к занятиям туризмом, охотой и рыболовством. Многие жители Качканара предпочитают активный отдых в местных условиях поездкам на знаменитые южные курорты (Качканарский горно-обогатительный комбинат на Среднем Урале / сост. А. Фаджеичев, Н. Вилесов // Фотохроника «Репортер». 1991. С. 34).

В 70-е стало возможным вслух говорить о катастрофе целины (что не мешало вынашивать планы поворота сибирских рек и планомерно строить на них каскады электростанций). Впереди была чернобыльская катастрофа, открытое обсуждение челябинского «Маяка». Если в годы первых пятилеток воздействие на природу прославлялось как созидательное, то теперь артикулируется разрушительность. Встает вопрос о том, как «привлечь в города изгнанную природу» (Проханов А. Колыбель // Смена. 1973. № 22. С. 15)³⁵, и это еще одно принципиальное изменение «чтения и производства» природы. А именно, теперь «дикая» природа выступает в качестве необходимого элемента города, в отличие от прежнего восприятия как чего-то внешнего – окружающей среды, нуждающейся в покорении и преобразовании. Собственно, дозированно присутствующая в городе природа и есть продукт ее преобразования.

Сегодня зареченцы с энтузиазмом рассказывают, что у приезжих складывается «ощущение, что мы действительно какие-то дикие лесные люди... впечатление того, что мы живем в лесу» (ЗЖ21), «дикость» здесь приобретает позитивный оттенок.

2000-е обозначают свой акцент. В эти годы бравурный оптимизм «неограниченных возможностей неисчислимых природных богатств» (Отчет о работе Уральского областного комитета ВКП(б). Доклад секретаря Уралобкома ВКП(б) тов. И. Д. Кабакова // УР. 12.04.29. № 84. С. 1) оборачивается риторикой истощения:

Конечно, богатства природы и недр за 250 лет освоения его [молодого города Волчанска] окрестностей заметно поубавились. На вырубленных в 1930–1960 годы огромных пространствах полноценный лес еще не вырос, но небольшие деревообрабатывающие производства в Волчанске еще существуют. Иссякли и месторождения россыпного золота (Гунгер Ю. Новый маршрут Волчанска // Земля городов: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург : Сократ, 2008. С. 212–213).

Экология: конверсия рисков. Официальный дискурс первого советского периода напрямую не проблематизирует вредное воздействие производства. Эта тема выходила на поверхность, во-первых, при обсуждении выбора места для строительства. Помимо многострадального Магнитогорска на Урале имелся весьма сходный, хотя менее известный сюжет Красноуральска. Медеплавильное производство и поселение там закладывались

³⁵ Весь ноябрьский выпуск «Смены» 1973 г. посвящен «проблеме века: гармонии цивилизации и природы».

одновременно с Магнитостроем и с подобными же перипетиями, которые в 1937 г. обернулись обвинениями во вредительстве:

Его [Красноуральск] умышленно, с издевательством, с холодным, разбойничьим расчетом поставили под трубой завода, в зоне распространения ядовитых сернистых газов. Круглые сутки, месяцами и годами население городка, по замыслу убийц, должно было систематически отравляться (*Кольцов М.* Бюрократизм – или хуже?.. // Правда. 30.11.38. № 330. С. 3).

Грамотный учет господствующих ветров, призванный обезопасить поселение от вредных выбросов, проходит красной нитью и в дискурсе экологической ситуации Качканара уже в позднесоветское время и вплоть до сегодняшнего дня, кроме того, в 30-е гг. в узкоспециализированных статьях о выборе подходящих газо- и дымоустойчивых сортов деревьев. В обоих случаях речь идет об управлении рисками, в том числе дискурсивной нейтрализации, похоже, весьма действенной. Так, в качканарских интервью практически отсутствуют упоминания шламохранилища. Даже когда в ходе go-along интервью оно оказывалось вблизи или даже попадало в зону видимости, информанты не обращали на него никакого внимания. На рис. 4.3. видно, каким было в 1957–1963 гг. соотношение селитьбы и различных производственных объектов: отвалы сопоставимы по занимаемой площади с жилыми поселками, карьеры чуть больше, а шламохранилища превышают селитьбу в несколько раз.

Приведенную схему строительства в альбоме института «Уралгипрограда» сопровождает следующий текст:

Первый Качканарский горно-обогатительный комбинат годовой производительностью 33 миллиона тонн сырой руды запроектирован и строится на базе Гусевгородского месторождения («Главный» карьер, а затем «Северный» карьер).

Второй горно-обогатительный комбинат будет строиться на базе Качканарского месторождения («Качканарский» карьер).

Эти комбинаты дадут народному хозяйству около миллиарда тонн железа и 16 миллионов тонн ванадия.

Стоимость этих металлов составляет более 30 миллиардов рублей, т. е. в 100 раз больше, чем будет стоить строительство.

Цифры должны убеждать, что от запланированного строительства одна только польза. Колоссальная нагрузка на окружающую среду в виде отвалов, шламохранилищ и водохранилищ полностью выведена за скобки. Водоемы в качестве Качканарского моря удачно интегрировались в городское пространство и любимы жителями, а остальное стало настолько естественным, что большей частью выпадает из зоны внимания и не подвергается рефлексии.

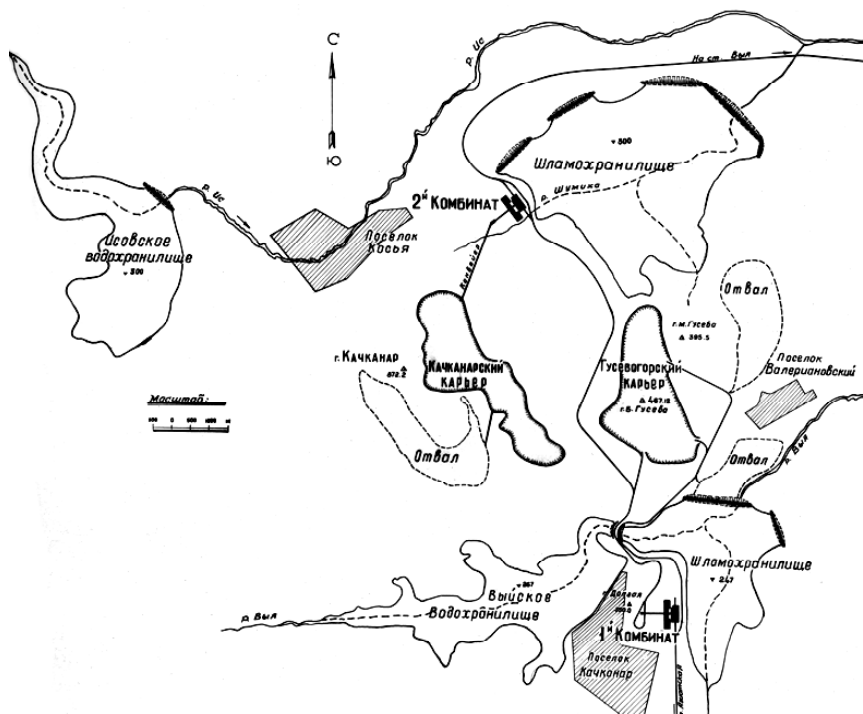

Рис. 4.3. Схема строительства Качканара
(Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. /
Институт «Уралгипроруда» // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 733а. Л. 8)

Можно предположить обусловленность такой «невнимательности» стабильной работой градообразующего предприятия. В Заречном и Лесном с их атомными объектами нам указывали на грязную заводь, где плохо пахнет от водорослей, запрещено купаться, но говорили об этом без драматизма. В Качканаре *«куда-то все раки исчезли из пруда... Нету раков, года, наверное, 3 назад. Просто раз и все. Вот как раз когда вода пахла у нас. Вот в это время исчезли раки»* (КМ30), но рыбу благополучно ловят. Мусор возле качканарского «Ключа» на въезде в город, вырубка зеленых зон под строительство оказываются намного более востребованными темами в текущей повестке дня, нежели последствия деятельности предприятий. В Лесном некоторые информанты говорили о радиации и возможно более высокой распространенности онкологических заболе-

ваний, но между делом и как о чем-то вполне привычном. Жители же Заречного буквально глумятся³⁶ над страхами иногородних – нет у них никакой радиации:

Почему-то все иногородние про это спрашивают (смех): «А вы случайно в ночи не светитесь?» (ЗЖ36).

Мы тоже оказались в числе носителей неоправданных, по мнению зареченцев, страхов, что хорошо иллюстрирует момент интервью, где девушка рассказывает о БАЭС и как она ездит туда летом на велосипеде:

– Там все купаются летом, там очень теплая всегда вода, но мне страшно.

– Думаете, облучать будет?

– Нет, не облучать, а просто там коряги всякие, за коряги зацепиться боюсь. И там поток сильный (ЗЖ18).

Иная ситуация в Краснотурьинске: на протяжении ряда лет хиревший завод и соответственно «умирающий почти город» (КрМ45). Здесь участники исследования отмечали и ядовитое шламохранилище, и другие негативные последствия деятельности предприятия. «То, что у нас завод дымит, это говорит однозначно в минус. Только заехали в город, он говорит, мы просто офигели, в че мы заехали? Там просто купол стоит этот, дыма – это все, полнейшее гз. Вода тоже такая же», – передает информант (КрМ20) впечатления своего знакомого. О реке этот молодой человек отзывался не менее сурово: «Один раз в детстве искупался, весь прыщами покрылся, я больше не буду никогда купаться». Другой краснотурьинец также говорит о загрязнении реки, демонстрируя при этом свой способ минимизации риска: «Турья река, она течет очень далеко с гор Уральских, и несколько водохранилищ даже имеется на ней. А отравляет ... ну там в какой-то мере завод, конечно, отравлял. А мы рыбачим все, то есть выше по течению рыбачим» (КрМ70).

Представление, что завод травит, но не тотально, развивается в режиме дедраматизации проблемы:

Потом завод, конечно, он больше нас травил фтором (посмеивается). Электролизное производство, там обязательно фтор употребляется, а фтор – это очень ядовитое существо. В общем-то, у нас есть жители, которые по сто лет прожили. То есть как-то тут не поймешь (КрМ70).

³⁶ Формулировка «глумятся» принадлежит Н. В. Ершовой.

Точно такой же аргумент – наличие городских долгожителей – использует житель Лесного для обоснования в целом благоприятных условий жизни в городе вообще и возможности сохранения собственного здоровья в частности, даже когда говорит о ЧП:

Было у нас ЧП, конечно, в 2004 или 2006 году, ну это вот везде [освещалось]. В Интернете можно посмотреть, в той же Википедии, что горела стружка урановая, но туда экологов не допустили. ...Ну, как бы сказать, что здоровье постоянно находится в повышенной опасности, я как бы не могу такого сказать, потому что у нас есть люди, по 80, по 90 лет, кто работают на комбинате, бегают быстрее нас и постоянно находятся во вредности всевозможной (ЛМ26).

И далее происходит нормализация существующей ситуации за счет перенесения ответственности с производителя рисков на их потенциальных жертв: *«Все же зависит от человека, как он следит за своим здоровьем. Ну и как бы у нас какой-то средний радиационный фон, ничего такого особенного, опасного нет. Людей там с тремя головами (смеется) (ЛМ26).*

Индивидуализированное общество в неолиберальной логике как по нотам разыгрывает (псевдо)субъективацию: «все зависит от тебя», а общество риска нормализует и обезвреживает риски: опасностей много, начиная от холестериновых бляшек и дорожных аварий и заканчивая возможностью техногенных катастроф; ЧП происходят везде, жизнь опасна по сути своей, главное следить за своим здоровьем.

В цитированном выше краснотурьинском интервью обнаружился дискурсивный ход, который мы назвали феноменом конверсии экологического риска: поскольку природа «портится» из-за деятельности завода, в его останке есть хоть небольшой плюс: *«Сейчас... электролизное производство практически остановлено, завод очень мало дает выбросов. ...Были выбросы такие, что вот белое, плохо видно и дышать нечем. А как люди там работали» (КрМ70).*

Общая ситуация Краснотурьинска как «моногорода на грани нервного срыва» (по названию упомянутого информантом сюжета, снятого в 2012 г. московским РИА Новости), похоже, стимулирует обращение к тому, что показывать не хочется, но нужно, чтобы привлечь внимание к происходящему. В ряде интервью проскальзывало в общем-то распространенное восприятие исследования с некоторой надеждой, что, может быть, напишут о проблемах и информация получит еще один канал распространения:

– А вот наш роддом знаменитый, помните, где дети умирали-то. У моего друга дочь здесь умерла, и они как раз, вот мой друг со своей супругой, были инициаторами, они эту тему не дали замолчать и ездили к Малахову на Первый канал.

– Сейчас-то исправили?

– Ну, сейчас вроде как, тьфу-тьфу. Больница, кстати, я вам больницу покажу... Были зараженные кюветы эти... И должным образом это все не обрабатывалось ничего, ничего не делалось. Порядка десяти детей тогда же, подряд (КрМ34).

В городах с более благоприятной социально-экономической ситуацией этот эффект был выражен слабее, людям не хотелось говорить о проблемах, они считали нужным показать лучшие стороны. Такой выбор делали сами информанты, исследователи оставляли за ними право, о чем рассказывать, но фраза «покажите ваш город» имела все-таки некий сакральный подтекст. Рассказывать о своем месте жительства означает фактически рассказывать о своей жизни. Так, в предыдущем исследовании 2010–2012 гг., в процессе сбора ментальных карт, мы не увидели на рисунках ни кладбищ, ни мусорных свалок, ни даже больниц (за исключением одной карты, где была больница, которую изобразила медсестра) [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013]. Совершенно очевидна демонстрация так называемых социально одобряемых мест, пользующихся популярностью у населения: лесопарковые зоны, школы, церкви, жилые дома, детские площадки, магазины, прежде всего торгово-развлекательные центры. Ну и, конечно, заводы, градообразующие предприятия. Эта тенденция предъявления своего города справедлива и для настоящего исследования, для рисунков, устных рассказов и показа во время пеших и автомобильных go-along интервью. Вместе с тем в ходе подробного разговора появляется больше шансов затронуть проблемные стороны, так что упоминания о фоновых угрозах и состоявшихся авариях всплывают, но, как было показано, тут же нормализуются.

Индустриальная политика природы: город-сад. Индустриальная политика природы (в смысле Ф. Макнотена и Дж. Урри [Макнотен, Урри, 1999; Macnaghten, Urry, 1998]) жестко отделяет нежеланную природу – пустыри, болота и сорные травы – от желанной – садов, скверов, газонов и цветников. Негативно определяемая природа конструируется через автоматическое восприятие ее как проблемы, требующей разрешения [Thorsheim, 2006 : 194]. Достойной города может быть только та природа, которая прошла культивацию. Так, недавно ставший городом уральский Дегтярск в 1955 г. «показывал» не просто деревья и цветы, но организованные скверы и цветники:

Где еще совсем недавно были пустыри, теперь выросли широкие улицы с красивыми многоэтажными домами, окруженными садами и скверами. ..На месте недавнего болота поднялся Дворец культуры с газонами и цветниками. Нет теперь пустыря: там, где кустились сорные травы, выстроен большой корпус механического цеха и четырехэтажное здание рудоуправления. Недалеко от него раскинулся сад горняков с летним театром (*Захаров И., председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся*. Самый юный // УР. 27.02.55. № 49).

В предписаниях Академии коммунального хозяйства в 1937 г. наряду с эстетической и «оздоровительной» подчеркивается «воспитательная» функция парков³⁷:

Наши парки и сады... должны быть... художественно и планово созданными и оформленными произведениями искусства. Они, являясь зелеными оздоровительными массивами, должны в полной мере содействовать воспитанию из среды посетителей всесторонне развитого социалистического человека (Отчет по теме «Парки культуры и отдыха» [1937] // РГАНТД. Ф. 120. О. 3-1. Ед. хр. 97–98; «Отдыхайте днем в парке...»: К 85-летию ЦПКиО им. Горького [Электронный ресурс]. URL: <http://rgantd.ru/nauchnye-trudy-i-publikatsii/85-let-park-gorkogo.shtml> (дата обращения: 16.04.2015)).

Красота и цветение, как правило, служат парафразом процветания, как в статье к 10-летию Краснотурьинска: «*Они [трудящиеся нашей страны] хотят украсить землю чудесными сооружениями и цветущими садами, и они делают ее такой*» (*Волгин Я. Новые горизонты // Заря Урала. 28.11.54. № 142. С. 3*).

Советские города любили выражение «город-сад», оно несло в себе два пересекающихся значения:

- обилие зелени, конечно, облагороженной, организованной в газоны, клумбы и скверы;
- социально-экономическое благосостояние в соответствии со стандартами социалистического города, включавшими в том числе и парк культуры и отдыха, и нормативы по количеству зелени.

Предположение о том, что таким образом проговаривается концепция города-сада Э. Говарда, не нашла подтверждений в нашем исследовании. Там, где есть какие-либо референции, это отсылки к строкам Маяковского. Например, целая полоса одного из выпусков нижнетуринской газеты в 1957 г. находится, можно сказать, под сенью поэта. Рисунок в левом верх-

³⁷ Обзор литературы о функциях и культурной семиотике парков и недавнее исследование см.: [Кухер, 2012], см. также: [Царицыно..., 2014].

нем углу страницы изображает мужчин и женщин в рабочей одежде на фоне строящихся производственных сооружений. Слева над ними возвышается фигура Маяковского, выполняя в когнитивной иконопластике плаката функцию героя [Михайлин, Беляева, 2013]. Справа от поэта и над людьми, зданиями и строительным краном – знаменитое четверостишие, поданное как прямая речь, как если бы смотрящий вдаль Маяковский разглядел будущее именно Нижней Туры:

Я знаю – город будет,
я знаю – саду цвести,
когда такие люди
в стране советской есть!

Именно эти строки оказались наиболее растиражированы в советской культуре, а образ мигрировал в сегодняшний день. Десять предыдущих строф о том, как под старою телегою рабочие Кузнецкстроя в 1929-м сидят, лучину жгут, как-то остались за кадром. И хотя памятная последняя строфа описывает будущее, ее напористая уверенность внушает оптимизм в настоящем, под девизом будущего сада газета призывает нижнетуринцев участвовать в озеленении. Редакционный текст рядом с рисунком изображает город в стандартно позитивном свете, как город энергетиков и металлургов, хорошеющий с каждым годом (см.: Вперед, к коммунизму! 30.06.57. № 77. С. 2). Формула города-сада для «старой, от смерти возвращенной» Нижней Туры, как пару лет спустя скажут на партконференции³⁸, помимо отмеченных выше смыслов несла также обещание обновления и оживления.

Можно предположить, что для новых поколений не только идеи Говарда, но и семантика революционного обновления, завоеванного в суровой борьбе и лишениях (если иметь в виду весь «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» Маяковского), большей частью утеряна. В то же время выражение «город-сад» очень популярно в современных самоназваниях молодых городов. «Город-сад» – так в 2000-е называют Красноуральск, где «дома по макушку утонули в зеленых куцах» [Горбунов, Печуркина, 2004 : 227], одноименный раздел есть и в книге о Качканаре [Качканар, 1999]. Паблик о Новокузнецке в социальной сети Вконтакте называется «Город-сад Новокузнецк». Фактически «город-сад» – место памяти, но место памяти

³⁸ См.: Протокол X Нижне-Туринской городской партийной конференции 24–25 октября 1959 г. // ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 120. Л. 21; о преобразовании как особой темпоральности см. 4.2.3.

с утраченной референцией к «первоисточнику»: город утверждает себя как город-сад, но не помнит, что это значит. Речь не идет о «проверке знаний» составителей упомянутых книжек или жителей городов. Анализируя дискурсы, мы пытаемся понять, какие смыслы города-сада закрепились, а какие ушли, и почему молодые города так себя называют.

Обилие зелени служит важным и д е н т и ф и к а ц и о н н ы м признаком для изучаемых поселений. Упомянувшийся выше фильм к 60-летию Лесного почти во всех кадрах рисует его в окружении зелени – деревьев и газонов в черте города и лесистых холмов сразу за ним. Жители изучаемых поселений видят в «зелености» позитивное отличие от более крупных городов:

Очень много зелени, этим да, хорошо (ЗЖ36).

У нас город очень зеленый, летом очень красиво, воздух чистейший, ну по сравнению с... Екатеринбургом чувствуется, особенно с Тагилом большая разница (КЖ28).

У нас в городе очень-очень много растений, деревьев, кустов, очень зелено. Я не знаю, является ли это плюсом, но наверно. В целом да. Свежий воздух, наверно (ЛЖ28).

Обилие зелени создает/усиливает ощущение экологического оазиса и отсылает к конструированию природы не как самоценности, а как компонента высокого качества жизни.

При общении с участниками исследования порой складывалось впечатление, что они считают свой город едва ли не уникальным по части зелени. Впрочем, эффект столь яркого отличия возникал, конечно, от (предполагаемого) сравнения с мегаполисом, а не с другими небольшими населенными пунктами, с которыми, кстати, мало кто себя соотносит.

Вообще, у нас чем довольно примечательный город и всегда, я надеюсь, будет таким оставаться – очень зеленый... Заречный – ну он больше славится тем, что он зеленый город (ЗМ23).

Характерна уверенность молодого человека в том, что и все приезжие тоже непременно замечают эту особенность Заречного: *«И в первую очередь, люди когда приезжают, они сразу обращают внимание: у вас столько деревьев, столько зелени» (ЗМ23)*. Обилию зелени город обязан, по мнению молодого человека, бережному обращению с лесом при строительстве (установка 60-х):

Потому что не было полномасштабной вырубки. Лес вырубался исключительно под строительство. ...Нужно было построить дом, вот, вырубали кусочек – строили дом. Поэтому благодаря этому остались вот такие парковые зоны зеленые. Даже если посмотреть, вроде бы пожарная часть, но чуть немного левее, правее – уже массив зеленый (ЗМ23).

Причем этот порядок, говорит информант, сохраняется и сейчас, при «огромном количестве новостроек». При этом важно, чтобы территория была «облагорожена» (рис. 4.4).

Рис. 4.4. «Облагороженная» природа в Заречном (фото сделано во время интервью ЗЖ21)

Обычно подобное облагораживание относится в рассказах к текущему моменту, без какой-либо отсылки к экстраординарным усилиям, предпринимавшимся на ранних этапах благоустройства города (и ставших определяющими для этих этапов в становлении поселения именно как города, как будет показано в 4.2.2). Впрочем, сам факт отдельного внимания к «облагораживанию» можно рассматривать как референцию к тем усилиям, не увенчавшимся культурой благоустройства, которая нормализовала бы постоянную ухоженность открытых пространств города. Некий элемент историчности все же присутствует:

Сквер Гагарина – парковая зона с лавочками. Место отдыха очень уединенное, там различные посажены деревья, по ним очень интересно смотреть историю. Их постепенно подсаживают, поэтому там растут деревья с самого, наверное, начала города, кажется (ЛЖ28).

Не бросающиеся в глаза постороннему деревья вдоль центральной и, как шутят, единственной улицы Качканара являются значимым для жителей атрибутом ухоженности, любовного привнесения «природы» в город.

А сама улица обязана своей красотой статусу променада не меньше, чем зелени обрамляющих ее тополей:

Проехать по Свердлова вечером, у нас красиво так. ...Когда наступает весна, можно здесь ездить и на девушек смотреть. Все они красивые такие, выходят сюда, на променады, и туда-сюда ходят... Здесь летом очень красиво. Зеленое все по бокам (КЖ29).

В связи (но не обязательно) с ухоженностью реализуется пасторальная модель чтения и конструирования городской природы, предполагающая любование:

Вроде бы город, а вот так красиво, свежо, и поэтому мне, конечно, больше нравится гулять по аллеям, смотреть на все эти насаждения (ЗМ23).

Вот так, конечно, красота вот неопишущая [про открывающийся с плотины вид] (ЗЖ36).

Очень красиво у нас осенью: лиственницы среди берез и кленов желтым... все уже осыпалось, а лиственницы желтые стоят, красиво, конечно (ЛЖ43).

Люблю это место [парк Гагарина], потому что там действительно от города так отстраняешься, сидишь среди зелени, отдыхаешь. Очень удобно там с книжечкой посидеть, почитать. Его убирают достаточно хорошо. Есть, конечно, вандалы, которые постоянно бьют там фонари и так далее, но в целом стараются поддерживать сквер в хорошем состоянии (ЛЖ28).

Таким образом, в Красногурьевске – пруд и набережная, в Качканаре – гора и пруд, в Заречном – зеленые «острова» по всему городу, в Лесном – пруд и окрестности; такие отсылки к тем или иным «природным» мотивам присутствуют постоянно. Проведенное исследование показывает, что природа в молодом городе является едва ли не самым мощным идентификатором, обеспечивающим стабильность и непрерывное существование поселения (ср. с исследованием природы в молодых северных городах: [Болотова, 2014]).

При этом дискурсивные конструкции весьма разнообразны, преобладающие модели «чтения и производства» природы менялись с течением времени. В раннесоветском дискурсе «дикая» природа противопоставляется прогрессу, культуре и цивилизации. Отношения с природой выступают прежде всего в модусе активного на нее воздействия, освоения, замены рукотворным. Враждебная или ждущая хозяйина, природа вовлекается

во взаимодействие под знаком общей установки на тотальное преобразование всего мира. Воинственная лексика выразительно структурирует советский дискурс, затухая лишь в последние десятилетия, по мере того как выдыхалась мобилизационная модель в целом. Проблемки бережного отношения в 30-е гг. выглядят исключением, только много позднее они станут появляться чаще, пока не закрепятся в повестке дня в 70–80-е. Таким образом, наибольшая трансформация изучаемого дискурса произошла по оси мирного взаимодействия с природой.

Апелляция к созданию предприятия и города «с нуля» в современных коммеморациях закрепляет статус прогрессистского противоборства с его индустриальной обреченностью. Рецидивы модернистского покорения природы совершенно закономерны для индустриального моногорода. В Качканаре перспектива когда-то радостно ожидаемого второго ГОКа сегодня сопровождается паникой, что «*сроят гору*» (КМ15). Такое будущее означает конец и промышленного развития, и природных достопримечательностей. В Краснотурьинске привычная эксплуатация природных ресурсов завела в тупик, «внезапно» оказавшись нерентабельной. Официально заявленные надежды таких моногородов, как Краснотурьинск и Асбест, связаны с переработкой отходов прежнего основного производства, т. е. по-прежнему замкнуты на природные ресурсы.

Поскольку природа считается горожанами частью жизненной среды, постольку идентификация с городом неизбежно включает в себя природу. Колониальная позиция (осваивать, использовать с пользой для дела) сегодня сочетается с постколониальным или неоромантическим любованием природой. Для жителей молодого – при этом, как правило, индустриального и монопрофильного – поселения здесь возникает серьезная проблема, порождающая двойственность дискурса. С одной стороны – артикуляция экологических рисков, восхищение лесами и горами, «естественной» и «облагороженной» средой, ценимой как источник позитивной локальной идентичности и комфорта, возможностей интересного досуга (лыжные трассы, походы на гору, буддистский монастырь на горе Качканар, близкий выход в настоящий лес, туристические маршруты в Лесном и т. п.). С другой стороны – признание необходимости дальнейшего промышленного использования природы для поддержания жизнеспособности города. Экологическая линия оказывается более слабой, поскольку людям трудно себе представить жизнь города без ведущего предприятия.

4.2.2. Преобразование как достижения градостроения

На рубеже 20–30-х гг. XX в. (с 1929 г. принят курс на ускоренную индустриализацию) строили заводы, сооружения энергетики, а поселения представляли собой временки. В 20-х газеты еще открыто признавали спровоцированную ускоренным крупномасштабным строительством ситуацию – острый жилищный кризис.

На Челябинках – острый жилищный кризис. Там теперь работает в 6 раз больше горняков, чем в довоенное время. Жилищное строительство не поспевает за приростом рабочей силы (УР. 12.05.29. № 106. С. 2).

Июньский пленум ЦК ВКП(б) 1931 г. вынужден был признать «отставание городского хозяйства от общего развития»³⁹. Пленум констатировал, что «вопросы городского хозяйства (жилище, водоснабжение, освещение, отопление, канализация, городской транспорт, внешнее благоустройство, бани, прачечные, общественное питание) приобретают крупнейшее значение». Правда, не сами по себе, а «в борьбе за пятилетку»⁴⁰. Журнал «За пролетарское искусство» более откровенно называет коммунальное хозяйство отсталым участком⁴¹.

И хотя цель была «превратить нынешние города в культурные, технически и хозяйственно развитые пролетарские центры и построить десятки и сотни новых, социалистических городов»⁴², понималось это как развитие коммунального хозяйства: «культурный центр» – это «культурные жилища» и т. п. На повестке дня, снова и снова нажимает «Правда», – «борьба за развертывание городского строительства, за культурные жилища, за чистоту в городах, за то, чтобы в них было больше зелени, за вымощенную улицу, за трамвай, водопровод, канализацию, за чистую баню и прачечную» (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1). Сегодня по этим призывам к борьбе мы можем видеть, насколько далеки были социалистические города от перечисленных благ.

³⁹ Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», 15 июня 1931 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0008_gen&object=translation&l=ru (дата обращения: 17.04.2015).

⁴⁰ См.: Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1.

⁴¹ См.: Художники – на перестройку городов! // За пролетарское искусство. 1931. № 7. С. 1.

⁴² См.: Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР», 15 июня 1931 г.

Стремались «включиться в большую работу по украшению социалистических городов» и художники. Поле деятельности им обеспечивал тот факт, что

[в] СССР наряду с новыми фабриками, заводами и МТС воздвигаются сотни и тысячи новых культурных учреждений – школ, библиотек, изб-читален, театров, кинотеатров, Дворцов культуры и клубов. ...С развертыванием строительства возрастает и потребность в художественном оформлении зданий, парков, садов, площадей, жилищ и т. п... Планировка городов, парков, площадей, замена уродливых и громоздких вывесок стандартными, окраска старых и новых домов, организация декоративно-политических установок на площадях и улицах, способствующих ознакомлению с происходящими событиями (карта революционных боев китайской красной армии, о забастовках в капиталистических странах, об ударничестве, соцсоревновании, культэстафете и т. п.)... (Художники – на перестройку городов! // За пролетарское искусство. 1931. № 7. С. 2).

В конце 1932 г. «Правда» констатировала ухудшение бытовых условий трудящихся в условиях бесплановости и анархии в строительстве городов. Так, «совершенно новый город» Дзержинск Нижегородской области встал перед необходимостью сносить рабочий поселок, поскольку тот занял место, «где в дальнейшем нужно развиваться самому заводу, во-вторых – расположен по направлению господствующих ветров, которые заносят к поселку химические вещества, вредные для населения поселка»⁴³.

«Съезд победителей» (XVII съезд ВКП(б) 26 января – 10 февраля 1934 г., позднее его же назовут «съездом расстрелянных») объявил о ликвидации трущоб в крупных городах и промышленных центрах. Спустя полгода на ноябрьском пленуме 1934 г. отдельно было отмечено плохое состояние соцкультбыта на Урале⁴⁴: «за что ни возьмешься на Урале, все говорит о том, что там нет никакой заботы о быте рабочего, ну прямо удивляешься, как там люди живут? Сколько грязи! Быт какой ужасный, средневековый. Тов. Кабаков, так жить нельзя»⁴⁵. После такого порицания уральские газеты

⁴³ Рев. Б. Бесплановость и анархия в строительстве городов // Правда. 04.11.32. № 256. С. 5. Отметим, что интересы развития производства называются, во-первых, интересами людей; во-вторых, аналогично тому, как выше, в этой же статье, автор сначала указывает на бесполезную трату «десятков и сотен миллионов рублей» и только затем – на ухудшение бытовых условий людей.

⁴⁴ О градостроительстве на Урале в данный период см.: [Журавлева, 2007].

⁴⁵ Сталин И. В. Об отмене карточной системы: Из речи на Пленуме ЦК ВКП(б) 26 ноября 1934 года // Соч. Т. 18. Тверь : Информ.-изд. центр «Союз», 2006. С. 74–81 [Электронный ресурс]. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t18/t18_029.htm (дата обращения: 17.04.2015).

решали сложную задачу совмещения победных рапортов с признанием «грязи». Вот как, например, говорит Николай Харитонов о «новом городе» Уралмаше:

Молодой город моложе завода. Если завод с каждым днем дышит все уверенней и полней – город еще задыхается от тесноты, неустроенности, грязи и бескультурия (*Харитонов Ник. Государственный человек // УР. 05.01.35. № 5. С. 2*).

В том же материале, правда, автор рассказывает и о том, как справиться с проблемой силами самоорганизации: «жильцы этого барака отремонтировали свое жилье, завалили чердак опилками, сделали заваленки, побелили печи, вытравили тараканов, организовали соревнование за чистоту». Очень напоминает действия одной из героинь романа А. Авдеенко, коллеги Н. Харитонova по журналу «Штурм»: на Магнитострое неграмотная Мария Григорьевна «пропадала в бараках, подняла кампанию среди жильцов за ремонт квартир своими силами»⁴⁶. Подход, который выльется позднее в метод народной стройки, – самстрой.

После того как «вождь партии товарищ Сталин указал на отставание нашей области в культурно-бытовом отношении»⁴⁷, на месте признавали «нерешенные задачи», но все-таки на первый план стремились вывести достижения. В итоге получалась пестрая картина. В одном и том же выпуске газеты рядом с тем, как город задыхается от неустроенности, можно было встретить и браурное:

Под самым Свердловском – на Уралмашстрое, там, где сейчас живет, ширится с каждым днем и хорошеет новый город.

Мы помним его суровое детство. Мы помним его грязным, непроходимым поселком, лишенным простейших культурных благ и удобств. Мы помним его совершенно оторванным от Свердловска, когда городские театры и клубы были недосыгаемы для уралмашевцев, а своей культурной базы он еще не имел. В труднейших условиях строили люди завод, которому предстояло стать гордостью социалистической индустрии. Тяжел и непригляден был ударников УМС, посланных сюда волей партии и рабочего класса.

Многое сделано, чтобы благоустроить Уралмаш-город, озеленить и снабдить его всем, что требуется для культурного пролетарского центра. Трамвай, кинотеатр, цирк, клуб, скверы, асфальтовые площади, огромные дома, универмаги... Все это создано в короткий срок. Но как еще много на том же Уралмаше непокрытых запросов! Какая большая работа нужна, чтобы уютные нарядные уголки, вроде этого, выросли здесь на каждом шагу! (*УР. 05.01.35. № 5. С. 3*).

⁴⁶ Авдеенко А. Я люблю : роман. [Свердловск :] Свердловгиз, 1935 [1933]. С. 208.

⁴⁷ Трибуна миллионного культпохода // УР. 10.01.35. № 9. С. 1.

Еще более позитивно оценивается Уралмаш в официальном докладе председателя облисполкома тов. В. Ф. Головина:

Рабочие кварталы города, поселок Урламашзавода являются одними из лучших мест Свердловска: прекрасно оформленная площадь Первой пятилетки, замощенные, освещенные и обсаженные зеленью улицы Ильича, Сталина и др. (Продолжение доклада председателя Облисполкома тов. В. Ф. Головина [Первому областному съезду Советов Свердловской области] // УР. 09.01.35. № 8. С. 4).

Перечисление коммунальных удобств, элементов городской среды в массово тиражированных текстах призвано было показать воплощение прогресса, дарующего благосостояние. Все упоминаемые элементы можно разделить на ряд категорий:

- а) здания и заведения – жилые, административные, учебные, учреждения культуры, здравоохранения;
- б) улицы, площади;
- в) удобства – электричество, водопровод, канализация, отопление;
- г) транспортная инфраструктура;
- д) парки, скверы, зеленые насаждения, водоемы.

Что же конкретно входит в этот набор, что составляет облик нового и молодого социалистического города в разные периоды времени? Прослеживая описания новых городов от десятилетия к десятилетию, видим важные закономерности:

1. И в 30-е, и в 50-е города закладывались а) вручную, б) без плана. Социалистические города, стереотипно являющие собой квинтэссенцию плановости, возводились едва ли не наобум: Комсомольск-на-Амуре (1932) и Качканар (1957) – с топорами на тайгу.

2. Неподготовленность выливалась в полную лишений жизнь не только в первые дни или месяцы, но и в долгие годы. Справлялись с помощью мобилизации, «напряжения всех сил», причем это относится как к военному, так и до- и послевоенному периоду.

3. Особый интерес представляет формирование – как целенаправленное, так и спонтанное – символического капитала и собственно практик коммеморации.

В 1920-е. Дискурс новых городов как таковой появляется в самом конце 20-х, поначалу эпизодически, бессистемно. Характерной можно считать интонацию, выраженную словом «новенький» (а не просто «новый») в рассказе Горького о Днепрострое:

Уже выстроен целый городок каменных домов, действует фабрика-кухня, школа, театр, расклеены афиши о гастролях артиста Александринского театра Юрьева. По широким улицам новенького, веселого города бегают здоровые ребята, мелькают красные повязки комсомолок, галстуки пионеров (Горький М. По Союзу Советов // Наши достижения. Кн. 3. 1929. С. 9).

Живописуя далее посетителя «светлой столовой фабрики-кухни» за столом с «чистой белой скатертью», который попадает вилкой мимо куска мяса, потому что одновременно с едой читает газету, писатель стремится высветить достижения советского строительства в происходящей «тягбе старого с новым». По мысли Горького, это было необходимо, чтобы трудовая молодежь лучше ценила настоящее, отвоеванное у проклятого прошлого. Необходимость артикулировать, что столовая светла, на столах чистые скатерти, а в меню есть мясо, выдает небольшую распространенность этих элементов коллективного быта, что пронизательно замечают современные исследователи (см. Добренко).

Для наших целей важнее подчеркнуть игрушечность, сделанность новенького городка, в котором и здоровье, и веселье рискуют показаться наигранными. Декорации – каменные дома, каноническая фабрика-кухня, а также учреждения культуры – все это среди трепета красного. Как древнее Запорожье с его разнообразными напластованиями истории вмиг превратится в веселый город, автор не рассматривает. Собственно, читатель даже и не знает, что дело происходит вблизи этого города – старое поселение исключено из фокуса.

В 1930-е. Достижениями собственно города оказываются главным образом жилые здания плюс, как правило, заведения соцкультбыта. На этом фоне особо выделяются настойчивые упоминания т р а м в а я – воистину олицетворявшего собой прогресс и городскую цивилизацию.

Постановление Пленума ЦК ВКП(б) «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» от 15 июня 1931 г. предписывало: «в) расширить программу по трамвайному вагоностроению (моторных и прицепных вагонов), приступив к постройке в 1932 г. специального завода трамвайного вагоностроения» ([Электронный ресурс]. URL: http://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0008_gen&object=translation&l=ru (дата обращения: 18.04.2015)).

Трамвай, врезаясь в строительство тракторного завода, делит его пополам. По левую сторону высятся четырех- и пятиэтажные жилые дома, уходят вниз по склону низкие деревянные бараки, в пыли на горке, на отшибе, забытым часовым стоит деревянный клуб завода. Здесь протекает жизнь, свободные

часы энтузиастов Тракторостроя. Здесь больше недостроенных домов, больше наспех сколоченных бараков, но здесь будет первый социалистический город (*К-в Н. Завод, не имеющий истории // Смена. 1930. Июнь. № 16–17. С. 14* (о тракторном заводе в Сталинграде)).

Еще в 1931 г. А. Маленький предрекал трамвай Магнитогорску, согласуя его движение с озеленением:

Трамвай будет ходить не посередине улицы, а по боковой части, между стенами сплошного зеленого ограждения (*Маленький А. Магнитогорск. М. ; Л., 1931. С. 73–74*)⁴⁸. В городе с 200-тысячным, как тогда виделось, населением «не будет обычного шума и лязга, свойственного большим городам (с. 74).

Добиться такого эффекта позволит именно грамотное расположение этого общественного транспорта:

Три проходных будки завода соединятся магистральными линиями трамвая с городом. Для первоочередного движения будут отведены две главные улицы, связанные пересекающими их через каждые 500–600 м поперечными магистралями. Трамвайное движение сосредоточится на главных улицах. Пересекающие улицы будут тихими и спокойными (с. 74).

Брошюра Маленького о Магнитогорске подчеркивает удобство, ну, и конечно, главное назначение трамвая – подвоз рабочей силы к месту работы:

Никому не нужно будет ходить пешком на завод или обратно. Трамвайные линии расположены таким образом, что каждая из них получает равномерную нагрузку и всякие «пробки» в движении автоматически исключаются (с. 74).

О том, насколько более важным в этот период виделось производство в сравнении с населенным местом, свидетельствует тот факт, что поселение могло и вовсе не называться – опускался такой существенный структурный элемент дискурса, как номинация. Даже в более пространных, чем газетные заметки, журнальных материалах – как в этом июньском 1930 г. выпуске «Смены», где комсомол рапортует съезду партии о выпуске первого трактора. Начальный сюжет о Тракторострое там обходится вообще без упоминания Сталинграда, в других – город проскальзывает мельком. Так же как Горький в 1929-м, писательница Софья Виноградская в 1933 г. воспекает «молодой город, молодой народ» на строительстве Днепрогэса, не называя Запорожья. Отсутствие имени поселения сигнализирует и об обнулении прежней жизни, – история нового мира пишется с чистого листа.

⁴⁸ Строительство трамвайных путей в Магнитогорске началось в 1933 г., движение открыто 18 января 1935 г.

В текстах начала 30-х обращают на себя внимание характерные градостроительные решения, которые С. Виноградская справедливо полагает новой архитектурой: квартал-сад, дом-коммуна. В дальнейшем ничего этого больше не встретится в характеристике молодых городов.

Город, рожденный социализмом, утвердился новой культурой, новой архитектурой, районным отоплением, кварталом-садом, больничным городком, домом-коммуной, горячей водой (*Виноградская С. Дети социалистических городов (Днепрогэс) // Известия. 16.10.33. № 254. С. 2).*

Из общественных заведений Днепрогэса, таким образом, видим больничный городок, из удобств – отопление и горячую воду.

В 1932 г. «Правда» развивает тезис из резолюции июньского пленума ЦК ВКП(б): «Построим сотни новых городов!». Этому отведена вся третья полоса газеты. Масштабность демонстрирует размещенная в центре страницы «Карта главнейших новых городов СССР», разделенная на европейскую и азиатскую части. Обобщающий набор: «Десятки тысяч новых домов, трамваи, театры, клубы, школы» (Правда. 11.06.32. № 160. С. 3) – конкретизируется на примере 19 городов. Принципиальная черта – образцовость: «образцово поставлено общественное питание» (Сталинск), «образцовый город» (Прокопьевск в будущем). Другие характеристики – индустриальный, многолюдный.

В отменившем трехлетие Магнитогорске, по сообщению «Правды», наряду с бараками есть и «новые каменные корпуса», театр, цирк, «звуковое кино и кино “немое”», строительный институт с техникумом, школы I и II ступени, больница с амбулаториями, ясли и детсады, «есть, разумеется, своя газета: “Магнитогорский рабочий”» (Новые города социализма. Магнитогорск (Урал) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3). Заведения нового города Красноуральска – «рабочий клуб, фабрика-кухня, школы, лечебницы». В Игарке, имеющей «13 тыс. постоянного населения», а через пять лет ожидающей 50–60 тысяч, дабы превратиться в «многолюдный индустриальный заполярный город мира», строятся или выстроены новый Дом Советов и Дворец труда, большой городской театр, больница, амбулатории, бани, электростанция. Образование представляют техникум, семилетка и ряд начальных школ... 13 технических курсов по разным специальностям» (Новые города социализма. Игарка // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

В этой программной статье «Правды» транспорт и соответствующая инфраструктура как элементы городского антуража фигурируют в связи с 10 городами из 19, однако довольно неравномерно. Так, новый вокзал

построен в трех поселениях – Сталинске, Сталинабаде и Фрунзе; в Игарке наряду с временным строится новый порт. Мощеные улицы упомянуты только для Дзержинска; в Запорожье и Бобриках – замаскируются. Автобусы «бегает» тоже только в одном городе – Новом Запорожье, в Хибиногорске их в данный момент пускают.

В Запорожье также «быстро прокладывают трамвай». Ни для одного другого города из 19 трамвай более не называют, хотя он и заявлен в обобщающем наборе новоприобретаемых благ, а также в статье Т. Холодного⁴⁹ в данной подборке «Правды» 1932 г. Развитие еще двух городов – Магнитогорска и Березников – описано через ассигнование средств, в том числе на «городской автотранспорт». Прямые широкие улицы, о которых так любили писать авторы заметок о молодых городах, появятся позднее. Тиражирование принципа городских ансамблей, возможно, и закладывалось в конце 30-х⁵⁰, но газеты еще ничего не говорят о парадных магистралях с развернутыми к ним фасадами новых домов. Их еще просто не было. В проекте Комсомольска («Смена», 1936) они хорошо просматриваются на картинке, но никак не поданы в тексте. Еще реже, только в 3 случаях из 19, встречаются упоминания озеленения: «Озеленяются вновь распланированные бульвары и скверы» (Новые города социализма. Новое Запорожье (Украина) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3). Озеленяют и Анжеро-Судженск (Западная Сибирь), в Сталинабаде («Бывший кишлак Дюшанбе. Теперь – столица Таджикской ССР») есть скверы, улицы озеленены.

Обязательно стараются подчеркнуть, где есть, хотя бы в начальной стадии, коммунальные удобства. Современному читателю может удивить такое внимание к прокладке канализации, строительству или даже только к планам и ассигнованиям на банно-прачечные комплексы. Так, в насчитывающем свыше 100 тыс. жителей Комсомольске-на-Амуре в 1939 г. эти коммунальные объекты еще только «будут построены»:

⁴⁹ «Питер, Москва, Екатеринослав, Харьков, Киев, Пятигорск – вот почти и все трамвайные линии в дореволюционной России. А на сегодня? Баку, Большое Запорожье, Воронеж, Грозный, Макеевка, Минск, Молотово, Ногинск, Пермь, Свердловск, Смоленск, Сталино, Старая Русса, Тула, Челябинск, Шахты, Эривань – десятки советских городов имеют или достраивают у себя трамвай» (*Холодный Т.* Некоторые параллели // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

⁵⁰ По А. Селивановой, принцип городских ансамблей, заданных планом реконструкции Москвы 1935 г., «тиражируется по стране» (см.: Новый ордер – это почерк государства / А. Напреенко, А. Новожилова, А. Селиванова // Открытая левая. 08.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://openleft.ru/?p=2122> (дата обращения: 12.02.2015)).

Комсомольск-на-Амуре. 28 апреля (ТАСС). Юный город, насчитывающий сейчас свыше 100 тыс. жителей, становится одним из индустриальных центров советского Дальнего Востока. Здесь строятся крупный металлургический завод «Амурстальстрой», который в этом году даст первую сталь, рыбокомбинат, хлебозавод.

Город получит в этом году 55 тысяч метров жилой площади. Будут построены два новых квартала. Начнется сооружение Дворца культуры стоимостью в 8,5 миллиона рублей. Будут построены две школы на 1 280 учащихся, летний лагерь, детская больница, банно-прачечный комбинат, канализация (Известия. 29.04.39. № 100. С. 3).

«Юный город» выглядит не слишком чистоплотным. Нарастивая мускулатуру индустриального центра большого региона (Комсомольск «становится одним из индустриальных центров советского Дальнего Востока»), он не приучился еще по-городскому мыться и справлять нужду. И это тем более очевидно, когда печать сообщает нам не о планах и строящихся объектах, а о той жизни, которая разворачивается сейчас. Так, будущий Новомосковск, до этого Сталиногорск, а первоначально основанный в 1930 г. город Бобрики, рисовался как «город барачков и мощных, в лесах закопанных строек», где «на черном взрыхленном пустыре ныне 32 000 жителей». Невзгоды приписываются оскалу старого мира, ведь новое не может, не должно источать злость и зловоние.

Старая, растрепанная, неумытая, безграмотная Рассея-матушка здесь, в бараках, злее оскаливает свою морду. Еще неустроенный быт, еще непреодоленные до конца некультурность, вшивость – здесь, на новостройках, раскрываются своим зловонием. Здесь еще ожесточеннее схватка между старым и новым. Барак – это крепость, которую надо взять штурмом. И эту крепость старого, зловонного мира штурмует авангард молодежи – комсомол. Но сделано еще недостаточно (Комсомол должен овладеть барачком (Строительство в Бобриках) // Смена. 1931. Сент. № 200. С. 4).

Вместе с тем, на наш взгляд, подспудно признавалось, что современное развитие (модернизация, или, как тогда говорилось, социалистическое строительство) все же не только индустриализация. Создать сырьевые и промышленные базы еще не значит раскинуть сеть городов. Для собственно городской цивилизации необходимо, как тогда виделось, прежде всего соответствующее благоустройство. Восторг пролетария от «хол» и «гор» воды, освещения и отопления в квартире, главное же – от ванной,

прекрасно показан Маяковским в свердловском стихотворении 1928 г.⁵¹ С обеспечением материальной базы под идеологию все в порядке – Дом Советов, клуб, газета. Благоустройство будет рефреном живописания новых городов и в последующие десятилетия.

Город только что вышел из рук строителей. Это так и есть. Жители Асбеста различают два города: Кудельку, которая существовала на этом месте с 1889 года до Октябрьской революции, и Асбест, заново созданный после революции. Между ними, право же, не больше сходства, чем между телегой и автомобилем...

А вот – новый город.

Просторные, светлые, изящные коттеджи и многоквартирные дома выстроились вдоль прямых улиц. У домов проложены, правда еще не везде, широкие деревянные тротуары и разбиты газоны. Немало крупных зданий – Дворец культуры, горный техникум, больничный городок, контора Союзасбеста, гостиница. Над крышами поднимаются стройные сосны – напоминание о том, что еще недавно здесь шумела тайга. Белизна домов на фоне темной зелени производит впечатление свежести и молодости. Молод Асбест, но ему есть чем похвалиться (*Кожан И.* Советский асбест // УР. 21.10.39. № 242. С. 2).

В 1940-е. Если Комсомольск-на-Амуре получил статус города спустя несколько месяцев после прибытия первых строителей в 1932 г., то другим новым городам требовалось несколько лет. Обретение статуса города воспринимается как значительное событие. Первые высказывания довольно бесхитростны, напирают на быт: «За один год поселок Турьинские рудники, став городом, приобрел и чисто бытовые городские черты жизни быта (так)» (*Маркович А., председатель исполкома Краснотурьинского городского Совета депутатов трудящихся. Младший брат уральских городов* // Заря Урала. 01.01.46. № 1. С. 4).

Отметим, что в приведенном материале местной газеты новообразованный город назван не молодым, а младшим, т. е. он еще не восприни-

⁵¹ См.: Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру. Свердловск, 28 января 1928 г. // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 9. С. 23–26. «Хол» и «гор» – название стихотворения в составленной Маяковским афише его вечера «Левей Лефа» 26 сентября 1928 г. (см. прим. на с. 543 указ. издания). А. Пудваль приходит к заключению, что замысел стихотворения появился в конце 1927 г. В январе 1928 г. поэт удивился: «Это у всех рабочих квартиры с ванной?..», навещая мать и сестер в полученной с его помощью квартире в новом кооперативном доме Трехгорной мануфактуры в Москве. По свидетельству организатора поездок Маяковского по стране П. И. Лавута, «здесь, в Свердловске, побывав в хорошем рабочем общежитии и в новых домах, куда вселялись рабочие Верх-Исетского завода, он снова вернулся к этой теме» (цит. по: *Пудваль А. Р.* Поиск. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1974. С. 85–86).

мается сам по себе, скорее как один из уральских городов. Иными словами, Краснотурьинск идентифицируется пока еще не столько через собственный возраст, сколько через общую уральскую идентичность (или участь?).

К десятилетнему юбилею краснотурьинская газета подчеркивала в передовой, что статус города – это не просто формальное переименование, но знак качественного изменения.

Выход в свет этого указа свидетельствует о том, что, несмотря на тяжелые годы переживаемых испытаний, правительство проявляло заботу о простых советских людях, находившихся как на фронте, в то время жизненно важном участке, так и в тылу.

Преобразование поселка Турьинские рудники в город Краснотурьинск явилось знаменательным событием для его жителей, так как было вызвано не формальными соображениями, а существенными изменениями облика города, тем большим вкладом в дело укрепления экономической и оборонной мощи нашего государства, который сделали труженики Краснотурьинска в период Великой Отечественной войны и послевоенные годы. В рекордные сроки строители возвели Богословский алюминиевый завод. Рядом с ним были заложены фундаменты первых жилых домов социалистического города (Славное десятилетие // Заря Урала. 28.11.54. № 142. С. 1).

Присвоение статуса города, таким образом, это знак заботы правительства, признание вклада тружеников тыла в общегосударственное дело, а также действительное изменение облика. Последнее воплощалось в заводе (из фразы следует, что он уже был возведен) и только еще заложенных фундаментах жилья, – такой контраст никого не смущал, очевидно.

В 2013 г. представитель администрации Краснотурьинска скажет: никто не поедет сюда по доброй воле⁵², тем более это было верно в 40-е: город испытывал жестокий дефицит важнейших ресурсов. Не хватало людей, электроэнергии, базовых средств жизнеобеспечения.

Производство алюминия на градообразующем предприятии стопорилось из-за нехватки электроэнергии, которую едва построенная ТЭЦ, в свою очередь, недодавала из-за недостатка угля. По какой причине? В 1945 г. начальник ж/д цеха Волчансугля т. Воронов взывал к участникам первой городской партконференции:

⁵² Специфическое мероприятие – открытие выставки «На том берегу: российские немцы из прошлого в будущее». Краснотурьинск, 05.02.2013. Авторы проекта Н. Паэгле, В. Осипов.

Нужно обратить серьезное внимание на подброску дополнительного коллектива рабочей силы на Волчанский⁵³ угольный участок. ...Нехватка кадров срывает нормальную работу участка; без пополнения кадров может снизиться добыча угля. Качество угля точно так же низкое, ввиду нехватки рабочих (Протокол Первой городской партийной конференции, 3–4 февр. 1945 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

Провозглашаемая в конце 40-х для Краснотурьинска градостроительная цель – выполнять планы строительства и строить «дешево прочные здания для трудящихся, красивые и удобные, достойные великой эпохи создания коммунизма в нашей стране» (Протокол № 6 собрания городского партийного актива от 6 февраля 1948 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 184. Л. 9). Актуальность и труднодостижимость обозначенных характеристик станет понятнее, если принять во внимание, что первый секретарь горкома произнес свой призыв после констатации хронического невыполнения планов и «очень низкого качества» производимых строительных работ, в качестве примера напомнив слушателям доклада, что построенное трестом «Волчанскуглеразрезстрой» вагонное депо для Волчанскугля в конце прошлого года развалилось, а в январе сего года развалился трехэтажный многоквартирный дом, строившийся Базстроем для трудящихся завода (ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 184. Л. 8).

В обстановке жестоких «послевоенных трудностей», в преддверии выборов 1947 г. в Верховный Совет РСФСР, официальный дискурс призван был разъяснять достижения; бюро Краснотурьинского горкома ВКП(б) так и запишет в протоколе: «При агитационной работе обратить особое внимание на разъяснение трудящимся достижений, хозяйственного и культурного роста нашего города»⁵⁴.

В 40-е же в целом было принципиально важно оповещать о появлении города – и чтобы формировать позитивную идентичность жителей, и чтобы привлекать в город ресурсы, не только финансовые и материальные, но и человеческие. Город предполагает «городскую культуру». В 1946 г. Краснотурьинск уже гордится дорогами – шоссейные, протяженные. Дома двух- и трехэтажные, шлакобетонные и кирпичные, и стоят они «стройными рядами», а на подходе – «высокие каменные 45-квартирные дома», их стены

⁵³ В 40-е гг. трест «Волчанскуголь» относился к Краснотурьинску. Согласно характеристике предприятий, направленной Краснотурьинским ГК ВКП(б) в Свердловский обком 14.02.45, Волчанскуголь «находится на расстоянии 20 километров от центра города» (ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 3). В 1956 г. поселок Волчанск приобретет статус города.

⁵⁴ Протокол № 22 заседания бюро Краснотурьинского горкома ВКП(б) от 10.01.47 // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 84. Л. 13.

возвышаются. Заведения – прекрасные, комфортабельные. Михаил Полисюк⁵⁵ не говорит о «новой культуре», как С. Виноградская⁵⁶, но рисует «культуру» нового городка: школы, клуб, парткабинет.

Вдоль двух шоссейных дорог, протяженностью до полутора километров, стройными рядами расположились двух- и трехэтажные шлакобетонные и кирпичные дома, с центральным отоплением, водопроводом, канализацией. ...Западнее, к склону большого водохранилища, возвышаются стены высоких каменных 45-квартирных домов, которые в этом году должны быть сданы в эксплуатацию. И тут же строятся прекрасные магазины, комфортабельная гостиница-ресторан.

Кипит жизнь в новом городке. К его учреждениям, школам, столовым, магазинам, клубу, парткабинету, к его ярким огням, к его культуре тянутся тысячи людей из старого поселка (*Полисюк М. Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77. С. 3*).

Таким образом, журналисты пытаются акцентировать культуру и красоту, пробивается даже понятие комфортабельности.

Есть в городке баня, почта, дом связи, парткабинет, клуб с драматическим ансамблем, эстрадной группой, симфоническим оркестром, джазом, хоровым, вокальным и балетным кружками. Это в общих чертах сегодняшний день заводского городка...

Взгляните, однако, на план большого Краснотурьинска и увидите, каким прекрасным он станет. Вот тут, юго-западнее от центра заводского городка, на правом берегу реки Турия, за плотиной, уже летом нынешнего года начнется разбивка парка культуры и отдыха с павильонами, волейбольными площадками, теннисными кортами. Вон там, западнее, где стоит вышка водной станции, в 1947 году начнется архитектурное оформление парадной лестницы, по которой можно будет спуститься от будущего театра вниз, к бассейну водохранилища (*Полисюк М. Будущее северного города // УР. 06.04.46. № 82*).

Благоустройство – культурность. «В нынешнем летнем сезоне будут закончены работы по наружной штукатурке зданий, находящихся

⁵⁵ Полисюк Михаил Абрамович (01.06.1903–26.08.1978) возглавлял отдел промышленности газеты «Уральский рабочий», в 50-е гг. вел спецсеминар по курсу теории и практики советской печати и практические занятия по конкретной экономике на факультете журналистики УрГУ (см.: *Исхаков Р. Л., Ситникова М. В.* Прикосновение к харизме. Екатеринбург, 2006; *Исхаков Р.* Ономастикон: Биобиблиогр. справ. фак. журналистики Урал. гос. ун-та [Электронный ресурс]. URL : <http://www.rafi-iskhak.narod.ru/p.htm> (дата обращения: 17.03.2015); *Полисюк М. А.* Гвардия тыла: записки журналиста // Подвиг трудового Урала. Свердловск, 1965. С. 116–130).

⁵⁶ В 1933 г. о Днепрострое, см. выше.

по улице Сталина. Будет произведено полное архитектурное оформление зданий и закончено благоустройство улицы Набережная с постройкой новой водной станции (Благоустройство соцгорода // Заря Урала. 15.06.49. № 67. С. 2).

Обсуждается внутреннее убранство города – внешний вид домов и улиц, состояние дорог. Т р а м в а й, уже имеющийся в соседнем Карпинске, фигурирует и в планах Краснотурынска с 1945 г. на протяжении всех 40-х гг. Сложности с финансированием возникали из-за разной ведомственной принадлежности: все более-менее значимые объекты в городе строились выделенным после войны в отдельное предприятие трестом «Базстрой» по титулу Богословского алюминиевого завода. Однако трамвай относится скорее к городской инфраструктуре, во всяком случае, так решили вышестоящие инстанции, отказавшие в финансировании строительства трамвая:

На мой запрос Министерство цветной металлургии – Главалюминстрой своим письмом от 28.10 сообщило, что оно лишено возможности включить строительство трамвая в Краснотурынке в титульный список Богословского алюминиевого завода в связи с отказом Промбанка СССР финансировать объект городского строительства по списку промышленного предприятия (Благонравов)⁵⁷.

Государство в лице министерств и банков, таким образом, не находило возможности строить трамвай, – оставался метод народной стройки (хотя пока еще газета его не провозглашает). К 1 мая 1949 г. городская газета опубликовала соцобязательства трудящихся города: «В течение 1949 года закончить строительство и пустить в эксплуатацию городской трамвай» (Новые социалистические обязательства трудящихся города на 1949 год // Заря Урала. 01.05.49. № 48–49. С. 1).

Город Краснотурынск при широком участии общественности благоустраивается все больше. Строятся новые шоссезные дороги. Проводится озеленение улиц. Появились кварталы и целые улицы с каменными домами. Построено 95 индивидуальных домов. По примеру г. Карпинска в г. Краснотурынке заканчивается строительство трамвайной линии первой очереди (Наумов М. Соревнование двух городов // УР. 09.10.46. № 237. С. 3).

⁵⁷ Депутат Верховного Совета РСФСР Благонравов А. А. 24 ноября 1947 г. № 135 секретарю Краснотурынского горкома ВКП(б) тов. Свиридову // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 40.

«Культурный вид» улиц связывается с очисткой от мусора и озеленением:

Красивые дома с центральным отоплением, имеют электричество, водопровод и канализацию. Асфальтированные и освещенные улицы города принимают культурный вид (Стасюк Б., *председатель исполкома Совета депутатов трудящихся*. Волей советских людей // Заря Урала. 27.11.49. № 132. С. 1).

Руководители предприятий, на чьи плечи ложились эти проблемы, были озабочены прежде всего выполнением производственных планов, поэтому сплошь и рядом срывали работы по озеленению (см.: *Северный С.* Весенний план озеленения сорван // Заря Урала. 01.06.49. № 61. С. 2).

Поселения, недавно получившие статус города, постоянно сталкивались с такими проблемами потравы насаждений скотиной, как в данном случае в Краснотурьинске:

Многие граждане нашего города еще не поняли важности озеленения. Они, выпуская на улицы скот без надзора, уничтожают посаженные деревья (Мелехин А., *секретарь исполкома городского Совета депутатов трудящихся*. По-хозяйски заниматься озеленением города // Заря Урала. 25.05.49. № 58).

За последнее время на улицах г. Краснотурьинска и в рабочих поселках Рудничный и Волчанка часто наблюдаются случаи, когда население без надзора отпускает свой скот, который портит зеленые насаждения. Так, например, Ярулин Нарул (пос. Рудничный), выпустив без надзора на улицу козу, нанес ущерб насаждениям. Городским отделом милиции Ярулин оштрафован на 100 рублей. За такое же нарушение оштрафованы Бородулина и ряд других граждан (Дубровин И. Строго оберегать насаждения // Заря Урала. 17.06.49. № 68. С. 2).

Сказанное выше про санитарные проблемы новых городов 30-х остается справедливым и в 40-е. Так, краснотурьинская газета каждую весну помещает тревожные материалы об опасности таких инфекционных заболеваний, как тиф и дизентерия. В 1949 г. сессия горсовета констатировала, что «в городе и рабочих поселках до сих пор не ведется жесткой борьбы за приведением их в санитарное состояние, крайне слабо организована массово-разъяснительная работа как на предприятиях, так и среди населения. <...> В общежитиях грязно, недостаточно умывальников, отсутствуют сушилки и т. д. У ряда домов и общежитий нет помойных ям и мусорных ящиков, а территории вокруг них крайне загрязнены и совершенно не очищаются» (XIII сессия городского совета // Заря Урала. 08.04.49. № 39. С. 2).

В 1950-е. В 50-е набор элементов города в общем-то тот же: здания, улицы, удобства, озеленение, однако тема красоты и благоустройства начинает звучать полнее.

Небит-Даг – юный город Туркмении, возникший в безводной песчаной пустыне, за короткий срок стал одним из красивейших и благоустроенных городов республики. Особенно бурно развивается он в послевоенные годы. В 1949–1950 годах в городе построены сотни капитальных зданий, выросло много новых улиц и площадей. В числе крупных новостроек – средняя школа имени Пушкина, рабочий клуб, летний театр. Сооружены здания для магазинов, библиотек, детских садов, яслей (Город среди песков // Правда. 21.02.51. № 52. С. 2).

В заметке о Небит-Даге говорится также о предстоящем завершении прокладки газопровода и Главного Туркменского канала: «Заканчивается прокладка газопровода. В ближайшее время в квартирах трудящихся Небит-Дага зажгутся газовые плиты. Небит-Даг со всех сторон окружен песками. Скоро возле него потекут воды Главного Туркменского канала».

Целая россыпь новых городов представлена на первой странице «Известий» в 1954 г.: «Создаются новые благоустроенные города – Комсомольск на Волге, Норильск в Таймырской тундре, Ангарск в сибирской тайге, Салават в степи Башкирии и многие другие» (Новые города // Известия. 18.09.54. № 222. С. 1. Фото Ю. Лихуты (фотохроника ТАСС). Каховка). Это не просто географические координаты, но указания: на Волге, в тундре, в тайге, степи, «природности» которых противостоит благоустройство. Никаких намеков на комплексное освоение еще нет, но достижения цивилизации заявлены общим «благоустроенные города». По-прежнему актуальна тема трамвая.

Норильск... на основных улицах его возводятся пятиэтажные здания красивой архитектуры. В квартирах – все удобства, до горячей воды и холодильников включительно.

...Прекрасные школы, на 920 учащихся каждая, с кино и спортивными залами. А в школе № 6 есть зимний ботанический сад. В городе существуют драматический театр, несколько клубов, Дом культуры, двухзальный кинотеатр, стадионы. Улицы покрыты асфальтом [отдельно оговаривается многоэтажность].

Ангарск... Улицы покрыты асфальтом. От центра города до вокзала ходит трамвай.

Салават... Прямые, широкие улицы, обсаженные молодыми деревьями, стройные кварталы жилых домов, магазины – все здесь построено добротой и красиво, с расчетом на века. ...Идет подготовка к прокладке трамвайных путей (Новые города // Известия. № 222. С. 1. Фото Ю. Лихуты (фотохроника ТАСС)).

В начале 50-х молодые города только приближаются к цивилизации асфальта и озеленения.

Почти все улицы города асфальтированы. На них все больше появляется деревьев и кустарников. <...> В городе зацветут фруктовые сады. Дома будут утопать в зелени (Город среди песков // Правда. 21.02.51. № 52. С. 2. Ашхабад (корр. «Правды»)).

Понятно, что для окруженного пустыней Небит-Дага (основан в 1933 г. как Нефте-Даг, статус города – с 1946-го) озеленение имеет особый вес, поэтому так мечтательно звучит фраза про утопающие в зелени дома с приходом вод Главного Туркменского канала.

В середине 50-х четко распланированные улицы, с асфальтовым покрытием, обсаженные деревьями, становятся каноном. Как в Кировске, в одном из самых молодых городов Ленинградской области («бывший рабпоселок стал городом лишь немногим больше года назад»):

Четко распланированные улицы покрыты асфальтом, обсажены деревьями (Карпович М., *соб. корр.* «Известий». В молодом городе // Известия. 17.02. 55. № 40. С. 1).

Замечательный город юности Янги-Ер. Сейчас уже вы не встретите здесь ни одной палатки. Вдоль широких улиц ровной шеренгой выстроились новые дома, вокруг которых зеленеют деревья, пламенеют на солнце цветы. Вдоль центральной улицы на сотни метров протянулась Комсомольская аллея, которую посадили делегаты первой янгиерской городской конференции (Акрамов А., *секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана*. Голодная степь будет плодородной // Правда. 29.06.58. № 180. С. 3).

Краснотурьинск в начале 50-х прославился своим зеленым цехом, о нем писала даже центральная «Правда» (см.: Байдаков Б., Куприн В., *Краснотурьинск, Свердловская область*. Городам Севера – свои ранние овощи // Правда. 23.04.53. № 113. С. 2). Трамвай в этом городе был пущен 15 января 1954 г., тем более долгожданный, что в соседних Волчанске и Карпинске в начале 50-х трамвай имелся⁵⁸ и местная пресса, стараниями журналиста И. Исакова, показывала (в том числе и на фотографиях) эти достижения:

⁵⁸ В Карпинске трамвай функционировал с 1946 по 1994 г. В Волчанске – с 31 декабря 1951 г. (статус города с 1956 г.) по 1994 г. Также между Карпинском и Волчанском существовала междугородная трамвайная линия (1953 – 22 апреля 1965 г.) (по материалам Википедии).

В рабочем поселке Волчанскуголь пущена в эксплуатацию трамвайная линия протяженностью в 8 километров. Комфортабельный трамвайный вагон связал отдаленные участки рабочего поселка Лесная волчанка (У угольщиков Волчанки. На снимке: трамвайный вагон в пути. Фото И. Исакова // Заря Урала. 15.02.52. № 31. С. 1).

С каждым днем растет и хорошеет молодой город угольщиков – Карпинск. На том месте, где еще недавно шумела вековая тайга и чернели непроходимые топи болот, ныне высятся сотни жилых благоустроенных домов. В окрестностях появилось несколько новых улиц.

Новую и старую часть города связывает трамвайная линия, по которой курсируют три комфортабельных вагона Рижского завода. Трамвайная линия проложена также до Управления второго угольного и Северного вскрышного разрезов (В Карпинске. На снимке: Дом культуры угольщиков в г. Карпинске. Фото И. Исакова // Заря Урала. 03.10.52. № 191. С. 4).

Отметим знакомый штамп про молодой город Карпинск: еще недавно тайга и болота – и вот уже трамвай. Разумеется, транспорт был необходим для нужд производства, но автор питает слабость к комфортабельности вагонов. Пуска трамвайной линии, безусловно, очень ждали:

Заканчиваются последние работы на строительстве городского трамвая. Вчера вступила в строй электроподстанция и в контактную сеть дан ток. Это позволит в первых числах января трамвай сдать в эксплуатацию (Подготовка к пуску трамвая // Заря Урала. 01.01.54. № 1. С. 1).

Радуюсь открытию трамвайного движения в начале 1954 г., газета тут же выстраивала историческую дистанцию от начала строительства (правда, ведя отсчет не с 40-х, а с 1951 г.). Вынужденность метода народной стройки, разумеется, не оговаривается, зато выделена роль молодежи:

...Когда весной 1951 года в Краснотурьинске началось строительство трамвая, комсомольцы и молодежь приняли в нем самое горячее участие. Они объявили стройку молодежной. Их инициативу поддержали и все трудящиеся города.

Каждый день после работы сотни металлургов, строителей и горняков приходили на улицу им. Попова, расчищали и выравнивали трассу будущей линии, рыли канавы. В некоторые дни здесь работало по несколько тысяч человек и различные машины. Работу они проделали огромную (*Потеряев Р.* Народная стройка // Заря Урала. 21.02.54. № 23. С. 2).

Краснотурьинск с первых лет его создания называли и юным, и молодым, но не акцентировали его молодежность, как это делалось до и после для канонических «городов юности» Комсомольска-на-Амуре и Качканара. Поэтому молодежная стройка оказывается важным вкладом

в создание этого нового аспекта – молодежи, которому, впрочем, не суждено закрепиться в идентичности города.

Через 60 лет круг замкнулся: опять все упирается в молодежь, но только если в 1950-е она была горячая и выступала с инициативой, то в 2010-е, наоборот, отказывается пользоваться таким благом цивилизации, как трамвай. Попытка заманить, условно, молодых и продвинутых в трамвай с помощью бесплатного Интернета стала эмблематичной для портретирования неравенства территорий, высмеивающего «креативные» потуги справиться с ним [Трубина, 2013б], но не внушила оптимизма самим краснотуринцам.

Городской трамвай, он появился благодаря железнодорожной ветке, которая шла к заводу. <...> Там есть трамвайная линия, с нее, собственно, и начался городской трамвай, вот. Раньше там была железная дорога. Она шла прямо на завод, если так вот смотреть, в принципе видно, что она идет как бы из леса, до ответвления и прямо с завода по улице проведена. Потом, впоследствии, железную дорогу переместили немного севернее, немного, получается, западнее, за речкой, где она сейчас. Вот, а по старой ветке пустили, так сказать, сузив колею. С тех пор у нас появился трамвай. Ныне существование, конечно, под вопросом, потому что его считают нерентабельным. Сейчас там поставили Wi-Fi, в принципе стремятся как-то завлечь молодежь в этот транспорт (КрМ25).

Приведенный фрагмент также красноречиво свидетельствует о привязанности трамвая к заводу, – с крахом последнего закономерным выглядит и сворачивание трамвайного движения.

Негативные оценки в дискурсе преобразований. Дискурс преобразований – преимущественно хвалебный, однако с вкраплениями критики. В портретах новых городов изредка встречаются недостатки, которые, однако, тут же переводятся в трамплин для будущих достижений. В начале 30-х таких признаний довольно много и они непривычно откровенны.

Городское и жилищное строительство на ряде участков резко отстает от бурного роста потребностей. Медленные темпы, в ряде случаев недостаточно высокое качество стройки, бесплановость, отсутствие достаточной инициативы, некомплектность снабжения – вот важнейшие недостатки в этой области (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1 (в этой статье говорится также о «могучей силе большевистских темпов», «невиданных темпах»)).

Речь идет о социалистическом строительстве как таковом, есть названия строящихся производств типа Тракторострой без названия города.

До сих пор новому строительству сопутствовали самые разнообразные затруднения, которые приходилось всеми правдами и неправдами преодолевать уже в процессе работ. Основная причина затруднений – позднее начало работ, обусловленное запоздалым решением самого вопроса о строительстве. Отсюда – перебои с рабочей силой, большие затруднения с организацией продовольственного снабжения, острый недостаток в строительных материалах и, наконец, тяжелые бытовые условия всего коллектива. Таковы, например, проблемы с санитарным состоянием Краснотурьинска:

Город Краснотурьинск с каждым годом становится все краше. Строятся новые дома со всеми удобствами. Благоустраиваются городские улицы. В работе по благоустройству огромное место занимает очистка дворов и улиц от мусора и нечистот. Своевременная и тщательная очистка населенных мест от отходов необходима для охраны здоровья трудящихся...

Существуют определенные правила сбора и хранения отходов, выполнение этого дела возложено на коммунальные организации города. На домоуправления и жилищно-коммунальные отделы возлагается обязанность обезвреживать отходы в специально отведенных для этого местах. Указанные организации могут хорошо выполнять свои задачи лишь в том случае, если и население помогает им.

...Территория соцгорода и близлежащих рабочих поселков и на сегодня находится в антисанитарном состоянии... Необходимо побелить и отремонтировать все мусорные ящики и места общего пользования. Трудящиеся, имеющие скот, должны устроить специальные ящики с плотно закрывающимися крышками для сбора навоза и своевременно производить их очистку.

Чистота двора и санитарных установок содействует охране здоровья трудящихся и свидетельствует о любви советского человека к своему городу (*Молюков Я., пом. санитарного врача*). Еще раз о санитарном состоянии города // Заря Урала. 25.04.52. № 80. С. 2).

По принципу бутерброда порция негатива размещается между восхвалениями:

Однако хорошее впечатление от новостроек города очень много портят его загрязненные и захламленные улицы. Сейчас, когда почти всюду стаял снег, весь мусор и нечистоты оказались на виду. И особенно загрязнен самый центр города (*Ивашова Л.* О санитарном состоянии города // Заря Урала. 02.04.54. № 40. С. 3).

В этой статье названы и конкретные адреса, и общие проблемы: «В весеннее время особенно неприятны переполненные нечистотами мусорные и выгребные ящики. Нередко они являются рассадниками всякого рода инфекционных заболеваний. Правда, в последние два-три дня жилищно-

коммунальный отдел завода установил кое-где новые мусорные ящики. Но разве улучшилось положение, когда рядом с новым порожним ящиком продолжает оставаться наполовину развалившийся переполненный старый».

В материале председателя горсовета возникает неожиданная характеристика социалистического города – уют:

Краснотурьинск все еще не имеет того уюта, который свойственен социалистическому городу...

...Не решен вопрос с нормальным водоснабжением. ...Крайне слабо ведутся работы по развитию канализационной сети, что приводит к загрязнению территорий и тормозит ввод в эксплуатацию ряда бытовых объектов (Филимонов И., *председатель горсовета*. Сделаем наш город благоустроенным и красивым // Заря Урала. 21.05.54. № 60. С. 2).

Злободневные, как и положено газете, критические сюжеты в целом никак не умаляли достижений градостроения, в каком-то смысле даже, напротив, грязь и антисанитария оттеняли неуклонный рост и благоустройство хорошеющих городов.

4.2.3. Преобразования как особая темпоральность

Прогрессизм воплощается не только в покорении дикой природы, но и в подчинении себе времени. Пластика времени проявляет себя в нескольких аспектах, которые с завидным постоянством характеризуют официальный дискурс молодых городов из десятилетия в десятилетие. Темпоральный режим задают:

- особым образом акцентированные прошлое, будущее и настоящее и напряжения между ними;
- скорость и постоянство преобразований;
- собственная шкала времени.

Прошлое, настоящее и будущее в формуле «раньше – теперь». Формульная оппозиция «раньше – теперь» раскрывается через «старое – новое» и «прошлое – настоящее» в полном соответствии с диалектикой единства и борьбы противоположностей. Точкой отсчета в этих сюжетах служит прошлое, именно с него и начнем.

Прошлое и настоящее, старое и новое (должны быть) принципиально различны, в рамках этой максимы дискурс изобретает различные средства отдалить их друг от друга. Мы выделяем три таких способа: а) борьбу, б) дистанцию, в) абсолютное начало. Кое-где они встречаются по отдельности, в других случаях переплетаются, делая разделение довольно условным.

а) *Борьба старого и нового*. Конструкт борьбы вообще, борьбы старого и нового в частности – суть революции, он был особенно популярен в первые десятилетия XX в., когда эпоха подошла к порогу кризиса, пользуясь выражением У. Эко. Прошлое представлялось как старое, отжившее и при этом враждебное новому: оно давит, тяготит, шантажирует (Эко), тянет назад (Дюркгейм), стремясь «уклонить нас в пятю» (Хлебников) [Эко, 2003; Дюркгейм, 1991 : 225; Хлебников, 1990 : 52–53]; см. также: [Веселкова, 2000, 2006].

Отношение к прошлому в дискурсе новых городов, как мы видели в параграфе о достижении градостроения, претерпевало изменения от полного неприятия в раннесоветский период до избирательного пестования традиций в более поздние времена. При любом раскладе, однако, прошлое должно уступать настоящему, чтобы представить в выгодном свете новый город и все произведенные в него инвестиции. Прошлое, однако, было цепким и не сдавалось без борьбы. Конструкт борьбы старого и нового показывает не только доходящее до агрессивной враждебности противостояние, но и его *процессуальность*, тогда как два других дискурсивных хода – дистанция и начало – фиксируют абсолютное состояние и безразличны к процессу. Поскольку речь идет о дискурсах, т. е. связках смыслов в представлениях и высказываниях, то как бы прошлое ни отвергалось, оно остается актуальным, т. е. не «забывается».

В конце 20-х гг. XX в., спустя десять лет после революции, старого было еще очень много. Поэтому при описании новостроек в старых поселениях – а новых еще не было – репортеры постоянно натывались на это живучее старое.

Нужно совсем немного внимания, чтобы заметить упорную и оживленную борьбу старого и нового в нашем быту. С переменным успехом старое и новое награждают друг друга тумаками, но с каждым разом старому попадает все больше, и оно, кряхтя, отступает куда-нибудь в церковь, в пивную, в кованный сундук, в дневник и в тысячи других укромных мест и сидит там, грызя от злости ногти в ожидании удобного момента, чтобы с новой силой броситься на новое и постараться подмять его под себя (*Юрень И.* Тагильская мозаика // УР. 09.05.29. № 103. С. 3).

Будущее Камчатки – в индустриальной разработке естественных богатств края. Уже в настоящем это будущее Камчатки приходит во враждебное столкновение с ее прошлым (*Канторович В.* Советская Камчатка // Наши достижения. 1930. № 1. С. 16).

Скоро здесь будет социалистический город. Сегодня же тут царят хаос стройки, неорганизованность, неполадки. Десятки бригад и коммун молодежи рассеяны в каменных громадах и низких деревянных бараках. Их быт –

тяжелый, в нем много от старого, переделываемого, ломаемого (*К-в Н. Завод, не имеющий истории // Смена. 1930. № 16–17. С. 14 (о тракторном заводе в Сталинграде)*).

В 1929 г. активно обсуждаются перспективы «нового Урала». Они связаны, разумеется, с Машиностроением (Уралмашем), от которого будет зависеть и успех Магнитки. Интересно, что в развернутой статье о VII областном съезде Советов «ошеломляющие цифры о новом Урале» журналист уподобляет «американскому темпу строительства». Пока же Урал – это «старые штольни, шахты, допотопные забои, надорванные и утомленные тяжестью столетий заводы» (*Попрядухин. Экскурсия в завтра // УР. 09.05.29. № 103. С. 2–3*). Старое здесь предстает как отсталое, допотопное и изношенное; старое в природе рифмуется с таковым в человеческой жизни (заводы, культура труда, традиции):

Под черным северным небом, в серой глуши, в тайге, на старом уральском хребте много старых заводов. Они втиснуты в землю, покрыты копотью веков, они, как архив, полны старых традиций (*Харитонов Н. Реконструкция человека // УР. 07.11.29. № 256. С. 2*).

Традиция в этот период – исключительно негативная вещь, отношение к ней изменится только в 60-е, вместе с пересмотром прошлого. Крепкая, «еще традиционная уральская связь с землей», а не с машиной мешает рабочим Надеждинска⁵⁹ трудиться так же самоотверженно, как строители Днепростроя, сокрушается собеседник Н. Харитонova. Тем не менее участь прошлого с его традициями предрешена:

Стальные зубы новой трудовой культуры вгрызаются в обломки разрушающихся уставов и традиций. ...Рождается новый человек, освобождающийся от тяжелого гнета земли, от старых традиций, потому что каждая лишняя деталь [сработанная ударниками] неизбежно отталкивает его от прошлого, каждая лишняя деталь делает человека новым (*Харитонов Н. Реконструкция человека // УР. 07.11.29. № 256. С. 2*).

В 1929 г. прошлое еще не ушло, обломки его традиций разрушены не до конца, мешая родиться новому. Текст Харитонova построен в настоящем продолженном времени. С началом 30-х гг. новостройки-заводы

⁵⁹ Основанный в 1893 г. Надеждинский завод на Северном Урале, неподалеку от нынешнего Краснотурьинска, был одним из самых молодых поселений Российской империи, в середине 1930-х назывался Кабаковск по имени секретаря Свердловского обкома ВКП(б) И. Д. Кабакова, после его репрессирования – снова Надеждинск, с 1939 г. – город Серов Свердловской области.

по всей стране «ломают хребет обломовщине и патриархальщине, дедовской косности и заскорузлости, мужицкому стяжательству и корыстолюбию» (Пятилетка в действии // Наши достижения. 1932. № 1. С. 5). О прошлом говорят все больше в прошедшем времени; оно по-прежнему наделяется эпитетами убожества и отсталости, но уже не несет опасности. Его неприглядностью дискурс оттеняет обнадеживающее настоящее и еще более лучезарное будущее:

В Прокопьевске «до революции... была маленькая станция «Гусяты» и при ней жалкий поселок (Новые города социализма. Прокопьевск (Зап. Сибирь)) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

Игарке всего три года. За полярным кругом, в устье Енисея, у выхода в Карское море, три года назад было лишь три жалких землянки. Сегодня в Игарке – сотни новых уютных, теплых домов (Новые города социализма. Игарка (Вост. Сибирь) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

Три жалкие землянки посрамлены по всем статьям и количеством, и качеством новых домов. Предполагалось ли в начале 30-х, что в разного рода временках люди будут жить десятилетиями? На Уралмаше землянки встречались еще в конце 40-х [Непридуманные..., 2013 : 33], спустя 20 лет после начала строительства, а по другим свидетельствам – и в начале 60-х.

В середине 30-х, невзирая ни на какие землянки, была провозглашена победа нового социалистического Урала; ориентировались, разумеется, на введение в строй промышленных гигантов.

Вся страна помогала нам строить новые гиганты Урала – Березники, Уралмаш, Челябинский тракторный, Магнитку и др. <...> В результате всего этого ушел в вечность старый «демидовский» Урал. Возникла новая промышленность, в глухой тайге задымилась трубы гигантских предприятий, выросли новые города, создана новая колхозная деревня, трактор появился в самых глухих углах области, и, что самое важное, выросли новые люди, новые борцы за линию партии, за дело социализма (Доклад председателя облисполкома тов. В. Ф. Головина [первому областному съезду Советов Свердловской области] // УР. 08.01.35. № 7. С. 1).

К прошлому апеллировали как к чему-то живо памяtnому, но уже преодоленному. Его потенциал «страшилки» активно использовался для прославления настоящего. Особенно драматично это получалось у мастеров слова, каким был уже прославленный в ту пору молодой пролетарский писатель А. Авдеенко.

В старину, в далеком прошлом, в старинных песнях Урал называют краем слез, крови, страданий, вырождения, смерти, его трижды проклинают.

Представьте себе одну огромную каторжную тюрьму – это Урал. Такие зверства, которые были на Урале в течение столетий, относятся к мрачнейшим страницам истории человечества. <...> Весь народ, громадный край, миллионы людей стонали, лили слезы, вырождались, умирали. Каждый маленький заводик, рудник, прииск был тюремной камерой, со своими орудиями пытки в этой большой тюрьме. Люди работали по 12–16 часов в сутки, они разучивались смеяться, они не знали, что такое радость. И если бы можно было собрать слезы, пролитые рабами Урала, то образовалось бы огромное море, море слез.

Целые поколения рождались и умирали рабами. Уродовались, кончали жизни самоубийством, сумасшедшим домом. Рабы подвергались пыткам, истязаниям⁶⁰.

Писатель приводит выдержку из исторического документа, вспоминает о затопленных людях в Невьянской башне и результате вырождения – узкоплечих, с куриной грудью рабочих на горе Высокой. «Вот вам каторжный Урал, край слез и смерти, – подводит он итог. И закономерная реакция: – Я проклинаю тебя, “темное царство”»⁶¹.

Совершенно справедливым ответом кажется **т о т а л ь н о е** **у н и ч т о ж е н и е**, чтобы цепкое прошлое не сумело вернуться: «Мы разрушили землянки, где живьем гнили люди. Мы сожгли все мосты, по которым могло бы вернуться проклятое прошлое. Мы уничтожили печаль, голод, хаотку, вырождение»⁶². Разрушение при этом созидательно и крайне динамично; стоит обратить внимание на ритм фразы, заданный перечислением достигнутого, глаголами совершенного вида, среди которых не только «перестроили» и «создали», но и «взрыли», «осушили», «изменили»:

Мы перестроили города, создали новые. Мы построили тысячи домов, мостов, тоннелей, взрыли горы, осушили болота, изменили Урал не только внутренне, но и внешне. Это уже не тот плоский, грязный, обтрепанный Урал⁶³.

Побежденное прошлое уже не требовало борьбы; в последующие десятилетия дискурс новых городов если и будет использовать *борьбу*, то скорее за что-то новое, а не против старого. А вот прошлое продолжали

⁶⁰ Авдеенко А. О радости: Речь на I областном съезде Советов Свердловской области // Штурм. 1935. № 1. С. 91.

⁶¹ Там же. С. 92.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

рисовать самыми мрачными красками. До прихода нового города – сплошь безвестность и захолустье. Обитатели его мало что знали и умели.

В годы великих начинаний на далекий берег Амура, в места таежные и дикие, с редкими поселениями рыбаков и стойбищами нанайцев, пришел он, молодой строитель вашего времени. ...На глухой берег Амура, где редкими домами спускалось к Амуру безвестное доселе село Пермское. ...Несколько десятков семейств рыбаков, знавших только сроки хода кеты, жило здесь, в селе Пермском... (*Лидин Вл. Символ молодости // Смена. 1947. № 11(481). С. 2).*

Даже если селению каким-то образом удавалось породить замечательных людей⁶⁴, все равно его жизнь была незавидной: «на высоком берегу реки Турьи ютились старый деревянный поселок “Турьинские рудники”» (*Хазанович Ю. Город в тайге // Заря Урала. 24.08.46. № 74. С. 2).* Безрадостное прошлое простиралось вглубь веков почти до бесконечности:

Сотни лет на берегу Вятки стояло село Вятские Поляны. В остальном село это было примечательно разве тем, что здесь во множестве имелись питейные заведения да бесчинствовали над крестьянами купцы, скупавшие по дешевке хлеб и наживавшие на этом большие капиталы (*Поваренкин Н., соб. корр. «Известий», Кировская обл. Города районного подчинения // Известия. 05.09.48. № 211. С. 3).*

Наделение старого кодом смерти сохраняется и в дальнейшем, отчетливо проступая в сравнении с новым как молодым и растущим даже в высказываниях, не имеющих цели ругать старое. Яркий пример дает выступление участника нижнетуринской партконференции 1959 г. о двух соседних поселениях: «Этим соревнованием должны быть охвачены и новый, молодой и растущий Качканар, и старая, от смерти возвращенная Тура»⁶⁵.

В почти недвижимом времени большой длительности [Бродель, 1977, 2002; Gurvitch, 1964]⁶⁶ в господствующих представлениях существует и природа. Именно такая неизменная и вневременная *древняя, вековая природа* (без человека) призвана символизировать застойное прошлое.

⁶⁴ А. Карпинский, А. Попов, А. Серов – выходцы из Турьинских рудников, ставших позднее Краснотурьинском.

⁶⁵ Протокол X Нижне-Туринской городской партийной конференции, 24–25 октября 1959 г. // ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 120. Л. 21.

⁶⁶ О типологии социального/исторического времени, включая время большой длительности у Броделя, см. также: [Валлерстайн, 2001, 2003], у Гурвича: [Веселкова, 2003].

Взгляните на Волынь – в недалеком прошлом край вековой глуши. Сегодня Волынь – родина нового угольного бассейна (*Цюпа И.* За одним столом // Известия. 01.01.57. № 1. С. 2).

На месте векового леса и диких скал мы видим теперь уходящий уступами в недра Качканара огромный рудник с его неумолкающими буровыми станками и экскаваторами, с линиями электропередачи, с многочисленными сооружениями (*Михайлов В., рабкор.* Покорители железной целины // Вперед, к коммунизму! 19.01.62. № 8. С. 2).

При этом никто, конечно, не задается действительным возрастом «векового леса», хотя на месте будущего города Качканара на горе Долгой во времена Гражданской войны, как говорят старожилы, были сильные лесные пожары и весь лес выгорел. На пожарище потом появились богатые малинники, через какое-то время снова заросшие деревьями⁶⁷. Так что в 1957 г. этот лес никак не мог быть даже полувековым.

Умаление значимости прошлого вплоть до отрицания и истребления означает попытку выскочить из него в совершенно новое время. Если начальный период, до 1934 г., фиксировался на этом сломе, то для последующей советской эпохи свойственна «растущая вариативность модальностей» и деятельное переживание времени, как в «Марше веселых ребят» (1934). Такой вывод делает А. Ганжа на основании анализа советских песен. По мере того как советские десятилетия формировали собственный фундамент, ускоренное стремление в будущее перестает целиком отрицать прошлое [Ганжа, 2013 : 97; 2014 : 47].

Выполнив свою драматургическую задачу, прошлое перестает играть роль объекта борьбы, реабилитируются и традиции. Если в 1928 г. Маяковский славил новый Свердловск как город, у которого нет традиций⁶⁸, в 1929 г. Н. Харитонов приветствовал, как мы видели выше, их разрушение, то в 50–60-е отношение в корне меняется:

Говорят, у строящихся городов нет традиций. Это, наверное, не совсем так. У каждого, кто приходит в голую степь, чтобы построить в ней город и потом жить в нем, есть уже свой запас мыслей, радости, горя. Люди привозят с собой этот неизбежный багаж. И он незримо ложится в основание города вместе с бетоном, кирпичом и металлом (Город смотрит в завтра // Смена. 1968. № 8. С. 7).

⁶⁷ См.: *Тукмачев Н.* В эти первые дни // Пономарев Г. А. Истоки: (Воспоминания первостроителей о Качканаре). Качканар : [б. и.], 2000. С. 87.

⁶⁸ См.: *Маяковский В.* Екатеринбург – Свердловск (1928).

Конечно, в завтра берут не любое прошлое. В 1958 г. автор «Смены» благосклонно говорит о составлении летописи «славных дел молодых череповчан» – альбоме в краеведческом музее (*Чирков Л., секр. горкома ВЛКСМ. Новый Череповец // Смена. 1958. № 6. С. 12*). К архиву уже нет отвращения, а вот принижение старого продолжается, но уже в режиме «контрастов», дистанцирования.

б) *Дистанция* – хороший способ демонстративно развести по разным углам старое и новое, даже если действительные изменения и их продуктивность весьма сомнительны. Каковы же конкретные приемы дискурсивного конструирования дистанции?

Дистанция между тем, что было раньше, и тем, что произошло с началом строительства, может обозначаться количественно и качественно. Количественными маркерами удаленности настоящего от прошлого служат даты и количество минувших лет.

Даты помещают события в жизни населенного пункта в общую хронологию. Как правило, конкретный год указывается для обозначения более длительных, чем несколько лет, промежутков времени между дистанцируемыми состояниями, особенно когда нужно обыграть круглые даты. Так, курировавший Краснотурьинск начальник Свердловского областного управления жилищно-коммунального хозяйства кандидат экономических наук Александр Нейштадт писал в своей книге 1951 г. о начале работ десять лет назад: «В 1941 году здесь была тайга, в глубине которой затерялись Турьинские рудники, где двести лет проводилась добыча дедовским методом железной и медной руды»⁶⁹. В описании прошлого использованы знакомые дискурсивные средства: остановившееся на сотни лет время, дедовская технология, выгодно подчеркивающие преобразования.

Дистанция может быть количественно выражена в годах: к примеру, три, четыре, пять лет назад – и сейчас. Отметим, что цифры именно такого порядка свойственны для описаний в режиме историзации на марше и применяются к новостройкам в первые годы.

Пять лет назад здесь тянулась степь да шуршали ковыли. А теперь вырос город – Новое Запорожье (Новые города социализма. Новое Запорожье (Украина) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

⁶⁹ *Нейштадт А. И.* Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток. Свердлов. обл. гос. изд-во, 1951. С. 22.

Количественное обозначение дистанции усилено качественным, за последнее в приведенном выше примере отвечают глаголы: прошлое *тянулось* и *шуршало*, в настоящем же *вырос* город. А упомянутый материал «Смены» обходится и вовсе одними качественными характеристиками (если не считать «полвека назад»). Новое оказывается синонимом городского, причем непременно крупного и промышленного, его атрибуты – великолепная магистраль с могучим самосвалом и пятиэтажными домами. Все это противопоставляется деревенскому как старому и захолустному⁷⁰:

Нынешний Череповец – пока еще город контрастов. Здесь новое соседствует со старым: великолепная, залитая асфальтом магистраль пересекает узкую, деревенского вида улочку; могучий самосвал обгоняет крестьянские дровни; рядом с пятиэтажными зданиями стоят низенькие деревянные домики, построенные полвека назад. Но нет больше захолустного районного Череповца. Родился крупный промышленный центр страны. На широких пустырях поднялись десятки новых кварталов (*Чирков Л., секр. горкома ВЛКСМ. Новый Череповец // Смена. 1958. № 6. С. 12*).

Просто указание на несколько лет между прошлым и настоящим может ничего не сказать о значимости изменений или быть недостаточно выразительным, поэтому оно часто сопровождается качественными описаниями того, что было и что стало. Через посредство противопоставляющих темпоральных операторов (совсем недавно – теперь; еще... не было – а сейчас) они демонстрируют величину дистанции и преимущества настоящего перед прошлым. А взятые вместе с количеством лет впечатляют еще и скоростью преобразований:

Четыре года назад... где еще совсем недавно были пустыри, теперь выросли широкие улицы с красивыми многоэтажными домами, окруженными садами и скверами (*Захаров И., председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. Самый юный // УР. 27.02.55. № 49. С. 2*).

Алмалык – самый юный город Узбекистана. Еще пять лет назад на его месте не было ни жилья, ни дорог. Сейчас в Алмалыке несколько промышленных предприятий, десятки кварталов с благоустроенными жилыми домами (*Известия. 12.03.54. № 60. С. 1. Ташкент, 11 марта (по телеф. от соб. корр.)*).

⁷⁰ Данный текст из центрального журнала 1958 г. весьма показателен негативистским противопоставлением города и деревни, где последней все еще отводится роль очевидного жупела. На рубеже 50–60-х система оценок заметно сменилась в пользу деревни, что найдет яркое выражение в подъеме так называемой деревенской прозы (а в какой-то степени и будет вызвано им). В качестве условного маркера «перелома» можно вспомнить дебютные фильм и рассказ В. Шукшина, которые выйдут в 1959 г.

На этом месте совсем недавно был лес. А теперь поднимаются дома поселка строителей и эксплуатационников станции. Строительство первой очереди БАЭС – Белоярск-1. 1966 [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=NSd_EvLSJ8o&feature=related (дата обращения: 17.03.2015).

Образ безнадежно устаревшего учебника экономической географии маркирует «величину дистанции между “есть” и “было” ... многих районов Урала. Ибо эти районы до неузнаваемости меняют свой былой экономический профиль. Они перелицовываются заново. Они теряют все свои прежние “особые приметы”, закреплявшиеся, складывавшиеся веками» (*Горев И.* Первое слово – районам. Руды ищут людей // УР. 13.01.32. № 11. С. 3).

Важный прием качественного дистанцирования – артикуляция событийного водораздела между прошлым и настоящим, старым и новым. Это могут быть революция, последний съезд или выборы, обозначенные номинально или хронологически.

До революции это был небольшой поселок вокруг нескольких старых содовых заводов. Сейчас Березники – крупный пролетарский центр и ведущий район химической промышленности Урала (Новые города социализма. Березники (Урал) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

На полуострове Таймыр выросли два новых города – Дудинка и Норильск. ...До 1918 года... Норильск застраивался двух- и трехэтажными домами, а теперь на основных улицах его возводятся пятиэтажные здания красивой архитектуры (Новые города // Известия. 18.09.54. № 222. С. 1).

Весьма информативен как выбор рубежа, так и повод для обращения к нему. Так, 11 января 1954 г. на Северном Урале появился новый избирательный округ № 300 с центром в Краснотурьинске (ранее город относился к Серовскому избирательному округу). Такое назначение повышало статус Краснотурьинска и стало предметом огромной гордости, которую газеты несли читателям, используя в качестве рубежа революцию и последние выборы в Верховный Совет СССР.

Этот край несметных богатств обжит был только после Великой Октябрьской социалистической революции. До 1917 года здесь, в глухих таежных лесах...

Дворец культуры металлургов, замечательный больничный городок на Волчанке, трамвай, улица имени В. И. Ленина, шесть школ и многое другое – все это новостройки нашего юного города, которые вступили в строй после прошлых выборов в Верховный Совет СССР (В ногу с любимой Родиной // Заря Урала. 21.02.54. № 23. С. 1).

Агитация накануне выборов заключалась в пропаганде успехов, достигнутых за последние четыре года, минувших со дня последних выборов. Между этими четырьмя годами требовалось протянуть хорошо ощутимую дистанцию, но она уже не могла обнулять прошлое. В решение этой нелегкой задачи вовлекались самые разные события. В том же 1954 г. страна праздновала 95-летие со дня рождения А. С. Попова, и краснотурьинская газета показала динамику радиофикации, правда, не за четыре, а за пять лет, с 1949 г., когда в городе появился новый радиоузел:

Краснотурьинск – родина изобретателя радио... Трудящиеся по праву гордятся тем, что наш земляк дал миру могучее беспроводное средство связи. ...В 1949 году количество радиоточек составляло всего полторы тысячи. В том же году вместо некоторых маленьких радиоузлов в городе был построен новый большой радиоузел. ...На 1 января 1954 года было 4.429 радиоточек и 4.850 радиоприемников. Только за один 1953 год радиоузлами радиофицировано более 750 квартир трудящихся (*Сгибнев В., инженер радиоузла имени А. С. Попова. Радиофикация нашего города // Заря Урала. 17.03.54. № 33. С. 4.*)

Противопоставление с помощью цифр создает видимость поступательной динамики, вектор которой продолжен и в будущее: «Будущее нашего Краснотурьинска очень велико. Несомненно, что ближайшие годы он будет городом сплошной радиофикации».

В годы перестройки борьба и дистанцирование развернулись уже в отношении всего советского прошлого, на всем постсоциалистическом пространстве. Специфика молодых городов обусловлена тем, что они были всецело продуктом именно этого, советского времени, и сегодня в значительной степени, различной в разных местах, остаются его законсервированными анклавами. Переход же к новому периоду обслуживает конструкт нового начала.

в) *Абсолютное начало*. Третий способ противопоставления прошлого и настоящего – манифестация нового начала. Мы уже говорили о модернистском стремлении к обновлению, принявшем в советском дискурсе новых городов характер апологии пустого, или голого места.

Алейда Ассман предлагает считать *фиктивное новое начало* одним из аспектов текущего темпорального режима, приводя в то же время примеры радикального начала из трудов Декарта и Дефо. Для нашего исследования представляются продуктивными привлеченные Ассман категории Эдварда Саида – (божественный, мифический, привилегированный) исток и (созданное человеком) начало [Ассман, 2012 : 16–33], только в нашем случае стоит говорить не о различении, а о сближении истоков и начала.

Момент зарождения молодых городов до такой степени превозносится, особенно в официальном, замешанном на идеологии как советской квазирелигии дискурсе, что из мирского, житейского начала превращается в мифический исток.

Во всяком случае, отблеск священного и непостижимого то и дело присутствует в описаниях начала, как в поэме строителя Магнитки Бориса Ручьева «Прощание с юностью» (1943–1959):

Есть города – из дерева и камня,
в рубцах и шрамах, с гарью вековой,
а нам пришлось вот этими руками
из вечных сплавов строить город свой.
По чертежам – чудесный, как из сказки,
рождением захватывая дух,
он дал нам все – от хлебушка до ласки,
работу дал нам, каждому из двух.

В воспоминании одного из качканарских первостроителей созидательность модерна, пропущенная сквозь семантику советского и социалистического, предстает магией и волшебством:

Это был период, когда на земле, словно по мановению волшебной палочки, возникали новые города и крупнейшие предприятия. Это был период советский, социалистический, направленный на созидание» (Медведев Ю. Будь вечно юным, Качканар! // Качканар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 3).

Тот же образ использует и известная в городе журналистка:

Казалось, что все делается словно по взмаху волшебной палочки: вчера тут еще ничего не было, а сегодня уже построено!⁷¹

Энергетика борьбы нового со старым превращает начало в великое событие спасения, будь то победа над первой или второй природой. Опираясь на предложенный С. Зенкиным разбор «освободительных деяний» П. Рикёра [Зенкин, 2014] (см. также: [Рикёр, 2011]), можно сказать, что популярность нового начала свидетельствует не столько о его фиктивности, как полагает А. Ассман, сколько об освободительном потенциале. Именно

⁷¹ Они нужны были стройке и стране // Краснопевцева Г. Дорогие мои земляки : очерки. Качканар : [б. и.], 2007. С. 73. Из писем-воспоминаний первостроителя Качканара Зинаиды Комар.

такое восприятие заставляет воспроизводить, переигрывать и перетолковывать возникновение нового города, что и приводит в итоге к дискурсивной абсолютизации начала.

Ровно три года назад под горой Магнитной были разбиты первые палатки, знаменуя начало грандиозного строительства. Сегодня первая магнитогорская домна-уникум уже дает чугун, коксохимкомбинат работает полным ходом. Рядом с ними вырос новый город (Новые города социализма. Магнитогорск (Урал) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

Первые палатки через волшебный регистр начала обернулись работой домны и комбината. Прием дистанцирования: видим, что «три года назад» вкупе с «уже» подчеркивают стремительность «грандиозного строительства». Начало напитано патетикой и романтикой аффективного режима восторга (который разбирается далее в этой главе). Именно первые шаги стремятся запечатлеть идущая по горячим следам историзация, вероятно, именно им достается самая большая порция романтизма и мифологии (рис. 4.5).

Рис. 4.5. «Флаг стройки в 1957 году впервые водрузили строители на будущей промплощадке» КГОКа (Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. / Институт «Уралгипроруда» // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 733а. Л. 16)

А каноническое для Качканара изображение белых палаток снабжено следующим комментарием: «По призыву ЦК ВЛКСМ со всех концов страны в тайгу собрались молодые энтузиасты-строители. Жизнь и работа на крупной таежной стройке началась с палаточного городка»⁷² (рис. 4.6).

Палатки поистине эпически «вместили» в себя начало жизни и работы. А белый или, как можно встретить в описаниях, белоснежный цвет полотна вызывает к чистоте и возвышенности помыслов и дерзаний энтузи-

⁷² Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. Л. 18.

Рис. 4.6. Качканарские первые палатки (Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. / Институт «Уралгипроруда» // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 733а. Л. 16)

астов. Белые березы тоже бы рифмовались с белизной палаток, когда бы не рваный край обломанного ствола на первом плане.

Наряду с патетикой парадного прославления в официальном дискурсе присутствовал, однако, и другой слой, отвечающий за обеспечение текущей работы, – рабочая критика узких мест, призывы к преодолению недостатков, не посягающие, конечно, на системные устои. Повседневню этим занималась низовая печать⁷³. Так, с самого начала работ на Качканаре местная пресса бичевала простои, неэффективное использование техники, срыв сроков и т. п. «Неоперативность и нераспорядительность» «командного состава» стройки из протокола в протокол ругают партийные документы. Например, представитель треста «Качканаррудстрой» на партконференции в конце 1957 г. сообщал о вынужденной консервации строительства шлакоблочного цеха: бетонные работы признаны негодными, не оказалось технической документации. «Сейчас скоро наступит зима, рабочие работают под открытым небом»⁷⁴.

В таких материалах начало предстает совсем не в радужных тонах, при этом негероические и нелестные детали имеют мало шансов на воспроизведение в коллективной памяти. Исключения подтверждают правило: в составленной качканарскими первопроходцами-геологами и маркшейдерами книжке среди бытовых зарисовок, трудовых подвигов и восхищения природой находим и всерьез критические оценки. Из-за несогласованности в работе разных организаций, удаленного проектирования из Москвы и пере-

⁷³ Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. Л. 18.

⁷⁴ Протокол 8-й Нижнетуриной городской партийной конференции от 26–27 октября 1957 года // ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 79. Л. 50.

дергивания плана имели место существенные диспропорции в застройке города, большие потери при вырубке леса и т. п. Пострадало и «основное» строительство. Опираясь на воспоминания первого заместителя управляющего трестом «Качканаррудстрой» В. Миллера, Г. А. Пономарев показывает, что форсированное возведение комбината не после создания строительной базы, жилья и соцкультбыта, а одновременно с ними дало обратный результат. Вместо запланированного в 1961 г. пуск первой очереди комбината состоялся только в 1963-м⁷⁵. Эта книга вышла тиражом 450 экземпляров, и ее малотиражность очень хорошо соответствует нетипичности критического мотива в образе начала.

Правда, некоторые из названных критических материалов, включая обстоятельный текст Виктора Богдановича Миллера, вошли в большую книгу о Качканаре, изданную тиражом уже 3000 экземпляров⁷⁶. Подаются его воспоминания, однако, в романтико-элегическом ключе. Вообще, вся книга как бы говорит: посмотрите, какое прекрасное детище мы создали, сколько жертв и труда вложили, как было здорово, а перестройка все это разрушает. «Романтическая дымка» превращается в дымовую завесу, скрывающую детали прошлого от разностороннего показа и рассмотрения.

Следует признать меморативную продуктивность такой позиции старшего поколения. Возмущение «очернением» советского прошлого активизировало работу по написанию и сбору воспоминаний, поиску документов эпохи и их систематизации. В результате в постперестроечные годы молодые города произвели заметный слой культурной памяти, овеященной в книгах, регулярных газетных публикациях и т. п.; что и как в них видеть — другой вопрос. Самостоятельную ценность имеет сам импульс к культивированию памяти, распространяющийся на разные поколения.

Что касается дискурса молодых городов, отчасти благодаря защитным меморативным усилиям, отчасти в силу собственной инерции он по-прежнему строится по героико-романтическому канону. Главный механизм заложен в модернистском стремлении к обновлению, новизне, даже если оно причудливым образом приводит к консервации, чтобы не сказать

⁷⁵ См.: Пономарев Г. А. Истоки: (Воспоминания первостроителей о Качканаре). Качканар : [б. и.], 2000. 233 с. См. также подписанный В. Б. Миллером как руководителем общественного бюро экономического анализа треста «Качканаррудстрой» 13-страничный аналитический текст: Миллер В. Б. Экономисты-общественники на новостройке [1962] // ЦДООСО Ф. 126. Оп. 4. Д. 84. Л. 129–140.

⁷⁶ См.: Миллер В. Сквозь романтическую дымку // Качканар. С. 86–93.

к архаизации. А поскольку «обеспечить тотальное обновление», как показал еще М. Элиаде [Элиаде, 2000 : 41], может только восстановление первоначального времени, миф сотворения, абсолютное начало не теряет своей актуальности.

Абсолютизация начала разыгрываться в строгом соответствии с законами жанра, подпитывая и усугубляя его пафос. Процесс с его повседневной длительностью и «промежуточными» достижениями неминуемо загоняется в тень. В слепой зоне остаются лакуны неопределенности, пятна движения и множество системных проблем, подобных только что упомянутым: имманентные советским новостройкам неорганизованность и бесхозяйственность, катастрофическое «отставание» жилья и социальности быта и т. п.

На фоне утвердившегося канона любое современное обращение к такой «изнанке» кажется неуместным и непристойным перетряхиванием грязного белья. Весьма показательным в этой связи выглядит тот факт, что выдержка из заметки 1958 г., критикующей нравы обитателей общежития на строительстве БАЭС, помещенная на зареченском интернет-форуме в разделе краеведения, некоторыми участниками была воспринята в штыки⁷⁷. Принято считать, что память выбраковывает все неуместное и более уверенно хранит положительные детали с тем, чтобы обеспечивать когерентность и преемственность идентичности. Вполне ожидаемо поэтому, что первостроители и старожилы подчеркивают бескорыстие, дружбу, стремление к учебе и прочие позитивные стороны первых лет, преуменьшая при этом негативные. Подобного рода оценочную асимметрию зафиксировали исследователи молодых сибирских городов (60–70-е) и строителей БАМа (70–80-е) [Рожанский, 2014, 2015; Воронина, 2009], т. е. эффект присущ и более поздним, чем уральские новостройки, проектам.

Банальность асимметрии памяти не должна заслонять информативности наблюдений. Во-первых, важно уже то, какие именно черты оказывались среди положительных и отрицательных и почему. Одной из причин, на наш взгляд, была роль официального дискурса. Мы далеки от того, чтобы считать, будто советские люди с утра до вечера читали газеты и слушали радио, беззаветно веря каждому слову. Вместе с тем исследование приводит к выводу о том, что выкованный газетными полосами официальный

⁷⁷ См.: С. Г. Ре: На Ленинградской становится горячо. 24.06.2011. Заречный Он-лайн. Краеведение [Электронный ресурс]. URL : <http://z-city.ru/forum/viewtopic.php?t=5295&start=20>, <http://z-city.ru/forum/viewtopic.php?f=110&t=5295&sid=1b7f0b06979a19f22369bc35718a48fa&start=40> (дата обращения: 08.10.2014).

дискурс фактически сливается с неофициальным. А сияющее новое начало неминуемо загоняет в тень не только эксцессы и провалы, но и множество промежуточных достижений, так что в ретроспективе видится только цепочка знаковых дат, суррогат процесса. В целом же темпоральная матрица борьбы, дистанцирования и нового начала обнаруживает поразительное внутреннее единство и устойчивость дискурса молодых городов.

Настоящее: процессуальность и историзация на марше. Прошлое в дискурсе молодых городов почти полностью лишено процесса. Оно не длится, а берется как плацдарм для нового начала, как ориентир для отмеривания завоеванных побед. Элемент процесса присутствует только в режиме борьбы, когда прошлое довольно заметно в настоящем. Процессуальность, живая подробная длительность оказывается прерогативой настоящего.

Приглашая восхититься рождением нового, герой репортажа с очередной новостройки (инженер строительства тов. Горин) сопротивляется разочарованию приезжих, которые «хотят увидеть сразу грандиозные постройки» (*Шаров А.* Куйбышевский гидроузел // Правда. 20.11.38. № 320. С. 3). Понятно, что газетчику нужно во что бы то ни стало показать достижения строительства и он использует ту самую оптику (см. 1.3), которая высвечивает ростки прекрасного нового при полном, казалось, его отсутствии. Для нас здесь важнее другое. Инженер сопротивляется дискретности времени: новое является не вдруг, а постепенно, поэтому значим не только момент начала, но весь процесс.

П р о ц е с с у а л ь н о с т ь в дискурсе молодых городов, особенно в период его формирования, не предполагала, однако, «выращивания» нового настоящего из старого прошлого, как наивно полагали русские философы начала XX в.⁷⁸ Процесс возможен только в настоящем. Дискурсивно длящееся настоящее «развертывается» широким полотном-панорамой: «Городское строительство особенно широко развертывается здесь в нынешнем году» (Новые города социализма. Магнитогорск (Урал) // Правда. 11.06.32. С. 3).

Такие репортажные описания помещают настоящее между точкой отсчета и указанием будущих перспектив, одновременно темпорально и пространственно. На первых порах новому строю требовалось доказывать свою правоту, поэтому в 1935 г. на областном съезде Советов писатель Авдеенко напористо предъявляет, силой перформативного высказывания, что у нас уже есть сейчас, в настоящем:

⁷⁸ В. Н. Муравьев, Н. И. Бердяев и др. – см.: [Веселкова, 2000].

Мы – индустриальный край. Мы – богаты, сильны. У нас есть и самолеты, и пушки, и хлеб, и шерсть, и руда, и золото, мрамор, платина, нефть, уголь и счастливые радостные люди. Теперь они не бегут с Урала, не проклинают его⁷⁹.

Так и в первые годы Краснотурьинска:

Перед вами открывается большая радостная панорама молодого Краснотурьинска. Вдоль прямых, широких, покрытых снегом улиц, стоят красивые многоэтажные белые здания. А из-за них то здесь, то там поднимаются стрелы высоких башенных кранов. Город растет, строится. Оживленно на строительной площадке в двадцать втором квартале (*Калмыков А. Растет мой город // Заря Урала. 01.01.54. № 1. С. 2).*

Репортажи первых лет Качканара в местной печати (стройка далеко не сразу вышла в центральные СМИ) тоже документируют, при поддержке фотографий и рисунков, происходящее в настоящем, но приоритет все же часто отдается первоочередным задачам на будущее. Так, занимающие целую полосу в июньском выпуске районной газеты 1957 г. материалы под общим заголовком «Сегодня на строительстве комбината» открываются описанием функционирования временной дороги и палаточного городка. Эпитеты несут нам свежесть и милые бытовые детали едва обустроенной жизни, а на маленькой фотографии среди оттенков серого действительно выделяются белые палатки.

А на склоне горы Долгой вырос уже новый палаточный поселок. Двадцать белоснежных палаток правильным четырехугольником охватили красивую лесную поляну. В некоторых поставлены кровати и столики, на «стенах» приколоты фотографии и календари – здесь уже налаживается житейский уют, в других палатках только еще настилаются полы (*На склоне горы Долгой // Вперед, к коммунизму! 28.06.57. № 76. С. 3).*

Далее начальник стройуправления рассказывает, какие задачи уже решены и что ждет в ближайшем будущем: «На днях все благоустройство поселка будет закончено. Скоро проведем сюда электричество» – так производится расширенное настоящее.

Длящееся панорамное настоящее, таким образом, снабжается четко обозначенной перспективой и внутренним движением. Динамика достигается благодаря выделению этапов, будь то разные степени уюта в палатках или стадии строительства кинотеатра. В настоящем оказывается

⁷⁹ *Авдеенко А. О радости. Речь на I областном съезде Советов Свердловской области // Штурм. 1935. № 1. С. 92.*

не только то, что видно прямо сейчас, но и актуальное «прошлое настоящего» и «будущее настоящего».

На примере строительства качканарского кинотеатра «Юность» хорошо видно, как средства массовой информации показывали появление нового как прогрессивного. В 1961 г., когда только еще был заложен фундамент здания, скупая заметка прораба рисует нам его уже красивым, вместительным и комфортным:

Недалеко от парка культуры и отдыха, в негустом березняке, продолжается строительство кинотеатра «Юность» на шестьсот мест. Зрительный зал его будет красиво оформлен и украшен, балконы позволят качканарцам располагаться более удобно для просмотра фильмов.

Сейчас сооружение фундамента уже закончено. Бригада каменщиков Николая Желудченко приступила к кладке стен (*Пермяков А., прораб. Строительство кинотеатра «Юность» // На стройке Качканара. 01.08.61. № 32. С. 2).*

Еще до рождения кинотеатру была уготована всесоюзная слава – он умудрился войти в одноминутный сюжет о Качканаре в центральной кинохронике 1962 г.⁸⁰ Десятиминутный выпуск начинается с подведения итогов выборов в Верховный Совет СССР, за столами ЦИК зритель видит в основном людей старшего возраста. Далее идет рассказ про «Качканар – новый город, который вырос близ крупнейшего на Урале месторождения руды». И как бы в подтверждение того, что «Качканар построен руками молодых», между видами заснеженного города с идущими людьми и кадрами со стройки комбината крупно дана табличка на кирпичной стене: «Кинотеатр “Юность” ударный комсомольский объект стройуправления № 1». Кинотеатр откроется в 1963 г. и сразу же попадет в альбом о Качканарском ГОКе (рис. 4.7).

На этом снимке, кстати, видны и остатки «негустого березняка», а из элементов благоустройства есть фонарь и дорожный знак.

В целом настоящее рисуется в хвалебных тонах, как выдающееся. Темпоральные операторы «еще... но уже» превращают малый срок и неоднозначность предстающей картины в залог еще более замечательного будущего:

Город юный, но уже замечательный в настоящем. А какое будущее ждет его?! (*Полисюк Мих. Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77 С. 3).*

⁸⁰ См.: По программе великих работ [Качканар (1.19–2.18 мин)] // Киножурнал «Новости дня: Хроника наших дней. 1962». № 12. Студия ЦСДФ (РЦСДФ). Реж. Н. Соловьева, операторы Е. Мильков, А. Хавчин [Электронный ресурс]. URL : <http://www.net-film.ru/film-11126/> (дата обращения: 20.08.2015).

Рис. 4.7. «Для культурного отдыха качканарцы имеют кинотеатр “Юность” на 600 мест с двумя зрительными залами» (Качканарский горно-обогатительный комбинат, 1957–1963 гг. // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3Д. 733а. Л. 104)

Город еще не обрел законченного облика, но все больше совершенствуются его архитектурные формы (Бирюков В., *соб. корр. «Известий», г. Текели Талды-Курганской области*. В горах Ала-Тау // Известия. 14.04.53. № 88. С. 1).

Настоящее столь грандиозно, что требуется немедленно позаботиться о его сохранении для потомков, что и достигается за счет «историзации на марше».

Историзация на марше – это темпоральный режим, при котором происходящее здесь и сейчас дискурсивно конструируется как нечто выдающееся и подвергается увековечению по горячим следам. Забота о том, чтобы уходящие в прошлое события были доступны в будущем, является признанием значимости и протяженности настоящего и одновременно подогревает это настоящее, из чего мы можем выделить следующие основные черты историзации на марше:

- *связность* всех модусов времени: разворачиваясь в настоящем, историзация на марше вовлекает все модусы времени, включая прошлое и будущее;
- *нормативность*: историзация вносит упорядоченность в бурное настоящее и распространяет ее в будущее;
- *мобилизация* энтузиазма через осознание причастности к созданию истории.

Узнаем мы этот темпоральный режим по яркому переживанию историчности настоящего, оно чудесно и увлекательно и происходит прямо сейчас:

Со стройки несется гул и грохот. Это дробилка жует зубчатыми щеками гранит. ...Люди творят сейчас в котлованах новую историю, более чудесную, чем легенды и былины старого Днепра (Анов Н. Днепрострой // Наши достижения. 1930. № 4. С. 14).

Если вдуматься в то, что сейчас делается, то окажется, что это, пожалуй, самая увлекательная глава истории строительства (*Шаров А. Куйбышевский гидроузел // Правда. 20.11.38. № 320. С. 3).*

Важно, что выдающееся настоящее «сделано рукой человека». Это основание для гордости и одновременно доказательство возможности невозможного, из чего на пересечении нормативной и мобилизационной составляющих возникает принципиально важный воспитательный эффект⁸¹: не только возможно, но и должно строить новые города, героически преодолевать трудности. Именно рукотворная вторая природа заставляет замывать от радости; и в этом самая суть сегодняшнего дня:

Вблизи Темир-Тау⁸², и перед твоим взором раскинется степь. Лежит она, не тронутая человеком, и белесый ковыль говорит о ее древности. А бросишь взгляд налево – сердце замрет от радости. Вот он, сегодняшний день земли казахстанской. К самому горизонту уходит голубой разлив озера. Сделано оно рукой человека. На его берегу поднялись к небу высокие трубы, корпуса цехов и белый многоэтажный город (*Турмагомбетов У., мастер производственного обучения. Нет, не мираж // Известия. 23.08.60. № 201. С. 4).*

Надо сказать, что возникновение социалистических городов и в нашей стране, и за рубежом с самого начала историзировалось с помощью официальных и неофициальных практик коммемораций⁸³. Обычная работа коммемораций по (вос)производству коллективной идентичности в начальный период строительства дополнялась приданием смысла напряженному труду в тяжелых условиях. Осознание своей роли участников большой истории наполняло людей гордостью и придавало сил. Причастность к великому означает победу над забвением, шаг в легенду, именно такое самоощущение момента культивирует историзация по горячим следам.

⁸¹ Ср.: С. И. Быкова отмечает принципиальную доступность для каждого судьбы героя в качестве условия привлекательности образа нового человека в 30-е гг. XX в. Образы героев, которые создавала официальная пропаганда, внушали оптимизм, веру в возможность новых достижений, гордость за свою страну и радость за результаты своего труда, вопреки препятствиям [Быкова, 2003 : 72].

⁸² Темиртау, где в 1950 г. был основан Карагандинский металлургический комбинат и объявлена всесоюзная ударная стройка, называли казахстанской Магниткой. В 1959 г. в городе произошли кровопролитные беспорядки рабочих, недовольных плохими условиями жизни (использованы материалы Википедии).

⁸³ См., напр., о литовском городе Висагинас (Visaginas, до 1992 г. – Снечкус (Sniečkus)): [Baločkaitė, 2010; Cinis, Drėmaite, Kalm, 2008]. Об интересе к запечатлению современности в новых городах см.: [Гонина, 2014 : 54].

«Строительство нового города достойно легенды», – утверждает журналист на третьем году качканарской стройки (*Коропачинский Н.* Рождение легенды // На стройке Качканара. 05.11.59. № 25. С. 2). Легендой же называют в книжке 1963 г.⁸⁴ начало вырубki первой просеки на Качканар, отдельные действия проговариваются как этапные и фиксируются с точностью до минуты:

И вдруг неподалеку раздался удар топора.

– Ребята, взгляните на часы! – послышался веселый возглас Толи Торопицина. – Этот миг войдет в историю!

Упала первая сосенка. Я поглядел на часы. Было ровно десять. 27 мая, десять часов утра, 1957 год.

Корыстность официального дискурса, выкачивающего гидравликой возвышенных чувств «сущностные силы» строителей (согласно принятой в советском обществоведении марксистской терминологии), не отменяет искренности чувствования. При этом нужно помнить, что медийные штампы не только отражают самоощущение людей, но и формируют его. Другими словами, нельзя сказать, будто официальный дискурс насаждал некое восприятие происходящего на пустом месте, скорее подхватывал и развивал нужные мотивы. И делал это порой не без изыска.

Уже на четвертый год строительства качканарская газета, призывая читателей собирать фотографии, писала: «Ушли в далекое прошлое и стали достоянием истории первые палатки Качканара, первые просеки будущих улиц», призывая читателей собрать фотографии (*Левитский М., управляющий трестом «Качканаррудстрой»*). Приказ по тресту «Качканаррудстрой», пос. Качканар // На стройке Качканара. 10.01.61. № 1. С. 1). Переключение регистров официальной/неофициальной коммеморации прослеживается в том, как люди понимали значимость момента, достойного увековечивания в газете. Вероятно, в редакцию стали поступать изображения исключительно «промышленных объектов», без людей, что побудило во втором обращении уточнить, что имеется в виду под «фотографиями об истории нашей стройки»:

Среди качканарцев есть много фотолюбителей, которые засняли и первые палатки, и первых строителей. Все это представляет интерес. Ведь через много лет люди будут благодарны тем, кто бережно сохранил эти драгоценные реликвии (Сегодня и завтра Качканара // На стройке Качканара. 14.01.61. № 2. С. 2).

⁸⁴ См.: *Щелконогов В., плотник*. Так рождалась легенда // Мой Качканар : [сб.] / Ф. Селянин [и др.] ; ред. В. Артюшина ; худож. Л. Полстовалова. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1963. С. 17.

С аналогичным призывом в 1960 г. обращалась к читателям и газета строительства Белоярской атомной электростанции:

Когда войдет в строй действующих предприятий и даст ток наша мощная атомная электростанция, людям, изумленным величием новостройки-семилетки, захочется узнать о мужественных тружениках, которые своими руками создали эту электростанцию (Напишем историю Белоярской атомной! // Ленинская искра. 09.04.60. № 13 (103). С. 2).

Продиктован призыв как будто заботой о будущем, в то же время официальная риторика четко выделяет «правильные» стороны подлежащего историзации настоящего, обнажая свою нормативную функцию:

- соцсоревнование за выполнение госзаданий;
- законы производственной, комсомольской и партийной дружбы;
- новые трудовые почины и методы;
- рост людей строительства через учебу на производстве, в школе рабочей молодежи, техникуме.

И конечно, патриотизм: «Это будет летопись коллективного мужества советских патриотов, и в будущем, когда эту летопись издадут отдельной книгой, каждый наш строитель и монтажник сохранит ее на память как дорогое свидетельство подвига, в рождение которого и он внес свою достойную долю!» (Напишем историю Белоярской атомной! // Ленинская искра. 09.04.60. № 13 (103). С. 2).

Мобилизационная составляющая хорошо видна в призывах делать историю. На первый план здесь выступает модус будущего. Зимой 1933 г. газета «Амурский ударник» вышла с заголовком через всю страницу: «Вперед за “бревном обороны”!» Эта «Социалистическая путевка в лес» содержала и такой призыв: «Впишите в славную историю амурского гиганта поэму об энтузиастах, победивших тайгу, новые яркие страницы» (*Слита Н., директор лесокombината № 2. Победившие тайгу // Строители трех городов. 1967. С. 41–42*). Корреспондент «Смены» вспоминал, как строители Комсомольска спустя пять лет после начала стройки подвели его к землянке:

Они хотели сохранить одну такую землянку как музей для будущего. Подобно тому, как оставляет землекоп столбик земли, чтобы по нему можно было измерить вынутый грунт, хотели они, чтобы эта землянка служила маштабом будущего (*Лидин Вл. Символ молодости // Смена. 1947. № 11 (481). С. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://smena-online.ru/stories/simvol-molodosti>* (дата обращения: 15.06.2015)).

Чувство собственной причастности к истории посредством историзации на марше воспитывалось у детей молодых городов. Так, школьный туристический отряд из соседнего с Качканаром поселка Ис уже в 1958–1959 гг. «собирает материал о стройке с первых палаток и по сей день (*Гусельников Л., преподаватель Исовской средней школы. На Качканар походами // На стройке Качканара. 03.07.59. № 9. С. 2*). В конце 1960 г. качканарские школы отчитывались мероприятиями в рамках пионерской двухлетки, включающими в начальной школе: а) ведение летописи «История школы на Качканаре»; б) составление альбома «Лучшие люди Качканара»; в) составление макета стройки; в восьмилетней школе: а) создание летописи «История школы на Качканаре»; б) создание музея Качканара»⁸⁵. С одной стороны, такое воспитание развивало «чувство истории», но с другой – проработке подвергалось самое недавнее прошлое, с реализацией всех обозначенных выше функций и особенностей историзации на марше.

Если чуждое прошлое при строительстве новых городов поначалу яростно выкорчевывали, позднее игнорировали, придирчиво выбирая подходящие эпизоды, то новое, собственноручно созданное прошлое бережно пестуют с помощью различного рода коммемораций. В зависимости от степени специфичности можно выделить два их вида. Празднование дня рождения происходит во всех поселениях, не только в городах и не только в молодых. Маленькие и особенно монопоселения практически наравне с Днем города чтут памятные даты своего градообразующего предприятия (о городских праздниках см. гл. 7), по их празднованию можно судить об успешности предприятия и отслеживать позиционирование и восприятие его роли в жизни населенного пункта. Наконец, специфичным именно для молодых городов является культ первостроителей, осуществляемый на пересечении коммуникативной и культурной памяти.

Историзация на марше не является изобретением дискурса молодых городов. В темпоральном режиме переживания историчности происходящего здесь и сейчас люди жили в начальный советский период, в годы войны, участвуя в эпопеях вроде поднятия целины или строительства БАМа. Молодые города – одно из звеньев в этой цепи. Особо следует отметить запущенную М. Горьким «Историю фабрик и заводов» (далее – ИФЗ) (1931–1938). По призыву писателя в работу над историей предприятий включились не только профессиональные историки и литераторы, но

⁸⁵ См.: Справка о состоянии воспитательной работы по воспитанию человека коммунистических принципов в школах пос. Качканар. 25.11.1960 // ЦДООСО. Ф. 169. Оп. 5. Д. 1. Л. 124.

и рабочие. Автор блестящего исследования этого горьковского начинания С. Журавлев [Журавлев, 1997] убедительно показывает массовость движения по созданию ИФЗ и искренний энтузиазм его участников⁸⁶.

Е. Добренко (2007) именно на примере ИФЗ иронизирует над тем, что молоко современности не желало сворачиваться в творог истории. Авторы ИФЗ более уверенно писали о дореволюционном периоде, в лучшем случае дотягивая повествование до Гражданской войны. А вот как излагать самое насущное – успехи текущего момента – было не вполне ясно: указания постоянно менялись и говорить на такие темы становилось все более небезопасно. По мнению Добренко, историзация на марше в горьковском проекте и вообще в этот период была притянута за уши. Возможно, такое неприятие бума историзации возникает из-за контраста между тотальным отрицанием прошлого в первые (после)революционные годы и «вдруг» произошедшим в начале 30-х стремлением запечатлеть для истории творимые свершения. На фоне еще вчера фатального неуважения к прошлому подобная страсть действительно может показаться искусственной, наигранной. В. Паперный попытался объяснить это противоречие через различие между «сбрасывающей одежды памяти» культурой-1 и культурой-2, подвещающей все ею производимое мгновенному затвердеванию в качестве памятников истории [Паперный, 2011 : 43–46]. Эпоха пишет себя, закладывая в фундамент идентичности свою версию истории. Эта темпоральная работа приобретает системность, как мы видели, по мере затвердевания отправной и конечной точек, маркирующих прошлое и будущее.

При всей своей пафосности историзация настоящего – это взгляд изнутри процесса. Она претендует на описание происходящего не только в лозунгах, цифрах и фактах, но и в переживаниях участников, с точки зрения их «практического смысла». На ходу расставляемые метки – первое срубленное дерево, фотографии разных этапов строительства и т. п. – выражают социальную эффективность времени⁸⁷, когда еще ничего или мало что построено и особенно важно демонстрировать, что время не просто течет, а идет продуктивно, подконтрольно и осмысленно. Рассказанные таким образом жизни становятся прожитыми и потому лично значимыми.

⁸⁶ Разворачивалось движение и на Урале (см., напр., [Журавлева, 2013]). Нижнетагильские «Были горы Высокой» стали одной из жемчужин проекта, среди незаконченных произведений – история надеждинского завода А. Маленького.

⁸⁷ Бурдые говорит об эффективности времени применительно к обычаям, характеризуя темпоральность повседневной жизни на примере традиционного общества, см.: [Бурдые, 2001 : 192–218].

мыми и особенно дорогими историями, если использовать терминологию З. Баумана [Бауман, 2004].

Бурное настоящее. Настоящее молодых городов в советском официальном дискурсе – это неизменный прогресс и постоянное движение к еще более блистательному будущему. С самого начала, рубежа 20–30-х, печать рисует настоящее исполненным энергии и жизни, кипучим и насыщенным. «Другой курс жизни взят, не в штиль, а в шторм живем», – говорит Горькому строитель Хибиногорска (*Горький М.* На краю земли // Наши достижения. 1930. № 1. С. 10). Стройка становится синонимом жизни:

Теперь кипит стройка (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1).

Дзержинск бурно растет (Нижегор. край); Кандалакша бурно растет (Карелия) (Новые города социализма // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

В восстановительный период «стремительность» была особенно заметна на фоне разрухи: «Сквозь тягчайшие испытания прошли наши города в годы Гражданской войны. ...Тем стремительней бурный рост наших городов сегодня...» (*Холодный Т.* Некоторые параллели // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3). Даже скупые строки коротких зарисовок передают динамичность той повседневности:

По 8-й Продольной – широкому и прямому проспекту – вплоть до самого Старого Запорожья быстро прокладывается трамвай. Бегают автобусы (Новые города социализма. Новое Запорожье (Украина) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

К той же лексике вернутся в первые послевоенные годы, как в случае с характеристикой Краснотурьинска:

Кипит жизнь в новом городке (*Полисюк М.* Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77. С. 3).

Жизнь бьет ключом в юном городе (*Тарлова Т., спец. корр.* «Труда». Тайга отступает («Труд» за 19 октября с. г.) // Заря Урала. 27.11.47. № 129–130. С. 2).

Именно эти качества кипучей жизни-стройки прозвучат и в интервью 2013–2014 гг. в воспоминании о 60-х гг. в Качканаре:

Это все кипело. Просто стройка шла! Там, это надо видеть. Такого в большом городе, допустим, не увидишь. Здесь вот весь город, это был муравейник просто. Тут строят, тут строят, там (КМ59).

И о 80-х гг. в Лесном:

Он как-то очень быстро строится... вот на моих глазах (ЛЖ43).

Кипение, быстрота не простое совпадение словарей 30–40-х XX в. и 10-х XXI в. Темпоральная специфика молодого города проявляется в том, что бурный рост, в начальный период переживаемый всеми поселениями, сегодня находится на удалении в несколько десятилетий и памятен горожанам не только старшего, но и среднего возраста.

Бурление осуществляется за счет небывалой, сказочной скорости. Как и все остальные приемы, она призвана подчеркнуть грандиозность преобразований. В 1929 г. Луначарский отмечал приметы «бурной стройки» Сибири: «Как из-под земли вырастают целые рабочие поселки, совершенно преображая бытовую обстановку пролетариата» (*Луначарский А.* За стройкой // Наши достижения. 1929. Кн. 1. С. 72). При этом среди старательно перечисленных новостроек практически нет ничего, что относилось бы к «бытовой обстановке»: новые большие заводы, самостоятельно налаженное новое оборудование, новые электростанции. Из элементов городской среды нарком упоминает новые клубы, Дворцы культуры, государственные и общественные центральные здания в Новосибирске. В этот период стремительность преобразований еще не облекается в форму новых городов, на первом плане — производство и то, как «строить нового человека» (с. 81).

Полноценно новые города, как мы знаем, входят в официальный дискурс в 1932 г., и сразу же их рост, говорится в передовице «Правды», поражает стремительностью:

Шумные и бодрые, полные движения и сил, рожденные в вихре социалистической стройки, новые города — своеобразные вежи, с исключительной отчетливостью показывающие бурный рост производительных сил нашей страны (Выше темпы строительства социалистических городов // Правда. 11.06.32. № 160. С. 1).

Расширенный вариант настоящего, с включением актуальных прошлого и будущего, работает и для показа его бурления:

Небит-Даг... за короткий срок стал одним из красивейших и благоустроенных городов республики. Особенно бурно развивается он в послевоенные годы. В ближайшее время... Скоро... (Город среди песков // Правда. 21.02.51. № 52. С. 2).

Динамика не планомерная и поступательная, ее образ – л и х о - р а д к а и вихрь. «В Прокопьевске идет лихорадочная работа по городскому строительству (Новые города социализма. Прокопьевск (Зап. Сибирь) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3). «Лихорадочность» употребляется в позитивном смысле: «Возводятся новые дома, прокладываются водопровод». Такой ритм нельзя отнести целиком на исключительность исторического этапа: штурмовщина, авралы остались постоянными спутниками плановой экономики, хорошо знакомыми и развитому социализму.

Преимущества достигнутой скорости подчеркиваются с помощью знакомого нам приема противопоставления, дистанцирования с прошлым. Раньше у жизни был замедленный пульс, неспешное становление:

Только на 63 году существования села – в 1910 году – здесь была открыта первая библиотека, маленькая и захудалая. Только через 65 лет после основания села – в 1912 году – в нем появилась первая акушерка. Таков был замедленный пульс жизни далекого Ивделя (*Чазов Н.* Поправка к мечте // Северная звезда (Ивдель). 01.01.41. № 1. С. 2).

Истории было угодно еще раз, десять столетий спустя, вернуться сюда, как будто только затем, чтобы сравнить неспешное становление стольного Полоцка с вулканическим появлением его меньшего брата. Мощный раскат эпохи прокатился над ним, когда крекинговыми колоннами, симфонией труб и платформингов поднялся на Двине нефтеперерабатывающий гигант (Город смотрит в завтра // Смена. 1968. № 8. С. 5).

Как будто в подтверждение только что сказанного про постоянство аврала, автор данного очерка о Новополоцке в 1968 г. эстетизирует и тем самым нормализует непродуманность столь масштабного строительства: «у него под боком в спешке, опаздывая, догоняя завод, начал рождаться город. Он рождался как рабочий поселок – плоть от плоти завода, кров для его рабочих. А когда плечом к плечу с заводом развернулся исполинский химический комбинат, архитекторы стали опаздывать с чертежами, плановики сбились со счета» (Город смотрит в завтра // Смена. 1968. № 8. С. 5). Новополоцк – фактически ровесник Качканара (даты рождения соответственно 1958 и 1957 гг.), именно там предисполкома Качканара в свое время «подсмотрела» идею памятника первым палаткам. Точно такое же запаздывание всего жизнеобеспечения происходило и при строительстве качканарского ГОКа, хотя Качканар с самого начала закладывали как город, а не поселок. И конечно, скорость развития Качканара оказывается не менее «вулканической», чем у Новополоцка:

Качканар был самым быстрорастущим городом в 1959–1975 годах, когда население возросло более чем в девять раз и составляло около 40 тысяч человек (в 1974 г.). В перспективе при строительстве второго Качканарского ГОКа (Средне-Уральский ГОК) население города должно было составлять 200 тысяч человек (*Медведев Ю.* Будь вечно юным, Качканар! // Качканар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 5).

Собственно критическое настоящее встречается не то что бы реже, но своей суетной сиюминутностью явно проигрывает эпической истории позитивного настоящего. Газеты говорят или проговариваются, как уже отмечалось, об отдельных недостатках, не затрагивая системы. Такого рода критическое настоящее конструируется как промежуток между прошлым, в котором желали, но не успели чего-то достичь, и искомым будущим. Причем будущее выступает не темпорально, а скорее нормативно (удобства для населения, уют (!) социалистического города):

Не успели как следует благоустроиться, еще очень много предстоит сделать, чтобы создать для населения все удобства (*Поваренкин Н., соб. корр. «Известий», Кировская обл.* Города районного подчинения // Известия. 05.09.48. № 211. С. 3).

Несмотря на значительный объем проведенных работ по благоустройству, Краснотурьинск все еще не имеет того уюта, который свойственен социалистическому городу (*Филимонов И., председатель горсовета.* Сделаем наш город благоустроенным и красивым // Заря Урала. 21.05.54. № 60. С. 2).

В общем бравурном контексте сама эта неустроенность вполне может сойти за выражение динамичности и молодости, новизны: «Идем в город, пробираясь по рассыпанным доскам, бочкам из-под цемента, кучам щебня, мусора. Но это мусор не разрушения, а только естественные отбросы нового строительства, и этот хаос под ногами внушает чувство “омолаживающее”» (*Горький М.* На краю земли // Наши достижения. 1930. № 1. С. 10). Если «омолаживающее чувство» выглядит вполне подходяще и для более позднего типа письма, то вот «естественные отбросы», слишком сильный и откровенный образ, с начала 30-х гг. сложно представить в дискурсе молодых городов. Вообще, соотношение позитива и критики в описаниях стройки не всегда было в пользу первого. Собственно, журнал «Наши достижения» (годы издания 1929–1936) создавался Горьким как раз с целью усилить позитив, высветить победы нового строя, не очевидные молодому поколению; фактически этот горьковский проект маркирует поворот и институциональное закрепление приоритетности позитивной трактовки настоящего в официальном дискурсе.

Продолжающаяся стройка нормализует, вплоть до эстетизации и романтизации, неустроенность: траншеи, «щетина лесов» – добрый знак созидания:

Краснотурьинск весь изрыт траншеями, весь в щетине лесов, весь взерошен – он строится. Неустанно, каждодневно, вот уже пять лет строится он... (Хазанович Ю. Город в тайге // Заря Урала. 24.08.46. № 74. С. 2).

Если «естественные отбросы» в тексте Горького выглядят неаппетитно, то вполне симпатичный образ взерошенного города, найденный писателем Ю. Хазановичем, уже не производит такого впечатления.

Присутствующие в описаниях негативные эффекты культа высокой скорости в виде спешки в ущерб качеству, отставания от графика и т. п. напоминают прозаические детали рабочей оперативки. Так, в Краснотурьинске конца 40-х среди построенного во время войны

[д]о сих пор 12 зданий в различных кварталах города полностью не остеклены. Вместо стекол прибиты доски и насыпаны опилки. Это портит общий вид внешне хорошо отделанных домов и создает большие неудобства для жильцов. Ко многим зданиям подведена вода и канализация, а внутренний монтаж не производится (Генералов М., инженер ЖКО БАЗа. Ликвидировать недостатки военных лет // Заря Урала. 22.08.46. № 73. С. 2).

Автором процитированной статьи является инженер жилищно-коммунального отдела завода, производственникам были «простительны» такие деловые выступления. Воспевали скорость другие.

Уже в 1929 г., реализуя программу «Наших достижений», целые поселки возникают из-под пера Луначарского «как из-под земли». Скорость такова, что появление нового происходит внезапно. Помимо апелляции к волшебству хорошо работает на динамизм рассказ о человеке, который после непродолжительной отлучки едва узнает город, как снова у Хазановича о послевоенном Краснотурьинске:

Жители, которым случается хотя бы на месяц отлучиться из своего города, вернувшись, обнаруживают вдруг или новую улицу, или несколько новых домов (Хазанович Ю. Город в тайге // Заря Урала. 24.08.46. № 74. С. 2).

Предлагая восхититься внезапностью, такой показ, в противоположность историзации на марше, схлопывает процесс. Триумфально начинавшаяся в середине 50-х целинная эпопея тоже была включена в список сказочных преобразований (Качканар, кстати, называли железной целиной), но по силе волшебства не превзошла растущих как грибы городов:

Дни 1955 года были необыкновенно богаты событиями. Каждый день приносил нам радостную весть. Раньше намеченного срока вступали в строй все новые и новые заводы и фабрики. ...Со сказочной быстротой то там, то тут вырастали новые города и рабочие поселки. Бесконечное море хлебов плескалось на просторах целинных земель (К новым свершениям // Заря Урала. 01.01.56. № 1. С. 2–3).

Сказочность, как и стройка с «голового места», стала медийным штампом, присущим и региональным, и центральным СМИ:

Краснотурьинск, как и весь промышленный район Северного Урала, за период между выборами Верховного Совета РСФСР сказочно вырос (*Дробышевский Г.* Город, которого не было на карте // УР. № 293. 17.12.46. С. 2).

Куда ни глянешь – всюду поднимаются стальные стрелы кранов, снуют самосвалы, груженные кирпичом, раствором, бетонными плитами. Со сказочной быстротой растут стены корпусов. И всюду молодые лица (*Чирков Л., секр. горкома ВЛКСМ.* Новый Череповец // Смена. 1958. № 6. С. 12).

Всюду в правильных зарницах
Легкокрылый, словно птица,
Пролетает Новый год.
Он увидел: на участке
Поднимаются, как в сказке,
К небесам громады корпусов.
(*Лесная А.* Новогодняя зареченская // Ленинская искра. 31.12.60. № 44–45. С. 1).

Невероятие скорости ничуть не умаляется включением количественных характеристик в днях или годах:

С небывалой быстротой вырастали кварталы города Молотовска. Так, например, здание театра с залом на 620 места построено в 24 дня (*Попель Д., соб. корр. «Известий», г. Молотовск.* Новый город у Белого моря // Известия. 19.03.48. № 66. С. 3).

Село Пермское, «поистине дивно ставшее – всего за пятнадцать лет – городом, где варят сталь и строят суда (*Лидин Вл.* Символ молодости // Смена. 1947. № 481).

Быстрорастущее ассоциируется с новизной и молодостью, так что быстрота и молодость подпитывают друг друга позитивными коннотациями:

Здесь все новое, все молодое: и дома на безымянных еще улицах, вырастающие словно грибы после дождя; и высоковольтная линия электропередачи, протянувшаяся к тому месту, где будет строиться корпус крупного дробления;

и новое молодежное общежитие; и струнный оркестр в клубе; и самое главное – новые люди, молодые, задорные, с горячими сердцами (*Галунин Н. Молодость Качканара // Вперед, к коммунизму! 01.05.59. № 52. С. 2).*

Здесь все молодо и бесконечно дорого каждому из тех, кто в числе первых приехал сюда и видел рождение этого будущего города мирного атома (Около 6000 квадратных метров // Ленинская искра. 01.07.61. № 14. С. 1).

Сегодня в активно строящемся Заречном тоже можно услышать о «глобальных переменах», но вот их оценка бывает далека от описанного канона: *«Ну сейчас у нас кругом стройки идут. И лесов меньше становится. Ну как-то как не свой уже немножко становится. Потому что редко сюда приезжаю, и такие перемены сразу глобальные видно в городе»* (ЗЖ21). В приведенном высказывании обращают на себя внимание сразу два аспекта. Первый состоит в неоднозначном восприятии отмеченной бурной активности (вырубают леса), несмотря на то, что жизненность, а тем более процветание поселения по-прежнему связываются с движением, «стройкой». Второй момент заключается в возникающем отчуждении, пусть даже легком, – официальное прославление изменений до неузнаваемости не предполагало такого эффекта.

Бурное настоящее отличается не только скоростью, но и п о с т о - я н с т в о м р о с т а. Это качество призвано свидетельствовать о системности развития, отчасти уравновешивая спорадичность «лихорадки».

Юный город продолжает быстро расти (*Попель Д. Новый город у Белого моря // Известия. 19.03.48. № 66. С. 3).*

Растут не только ранее заложенные города, от них будто отпочковываются подобные (моно)поселения. Среди изучаемых нами городов от Краснотурынска в 1956 г. так отделился специализирующийся на добыче угля Волчанск. А вот как описывала центральная пресса ситуацию вокруг Караганды:

Вокруг созданного в первой сталинской пятилетке центра Казахской каменноугольной промышленности – города Караганды – за последнее время возникают и интенсивно развиваются многочисленные новые поселки и города (Вокруг Караганды // Известия. 03.08.47. № 131. С. 3).

На постоянство темпа указывают конкретные единицы измерения – годы, месяцы и дни, загнанные в формулировку «с каждым днем/месяцем/годом».

С каждым днем меняет свой облик Голодная степь (*Акрамов А., секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана*). Голодная степь будет плодородной // Правда. 29.06.58. № 180. С. 3 (о городе юности Янги-Ереу).

Ангарск растет с каждым месяцем (Новые города // Известия. 18.09.54. № 222. С. 1. Фото Ю. Лихуты (фотохроника ТАСС). Каховка).

С каждым месяцем растет наш поселок Заречный (Около 6000 квадратных метров // Ленинская искра. 01.07.61. № 14. С. 1).

С каждым годом хорошеет Комсомольск. Появляются новые дома, кварталы, улицы и проспекты. Город строится. Город растет. Исчезают бараки, их место занимают капитальные многоэтажные дома (*Котенко Г., бывший главный технолог стройцеха № 6*). Дома сходят с конвейера // Строители трех городов. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1967. С. 236).

Как вариант: год от года, ежедневно, ежемесячно и т. п. Разворот праздничного выпуска местной газеты к 10-летию Краснотурьинска венчает лозунг: «Возведенный волею народа, город юный краше год от года» (Заря Урала. 28.11.54. № 142. С. 2–3). Чуть раньше А. Нейштадт писал в своей книжке:

В молодом городе [Красноурьинске] ежемесячно вступают в строй целые кварталы новых домов, мостятся улицы, асфальтируются тротуары, покрылась гранитом набережная, строится трамвайная линия, в городе работают новые школы и больницы, клубы, кино, гостиница, фабрика-кухня, хлебозавод, магазины, техникум, строится городской театр (*Нейштадт А. И.* Развитие городов Урала в годы сталинских пятилеток. Свердловск : Свердлов. обл. гос. изд-во, 1951. С. 23).

Интересно, что автор попеременно дает продолжающиеся, незаконченные процессы: то, что еще только вступает, мостится, строится, с тем, что уже завершено: покрылась, работают. Незаконченное тем самым подтягивается до почти сделанного, а завершённое, напротив, легко представить с рабочими недоделками. И все же перечисленные вместе столько городских благ создают впечатляющую картину.

Клише «С каждым днем растет и хорошеет наш молодой социалистический город» могло использоваться и как вступление к суровому разбору, как в красноурьинской газете, порицающей организации, которые в минувшем году «не привели в культурный и законченный вид ни одного выстроенного квартала» (Не медлить с работами по благоустройству города // Заря Урала. 22.05.49. № 57. С. 1). Заканчиваются такие материалы обычно снова на позитивной ноте, уверенностью/призывом ликвидировать недостатки. В целом же постоянство роста молодых городов – парадокс

утверждения про жизнь, что стала лучше, веселее, только в настоящем продолженном времени. Темпоральные маркеры вкупе с пространственными перестают нуждаться в конкретном содержании, превращаясь в некий всеобщий закон советской жизни. Посмотрим, как открывающая новый год передовица «Зари Урала» грамотно вписывает в эту универсалию собственные достижения:

Вот так – год от года – преображается облик нашей Родины. Сегодня мы живем лучше, чем вчера, завтра будем жить лучше, чем сегодня. Таков закон наших советских будней. И там, где вчера был заложен строителями первый кирпич, сегодня украсили собою город многоэтажные здания-близнецы индустриального техникума и молодежного общежития (К новым свершениям // Заря Урала. 01.01.56. № 1. С. 2–3).

В новейшее время скорость преобразований резко снизится, а их территория станет зигзагообразной. В период застоя молодые города продолжали неплохо развиваться, а вот перестройка сказалась на них гораздо более заметно, чем на других территориях: в монопоселениях масштаб остановки был близок к тотальному. У каждого города, конечно, своя история. Если Качканар в 90-е пережил бурные переделы собственности, но через кризисы 2000-х прошел относительно успешно, то Краснотурьинск, напротив, после довольно благополучного начала перестройки стало сильно лихорадить, и в результате он пришел к закрытию производства. Переставая, в восприятии людей, расти, город лишается звания молодого: Краснотурьинск сегодня уже практически не называют ни юным, ни молодым.

В целом изменения в таких городах сейчас происходят медленнее, чем в крупных центрах. Диффузионная модель, согласно которой инновации не одномоментно, а постепенно, шаг за шагом переходят из крупнейших городов в средние и малые (см.: [Зубаревич, 2010]), не полностью объясняет феномен замедленной скорости. Проблема не сводится к тому, что маленькие поселения удалены от больших и до них все доходит в последнюю очередь. Инновации способны появляться везде, где для них есть потенциал; как показала на примере двух нефтяных городов Н. Замятина, однопрофильные монопоселения в этом плане могут быть очень различны [Замятина, Пилясов, 2013]. Для молодых городов принципиальную роль играет их «короткая история», дающая на порядок меньше, чем у других поселений, возможностей для маневра: им не из чего черпать новые ресурсы, а заложенная историей их создания «колея» (в наших примерах – поселений при предприятии) оказывается абсолютной. Скорость и век-

тор развития, таким образом, определяются инерцией, а не инновацией, предопределяя неэффективность попыток диверсификации монотерриторий. Инерция работает на то, чтобы воспроизводить «монотность» не только в экономике, но и в городском пространстве, и в головах жителей. Инерция заключается также в том, что город не может выпрыгнуть из своей советской истории, проработка прошлого (термин Адорно) пока не создает к нему продуктивной дистанции.

Реалистичность невероятного будущего. Модусы освоения будущего – план и мечта [Веселкова, 2006]. Накачивая представления о будущем лиризмом и приоритетной ценностью (побуждая жить в завтрашнем дне, презрев тяготы настоящего), важно было демонстрировать его принципиальную осуществимость, реалистичность. При этом конструирование будущего различается на разных этапах развития молодого города.

Новые города самым своим фактом являли черты будущего. «Новые города, а их у нас десятки, как бы предвосхищают завтрашний день коммунизма – в Магнитогорске, как и в Гурьевском городке, уже видны черты коммунистических городов»⁸⁸. Новизна здесь выступает в значении качественно иного. Это новое качество конструируется в противовес старому в своей стране и в постоянном сравнении с миром капитала за рубежом. После войны новые города в странах народной демократии (в том числе с характерными названиями – Сталинварош, Сталинштадт) будут служить витриной социализма в соревновании двух систем.

Однако города еще нужно было построить, и на начальном этапе их состоятельность была совсем не очевидной. Собственно, будущее – это единственное, что имелось в начале строительства на «голом месте». На сайте основанного в 1953 г. сибирского моногорода «алюминщиков» Шелехова это положение обыграно четверостишием:

Наш город юн, в нем нет театра,
Трамвай, троллейбус не дошли,
Но у него зато есть «завтра»,
И те, кто в нем судьбу нашли...

*В. Кожевин*⁸⁹

⁸⁸ Сарабьянов В. Н. Архитектура и общественное сознание. М. : Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1952. С. 42.

⁸⁹ Официальный сайт органов местного самоуправления, г. Шелехов. Экономика и финансы. URL : <http://www.gorod-shelehov.ru/city/economics/> (дата обращения: 15.08.2015).

Для дискурсивного конструирования и настоящего, и будущего новостройки декларацию неслыханных перемен особенно важно было подкреплять доказательствами того, как сказка становится былью. Как же быть, когда демонстрировать еще нечего? Показательно решение молодежного журнала «Смена». Предваряя рассказ Сергея Герасимова о готовящемся фильме о Комсомольске, «Смена» в 1936 г. помещает вверху страницы величественную панораму города, уходящего за горизонт; изображение ко всему прочему выглядит как фотография. Все это создает эффект одновременно величия и реальности, особенно если не вчитываться в мелкий шрифт под картинкой:

Четыре года назад в тайге, на берегу Амура, был заложен город Комсомольск. Вот как будет выглядеть через несколько лет самый юный город страны (*Герасимов С. Фильм о Комсомольске // Смена. 1936. Июнь. № 6. С. 25*).

Иными словами, будущее требовалось нарисовать в воображении, построить макет, в то же время крепко привязывая его к местности, в прямом и переносном смысле. Такие картины будущего могли стать гораздо более убедительным средством мобилизации, чем какой угодно умелый показ настоящего. Фотографии реального Комсомольска, помещенные в том же журнале «Смена» год спустя, выглядят далеко не столь впечатляющими, как рисунок к статье режиссера. Скучные двухэтажные строения, у самого берега и вовсе деревянные халупки под двускатной крышей диссонируют с сопровождающей их подписью про «гигантские заводы и верфи» (*Лось Л. Комсомольчане // Смена. 1937. № 5. С. 6–7*). Таким образом, работа с будущим на начальном этапе оказывается особенно ответственной.

Чтобы вызвать интерес и доверие, проект, план должен выглядеть солидно и вместе с тем завораживать, увлекать в будущее. Мы узнаем, как много разных специалистов трудится над проектами, сколь белоснежны листы чертежной бумаги и деловиты чертежники:

Сотни гидротехников, геологов, геофизиков, электротехников, архитекторов, механиков создают в чертежах, расчетах то, что завтра будет осуществлено в железе и бетоне. А многие из решаемых вопросов – новые проблемы науки (*Шаров А. Куйбышевский гидроузел // Правда. 20.11.38. № 320. С. 3*).

На белоснежных, плотных листах бумаги уже возникают проекты новых зданий, и прилежные чертежники, склонившись над досками, превращают эскизы в планы, деловито размеривают и расчерчивают завтрашний день своего города (*Сегеди Н. Краснотурьинск // В нашем краю: Статьи и очерки о Свердловской области. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 329*).

Само по себе превращение бумажных эскизов в железо и бетон должно было выглядеть волшебством и одновременно, в век набиравшей силу НТР, внушать оптимизм и уверенность в возможностях человека в осуществлении поставленных задач. Не все поселения сразу строились по генплану, так что сам факт его наличия резко повышает статус и города, и его будущего. Проект «ленинградских архитекторов» (1946) фигурирует в описании перспектив Краснотурьинска и в 40-е, и в 50-е (хотя маленьким Ленинградом уральский город еще никто не мнит).

В перспективе Краснотурьинск – большой многолюдный город. Ближайший период в 2–3 года изменит лицо города. Кварталы будут перепланированы, вырастут новые 2- и 3-этажные дома, будет работать трамвайное кольцо, связывающее город с главнейшими промышленными предприятиями (Благоустроим наш город // Заря Урала. 01.05.46. № 43. С. 1).

Новый город проектируют ленинградские архитекторы. С листов их проектов на нас смотрят высотные здания государственных учреждений, многоэтажные жилые дома (*Сегеди Н.* Краснотурьинск. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 330).

И хотя в 1957 г. «[н]е все еще претворено в действительность из генерального плана Краснотурьинска... то, что уже сделано, дает основание заключить, что это самый красивый город Северного Урала (*Шувалов Е. Л.* Краснотурьинск, Карпинск, Североуральск, Волчанск. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1957. С. 57).

Будущее оккупировалось всерьез и надолго. Тяжелая современность делала ставку на надежность и долговременность:

Следовало найти более надежное место для плотины. Ведь гидроузел строится на сотни лет (*Шаров А.* Куйбышевский гидроузел // Правда. 20.11.38. № 320. С. 3).

На Качканар пришла пятая весна. Володя Михайлов и Коля Титовец стягивают толстой проволокой брусья большого деревянного желоба. Это – опалубка для большого деревянного желоба. Это – опалубка для бетона.

– Слушай, Колька, – кладет ломик Володя, – а ведь вот эта проволока века проживет. Представляешь? Века!» (*Копылов С., Алеев Н.* Пятая весна // Мой Качканар. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1963. С. 145).

Строящиеся объекты, приобретая узнаваемые очертания, начинают притягивать будущее. Они говорят, например, «будущая электростанция», «будущий город»:

С каждым днем все выше и выше поднимаются корпуса будущей электростанции, все шире принимает размах строительных работ будущий гигант (Ленинская искра. 15.04.61. № 9. С. 1).

На этой стадии будущее – уже не замыслы, расчеты и чертежи, а сооружения, которые можно увидеть, и газета строительства БАЭС даетверху полосы панораму строительства.

Подросший город уже не нуждается в доказательстве права на существование, но ему тоже нужно будущее. У 10-летнего Новополюцка оно совершенно ясное:

Город живет как молодое, очень здоровое существо, у которого впереди все ясно и есть куда шагать, за что биться, есть юношеская уверенность в своих силах и беспредельность горизонтов (Город смотрит в завтра // Смена. 1968. № 8. С. 6).

На чем же основана такая безмятежная уверенность в будущем? Журнал поясняет миллионным тиражом: будущее запланировано и финансирувано:

К семидесятому году новополчан будет уже 50 тысяч. Им построят за пятилетку 9 600 квартир. Еще через десятилетие город вырастет до 120 тысяч и сольется с Полоцком. Детские садики, плавательные бассейны, спортивные площадки, торговые центры, скоростные трамваи к промышленной зоне – все это будет, запланировано, финансирувано. Ясно, какой повышенный тонус диктуется таким рынком. Все впереди, полустанков не предвидится (Город смотрит в завтра // Смена. 1968. № 8. С. 6).

Это ситуация конца 60-х. Будущее зависит не только от наработанного городом потенциала, но и от периода в жизни страны. Планы Красно-турьинска в том же возрасте в 1954-м были менее обеспечены. В год 35-летия Краснотурьинск уже хорошо освоился в собственном прошлом, благодаря режиму героизации доволен настоящим, будущее видится как продление достигнутого:

Нынешнее поколение краснотурьинцев продолжает и развивает традиции, основанные на любви к родному городу. ...У нашего города все еще впереди, история его продолжается (Вялков Н., *председатель исполкома горсовета народных депутатов* // Заря Урала. 01.12.79. № 144. С. 1).

Будущее в настоящем: реализация мечты. Дерзкие мечты и их реализация – очередная разновидность дискурсивного воплощения грандиозности преобразований. В отличие от просчитанного и прозаического плана мечта – оператор крайне неопределенного и романтизированного будущего [Веселкова, 2006].

Когда мечте еще только предстоит стать реальностью, дискурсивная формула обязательно содержит доказательства, гаранты. Описывая «Завтрашний день Краснотурыинска» в цикле очерков 1946 г., уральский журналист Михаил Полисюк многократно воспроизводит этот прием. Смелость невероятного дерзания и в то же время перформативность высказывания: «строители говорят», «в горсовете говорят», «начинают поговаривать», «вслух мечтают» – подтверждаются тем, что уже сделано. Автор включается в коммуникацию, удостоверяя: «так и будет», «веришь этому», вплоть до пропагандистского обобщения «мечты станут действительностью». А мечты к концу пассажа приобретают статус плана:

Строители говорят, что город зацветет палисадниками, украсится кленами и тополями. Так и будет. Ведь уже сейчас здесь, на севере Урала, в подсобном хозяйстве Богословского рудоуправления, разбит фруктовый сад, который в прошлом году дал первые три центнера яблок.

В горсовете говорят, что в нынешнем году по улицам пойдет трамвай. И веришь этому, ибо силами общественности построено шоссе, сделано трамвайное ложе. <...> Начинают поговаривать в Краснотурыинске и об установке памятника земляку, уроженцу рудничного поселка, гениальному изобретателю радио – Александру Степановичу Попову. Вслух мечтают о новой большой школе, великолепном ателье бытового обслуживания и прочем, что составляет культуру большого города.

Мечты станут действительностью. Те, кто в тяжкие годы войны сумел построить завод-гигант, новый угольный бассейн, расширить рудники, преобразить тасжное место в индустриальный центр Урала – те сумеют осуществить и новые свои планы (Полисюк М. Будущее северного города // УР. 06.04.46. № 82. С. 3).

Подобные перечисления ценны тем, что дают представление о значимых атрибутах социалистического города своего времени. Например, если в начале 30-х актуален был банно-прачечный комплекс, то в конце 40-х говорят об ателье бытового обслуживания. Неизменным остается завод-гигант. За счет всего созданного Краснотурыинск в 1946 г., всего лишь на втором году в статусе города, признается индустриальным центром Урала, в будущем у него – ранг большого города.

В 1947 г. к трехлетию города «Заря Урала» перепечатала большую статью из центральной газеты «Труд», посвященную Краснотурыинску. Журналистка ссылается на генплан застройки города (1946), в котором «передовой опыт советского градостроения» приложен «к условиям жизни людей на 59-й параллели». Есть тут и будущий трамвай, бульвары и сады. Автор старается не упустить и регистр мечты, он нужен для того, чтобы подчеркнуть смелость замыслов на будущее. При всей своей романтичности

мечты в дискурсе молодых городов не имеют ничего общего с туманными грезами или бесплодными маниловскими проектами. Принципиальное свойство «советской» мечты – ее сбыточность, продуктивность:

Волею большевиков многое стало явью в этом отдаленном уголке. Может быть, поэтому тут столько мечтателей, людей, заглядывающих вперед, в будущее. <...> Сбудутся мечты краснотурьинцев! Поручкой тому – завод и город, выросшие в таежной глуши за пять военных лет. Поручкой тому – воля большевиков (*Тарлова Т.* Тайга отступает («Труд» за 19 октября с. г.) // *Заря Урала.* 27.11.47. № 129–130. С. 2).

Главный гарант осуществимости замыслов – ранее накопленные строительные достижения:

Проекты здесь быстро претворяются в жизнь... пока еще это лишь мечты о будущем. Но ведь и сам Краснотурьинск недавно существовал только как мечта о будущем. Еще недавно на рабочих собраниях обсуждались проекты улиц, на которых сейчас стоят обжитые дома (*Сегеди Н.* Краснотурьинск. Свердловск : Свердлов. кн. изд-во, 1953. С. 329, 331).

Дискурсивный прием «п р и г л а ш е н и е в б у д у щ е е» вовлекает читателя в активное моделирование завтрашнего дня. Детализация мечтаний дает возможность ретроспективной сверки. На первый взгляд авторы таких сюжетов предстают провидцами, попадающими ровно в точку:

Давайте, товарищи, встретимся лет через десять... на главной площади Качканара, у Дворца культуры горняков (*Коропачинский Н.* Рождение легенды // На стройке Качканара. 05.11.59. № 25. С. 2).

«Давайте приедем сюда через десять лет», – зовет в Качканар и представительница многотиражки УПИ. И далее:

Асфальтированные улицы, зеленые скверы, в которых «для интереса» сохранены кедровые сосны... идем мы по улице, а нас догоняет троллейбус «Подстанция – проспект Студентов». Берем билеты и едем. Мимо стадиона, кондитерской фабрики, здания горисполкома, здания управления ГОКа, вдоль бульвара – бывшей Лежневки... Проезжаем – да это же место, где стоял палаточный городок! (*Широкова Н.* Жить таежному городу! // На стройке Качканара. 29.08.61. № 40. С. 2).

На самом деле, мы видим набор атрибутов социалистического города, к началу 60-х уже вполне устоявшийся. Специфика индустриального моногорода выражается в том, что к неперемемному зданию горисполкома добавляется администрация градообразующего предприятия – столпы

жизнеустройства. Без Дворца культуры также не обходился ни один крупный населенный пункт. Журналист Коропачинский точно уловил закономерность: ДК открывались в молодых уральских городах примерно через десять лет (см. главу 7), в Качканаре это произошло 25 июня 1968 г., так что принявшие приглашение в будущее действительно могли встретиться на площади у ДК.

Троллейбус появится в конце 1972 г., т. е. через 11 лет с момента предсказания; вместо кондитерской фабрики женскую занятость будет обеспечивать радиозавод «Форманта», первые палатки удостоятся памятника. Причем отдельные элементы в недолгой истории молодого города уже прошли полный цикл от зарождения мечты и до смерти объектов сбывшейся мечты; в случае Качканара так произошло с троллейбусом (1972–1985) и радиозаводом (1976–2001).

Доведенная до предела продуктивность мечты относит ее не в будущее, а в прошлое. И теперь настоящее предстает результатом вчерашней мечты, ставшей реальностью сегодняшнего дня. Смысл послания: «чудесная, бурная» советская жизнь способна к качественному преобразованию, она «вносит свои поправки в мечту, превращает ее в действительность» (*Чазов Н.* Поправка к мечте // Северная звезда (Ивдель). 01.01.41. № 1. С. 2).

Напоминание о сбывшемся важно для педалирования грандиозности свершенного преобразования, еще недавно бывшего мечтой. Этот прием используется и в 30-е, и в 60-е, в центральной и местной прессе. Вносимые жизнью поправки превосходят мечты: краснотурьинцы получили даже не клуб, а Дворец культуры, как следует из газетной подборки, демонстрирующей достижения за период с последних выборов (мы говорили об этой специфической этапности выше):

Еще в период прошлых выборов в Верховный Совет СССР алюминщики мечтали о новом клубе. Сейчас они имеют прекрасный, хорошо оборудованный Дворец культуры (*Логинова А., зав. отд. культуры горсовета.* Расцвет культуры // Заря Урала. 21.02.54. № 23. С. 3).

Демонстрация достижений в привязке к датам идеологического календаря: дню Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября, дню международной солидарности трудящихся 1 мая, в преддверии выборов и т. п. — должна была внушать, что своей продуктивностью все смелые мечты обязаны именно советской власти. В дискурсе молодых городов масштабом становится весь город:

Мечта стала действительностью, город построен, на его верфях создаются мощные корабли (*Долгополов М.* Комсомольск // Известия. 03.04.38. № 78. С. 4).

Чаканар перестал быть мечтой (*Свалов В., сотрудник газеты «Тагильский рабочий»*). Железный поток Урала // Известия. 01.04.63. № 78. С. 1).

Широко раскинулся на берегу Амура город сбывшейся мечты – Комсомольск (*Сатурин А.* Человек-подвиг // Строители трех городов. 1967. С. 93).

Между мечтой, которая еще только адресована в будущее, и уже воплощенной встречается промежуточный вариант. Текст может поместить читателя в момент, когда люди представляют прекрасное будущее в суровых условиях, когда оно кажется очень далеким, чтобы не сказать вообще нереальным. И вот волшебный скачок в сегодняшний день предъявляет сбывшуюся мечту:

И пусть здесь кругом лес, пусть верстак стоит под открытым небом, пусть на работу приходится пробираться по колено в грязи – это все нужно для красивого будущего, которое назовется атомной электростанцией. С того времени прошло четыре года. Стройными архитектурными ансамблями многоэтажных домов раскинулся на месте тайги и болот поселок Заречный (Они были первыми // Ленинская искра. 01.05.60. № 16. С. 1).

Вероятно, в силу того, что бытописатели были слишком захвачены водоворотом настоящего, а газетные полосы предоставляли место либо для ближайших задач, либо для лирических мечтаний, образцов нарративного будущего немного. Преобладание будущего как (сбывшейся) мечты, как уже отмечалось, схлопывает процесс, и мы не видим, сколько раз эта мечта не сбывалась. Свой трамвай краснотурьинцы планировали едва ли не в каждом послевоенном году, прежде чем, наконец, его удалось пустить в 1954 г. И такова история почти каждого объекта – символа воплощенной мечты. При всем стремлении тотально контролировать будущее оно все-таки сопротивлялось, сохраняя суверенность неопределенности.

П р о в о з г л а ш е н и е б у д у щ е г о на манер здравниц – наиболее ожидаемый вариант в парадно-героическом строе дискурса молодых городов:

У Краснотурьинска – большая будущность. Возникнув в годы Великой Отечественной войны, он станет, как детище героических подвигов нашего народа, могучим и красивейшим городом сталинского Урала (*Маркович А., председатель исполкома Краснотурьинского городского Совета депутатов трудящихся.* Младший брат уральских городов // Заря Урала. 01.01.46. № 1. С. 1).

Город еще молодой и ему принадлежит большое будущее. Труженики Красноуральска и впредь будут идти в первых рядах строителей коммунизма (Город сталинской эпохи // Заря Урала. 27.11.49. № 132. С. 1).

Акценты прекрасного будущего возникали в зависимости от идеологической повестки дня. После принятия в 1961 г. программы построения коммунизма и морального кодекса оживилась риторика «нового человека», теперь как строителя коммунизма. Нижнетуринская газета писала в 1962 г. о строителях Качканара: «Они строят будущее. Значит, они должны воспитывать в себе черты людей будущего» (*Михайлов В., рабкор*. Покорители железной целины // Вперед, к коммунизму! 19.01.62. № 8. С. 2). Этот рабкоровский текст вообще хорошо выражает стремление эпохи вернуться к незапятнанным, как казалось, истокам коммунистического строительства. Выдержанный в традициях очерков первых пятилеток, он показывает, как вместе с большими свершениями растут и сами люди. Будто запоздавшая на несколько десятилетий стилистика ценна тем, что в концентрированном, формульном виде являет дискурсивную матрицу: начало – молодые энтузиасты – неузнаваемо изменили суровый уральский пейзаж – преодоление трудностей – строят будущее. Люди будущего в данном случае – это под воздействием коллектива поборовшие свои недостатки («Прогульщик на руднике что дезертир на фронте») горняки, обязательно занятые учебой.

Будущее и сегодня в повестке дня официального дискурса молодых городов. «Качканар – город будущего» – плакат с такой надписью и изображениями счастливой многопоколенной семьи в сопровождении плана-схемы города (рис. 4.8) находится на месте конструкции, ранее призывавшей качканарцев сделать свой город городом высокой культуры (ЦДОСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 732. Л. 8).

Рис. 4.8. Плакат
«Качканар – город будущего»

Формулировка «город будущего» красной нитью проходила в градостроительных дискуссиях рубежа 20–30-х гг. XX в., мелькала она и в газетных текстах, в том числе применительно к Качканару, и вот теперь вернулась, но только в качестве лозунга. Ни у кого из информантов подобного представления не прослеживается, как, впрочем, никто не повел нас к автовокзалу и этому плакату, несмотря на близость данного места к начальной точке доброй половины go-along интервью. Город предстает, как правило, в настоящем времени, с некоторыми вкраплениями прошлого, но без указаний на будущее. Если советский официальный канон приветствовал смелые планы и настаивал на их реалистичности, то сегодняшние прожекты городского развития явно отдают маниловщиной по восприятию горожан. Прежде всего скептических оценок удостоиваются проекты, которые выбиваются из колеи монопрофильного развития (хотя и не стирают ее), – горнолыжный курорт в Качканаре, индустриальный парк в Краснотурьинске. Так, Богословский индустриальный парк, использующий ресурс brown-field БАЗа, в глазах информанта не обладает достаточной привлекательностью для новых резидентов:

Сейчас что-то придумали, площадку промышленную, не облагается налогами в течение какого-то срока. Но у нас ни один из предпринимателей не решит туда заехать с какой-то идеей. ...Невыгодно. Не знают, что здесь производить, чтобы можно было выгодно продавать. Затраты большие на транспорт, и вообще сырье все дорогое (КрМ20).

По распространенному мнению, города, подобные изучаемым, хороши для детей и пенсионеров, людям в активном возрасте по большому счету там делать нечего:

Там хорошо жить с маленькими детьми до 18 лет или на пенсии. А в возрасте вот с 25 до 55–60 там делать нечего (ЛЖ51).

Не планирующая после окончания школы оставаться в Заречном девушка так видит будущее своего города:

Я хочу, чтобы город развивался, чтобы он был чистым, красивым уютным городом. Чтобы можно было приехать сюда и отдохнуть душой. Потому что тут тихо, тут не страшно, допустим, детей отпустить во дворе гулять. Конечно, везде машины есть, но не так, как в Екатеринбурге. Тут в окно посмотрел – все видно, везде знакомые, ребенок под присмотром (ЗЖ18).

Несколько в другом плане, но тоже пригодной для спокойной жизни зоной считает свой город краснотурьинец:

Это такая, знаете, зона, где вот на дне лежать спокойно, никто ничего не знает, нет шумихи такой. Я вот тоже не знаю, планировал либо переезжать куда-нибудь в другой город, копить деньги и потом переезжать сюда, отстраивать огромный коттедж, жить здесь (КрМ20).

Среди молодых распространено стремление уехать в более крупные города, этот шаг признается вполне естественным. Уехавшая из Лесного после окончания школы вслед за старшей сестрой информантка признается: *«У меня никогда не возникало мыслей, сомнений в том, что может как-то так случиться, что я отсюда не уеду» (ЛЖ25).*

Из опыта работы с подростками в летнем лагере информант заключает: *«Возраст 13–14–15 лет... они не видят смысла дальше, дальнейшего (так), дальнейшего проживания в городе Качканар. Приезжать к родителям – да. Но это понятно, наши бабушки, дедушки, они выросли, у них свое хозяйство, сады различные и дома» (КМ19).*

А в отношении тех, кто связывает свое будущее с родным городом и, как правило, градообразующим предприятием, существует мнение как о неудачниках. Аргументация в пользу того, чтобы остаться, у студентки краснотурынского колледжа звучит следующим образом:

Лично я здесь останусь. Этот город все-таки свой родной, я здесь в нем родилась как бы. И я уже все знаю, и город маленький, нигде не заблудишься, ничо. Уже тут и все родные, и близкие. Тем более я не хочу уезжать даже по причине, чтобы родителей не кидать здесь (КрЖ17).

Мрачные прогнозы на будущее встречаются как в стабильном Качканаре: *«город умирает» (КЖ17)*, так и в депрессивном Краснотурынке. Негативные оценки звучат в том числе и у людей с активной позицией и установками локального патриотизма, хорошо интегрированных в жизнь поселения и настроенных там оставаться. В рассказ о достоинствах города вклиниваются «но», поводом к которым служат отмеченные кодом смерти места, о которых заходит речь во время интервью:

Город-то такой живой у нас, но в связи с финансированием таким потихоньку начинает... начинает тухнуть (КрМ34).

После сообщения о «питерском проекте» и красоте города другой краснотурынский информант припечатывает:

Но он [город] умрет. ...Завод, его невыгодно содержать, его просто-напросто закроют теми или иными путями. Там уже, наверно, лет через пять все безработицей будут страдать (КрМ20).

Столь же радикальную оценку 20-летний участник исследования дает и молодому поколению своего города: *«Молодежь просто умирает. Просто генофонд этот, просто весь скушивается и спивается»* (КрМ20).

Наш информант поддерживает проведенную авторами документального сюжета «Моногород на грани нервного срыва» (РИА новости, Москва, 2012) параллель Краснотурыньска с Волчанском: *«там тоже когда-то город гремел, разрез был, потом город как призрак стал»* (КрМ34). Возможность позитивного развития Краснотурыньска один из информантов связывает с дальнейшей разработкой золото-платиновых месторождений:

У нас в округе, даже совсем недалеко от города, есть много карьеров, много мест, скажем так, перспективных мест. Даже вот совсем недавно на Медной шахте, это поселок, тоже нашли месторождение золотое. Разрабатывают пока, делают пробы. Скорее всего, там тоже золото найдут. За счет золота, платины наш город может еще развиваться лет 20–25. Многие поселки, Одинцовский, Чернореченск, они стоят на золоте. Поговаривают даже, что «Золото Среднего [Северного] Урала», эта фирма, которая занимается разработкой месторождений, подобных у нас, говорят, что эта фирма даже желает выкупить земли у жителей, чтобы начать там разработку (КрМ25).

О вероятных последствиях для местных жителей при таком развитии событий молодой человек не говорит. Другие участники исследования также отметили работоспособность этого предприятия, его новизну и масштаб: *«это добытчики приехали новые, это предприятие такое на весь этот северный куст»* (КрЖ67), но без особого энтузиазма:

Еще у нас есть «Золото Северного Урала», сказали, лет 5 еще у нас копают золото, золото есть (КрЖ45).

Говорят, что они очень плохо с экологией работают, т. е. после себя оставляют плохие места. Все это раскапывают, ничего за собой не подбирают (КрЖ67).

Предприятие обеспечивает некоторую занятость, но доходы его идут мимо городской казны: *«Все же куда-то уходит. Городу-то ничего же не остается»* (КрЖ67). И в целом ситуация оказывается несравнимо хуже, чем во времена, когда БАЗ был основным налогоплательщиком. Вообще, настоящее Краснотурыньска с очевидностью проигрывает советскому прошлому: *«здесь, со времен СССР, было очень много предприятий разных. ...Люди были в принципе заняты, обеспечены рабочими местами, по сегодняшним временам»* (КрМ25). Упадок не ограничивается эконо-

микой. Рассказав про недавний случай убийства в пьяной драке, этот же молодой человек подытоживает:

Город был более спокойный, я думаю, даже люди были более культурными... безработица, которая сейчас образуется в городе, она накладывает свой отпечаток на население тоже... экономические проблемы постепенно преобразуются в моральные, и ничего хорошего, к сожалению, не происходит после этого (КрМ25).

Тенденции к некоторому снижению безопасности наблюдаются во всех изучаемых городах, но в Красногуйринске производят тягостное впечатление.

Итак, будущее видится участникам исследования совсем не таким, как его привычно рисовал и отчасти продолжает рисовать официальный дискурс. Молодые города больше не являются прорывными точками роста. И если в новом режиме времени (А. Ассман) будущее в целом вернуло себе высокую неопределенность, то у небольших монопоселений оно неопределенно вдвойне. Короткая история как отличительный признак и даже предмет гордости молодых городов оборачивается коротким будущим. Прошлое ценится, но его культивирование парадоксальным образом приводит к консервации тупикового пути монопрофильности. Реалистичного будущего с принципиально отличными источниками жизнеобеспечения информанты не видят. Коммодифицировать для туристического и иного потребления советское прошлое наши молодые города не научились. В итоге будущее по умолчанию оказывается продленным настоящим, где городское пространство представляет собой резервацию для тихого пребывания и воспитания детей; вся активность вращается вокруг градообразующего предприятия.

Темпоральность: своя шкала времени. Стремительное развитие молодых городов в период зарождения и становления «спрессовывает время», поэтому вполне закономерно образование особого темпорального масштаба. С самого начала советской эпохи молодых городов количественно небольшие промежутки времени знаменовали наступление новых этапов, ускоренно «старая» то, что было еще вчера. То, что еще вчера было глухой деревушкой, сегодня стало крупным городом, а завтра превратится в крупнейший:

«В недавнем прошлом глухая деревушка, Черемхово сегодня – крупный город Восточносибирского края. Во второй пятилетке он вырастет в крупнейший угольно-металлургический центр Восточной Сибири (Новые города социализма. Черемхово (Вост. Сибирь) // Правда. 11.06.32. № 160. С. 3).

«Ускоренное старение» и подчеркнутая этапность создают шкалу, в которой несколько лет, минувших с первых палаток, объявляются «далеким прошлым» и «достоянием истории»⁹⁰ – страница перелистнута.

Такой ускоренный темпоральный порядок всячески приветствовался с первых советских десятилетий. В 1930 г. Горький писал в «Наших достижениях»: «Мне нравится, что этот человек говорит о недавнем прошлом как о старине». Этот эффект вызван непривычностью происходящего, как объясняет писателю его собеседник на строительстве заполярного Хибингорска: «С непривычной ношей десять сажен прошел, а кажется – с версту»⁹¹.

Одно из фундаментальных отличий восприятия перелистнутой страницы в советском миропорядке и современном в том, что тогда скорость и радикальность изменений внушали радость и оптимизм (во всяком случае, доминирующий дискурс наделял их именно этими настроениями); сегодня скорость потеряла актуальность, а вектор резких перемен вызывает противоречивые оценки, с сильной нотой осуждения.

Темпоральный и аффективный режимы идут в одной связке.

«Д р е в н о с т ь» может иметь противоположные по знаку коннотации. Положительный знак выражает ценность старого, когда накопленный капитал прошлого конвертирован в актуальный сегодня престиж. Ожидаемо это проявляется при различении новодела и старых культовых объектов, масштаб молодого города в этих случаях выделяется особенно выпукло:

По меркам молодого нашего Заречного все, что старше 60 лет, – не то чтобы древность, но достопримечательность точно (Мучник А. Церковь, где глаза не гаснут. Самая старинная на территории Заречного // Пятница. Зареченский еженедельник. 13.08.15. № 31. С. 7).

Это вот наш храм новый сейчас строят.

– А старый какой-то есть?

– Да. Он при въезде в город. Там, в лесочке.

– Что-то даже не заметили.

– А его незаметно даже с дороги, он там, в лесу.

– Он какого времени?

– Да мне кажется, с самого начала, потому что там старая церковь.

Ну не такая прям, что совсем старая, но не новая (ЗЖ18).

⁹⁰ Левитский М., управляющий трестом «Качканаррудстрой». Приказ по тресту «Качканаррудстрой», пос. Качканар // На стройке Качканара. 10.01.61. № 1. С. 1.

⁹¹ Горький М. На краю земли // Наши достижения. 1930. № 1. С. 9.

В более прагматическом плане престиж старого общежития обусловлен добротностью «старинной» постройки и доброй репутацией учреждения:

- Наше знаменитое общежитие «Дружба», вот оно.
- Чем оно знаменито?
- Знаменито, не знаю, когда мы сюда приехали... Не знаю, как-то так она, казалось, что здесь ух! Оно такое старинное, у него даже постройка старинная. Старинные штучки (ЛЖ43).

Эта же жительница Лесного показала нам «старинный» магазин, в котором она иногда бывает (рис. 4.9).

Рис. 4.9. «Старинный» магазин в Лесном (фото сделано во время интервью ЛЖ43)

Дважды употребленное слово «старинный» (не старый, а именно старинный) подчеркивает «спрессованную» давность магазина как относительно появления принципиально новых заведений, так и относительно общего масштаба молодого поселения:

Магазин старинный-престаринный, так он «Росинкой» называется... Там даже все расположено по-старинному (ЛЖ43).

И наоборот, негативные коннотации возникают там, где на первый план выходят изношенность и ветхость старого как давно отслужившего свой срок. В таком ключе характеризует жилые дома в «самом первом районе» жительница Качканара:

Там дома уже древнющие. У меня там подружка по счастливой случайности (в кавычках) оказалась. У нее квартира – это, конечно, уже в деревнях вот так вот не живут. ...Есть такие, что там проходишь и проваливаешься (КЖ29).

Таким образом, темпоральный режим своими средствами: игрой с модулями времени, особой шкалой времени – является частью схемы преобразования и работает на дискурсивное обеспечение специфики описываемых городов именно как молодых.

4.3. Конструирование субъектности и аффективный режим «восторг»

Субъект – волеизъявления и собственно преобразований – указывает почти всегда, но как-то походя, зачастую он совершенно теряется в кустистых описаниях свершений. Тем не менее он есть: социализм, народ, партия, строители, молодежь. Рассмотрим подробнее, как конструируется субъектность и как меняются ее носители.

В начале 30-х субъектом у Софьи Виноградской предстает социализм:

Молодой город, молодой народ. ...Город, рожденный социализмом, утвердился новой культурой, новой архитектурой, районным отоплением, кварталом-садом, больничным городком, домом-коммуной, горячей водой (*Виноградская С. Дети социалистических городов // Известия. 16.10.33. № 254. С. 2*).

В годы войны на первый план выходят апелляции к народу, советским людям:

Березники – молодой индустриальный город, созданный волей советских людей в северной уральской тайге в годы сталинских пятилеток (*Вишневская П., зам. председателя исполкома Березниковского горсовета, г. Березники Молотовской области // Известия. 10.06.43. № 135. С. 2*).

Однако по мере усиления идеологического режима после войны на первое место выходит партия, уже не все советские люди, а «большевики»:

Краснотурьинск – «возникший волей большевиков» (*Полисюк М. Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77. С. 3*).

Большевики нашего города покорили тайгу и строят крупный, промышленный культурный центр Северного Урала (Из выступления директора БАЗа Фальского на III городской партконференции в Краснотурьинске 1 марта 1947 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 82. Л. 33об.).

Вождь в качестве исключительного субъекта создания поселения не типичен, хотя, конечно, присутствует во многих риторических фигурах – например, «Сталинский Урал». Скорее это крайность, к которой пришлось

прибегнуть властям Краснотурьинска в 1949 г., отстаивая перед ЦК ВКП(б) отвергнутую Гипроалюминием идею строительства городского трамвая. Тем не менее ключевой датой, к которой приурочивается завершение этого строительства, выбран день рождения Сталина. Этот ориентир фигурирует в письме многократно, тогда как 5-летие самого Краснотурьинска названо всего единожды, вскользь.

С переименованием ВКП(б) в КПСС субъектом становится просто «партия». Так, по утверждению председателя исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся, «быстрый рост советских сел и городов – типичная черта нашего времени. В этом явлении отражается великая созидательная сила советских людей, руководимых Коммунистической партией» (*Захаров И., председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. Самый юный* // УР. 27.02.55. № 49. С. 2). Разумеется, в его статье о замечательном преображении Дегтярки не мог упоминаться вклад военнопленных.

Еще более явственно субъектность партии звучит у секретаря Свердловского обкома КПСС:

Сейчас областная партийная организация, строители и горняки сосредотачивают свои усилия на дальнейшем развитии железорудной базы. ...По решению XX съезда КПСС у исполинской горы Качканар создается мощный горнообогатительный комбинат (*Кириленко А., секретарь Свердловского обкома КПСС. Преображенный край* // Правда. 23.10.1957. № 296. С. 2).

Поселения не упоминаются, преобразование края происходит исключительно за счет строительства рудников, шахт и комбинатов. О появлении нового населенного пункта Качканар центральная печать оповестит спустя месяц в крохотной заметке в ленте под рубрикой «Читатели сообщают» (см.: *Синцов В.* // Известия. 16.11.57. № 272. С. 2).

Примечательно построение фразы, характеризующей субъекта создания города Текели (в 1953 г. «самый юный город Казахстана»). На первый взгляд безусловный субъект – советские люди, ведь говорит же автор: «Советские люди в горах расчистили строительную площадку, провели дорогу, стали возводить жилые дома, прокладывать водопровод, сооружать гидроэлектростанцию; 400 каменных домов построили и заселили». Однако через пару предложений выясняется, кто принимает решения: «В недалеком времени и театр будет. Пока же исполком решил открыть Дом культуры». И сразу далее, как только речь заходит о финансировании, субъект растворяется: «На это ассигновано два миллиона рублей» (*Бирюков В. В горах Ала-Тау* // Известия. 14.04.53. № 88. С. 1).

Вообще роль партии проговаривалась на протяжении всего советского времени, в послесталинский период – просто, без гипертрофии фигуры вождя. Однако на волне «оттепели» в партийно-комсомольской риторике отчетливо выделяется такой субъект, как молодое поколение, посредством историзации на марше уже тогда получившее самоназвание «комсомольцы шестидесятых».

Наше поколение – комсомольцы шестидесятых годов – счастливо тем, что оно не свидетель великих свершений, а активный участник их (*Карнаухов Е., секретарь комитета ВЛКСМ*. Мы – участники великих свершений // На стройке Качканара. 18.04.61. С. 2).

Объектом приложения сил субъекта является возведение предприятия, поселение при этом – одно из средств достижения цели, сопряженное с неизбежными издержками⁹². Тем самым поселения оказываются вдвойне объектными. Их абсолютную вторичность подчеркивает тот факт, что порой они первое время даже не имеют названия, просто «городки», «жилгородки» того или иного строительства.

И более того, поселение может вообще не упоминаться. Так, Качканар в центральной печати на первых порах фигурировал как разработка недр, вспомогательное производство для НТМК. Первые упоминания – 1962 г. В апреле 1963 г. «Известия» большими буквами анонсируют: «Читайте в газете: богатства Качканара». В короткой заметке речь идет об обязательстве досрочно освоить пусковую мощность комплекса:

На ударной стройке большого Урала – Качканарском горно-обогатительном комбинате – началась прокрутка оборудования корпуса среднего и мелко-го дробления. ...Уже в августе выдать конверторам Нижне-Тагильского металлургического комбината имени Ленина 680–700 тысяч тонн железорудного концентрата (*Свалов В., сотрудник газеты «Тагильский рабочий»*). Железный поток Урала // Известия. 01.04.63. № 78. С. 1).

Как видим, о поселении речи не идет.

Наречение как акт субъектности. Выбор названия, наречение, – акт субъектности и субъективации. По крайней мере, из записок знаменитого строителя Комсомольска Ивана Сидоренко получается именно так. Когда летом 1932 г. строители начали писать письма родным, возник вопрос об обратном адресе. «Село Пермское» не годилось на эту роль – и потому, что уже насчитывало 7 тыс. человек, и потому, что располагалось

⁹² О начальном этапе на Урале см., напр.: [Журавлева, 2007].

вдали от стройки. «Товарищи предлагали назвать будущий город “Комсомолкой”, “Комсомольцем”. После долгих споров решили назвать свой город Комсомольском-на-Амуре. Утром решение закрепили, послав ходатайство от 216 бригад о присвоении новому городу родного нам имени...» (Сутурин А. Человек-подвиг // Строители трех городов. 1967. С. 87).

Нередко наречение остается за кадром, перед читателем предстает уже воплощенный результат. И даже не просто воплощенный, но персонализированный – в тех случаях, когда городу присваивается имя человека.

На берегу Байкала раскинулся юный город. Он носит имя народного героя – имя человека, который стоял у колыбели великой партии Ленина–Сталина...

На берегу великого озера, где 35 лет назад был замучен пламенный большевик, ныне вырос город рыбаков и железнодорожников. В огнях молодого города как бы горят сталинские слова: «кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром». Этот город носит имя Бабушкина⁹³ (Тугутов И., Улан-Удэ. Новые материалы об И. В. Бабушкине (от корр. «Правды» по Бурят-Монгольской АССР) // Правда. 01.02.41. № 31. С. 4).

Присвоение новой идентичности способно затмить прежнюю историю. Тогда создается впечатление, что город вырос с нуля, на пустом месте. Сегодня, однако, оказывается важной и та, старая его роль.

Ф и г у р а с т р о и т е л я амбивалентна. Советские города сочлтали мобилизацию рабочей силы на добровольно-романтических началах с принудительным трудом спецпереселенцев, трудармейцев, заключенных. Но и самая искренняя романтика то и дело подкреплялась такими мерами, как введение платы за высшее образование (1940), необходимость для поступления в вузы производственного стажа (конец 50-х) [Прищепа, 2012]. Инициатива созидания на местах сталкивалась с руководством из центра.

Героика и романтика реализовывались в нескольких форматах. На начальном этапе ключевой идеей было строительство нового мира, во время войны – патриотизм, позднее, уже с проблесками индивидуализма, –

⁹³ Возник в 1892 г. как почтовая станция Мысовая, в 1902 г. – г. Мысовск, с 1941 г. – г. Бабушкин (Бабушкин // baikaler.ru [Электронный ресурс]. URL : <http://baikaler.ru/guide/city/babushkin/> (дата обращения: 07.08.2015)). «Один из пяти исторических городов Бурятии. ...Мысовск сыграл важную роль в истории России, находясь на пересечении важнейших для Прибайкалья дорог, связывавших Сибирь с Дальним Востоком и Китаем. Через Мысовую пролегал «Великий чайный путь» в пограничную Кяхту (Бабушкин // Край у Байкала [Электронный ресурс]. URL : <http://edge-baikal.ru/taxonomy/term/21> (дата обращения: 07.08.2015)).

испытание себя, открыто эксплуатирующее/утверждающее конструкцию молодости и взросления. Люди строят новую жизнь для себя. Они хозяева этой жизни. Если в первые десятилетия советской власти такой хозяин легко мог сложить голову, то в период позднего социализма, 70–80-е гг., массово такой исход не грозил, но в то же время отчуждение от результатов труда достигло таких масштабов, что заверения в хозяйском статусе звучали особенно цинично.

Особенно разительно субъект-объектное противоречие в тех случаях, когда строители по завершении работ покидают территорию. Люди живут в землянках и строят не для себя. Так, строители городка нефтеперерабатывающего завода в Гурьеве – выходцы из европейской части страны – возводили его для жителей Средней Азии.

В целом же стремились к тому, чтобы прибывшие на стройку «закреплялись» там. «Парни и девчата ехали на Дальний Восток не на день, не на два, навсегда. Здесь они заводили семьи, пускали глубокие корни на амурских берегах» (*Сатурин А.* Человек-подвиг // Строители трех городов. 1967. С. 87).

Описывая Карпинск как «молодой, растущий город», книга 1953 г. объясняет, почему люди из южных районов остаются на Северном Урале:

Сюда приезжают из южных районов Урала, из Татарии, Кировской области, из Донбасса. Люди, с малолетства привыкшие к своим садам и огородам, хотят и здесь, на севере, видеть зелень, цветы. Правительство помогает им обзавестись собственным домиком с небольшой усадьбой, где можно посадить любимые деревья, сделать цветочные клумбы. И скоро люди, приехавшие сюда, навечно остаются в этих краях (*Владимиров Ю.* Город угля // В нашем краю: Статьи и очерки о Свердловской области. Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 308–309).

В Краснотурьинске, Волчанске, Карпинске трудармейцы Богословлага НКВД в 1946 г. были автоматически переведены в трест «Базстрой» и до 1956 г. не имели права покидать территорию, оставаясь на учете комендатуры. В Качканаре часть оставшихся строителей перешла на работу в ГОК.

По мере решения задач штурмового массового строительства центр тяжести переносился на основное производство. Номинация строителей уходит на задний план. Тем не менее все зачинатели приобрели почетный статус первостроителей, и топонимика напоминает об их когда-то высоком статусе. В Темир-Тау, Казахстанской Магнитке, «там, где проходила едва заметная тропа к озеру», проложен теперь проспект Строителей, сообщали в 1960 г. «Известия» (*Турмагомбетов У., мастер производственного обучения.* Нет, не мираж // Известия. 23.08.60. № 201. С. 4). В наших

молодых городах есть или были клубы, ДК и стадионы под названием «Строитель». Ну а Третья улица строителей из бессмертной комедии Рызанова с 1976 г. вошла в повседневный фольклор.

Официальный дискурс героизирует и романтизирует строителей. Это «парни и девчата», «простые и скромные труженики», творцы, новаторы и герои. Следующая выдержка из краснотурьинской газеты 1956 г. активно связывает их деятельность с новизной:

Шагая в этот новогодний день по улицам города, любуясь его новострой-ками, невольно думаешь о творцах новой жизни, о простых и скромных тру-
жениках, нашем советском человеке. В памяти всплывают имена передовиков
производства, новаторов, героев наших будней (К новым свершениям // Заря
Урала. 01.01.56. № 1. С. 2–3).

И до и после XX съезда важно было подчеркнуть свободное стремление людей к строительству нового, каков бы ни был при этом объем принудительного труда: «И вот сюда, в таежную глушь Северного Урала, суровой военной зимой 1941–1942 годов пришли первые строители, чтобы на месте небольшой северной деревушки основать новый город» (*Шува-лов Е. Л.* Краснотурьинск, Карпинск, Североуральск, Волчанск. Свердловск : Свердлов. кн. изд-во, 1957. С. 118).

С в о б о д н ы е л ю д и как первостроители Качканара – отдельный предмет для гордости, как подчеркивается историком, руководителем Качканарского городского архива М. Титовцом⁹⁴.

Существует расхожий миф, что в советскую эпоху города строились исключительно заключенными. И к Качканару часто пытаются прилепить эту нелепицу. Так вот, слушайте, товарищи потомки: Качканар строили свободные люди. Свободные! И это предмет нашей законной гордости. Качканар – во всех смыслах детище 20 съезда КПСС и потому, что в его директивах говорилось о строительстве Качканарского ГОКа, и потому, что очистительный ветер «оттепели» сделал невозможным использование подневольного труда на стройке Качканара (*Титовец М., историк* (записала Р. Васильева). Качканар – территория жизни (Областная газета, 12.11.11) // Уральская библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://urbibl.ru/Stat/Goroda_sela/kachkanar-terrotoria-zizni.html (дата обращения: 07.08.2015)).

⁹⁴ См.: Качканарец – деятельная натура. Михаил Титовец. Интервью: Иван Феофанов, текст: Елена Ходырева // Качканарский четверг. 03.06.11 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kchetverg.ru/2011/06/03/kachkanarec-deyatelnaya-natura/> (дата обращения: 18.08.2015).

С XX съезда начинаются воспоминания одного из первых комсомольских лидеров, помещенных в газете «Руда» к 50-летию Качканара, но съезд упоминается как инстанция, принявшая решение о строительстве горно-обогатительного комбината, без намека на «оттепель», если не считать таковым указание на добровольность:

Комсомольцы и молодежь ехали по доброй воле, по зову сердца, по комсомольским путевкам, с насиженных теплых мест в неуют (*Иванов Н.* Город юности – Качканар // Руда. 10.06.05. С. 14).

В 2005 г., однако, вряд ли нужна была такая иносказательность. Верно скорее другое: первостроитель Иванов, как и многие люди его поколения, отстаивает доброе имя своей эпохи. В другой публикации он относит себя к тыловикам, которым довелось участвовать в трагической и величественной эпопее послевоенного восстановления, о ГОКе там говорится опять безотносительно «оттепели»⁹⁵.

Таким образом, несмотря на отдельные упоминания нашумевшего съезда в местной прессе, тот факт, что новый город – детище «оттепели», в целом не характерен для дискурса города юности и значим, похоже, только для таких специалистов, как М. Титовец. Более детально рассмотренный исторический контекст второй половины 50-х показывает условность артикулируемой им свободы строителей Качканара. Известная половинчатость «оттепели» обнаружила себя уже к концу 1956 г. Наиболее известны зарубежные демарши (подавление выступлений в Венгрии, события в Польше и Югославии, подавление венгерского восстания). Наряду с ними были, конечно, и внутренние события, более существенные для нашего анализа, из них назовем следующие.

• Закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». В Свердловской области оно было разослано всем горкомам и райкомам партии 26 декабря 1956 г., а с 3 января 1957 г. начались его обсуждения⁹⁶. Призванное остудить выходящий из-под контроля «оттепельный» порыв к свободам, это письмо содержало,

⁹⁵ См.: Николай Иванович Иванов, первостроитель Качканара: «Мы умели ценить жизнь» // Качканарский четверг. 15.12.2009 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kchetverg.ru/2009/12/15/nikolaj-ivanovich-ivanov-pervostroitel-kachkanara-my-umeli-cenit-zhizn/> (дата обращения: 18.08.2015).

⁹⁶ См.: Информация Свердловского ОК КПСС об обсуждении письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы...», направленная в ЦК КПСС 05.01.57 г. // ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 1.

в частности, сюжет про молодежь. Точнее, о «нездоровых настроениях» и «неправильных взглядах» «некоторой части студенчества» вузов «Москвы, Свердловска, Каунаса, Таллина и некоторых других городов». В качестве конкретного примера документ ЦК приводит инцидент на комсомольской конференции в свердловском политехе. Там один из студентов выступил «с провокационной, враждебной речью, направленной против советского общества, против политики партии и правительства», его поддержала «группа демагогов», а партийные руководители не дали решительного отпора.

Дабы ликвидировать столь вопиющую запущенность политической работы, письмо призывает воспитывать молодежь «на революционных традициях рабочего класса, на героике сегодняшнего дня». Одним из результатов обсуждения документа в парторганизациях Свердловской области стал вывод о том, что возникновению нездоровых настроений способствует социальный состав студентов, среди которых мало рабочей молодежи⁹⁷. Следовательно, необходимо изменить правила приема в вузы, что и было начато в 1957 г.

- В сентябре 1957 г. разворачивается широкое обсуждение проекта закона против антиобщественных элементов (печально известный закон о тунеядстве), в котором также звучат мотивы о молодежи: необходимо способствовать трудоустройству выпускников школ и вузов, обратить внимание на несовершеннолетних⁹⁸.

- Тогда же, в сентябре 1957 г., «Правда» публикует записку Хрущева о реформе образования, ноябрьский 1958 г. пленум ЦК КПСС на ее основе формулирует тезисы об укреплении связи школы с жизнью, 24 декабря 1958 г. принят Закон РСФСР «Об укреплении связи с жизнью о дальнейшем развитии системы народного образования СССР».

⁹⁷ «...В 1956 году из 2116 чел., принятых на первый курс политехнического института, был только один колхозник и 193 рабочих. Со школьной скамьи принято 1835 человек, в то же время не были приняты по баллам 303 рабочих непосредственно с производства» (Информация Свердловского ОК КПСС об обсуждении Письма ЦК КПСС «Об усилении политической работы...», направленная в ЦК КПСС 17.01.57 г. // ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 122. Л. 12). См. также: *Прищепа А. И.* О причинах школьной реформы 1958 г. // Вестн. Нижневартон. гос. гуманитар. ун-та. 2012. № 4. С. 58–62.

⁹⁸ См.: Информации ГК, РК КПСС в Свердловский обком КПСС по обсуждению проекта закона «Об усилении борьбы с антиобщественными и паразитическими элементами» 29 августа – 12 ноября 1957 г. // ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 148. Л. 10, 17, 18, 19. Указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» был принят в 1961 г.

Вся эта бюрократическая активность разворачивается вокруг необходимости направить в «мирное» русло потенциал молодежи, выходящий из-под контроля на волне «оттепели». Необходимые для поступления в вузы два года трудового стажа, предписание производственникам брать на работу вчерашних школьников, наконец, возможность удалить молодежь из больших городов на далекие новостройки – все это стало прагматической подоплекой комсомольскихстроек 50–60-х гг.

В установках 50–60-х гг. можно проследить и некоторые следы революционных идей начального советского периода. Хрущевские школы-интернаты, реализующие, как пишут, раннесоветские устремления генсека, призваны были без помех воспитывать новых людей, изымая детей из мешанского домашнего болота [Пыжиков, 2004].

Реализовывались установки в таких явлениях, как решение выпускников школы поехать всем классом на строительство в Качканар. Такой показательный материал поместила Свердловская областная молодежная газета в 1958 г., год спустя после начала работ на Качканаре, когда там еще практически не было инфраструктуры жизнеобеспечения. Напутствие верхнесалдинским школьникам, можно сказать, дословно воспроизводит «начинку» вышеперечисленных реформаторских усилий:

Поработаете два-три года, глубже узнаете жизнь, поступите учиться. Вот тогда-то из вас выйдет настоящий педагог, инженер, строитель (*Макеева М.* Класс едет в Качканар // На смену! 07.06.58. № 111. С. 2).

Можно предположить самые разные реакции на подобный десант школьников, включая и негативные, ведь руководители работ предпочитали иметь дело с опытными строителями, во всяком случае, с самостоятельными людьми. Да и среди родителей школьников, должно быть, не все были в восторге, но господствующий аффективный режим не допускал таких чувств в официальный дискурс. Упомянутая статья дает место материнской тревоге, но кодирует ее в исключительно мобилизационном духе: мама девочки сетует, что ее дочь боится трудностей, и просит коллектив помочь изжить этот недостаток.

Так или иначе, в 60-е на роль субъекта активно примеряется фигура строителя:

Растет наш поселок Заречный. На месте высоких сосен и берез волей строителей встают все новые и новые жилые дома (Около 6000 квадратных метров // Ленинская искра. 01.07.61. № 14. С. 1).

Ставка на свободную субъектность, свой собственный порыв является продолжением добровольной составляющей мобилизации первых десятилетий советского общества.

Ж и т е л и г о р о д а могут выступать как субъекты со своими желаниями и активностью, особенно если такая субъектность работает на мобилизацию, в данном случае бесплатных работ по благоустройству:

Строители, горняки, домохозяйки – все краснотурьинцы – большие патриоты своего города. Они хотят его видеть чистым, благоустроенным, добиваются, чтобы Краснотурьинск занял первенство в соревновании с городом Карпинском (Благоустройство Краснотурьинска (по телефону) // УР. 15.10.46. № 242. С. 2).

Тем не менее часто встречается и описание населения как объекта, как получателя неких благ.

Когда «сквозь толщу Пакеральской горы будет пробит тоннель – доступ к роднику Хариствали <...> отсюда население Тквибули получит воду (Юный город горняков. Тбилиси, 11 февр. (по телеф. от соб. корр.) // Известия. 12.02.40. № 35. С. 4).

Только за один прошлый год его население получило восемь тысяч квадратных метров новой жилой площади (*Карпович М., соб. корр. «Известий»*. В молодом городе // Известия. 17.02.55. № 40. С. 1 (о Кировске)).

Идентичность и горожан, и самих новых городов формируется по производственному признаку: город горняков, шахтеров, угольщиков, энергетиков, металлургов и т. п.:

В двадцати пяти километрах от Караганды создается новый город угля – Сарань, самый юный город в стране. ...Темир-Тау – город энергетиков, химиков и металлургов. В нем уже насчитывается несколько больших промышленных предприятий (Вокруг Караганды // Известия. 03.08.47. № 131. С. 3).

В этих сообщениях мы не найдем упоминаний ни о спецпереселенцах, ни о вытолкнутых из своих аулов коллективизацией казахских семьях, о чем сообщает сегодня официальный сайт Сарани⁹⁹. В городе горняков, вполне закономерно, живут горняки и их семьи, дети, которые автоматически присоединяются к горняцкой идентичности:

⁹⁹ См.: Исторические справки о городе Сарань : сайт города Сарань. URL: <http://saran.ru/istoria.htm> (дата обращения: 20.02.2015).

В его [города горняков Сарани] многочисленных одноэтажных домах, в кварталах двух- и четырехквартирных домов живут уже тысячи горняков. В городе сооружены здания первых детских яслей и детского сада, с осени открывается первая в городе школа-десятилетка (Известия. 03.08.47. С. 3).

Внутри города такая идентичность подкрепляется ведомственной принадлежностью и многих других учреждений соцкультбыта, которая намертво вращается в топонимику: клуб строителей, ДК металлургов и т. п. Тем самым закладывался фундамент неравенства между работниками градообразующего предприятия и остальными жителями моногорода, ну и в целом нагромождался динамит под всю последующую жизнь таких поселений. Другой известный способ формирования идентичности города – через присвоение имени – в 30-е гг. выглядит жутковато, когда город взаимодействует со своим имядавцем:

Трудающиеся Молотовска, откликаясь на речь того, чье имя носит их юный город, повышают темпы строительных работ (Честно на своем посту. Архангельск, 23 сентября (по телегр. от соб. корр.) // Известия. 24.09.39. № 222. С. 3).

Описание г о р о д а как субъекта вносит свой вклад в романтизацию, показывая, как поселение растет, шагает и т. п.:

Здесь, в глуши, вырос новый социалистический город (*Норкин П.* Уральский город юности // На смену! 30.11.49. № 66. С. 1 (о Краснотурьинске)).

– Вон куда шагнул наш город – к самому Караталу, – залюбовался Саушкин. – Живет, раздвигает границы наш Текели (*Бирюков В., соб. корр. «Известий», г. Текели Талды-Курганской области.* В горах Ала-Тау // Известия. 14.04.53. № 88. С. 1).

Юный город растет и благоустраивается (*Карнович М.* В молодом городе // Известия. 17.02.55. № 40. С. 1).

Вместе с тем город фигурирует и как объект, подобно горожанам, «получающий» некие блага:

Юный город, насчитывающий сейчас свыше 100 тыс. жителей, становится одним из индустриальных центров советского Дальнего Востока. ...Город получит в этом году 55 тысяч метров жилой площади. Будут застроены... Начнется сооружение... Будут построены... (Комсомольск-на-Амуре. 28 апр. (ТАСС) // Известия. 29.04.39. № 100. С. 3).

Самый юный горняцкий город Тквибули получит четыре новых проспекта, застроенных многоэтажными каменными домами, Дворец культуры, несколько новых школ, лечебный комбинат (Юный город горняков. Тбилиси, 11 февр. (по телеф. от соб. корр.) // Известия. 12.02.40. № 35. С. 4).

Наиболее универсальным наименованием в советском дискурсе оставались «трудящиеся»; выделение из них рабочих, рабочего класса в большей степени характерно для начального советского периода, когда дискурс молодых городов только набирал силу. Сегодня актуальный дискурс использует номинацию «работники» с вариациями в зависимости от специфики предприятия. В Качканаре применительно к работникам комбината мы слышали наименование «комбинатовские», «гоковские»; в Лесном внутри градообразующего предприятия существует деление на «гражданку», т. е. занятых производством гражданской продукции, и работающих на «военной продукции» и т. д.

Интервью рисуют работников градообразующего предприятия не субъектами каких-либо преобразований, а получателями привилегий. Работавшие на предприятии информанты говорят о бонусах с удовлетворением, как о достоинствах своего положения, другие – с намеком или явным акцентом на существующее неравенство, нередко принижая общий уровень работников основного предприятия. Субъектность тем самым проявляется в способности сохранить свои привилегии и добиться новых.

Новый игрок, крупный бизнес, приобретший права на градообразующие предприятия, вынужденно предпринимает некоторые шаги в зоне социальной ответственности (несравнимые с тотальным патронажем советского времени). Решения владельцев предприятий могут идти вразрез с интересами города, как это и происходит во всех кризисных моногородах.

Когда-то на заводе работало 14 с половиной тысяч человек. Когда пришел РусАЛ, за первые два года они откинули все, потому что заводу принадлежали и дома отдыха, стройбаза, как бы строили дома, и вот этот ЖБИК принадлежал. ...Все, алюминиевого производства в Краснотурьинске нет! (КрМ34).

Средний и малый бизнес, представленный небольшими предприятиями, озабочен перспективами своего выживания. Информанты жаловались на засилье торговых сетей, в то время как местные магазины, созданные самими жителями, продающие часто продукты собственного производства, обречены на вымирание. Среди информантов были представители малого бизнеса, занимающие активную позицию по вопросам развития родного города, но они очень скромно оценивают свои возможности. Один из информантов – бизнесмен из Краснотурьинска – участвовал в известной голодовке, чтобы сохранить алюминиевое производство.

– Вы же ушли с завода и все равно в голодовке участвовали?
– Но ведь я патриот, я никуда из этого города не собираюсь. Как некоторые говорят: надо ехать в Екатеринбург, я говорю: кто тебя там ждет, в Екатеринбурге? Он же не резиновый. Купи-продай тоже как-то... Но я потому говорю, у меня друзья там до сих пор работают, отец там до сих пор работает. Я прекрасно понимаю всю серьезность этого (КрМ34).

«Размытость» современной субъектности связана со сменой символики: не рабочие, и даже не трудящиеся, а просто наемные работники. Горожане часто используют притяжательные местоимения в рассказах о городе, его предприятиях. Сегодня, однако, выражение «наш комбинат» удивительно сочетается со словом «собственники», которые закрыли смотровую площадку (на Качканарский карьер), у жителей города нет возможности увидеть любимый пейзаж.

Аффективный режим «восторг». Аффективный поворот в социальных науках внес в повестку дня изучение чувств и эмоций, наработанные за пару последних десятилетий идеи продемонстрировали эвристическую силу данного подхода.

Более общим понятием для темпорального и аффективного режимов является социальный порядок. По М. Веберу, порядок – это такое содержание социальных отношений, «когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо измеряемые максимы». При этом наиболее устойчив порядок, «обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образцы поведения» [Вебер, 1990].

Аффективный режим – это социальный порядок чувств и эмоций; системность и социальность – то, что роднит данное понятие с «эмоциональным режимом» Уильяма Редди, «политикой эмоций» Сары Ахмед [Ahmed, 2004]. В обществе всегда присутствуют разные комплексы чувств, можно говорить об их разных порядках или о многослойности социального порядка. Словом «режим» мы хотим подчеркнуть роль господствующих представлений, циркулирующих в официальном дискурсе. Нормативные чувства концентрируются в официальных ритуалах, которые их выражают и внедряют [Reddy, 2001 : 129].

Л. Абу-Лагольд и К. Лутц [Lutz, Abu-Lughod, 1990] (цит. по: [Reddy, 2001])¹⁰⁰ распространили фуколдианское понимание дискурса на объяснение социальной конструкции эмоций. Актуальны для нашего анализа идеи Майкла Фридена о том, что эмоции участвуют в морфологической аранжировке дискурса, аргумента или идеологии. Они содействуют в создании шкал,

¹⁰⁰ Об аффективном режиме см. также: [Веселкова, 2013].

которые отдают приоритет одним социальным целям перед другими [Freeden, 2013 : 4]¹⁰¹. На наш взгляд, для понимания дискурса молодых городов очень важно разобраться с тем, какие чувства формировали изучаемую эпопею и как они связаны с актуальными смыслами этих поселений в их местах памяти.

Сегодня новые города, те самые, что когда-то не сходили со страниц газет, называют местами остывшего энтузиазма¹⁰². Каким же он был горячим? Ответ дает анализ аффективного режима. Романтика, героика, энтузиазм – вот ось аффективного режима. Он зиждется и питал собой «повышенную витальную активность культуры», в терминах В. Паперного [Паперный, 2011 : 168].

Романтизм, как показывает история этого европейского течения, суть послесловие, шлейф минувшей революции. Русская революция не стала исключением; вопрос в том, как циркулировали романтические настроения, в какие практики включались и какие движения питали своей энергетикой.

Романтизация и энтузиазм. «Городу нынче уже тридцать пять лет, но в памяти людей, приехавших сюда в 32-м и 34-м, свежи воспоминания и о “ледовом канале”, и о походе за “бревном обороны”, и о пуске лесозавода – вся романтика стройки и жизни тех лет» (*Беспомощнов А.* Молодость продолжается // Строители трех городов. Хабаровск : Хабаров. кн. изд-во, 1967. С. 21).

Романтизация поглощает неромантическое (мобилизация, военная дисциплина): фразу «комсомольцы, прибывшие на строительство по мобилизации ЦК ВЛКСМ»¹⁰³ встретишь только в документах. Облагороженная формулировка рисует: «Откликнувшись на призыв своего ЦК, тысячи комсомольцев из промышленных центров двинулись на Восток строить “форпост социализма на Тихом океане”» (*Бейслихем Я.* Было поручено комсомолу... (Заметки первостроителя) // Строители трех городов. С. 23).

¹⁰¹ Развивая теорию идеологической морфологии, английский профессор политической теории М. Фриден исследует жизнь понятий, в которой эмоциям отводится вспомогательная роль. В нашем анализе, напротив, предписываемые аффективным режимом чувства рассматриваются как самостоятельные «игроки».

¹⁰² См.: *Пилипенко И.* (текст и фото). Место остывшего энтузиазма. Несколько зимних дней в городе Сокол // Невидимые города [Электронный ресурс]. URL: <http://monogoroda.com/mesto-osty-vshego-e-ntuziazma/> (дата обращения: 04.08.2015).

¹⁰³ Письмо группы комсомольцев строительства завода «Амурсталь» от 14 декабря 1939 г. (Ф. Славинский, В. Фидирко, А. Архипов, Н. Бурлимов, Л. Губский, В. Деменина) (см.: Закрепляемся на стройке // Строители трех городов. С. 68).

10 лет тому назад, в 1932 году, первые строители города Комсомольска, мобилизованные комсомольцы и члены КП(б) приехали в село Пермское строить город и заводы (*Барский А., управляющий трестом № 36*. За добросовестную работу: Из приказа по Госстроймонтажтресту № 36 15 июня 1942 год // Строители трех городов. С. 133).

Мобилизация – это экстренный сбор ресурсов. Человеческих. То есть быстрое привлечение и концентрация людей, режим крайнего напряжения сил. Источник, первоначальная инициатива, находится вне мобилизуемых, поэтому всегда присутствует некоторый элемент принудительности. Он очень весом и явствен в силовых ведомствах: призыв в (труд)армию осуществляется в приказном порядке, при жесткой дисциплине. Повестка, присяга или клятва ритуально закрепляют переход из свободного, немобилизованного состояния в статус принятых обязательств. Но даже и в этом случае предполагается элемент добровольности.

Тем не менее цели, ради которых осуществляются мобилизации, достигаются намного эффективнее при добровольном действии. Как добиться добровольности? Развитие сознательности, ведущее к рационально продуманному и хорошо взвешенному решению, – долгий путь. Перевод внешнего принуждения во внутренний план, по Элиасу, в данном случае происходит через феномен долга. Долг предполагает систему коммуникации, обмена между субъектами. Строители, работники субъектно сами берут на себя обязательства, дают клятву и затем борются и выполняют. Бросают вызов друг другу, подают и подхватывают почин. Включенные в создаваемые таким образом сети приобретают новые идентичности – как чтимые до сих пор строители-первопроходцы, достопамятные стахановцы, подзабытые хетагуровки¹⁰⁴.

Более быстрый способ добиться добровольности – ставка на энтузиазм, массовое заражение. И это работало:

Нет ничего патетичнее и героичнее! Безграничные поля новых совхозов (организованных в этом году). Грандиозные строящиеся заводы. Я проезжал по местам, где три года назад не было ничего, кроме бескрайних равнин, а теперь

¹⁰⁴ Хетагуровки – последовательницы Валентины Хетагуровой (Зарубиной). После публикации письма В. Хетагуровой в «Комсомольской правде» в 1937 г. тысячи девушек направились на дальневосточные стройки. Эпизод с написанием письма-призыва есть в х/ф С. Герасимова «Комсомольск» (1938). Хетагуровское движение можно рассматривать как локальное, регионального масштаба, место памяти со всеми его атрибутами, включая сохраняющийся аффективный режим восторга (см., напр.: *Кривченко Л.* Хетагуровки, или Дальневосточницы – это звучит гордо // Словесница Искусств. 2013. № 1 (31). С. 33–37 [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovoart.ru/sites/default/files/images/pdf/SI_31.pdf (дата обращения: 12.08.2015)).

там воздвигаются громадные фабрики (наполовину законченные). Еще не покрывшись крышей, заводы начинают работать – это потрясающе! Это почти не поддается описанию... Перед тобой встает во всей реальности то, о чем говорят, пропагандируют, пишут, и оно оказывается гораздо грандиознее, чем немного идеализированные «воздушные замки», в которые всегда превращается даже самая искренняя проповедь! Дыхание перехватывает! Величественное будущее! (Из письма С. Эйзенштейна Л. Муссинаку, 1929) (цит. по: [Казусь, 2009]).

Пафос и внутренняя энергетика, как пишет Е. Омельченко [Омельченко, 2004: 27]¹⁰⁵, составляли важную часть формировавшегося в советском обществе социального конструкта молодёжности. Юность, молодость активно перерабатываются в романтику, служат топливом для поддержания огня мобилизации работников, побуждающего их трудиться в отсуствии условий. Так было и в условиях разрухи 20–30-х, и в военные 40-е, и в мирные 50–60-е, вплоть до конца советского периода в 80-е. Коммеморативные тексты, особенно в скупом газетном жанре, обнажают все эти смысловые узлы. В посвященной десятилетию коммунистических субботников здравнице «Уральский рабочий» откровенно «проговаривается» о «заражающей» природе энтузиазма и его назначении – преодолевать трудности:

Трудовой энтузиазм тысяч должен заразить миллионы и воодушевить их в преодолении трудностей социалистического роста нашей страны (УР. 09.05.29. № 103. С. 1).

А к 25-летию Комсомольска-на-Амуре свердловская областная молодёжная газета писала о посланцах молодёжи советской страны, среди которых был

веселый хлопец с Украины Василий Хаврюта. Ему пришлось вместе со всеми делать первые просеки в дремучей тайге. Единственными орудиями комсомольцев были топоры, пилы, веревки (Темников Ю. Так рос город юности. Снимки И. Панина и Комсомольского-на-Амуре краеведческого музея // На смену! 1957. 9 июня. № 69. С. 3).

Настроение веселое, они – первые, противостоят дремучей тайге. Чем? Заметка романтизирует тот факт, что единственными орудиями были топоры, пилы, веревки. Особая жизненная актуальность данной схемы

¹⁰⁵ См.: Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск : Симбир. кн., 2004. С. 27.

романтизации трудностей состоит в том, что в это самое время, в 1957 г., и с той же самой оснащенностью, что и четверть века назад, прорубалась просека к будущему городу Качканару.

Если для самых первых советских новых городов – Магнитогорска, Красноуральска – молодежность не артикулировалась, в случае Комсомольска-на-Амуре зазвучала спустя несколько лет, то Качканар начинает ее использовать уже через несколько месяцев от начала работ. Можно назвать точную дату – ровно через 5 месяцев, 27 октября 1957 г. В этот день нижнетуринская городская газета посвящает «трудовым будням строителей Качканарского комбината» двухстраничный разворот. Именно там «застолбили» дату начала строительства, которая впоследствии стала отмечаться как День города, – 27 мая 1957 г. И именно в этом развороте, подготовленном сотрудником редакции К. Осиевым, который последовательно освещал качканарскую тему, и секретарем комсомольской организации Качканаррудстроя И. Машкиным, впервые была заявлена и молодежность стройки:

Многие с нетерпением ожидали начала работ на строительстве Качканарского горно-обогатительного комбината. Но, пожалуй, никто так нетерпеливо не ожидал этого, как молодежь, комсомольцы. Испробовать свои молодые силы на большой стройке было заветной мечтой многих юношей и девушек (В первых рядах – молодежь // Вперед, к коммунизму! 27.10.57. № 128. С. 2).

В небольшой заметке представлен едва ли не весь набор аскриптивных признаков молодежности. Помимо нетерпеливости в стремлении к заветной мечте здесь артикулированы задор и энергия, готовность преодолевать трудности, стремление к первенству:

Первые удары топора в окрестных лесах Качканара были сделаны не без участия молодежи. Эти удары раздавались вместе с песнями и шутками – обязательными спутниками тех, кто молод, полон задора и энергии.

Трудности не испугали молодежь. ...Молодежь никогда не плелась в хвосте – она всюду впереди (В первых рядах – молодежь // Вперед, к коммунизму! 27.10.57. № 128. С. 2).

Молодежи как социальной группе и юности как этапу жизненного пути настойчиво приписывается и внушается ж а ж д а п о д в и г а. В 1958 г. журнал «Смена» зовет молодежь в Сибирь словами песни на обложке: «Здесь любому дел немало: Юность строит города, / Коль не видел ты Байкала, / Что же видел ты тогда?! / Юность вечно с бурей в братстве, / Все пути открыты ей, / и растет плотина в Братске, / Взят в работу Енисей (Приезжайте к нам в Сибирь! // Смена. 1958. Сент. № 18). И продолжает на следующей странице:

В молодой душе особенно ярко горит жажда подвига. Сейчас подвиги совершаются там, на просторах Сибири, в битве за покорение ее природы. ...Сибирь – страна романтики, и недаром говорится: «Кто хоть раз побывал в Сибири, тот всю жизнь останется молодым».

Как видим, признанные «вечной» сущностью юности «буря и натиск» прекрасно конвертируются в трудовой энтузиазм. Журнал ЦК ВЛКСМ «Смена» подсказывает координаты, где именно молодежь может утолить свою жажду подвига.

При этом сибирская эпопея, похоже, оттеснила на второй план уральский Качканар, в 1958 г. (в апреле, на 13-м съезде ВЛКСМ) тоже объявленный всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

В детских впечатлениях одного из наших информантов сохранилось ощущение кипучей жизни Качканара середины 60-х: *«Даже я помню, хоть маленький был, здесь настолько это все кипело»* (КМ59). Это ощущение достигнет кульминации уже в его взрослые годы, применительно к построенному позднее в Качканаре радиозаводу как воплощению научно-технического и социального прогресса, синонимичного молодёжности:

Радиозавод – это было вообще. Насолько было современное это предприятие, просто оно гремело повсюду! То есть там одна молодежь работала только, возраст до 30, допустим, до 40, все кипело просто это предприятие, 5 тысяч работающих, это вообще было (КМ59).

В конце 50-х уральский поэт Борис Марьев написал замечательное стихотворение про «тринадцатилетний уральский город» «красавец-Краснотурьинск»¹⁰⁶. Упомянутую там «романтику будней» в 1974 г. городская газета возьмет в заголовок статьи к 30-летию города (*Григорьев К., рабкор*. Романтика грандиозных будней // Заря Урала. 23.11.74. № 140. С. 1–2).

Энтузиазм, красной линией проходящий через дискурс молодых городов, в концентрированном виде представлен в таких прецедентных текстах довоенного периода, как «Марш энтузиастов»:

¹⁰⁶ Ель да сосна – устают глаза... / И вдруг – сквознячок побежал за ворот: Солнце! Равнина. Времянка-вокзал. / И, как домино, – рассыпается город. На взгорье заводиче. Исполин! / Хмелея от ветра, дышу всей грудью: Так вот он, красавец-Краснотурьинск! / ...Золото, медь, алюминий... Люди! Огромные здания. Дворцы. Асфальт. / Да новых цехов каркасная сталь... А там, где действительно над холмами / Чернеет тайга сквозь вечерний воздух, – Высоко над рудничными копрами / Пылают почетные красные звезды. Романтика будней. Тут ни к чему речи, – / Столько богатства кругом и просторов! Ого! Он еще расправляет плечи, / Тринадцатилетний / Уральский город.

В буднях великих строек, / В веселом грохоте, в огнях и звонах (И. Дунаевский, А. Д'Актиль, х/ф «Светлый путь», 1940).

Еще одна песенная ассоциация – «Кипучая, могучая» («Утро красит нежным светом...», Д. и Д. Покрассы, В. Лебедев-Кумач, 1936). Это не просто совпадение слов, – в них квинтэссенция победного энтузиазма строек¹⁰⁷.

В реконструктивный период и в годы войны то же состояние в официальном дискурсе именовалось «напряжением всех сил», а в случае неудач при «штурме тайги» на начальном этапе строительства того же Качканара, в конце 50-х, – просто напряжением. Именно такого состояния – напряжения и подъема – не хватало, по мнению журналиста, на строительстве железнодорожной ветки до Качканара: «Скучно живет в эти дни колонна № 72. Не чувствуется здесь напряжения и подъема» (Галунин Н. Неудачный визит (письма с трассы) // Вперед, к коммунизму! 14.06.57. № 70. С. 3–4). В той же лексике зимой 1957 г. газета будет критиковать «большие трудности с жильем»:

Не создано напряжения в работе и сейчас. По-прежнему рабочие простаивают из-за плохого обеспечения материалами, инструментом. Вместо того чтобы призвать людей к самоотверженному труду, организовать среди них боевое соревнование, руководители строительного участка своей грубостью, безразличием к недостаткам отбивают желание работать, подавляют всякую инициативу (Быстрее строить жилье на Качканаре (передовая) // Вперед, к коммунизму! 18.12.57. № 147. С. 1).

Таким образом, «напряжение в работе» подразумевает самоотверженность и боевитость, желание и инициативу, идет в паре с подъемом и перспективой и противостоит простоям.

Автогаражи не имеют дневных планов работы, велики простои и порожние пробеги машин. Инженерно-технические работники и рабочие треста не знают сроки ввода объектов в эксплуатацию, работают без перспективы и напряжения, вследствие чего графики строительства и ввода объектов и жилья дома сдаются без благоустройства, а многие и без пароотопления (Протокол № 17 заседания бюро Нижне-Туринского горкома КПСС 23 июня 1958 г. С. 12 // ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 104. Л. 256).

В подобных коммеморативных мантрах старшее поколение закрепляет смысл и ценности собственных достижений/лишений. Молодежность как романтика преодоления трудностей и причастность к большому актив-

¹⁰⁷ Анализ темпоральности советских песен о времени см.: [Ганжа, 2013, 2014].

но использовалась в освоении целины. Насколько наезжены были колеи официального дискурса, можно убедиться даже по одной выдержке из центральной прессы:

Целина! Кого из молодежи не волнует героическая романтика покорения, преобразования необозримых степных просторов! (*Ходоровский В., бригадир совхоза «Железнодорожный», Кустанайская область. В краю поднятой целины // Правда. 29.06.58. № 180. С. 3).*

Приводные ремни идейных и аффективных стимулов – покорение и преобразование, героика и романтика, повышенные обороты волнения, огромные масштабы – одни и те же в длительной эпопее новых городов и в относительно коротком целинном проекте.

Вместе с тем целина действительно гремела на всю страну, а возводимые в тот же период Заречный и Качканар, хотя и объявленные всесоюзными комсомольскими стройками (БАЭС в Заречном в августе 1955-го, Качканар в апреле 1958 г.), по большому счету оставались объектами местного значения. Вполне закономерна поэтому и весьма красноречива метафора в газетном материале 1962 г., уподобляющая Качканар целине – «железная целина». «Молодые энтузиасты, съехавшиеся сюда со всех концов страны, не покладая рук штурмовали железную целину», – пишет участник рабковского конкурса в нижнетуринской газете. И, поскольку главной мыслью очерка являются мужающие в пределении трудностей люди, завершает: «Осваивая железную целину, качканарские горняки перековыряют и себя» (*Михайлов В., рабкор. Покорители железной целины // Вперед, к коммунизму! 19.01.62. № 8. С. 2).*

На рубеже 50–60-х появляется необходимость продлить и дальше романтический настрой – на повестке дня освоение сибирских месторождений.

На стройках Комсомольска, Амурска, Солнечного встретишь сейчас и комсомольцев «нового призыва», приехавших по путевкам комсомола в 50-х годах. Их привела сюда та же романтика юности. ...На крыльях этой романтики начиналось и строительство младших братьев Комсомольска – Амурска и Солнечного. ...Традиции первостроителей свято хранят и приумножают все трудящиеся города юности, несущие сейчас вахту юбилейного года. Молодость продолжается! (*Беспомощнов А. Молодость продолжается // Строители трех городов. С. 22).*

Следующий пассаж сплетает воедино энтузиазм и героику с упором на *исключительность*. Много имен, рассказов об отдельных людях, при этом на первый план неизменно выходит *коллективность*.

Он думал... о том необыкновенном мужестве товарищей, сумевших преодолеть такие трудности. ...Что проект без энтузиазма людей, их стальной воли, находчивости, товарищеской сплоченности? И он гордился, что живет и работает с такими ребятами, является частицей этого героического коллектива и сколько еще необыкновенных подвигов совершит этот коллектив (*Хлебников Г.* Проект инженера Сухнева // Строители трех городов. С. 51).

Тот накал, тот энтузиазм, те трудности и те победы, которыми жили строители трамвая, все комсомольчане, которые выходили на воскресники, субботники, помогали прокладывать пути (*Лоншаков Г.* На городских магистралях. Дневник строительства трамвая // Строители трех городов. С. 180).

Солнечный звал к себе молодых людей с горячими сердцами и неукротимым стремлением покорить суровый Мяо-Чан (*Горшков И.* Михаил Самар возводит город // Строители трех городов. С. 315).

При передаче эстафеты ни грана священного огня не должно быть потеряно. Поэтому так важна бесперебойная преемственность, установка на повторение подвига. Маяком выступают первые пятилетки.

Сейчас снова, как в годы первых пятилеток, тысячи молодых энтузиастов едут по призыву партии на новые ударные стройки Сибири (*Антонов Н.* На кузнечих мартенах // Правда. 29.06.58. № 180. С. 3).

Героика больших дел, романтика небывалых свершений первых пятилеток живут и сегодня, живут и у нас, в нашем городе. Тридцать лет назад череповецкая газета «Коммунист» призывала молодежь: «Товарищи, приходите к нам для дружной совместной работы, которой так много и которая ждет молодых сил! Молодежь – это цвет революции, она должна быть не в хвосте ее, а передовым отрядом». Тогда этот призыв нашел отклик в сердцах наших отцов и старших братьев.

Призыв, прозвучавший в наши дни, собрал в Череповец тысячи юношей и девушек. Они пришли сюда из окрестных сел и поселков, приехали из разных мест страны с комсомольскими путевками в кармане. Это наши с вами погодки, люди чистой души, смелой мечты и пламенного сердца. Они строят города, они всюду на переднем крае (*Чирков Л.* Новый Череповец // Смена. 1958. № 6. С. 12).

Трудны их (новых советских городов) первые дни. Проза времянок, хозяйственные неурядицы, производственные споры и ошибки... по самым осторожным подсчетам специалистов, в ближайшие два десятилетия вырастет в нашей стране еще около 600 молодых городов. И, значит, десятки тысяч юношей и девушек получат возможность повторить подвиг своих отцов, подвиг строителей Комсомольска-на-Амуре (Города // Смена. 1982. Дек. № 1334. С. 17).

Коммеморации первостроителей, особенно в сочетании с воспеванием подвига молодежи, помогали поддерживать энергетику энтузиазма, передавать ее следующим поколениям.

Первостроители! Ничто и никогда не изгладит из памяти подвига советской молодежи, воздвигнувшей город на Амуре (*Беспомощнов А. Верность // Строители трех городов. С. 290*).

Понятие эстафеты, ее передача новым поколениям – и тем молодым, которые приезжали строить города, и детям в семьях первых строителей – действительно было весьма популярно. В книге «Строители трех городов» так называется весь заключительный раздел – «Эстафета юности в надежных руках».

Я сейчас обратился к истории для того, чтобы сказать: и сегодня живут, множатся традиции первого поколения комсомольчан. ...Первостроители заботливо передают свой опыт и знания в надежные руки (*Беспомощнов А. Верность // Строители трех городов. С. 290*).

В честь 30-летия города «все поколения краснотурьинцев – от тех, кто видел дореволюционные Турьинские рудники, до тех, кому в будущем предстоит продолжать строить и украшать наш город, собрались на торжественное собрание во Дворце пионеров и школьников.

Первый секретарь ГК КПСС Н. М. Тишкин отметил главную особенность жизни краснотурьинцев – преемственность заботы поколений о росте и красоте родного города, умножение его трудовых традиций (Праздник поколений Краснотурьинска // *Заря Урала. 30.11.74. № 143. С. 1*).

Эта преемственность между полностью советскими поколениями уже не сулила молодым никакого особого положения, в отличие от молодого поколения, о котором говорил Ленин в «Задачах Союзов молодежи» в 1920 г. (об этом см.: [Омельченко, 2004 : 27]). Молодежность теперь важна только как источник дешевой энергии – силы, энтузиазма, как основание для оправдания неподготовленности базы строительства и бесчисленных недоделок в новом городе. Сама эта бесхозяйственность, рывок вместо планомерного, шаг за шагом, развития тоже возводятся средствами романтизации в принцип, превращаются едва ли не во благо – трудность, которую надлежит героически преодолевать, испытывая сильные чувства.

Болотная жижа, тучи комаров и гнуса. А люди шли. У них была благородная и ясная цель – построить в непроходимой тайге город и горно-обогаительный комбинат. С боем отвоевывали у тайги каждый метр, мокли под дождем, мерзли в зимнюю стужу (*Панкратов В. Молодые покорители тайги // На смену! 27.05.67. № 102. С. 1*).

Большой трудовой энтузиазм молодежи служил залогом первых успехов. Скажем, в 1959 году, первом году семилетки, стройка была обеспечена рабочими всего на 58,9 процента, а план по жилищному строительству выполнили

на 118 процентов (Тихомиров А., заместитель начальника строительного управления № 4. В отрогах Мяо-Чана // Строители трех городов. С. 258 (о г. Солнечном, спутнике Комсомольска-на-Амуре)).

В 60-е эксплуатируемая в строительстве энергетика молодежи дискурсивно вернется к энтузиазму, теперь уже романтически окрашенному. Прекрасной визуализацией аффективного режима романтического энтузиазма является фотография 1966 г. известного уральского фотографа И. Тюфякова¹⁰⁸, сохранившаяся в Свердловском партархиве (рис. 4.10). Группа улыбающихся молодых женщин в рабочей одежде энергично движется навстречу зрителю, оставляя за спиной здание Белоярской атомной электростанции.

Рис. 4.10. Строители
Белоярской атомной
электростанции.
Фото И. Тюфякова. 1966 г.
(ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3.
Д. 1581-1. Л. 1)

Конечно, они идут не как героини Хельмута Ньютона (его серия «Они идут» будет только в 1981 г. и не у нас), но это уже и не «поставленность перед производством», о которой говорит С. Ушакин, анализируя ранне-советские поиски наполнения смыслом «новых людей»¹⁰⁹. Эти создатели Белоярской атомной Тюфякова воплощают сказанное полвека спустя именно о 1958 г., «заре строительства города» Заречного:

¹⁰⁸ Иван Николаевич Тюфяков (1913–1987) – известный уральский фотограф. Первый снимок опубликовал в «Уральском рабочем» в июле 1931 г. Участвовал в I Всесоюзной фотовыставке (1937). Первым из уральцев сделал персональную выставку (1941). Во время Великой Отечественной войны воевал с минометом, был ранен, потерял ногу. Сбор журналов «Советский Союз» и «Огонек» (с использованием материалов Дома Метенкова: Опаленные войной (фотокорреспонденты – фронтовики) [Электронный ресурс]. URL : http://metenkov.narod.ru/gallery/Front/Front_index.htm (дата обращения: 09.08.15)).

¹⁰⁹ См.: Ушакин С. Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказались // Новое лит. обозрение. 2005. № 1 (71). С. 263–300.

Сумасшедшая романтика, энтузиазм молодости, ожидание светлого будущего и огромная гордость своей причастности к великой стройке. Кстати, по воспоминаниям первопроходцев, платили на строительстве не так уж и много. В сегодняшнее время это трудно понять, но ехали сюда за иным: чтобы почувствовать себя человеком, увидеть своими глазами, как рождается будущее, приложить свои руки к строительству коммунизма (*Гончаров С.* Не могу отказать себе в удовольствии процитировать собственную книжку «Город мирного атома» // z-city.ru – форум г. Заречного. URL: <http://z-city.ru/forum/viewtopic.php?f=110&t=5295&start=20> (дата обращения: 07.04.2015)).

Сбой романтики в начале 70-х в контексте патриархальной любви к природе отчетливо виден в очерке писателя А. Проханова. Упоение сродни опьянению, после которого приходит болезненное, горькое отрезвление¹¹⁰.

Вы помните эти, еще недавние, еще наши с вами эшелоны, убежавшие в казахстанскую степь, под рев духовых оркестров, с красными надписями «Целина»! Молодые, с горячим блеском зрачки. Армада техники. Палаточные города. Будто огромный десант опустился на бездорожное, сочное, травяное пространство, и первые тракторы, прицепив плуги, пахали раздолье без края, в красных тюльпанах, выпугивая уток и дроф. Трактористы заглядывались, когда над их головами валили плотные гусиные косяки, поражались непуганой дичи, простору, где можно себя проявить, размахнуться, поиграть своей молодостью, силой, дать волю романтическому порыву. <...>

И конец романтическому упоению, когда растревоженная земля, вырвавшись из цепких плетений вековых корней и трав, разыграла засухой, суховеем, черным пылевым смерчем, ранним морозом, бесснежьем. Хлеб то сжигало, и он оборачивался к осени чахлой, редкой щетиной. То тучная зеленая нива, не успевая набрать зрелый колос, всей неспелой, неокрепшей мощью уходила под снег. Комбайны шли в снегопаде, вороша мотвилами пробитые хлебом сугробы. Комбайнеры ходили в блестящих обледенелых ватниках, как в броне, с изможденными, несчастными лицами. И у всех был горький вопрос: неужели обманулись, ошиблись, и земля, такая щедрая в первые годы, одичала, обернулась свирепостью, злобой, готовая лучше умереть, но не дать

¹¹⁰ О продуктивном использовании понятия «упоение» (в значении, близком к опьянению, эйфории, экстазу, экзальтации) см.: [Нарский, Хмелевская, 2010]. Авторы берут на вооружение подход немецких коллег, согласно которому упоение представляет собой «ограниченное во времени сильное переживание индивидуального эмоционального переполнения, распространившееся в большой группе людей». Для него «характерны утрата контроля над чувствами и стремительное “заражающее” распространение; тесная связь с массовой насильственной практикой, выступающей в качестве программного призыва и способа сплочения спонтанно формирующейся группы; переживание общности, стабилизирующей рамки коммуникации; освобождение от будней, не совместимое с чувствами стыда и раскаяния» [Там же : 276].

людям! И многие тогда, потеряв в нее веру, отключивались обратно, бросив саманные домики, отрезвев от романтических упоений (*Проханов А. Колыбель* // Смена. 1973. № 1116. С. 15–16).

Угасание пафоса романтики явственно в современных описаниях, особенно когда в газетные тексты и выложенные в Интернет видео просачиваются непричесанные фразы. Так, в опубликованных качканарской газетой воспоминаниях первостроителя энтузиазм соседствует с авантюризмом, авторитетом и модой:

Девушками и парнями двигал авантюризм, энтузиазм, желание попасть первыми на стройку города, заработать авторитет таким образом. Тогда же модно было в комсомольских стройках принимать участие, поэтому-то молодежь и стремилась сюда попасть («на месте детской поликлиники было озерко»). Первостроитель Василий Попов: интервью. Иван Феофанов. Текст: Е. Ходырева // Качканарский четверг. 13.06.10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchetverg.ru/2010/06/13/pervostroitel-kachkanara-na-meste-detskoj-polikliniki-bylo-ozerko-video/> (дата обращения: 03.03.2015)).

В целом динамику романтики в советском аффективном режиме можно представить в следующем виде: романтический порыв (героика, напряжение, энтузиазм) – спад романтического упоения – отрезвление от упоений. Начиная с 50–60-х из определенно затухающего огня стремились выкачать все до капли, официальный дискурс не допускал попыток переосмысления овечьего романтикой героического прошлого. Все составляющие аффективного служили тому залогом. Тем разительнее отличается современное восприятие. Что же является эффектом подобных коммемораций сегодня: сожаление об утраченном, невозвратном – энтузиазме, оптимизме?¹¹¹

Богатое поле для размышлений предоставляют такие явления, как карнавальное шествие в Заречном с их длительной историей, предмет гордости горожан (рис. 4.11). К этому событию начинают готовиться за полгода, придумывают образы, шьют костюмы, но, несмотря на тему (в 2014 г. тема карнавала «Единственная моя», имеется ввиду БАЭС), индустриальное содержание практически полностью растворяется в современных сюжетах фильмов и мультфильмов, например, таких как «Звездные войны», «Белоснежка и семь гномов». Представители администрации в виде ангелочков, охраняющих город; банно-прачечный комбинат, поливающий всех струей воды.

¹¹¹ Анализ чувств строителей и жителей сибирских молодых городов (третьей и четвертой волн в нашей типологии) большое внимание уделяет в своих работах М. Рожанский [Рожанский, 2013, 2014, 2015].

Рис. 4.11. Ангелы и гномы. Карнавал в г. Заречном

Демонстрация мощи, радости побед индустриальности превратилась в шоу, красивое зрелище, которое тем не менее отражает все те же идеи и пропитано тем же энтузиазмом: «Мы работаем и живем в этом замечательном городе». Только завод медленно и постепенно растворяется в пространстве городской жизни, его значение сохраняется, но не как символа гордости территории, а как основы материального благосостояния.

Официально одобряемые и культивируемые чувства. Выше было показано, что в целом это чувства позитивно окрашенные, заряженные до предела оптимизмом. Теперь проанализируем их более дифференцированно. При этом будем обращать внимание, на какого рода объекты направлены культивируемые чувства – составляющие аффективного режима, а также на то, какими должны быть и непременно видятся объекты чувствования.

Восхищение и любование направлены главным образом на рукотворные объекты, и прежде всего на промышленные сооружения, затем на жилье, соцкультбыт, городскую инфраструктуру.

С восхищением смотришь на чудесную панораму современного гиганта «крылатого» металла – алюминия. Вот они стоят перед тобой, как памятник немеркнущих дел, громады глиноземного производства, величественный электролизный корпус, мощная теплоэлектроцентраль и многие подсобные цехи. Любуясь всем этим... (Полисюк Мих. Будущее северного города // УР. 31.03.46. № 77. С. 3).

Любование природой в классическом романтизме XVIII–XIX вв. переклucилось на любование гигантскими постройками. И здесь вплетается лирика: крылатый металл. Развивая свою мысль, Михаил Полисюк пишет: «богате́йшее месторождение первоклассных бокситов, известное под поэтическим названием “Красная Шапочка”». Превосходная степень (богате́йшее, первоклассные) дополняется «поэтическим» элементом эстетизации описания:

Мы любим его [городка] сложенными из гипсовых плит стенами, цветной орнаментальной росписью фризových поясов и карнизов. Мы проходим под живописными деревянными балконами, мы слышим журчание фонтана, мы отдыхаем под сенью молодых деревьев¹¹².

Если восхищение природой присутствует, то как уходящей натурой, на месте которой вскоре появится «кое-что получше» – в логике грандиозных преобразований.

Дорогинский ехал в санях под тулупом и, забыв о сне, любовался тайгой, ее зимним, почти сказочным убранством. Великаны-кедры, круто взбирающиеся по склону лобастой сопки; гордые и недоступные ели в белых холодных шубах; годовалые дубки, неуклюжие, словно новобранцы в строю, с жухлыми листьями цвета киношари; густой орешник, от которого и сейчас, кажется, отдавало терпким запахом, – все это проплывало мимо, оставляя такой же след в памяти, как вот тот, что проложил какой-то зверь в ложбище, то ли крадучись к жертве своей, то ли уходя от преследования.

Мысль неотступно работала над другими картинками, воссоздавала недалекое будущее. «Скоро здесь кое-что получше этих красот будет. Новый город встанет... Как-то его назовут?» (*Лысов В.* Они начинали Амурск // Строители трех городов. С. 191–192).

Природа, зеленые насаждения как объект любования вернутся лишь в последние десятилетия.

Р а д о с т ь, в о с т о р г и г о р д о с т ь сопровождают появление нового. Сначала это были отдельные производственные «гиганты» (заводы, совхозы, коммуны):

¹¹² Из статьи Н. Васильева «Новый город, построенный в пустыне» о завершении строительства первой очереди поселка нефтяников близ г. Гурьева [Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Хроника советской архитектуры, 1945. № 6] // Из истории советской архитектуры, 1941–1945: Документы и материалы. Хроника военных лет. Архитектурная печать / АН СССР, Всесоюз. науч.-исслед. ин-т искусствознания М-ва культуры СССР; Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А. В. Щусева; [отв. ред. К. Н. Афанасьев; сост. Т. Малинина]. М.: Наука, 1978. № 105. С. 179.

Старые штольни, шахты, допотопные забои, надорванные и утомленные тяжестью столетий заводы ахнут от восторга, увидят шеренги закованных в сталь и цемент гигантов – новых заводов (*Попрядухин. Экскурсия в завтра // УР. 09.05.29. № 103. С. 2–3*).

Начиная с 30-х эти чувства кодируют и дискурс новых поселений, будь то действительно новые города или переформированные старые. В 1935 г. Александр Авдеенко, уже известный автобиографическим романом «Я люблю» (1933), выступает на I областном съезде Советов Свердловской области с речью «О радости»¹¹³. Это просто панегирик, концентрат оптимизма.

Сознание того, что в эти поднимающиеся новые прекрасные здания вложен и твой труд, наполняет сердце радостью.

Радость увязывается с молодостью строителей и самого города:

Вместе с каменщиками так же самоотверженно работает здесь бригада плотников Николая Карпухина. Члены ее – все молодые рабочие. Они только в сентябре закончили школу ФЗО. Молодой Краснотурьинск растет, строится (*Калмыков А. Растет мой город // Заря Урала. 01.01.54. № 1. С. 3*).

Качканарская газета на третьем году стройки призывает «будущих художников слова и кисти» воспеть «трудовую доблесть» качканарцев «в книгах и картинах, полных восторга» (*Коропачинский Н. Рождение легенды // На стройке Качканара. 05.11.59. № 25. С. 2*). Предостерегая от «умильного словословия», автор поясняет, что «неприкрашенная правда наших дней» указывает на «идейную крепость и мужество романтиков». Пожалуй, здесь мы находим золотое сечение данного аффективного режима – мужество романтиков.

Назначение гордости не только в том, чтобы формировать позитивную идентичность и самооценку, гордость призвана мобилизовать людей на работу, преодоление трудностей; с этой задачей успешно справляется официальный дискурс. Страстная и проникновенная (!) передовица «На стройке Качканара» конвертирует одно в другое:

Через несколько лет здесь поднимется красавец-город с комбинатом, крупнейшего которого не сыскать в Европе. И ты станешь гордиться им, как гордится садовник выращенным садом и архитектор – зданием, сооруженным по его проекту.
– Я строил Качканар! – скажешь ты.
Это будет свидетельством подвига твоей юности.

¹¹³ См.: *Авдеенко А. О радости // Штурм. 1935. № 1. С. 91–93*. См. также: *Иовик А., Ефимов В. Личный пафос в отражении сталинской эпохи. Одна речь и вся жизнь // Лит. гостиная. 29.02.08. С. 12*.

Комсомольская гордость – высокое чувство. Она окрыляет человека, поднимая его на большие дела, не позволяя раствориться и увязнуть в тине мелкого себялюбия и корысти. Гордый человек не отступит перед трудностями, он всегда найдет способ их преодолеть (Имя гордое – комсомолец // На стройке Качканара. 03.09.59 № 17. С. 1).

Остановимся подробнее на рамках референции: что именно заставляет гордиться и каковы свойства объектов гордости?

Для дискурса молодых городов характерна гордость за знаменитых земляков, пусть связанных с данным поселением, может быть, только фактом рождения. Символический капитал, работающий, как было показано, и на привлечение ресурсов, и на строительство идентичности, социокультурной фертильности места (может земля наша таких людей рождать). Во имя использования такого капитала избранных имен поступались даже тотальностью обнуления прошлого, – получалось, что жизнь здесь была и до того, как вбили первые колышки для строительства. Соответственно случается конкуренция за именитых земляков. В краснотурьинском музее рассказали, что город мог бы претендовать на имена Серова и Карпинского, но их разобрали более проворные соседи: Надеждинск в 1939 г. стал Серовом, Богословск в 1941-м – Карпинском. Получившему статус города в 1944 г. Краснотурьинску остался только Попов, но название Поповск не приглянулось.

Гордиться заставляет и сам статус города, как мы знаем из анализа схемы преобразований. В начальный период ускоренной урбанизации этот статус подразумевает более высокую ступень развития по сравнению с селом, нечто более прогрессивное и желанное. Позднее статус города означал отнесение к определенной категории финансирования, снабжения и пр. Кроме того, позитивные чувства высокого накала вызывает конечно же и собственно факт преобразования.

Еще не многим более трех месяцев назад Дегтярка официально именовалась поселком. Но с ноября прошлого года жители бывшего поселка, указывая обратный адрес на письмах друзьям, с гордостью пишут: «город Дегтярск». Приезжие с радостью отмечают, что он преобразился неузнаваемо» (Захаров И., председатель исполкома Дегтярского городского Совета депутатов трудящихся. Самый юный // УР. 27.02.55. № 49. С. 2).

Основанием для гордости служит причастность к великим свершениям. Собственная деятельность ставится в один ряд со знаковыми событиями из большого мира, тем самым рамка референции расширяется

до масштабов страны и всего мира. В 1961 г. предметом гордости советских людей стал полет Гагарина в космос. Уже через неделю после этого события качканарская многотиражка писала:

Качканарские комсомольцы... вправе считать себя участниками великих свершений. Строительство ли нашего комбината, покорение ли Ангары, полет в космос – все это возможно только в нашей стране... (*Карнаухов Е., секретарь комитета ВЛКСМ*). Мы – участники великих свершений // На стройке Качканара. 18.04.61. С. 2).

Какими должны быть объекты, вызывающие такие чувства? Непременно величественными, огромными, еще раз подчеркнем это обстоятельство.

Г и г а н т з м – гигант, громады, величественный, мощная. Как известно, риторика гигантов наиболее характерна для 1920–1930-х гг:

Выстроены новый грандиозный вокзал и гостиница (Новые города социализма. Сталинск (Зап. Сибирь) // Правда. 11.06.32. № 190. С. 3).

В городе, которому три года и где еще только строятся водопровод и канализация, на банно-прачечный комбинат «ассигнованы» средства.

Жилые дома, из местного красного камня, выглядят огромными монолитами (Новые города социализма. Новое Запорожье (Украина) // Правда. 11.06.32. С. 3).

Не пропало прославление громадного и в 40-е:

Оранжевым теплым светом засветились окна и подъезды. Заговорили радиорупоры на площадях. А туда, дальше – в дыму, в парах, в голубых брызгах электросварки высятся возникшие в буранах и звенящем холоде североуральских зим величественные индустриальные громады: теплоэлектроцентраль, глиноземный завод, гигантский электролизный корпус нового алюминиевого Богословского завода (Богословский алюминиевый завод // Заря Урала. 05.12.45. № 42–43. С. 2).

Заметим, что заводской дым фигурирует здесь исключительно в хорошем смысле, как законный спутник желанного индустриального пейзажа, а не признак экологического бедствия. Более того, холодные тона промышленных зданий соседствуют с теплым оранжевым светом домов. И все это: окна и подъезды, и радио на площадях, и заводские громады – проявления торжествующей жизни.

Вскоре был построен гигантский рудник (Североуральские бокситы // Заря Урала. 05.12.45. № 42–43. С. 2).

В 50-е огромность выражается уже более разнообразно:

У исполинской горы Качканар создается мошный горно-обогатительный комбинат (*Кириленко А., секретарь Свердловского обкома КПСС. Преображенный край // Правда. 23.10.57. № 296. С. 2).*

Добавляется тема красоты: «красавец город на берегу Амура – родной, любимый Комсомольск» (*Соломенко И. Дело красит человека: Заметки бывшего секретаря парткома // Строители трех городов. С. 207).*

Все оценки даются в превосходной степени в соответствии с грандиозностью качественного преобразования.

С а м ы й, п е р в ы й, у н и к а л ь н ы й – подобными эпитетами награждаются, разумеется, прежде всего производственные сооружения.

Сегодня первая магнитогорская домна-уникум уже дает чугун... (Новые города социализма. Магнитогорск (Урал) // Правда. 11.06.32. С. 3). Вызывающей восхищение оказывается не только сама домна-уникум, но и то, что в городе-трехлетке, где «многие строители живут еще в бараках», а «городское строительство особенно широко разворачивается здесь в нынешнем году», она уже дает чугун.

Теперь здесь стоит первенец советской цветной металлургии – Красноуральский медеплавильный комбинат и рядом с ним новый город (Новые города социализма. Красноуральск (Урал) // Правда. 11.06.32. С. 3).

Шел июнь тридцать второго. Это было тридцать пять лет назад, в годы, когда закладывались и вводились в строй первенцы пятилетки гиганты тяжелой индустрии – Магнитогорский и Кузнецкий металлургический комбинаты, Сталинградский, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Саратовский завод комбайнов... (*Бейсlixем Я. Было поручено комсомолу... // Строители трех городов. С. 23).*

Будни Амурска. В конце 1956 года стройтресту № 6 было поручено строительство первенца лесохимии на Дальнем Востоке – Комсомольского целлюлозно-картонного комбината (*Соломенко И. Дело красит человека // Строители трех городов. С. 212).*

В изобилии превосходная степень применяется к Качканару и его достижениям – самый, крупнейший, богатейший:

Вчера исполнилось 20 лет самому юному городу Среднего Урала – Качканару. Городу молодости, труда и романтики. Городу, где возведен крупнейший в Европе горно-обогатительный комбинат, освоены богатейшие залежи железных руд (*Гикалов Д., первый секретарь Качканарского горкома КПСС (предисловие от газеты). Мы гордимся тобой, Качканар! // На смену! 28.05.77. № 104. С. 1).*

В 1976 году в Качканаре открывается филиал Свердловского завода «Электроавтоматика» (впоследствии – радиозавод «Форманта»). Быстро развивалась производственная сфера. Качканар был самым молодым и самым благоустроенным городом Свердловской области (С. 8 [Электронный ресурс]. URL: http://admkg.ru/images/system/doc/city/passport/passport_2010.pdf (дата обращения: 07.04.2015)).

Дарующее исключительность первенство может проявиться и вне производственной сферы и без спущенных сверху разнарядок и директив. Примером такой субъектности горожан служит создание в 1956 г. любительского телецентра в Краснотурьинском индустриальном техникуме. Не случайно эта история прозвучала, когда студенты данного учебного заведения демонстрировали возможности антенны на своей альма-матер:

Когда по телевизорам еще не показывали фильмы... Там [в колледже] есть режиссерская студия. И там на киноленте запускали фильмы и давали по этой антенне на все телевизоры города. То есть все в субботу в 10 утра ожидали какого-либо фильма. ...Фильмов-то мало было очень в то время, ну и некоторые просто не показывали, трудно было достать. А вот здесь вещали (КрМ19).

В представлениях молодого человека Краснотурьинск за счет собственного телевидения оказался в авангарде научно-технического прогресса, опережая многие другие города. Мысль о вызывающем гордость событии и первенстве молодого уральского города звучит и в официальном дискурсе и будет более понятной, если принять во внимание исключительный вес и все еще малую распространенность телевидения в тот период.

В 1955 г. по всей стране было пять государственных телецентров, включая свердловский, начавший вещание 06.11.55¹¹⁴. Прежнюю телестанцию, созданную активистами Свердловского ДОСААФ, решено было передать в Краснотурьинск¹¹⁵. На первый взгляд, это типичный случай диффузии инноваций из крупных населенных пунктов в более мелкие. В то же время, для того чтобы возникла сама идея перенести оборудование и для ее осуществления, в Краснотурьинске должен был существовать определенный «задел», притягивающий туда инновации. Таким заделом стал сильный клуб радиолюбителей, энтузиазм которых подпитывала символическая связь с А. С. Поповым, выходцем из этих мест. Другим рычагом оказался административный ресурс: при радиоклубе была создана секция

¹¹⁴ См.: ГТРК «Урал» – Телевидение – История // Вести-Урал [Электронный ресурс]. URL : http://vesti-ural.ru/gtrk_ural_tv_istoriya.html (дата обращения: 20.08.15).

¹¹⁵ См.: Радио. 1956. № 5. С. 14.

телевидения, в которую вошел и первый секретарь горкома, большой любитель радио, как писал о нем центральный журнал «Радио» (1956. № 5). И вот теперь краснотурынцам предстояло разобрать свердловскую установку, перевезти к себе и заново смонтировать. За процессом с нетерпением следили в городе: «В Свердловске закончен демонтаж оборудования любительского телецентра», сообщала в феврале 1956 г. краснотурынская газета на первой полосе (Заря Урала. 05.02.56. № 16. С. 1). А ко Дню радио в мае появился развернутый материал о ходе монтажа уже перевезенного оборудования в здании индустриального техникума:

Наличие любительского телевизионного центра – крупнейшее событие в культурной жизни нашего молодого города (*Баранов Д.* На монтаже любительского телевизионного центра // Заря Урала. 06.05.56. № 55).

Это мнение разделял и упомянутый секретарь горкома партии: создание любительского телецентра – «это “маленькая революция” в культуре нашего города. Он стал первым районным центром страны, имеющим телевизионную установку»¹¹⁶.

Официальный дискурс и позднее отдавал дань организации телецентра: в газетной ретроспективе к 30-летию Краснотурынска это событие названо наиболее примечательным в жизни города во всей шестой пятилетке. Подчеркивается и первенство: «Краснотурынцы увидели голубой экран раньше всех на Северном Урале – в 1956 году» (*Григорьев К., рабочий.* Где были сосны вековые // Заря Урала. 16.11.74. № 137. С. 3), при этом перечислены имена умельцев, которые смонтировали телецентр и вели первые передачи. Новое, что не могло быть в дискурсе историзации на марше, но появилось впоследствии, это протянутая нить из прошлого в настоящее – указание на телевышку, которая «и поныне» стоит на здании техникума.

Подобным образом в неофициальном дискурсе Качканара встречается идея опережающего развития – радиозавод «Форманта», где, по сообщению информантов, в 80-е выпускали электромузыкальные инструменты, телевизоры, даже компьютеры.

Привычность чуда. Быстрота становится привычной – это тоже достижение, но все же следует напоминать людям удивляться, ценить это завоевание, пусть и утратившее сияние чуда:

¹¹⁶ Протокол № 4 Четвертого пленума Краснотурынского ГК 29 июня 1956 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 8. Д. 28. Л. 93.

Сейчас комсомольчане не удивляются, когда в течение нескольких месяцев на месте пустыря вырастают десятки светлых домов – целые кварталы с асфальтированными дорогами и тротуарами, зеленью и детскими площадками. Это входит в привычку – так оно и должно быть (*Котенко Г., бывший главный технолог стройцеха № 6. Дома сходят с конвейера // Строители трех городов. С. 236*).

Удивление – удел приезжих. Местные вполне уже обжили сказку.

Мы ехали по городу на троллейбусе и удивлялись. Удивлялись троллейбусу в этом юном городе, удивлялись его жителям, принимавшим троллейбус как нечто обычное, привычное, удивлялись неповторимой архитектуре 12-этажных зданий, удивлялись качканарскому морю и вечно очаровательной Качканар-горе (*Лысяков А. Будет вечная молодость: фотоочерк [Сегодня исполняется двадцать лет городу Качканару] // На смену! 27.05.77. № 103. С. 3*).

Привычными стали слова: еще недавно здесь была тайга... Или – пустыня. Или – степь. Привыкли мы и к новым названиям, которые только вчера появились на карте страны. Братск, Ангарск, Дивногорск, Туймазы, Назарово... Можно долго читать этот список. Лишь за прошедшие три года семилетки число городов увеличилось на 51. Перед вами панорама еще одной большой новостройки – Качканара. В официальных справочниках он пока называется поселком городского типа. Но когда на Урале на склоне железорудной горы вырастет новый комбинат, Качканар полноправно войдет в семью новых наших городов (Фото Сметанина В.) (*Известия. 22.06.62. № 147. С. 4*).

«Половина поотпадывала, ну не половина – звезда, солнце, серп с молотом» (КрМ24) – эти слова, характеризующие состояние мозаики на Центральном доме творчества в Краснотурьинске, можно распространить и на всю семантическую матрицу изучаемых городов – некогда лучезарную, а ныне переживающую распад. Сегодня многие из молодых городов представляют собой законсервированную советскость, ссохнувшаяся, уже не питаемая токами энтузиазма, страдающую от оттока молодежи. Феномен убывающих городов известен во всем мире (см. напр., [Oswalt, 2005, 2006]), а в условиях общей российской депопуляции сокращение численности жителей малых и средних городов выглядит тем более закономерным. Однако мало какие из этих поселений были так напитаны гордостью свершений и романтикой, как молодые города. Они действительно представляют собой описанный аффективный концентрат. И теперь это сонмические чувств приходит в негодность – либо разлагается и дурно пахнет, либо выветривается, скрываясь за личиной небытия.

Качканар упорно цепляется за статус города юности, отцы города старательно культивируют идею о креативности конгломерата съехавшихся

со всей страны людей¹¹⁷. Былая молодечность, однако, давно утрачена в силу обычного демографического взросления и старения некогда молодых строителей. Пестроты и разнообразия качественного состава населения, действительно способной продуцировать креатив (см., напр., [Рубл : 2004]), тоже не наблюдается в силу монопрофильности города: происходит не просто некий общий отток, но выдавливание тех, кто не вписывается в моноформат, задаваемый градообразующим предприятием. Притягиваются соответственно те, кто соответствуют формату, в итоге структура населения становится прямо противоположной конгломерату.

Успешное построение идентичности на основе описанного аффективного режима сегодня уже невозможно. Чем более молодые города стремятся к этому, тем более неприглядными они предстают – как безнадежно увядшая молодящаяся красотка или старик в когда-то добротном, но безнадежно устаревшем, вытертом пальто.

Подобно тому как в осмыслении и переживании войн встает вопрос о заплаченной цене (победили – но какой ценой?), так и в случае молодых городов оправдание лишений первостроителей постепенно теряет почву под ногами по мере разрушения когда-то ранее общепонятного, разделяемого всеми пафоса героики.

Коммеморации обретают амбивалентность. Краснотурьинск стоит на костях трудармейцев – на плотине установлен мемориал. Далеко не все жители города понимают, что немецкие фамилии на нем принадлежат советским гражданам, а не пленным врагам. Ну, а новые части города поверх старых кладбищ – ситуация, характерная и для молодых городов тоже. Белые палатки в Качканарском парке – памятник энтузиазму первостроителей или бесхозяйственности организаторов стройки, обрекших людей на зимовку в полотняных временках в условиях уральского севера?

* * *

Подводя общий итог анализу дискурсивной схемы образования новых/молодых городов, следует отметить, что как вся схема, так и ее отдельные элементы сохраняют устойчивость и воспроизводятся в актуальном

¹¹⁷ Выражение «конгломерат» употребляет историк, директор Качканарского городского архива М. Титовец (см.: «Качканарец – деятельная натура». Михаил Титовец. Интервью: Иван Феофанов, Текст: Елена Ходырева // Качканарский четверг. 03.06.11 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchetverg.ru/2011/06/03/kachkanarec-deyatelnayay-natura/> (дата обращения: 07.04.2015)).

дискуссе, о чем пойдет речь в разделе 3. Апелляция к пустому месту в начале создания городов подчеркивает грандиозность произведенных преобразований и в то же время принижает и обесценивает то, что было до новостройки. Это касается не только «ближайшей» досоветской и советской истории, но и более отдаленных времен.

Приехавшие по комсомольским путевкам в дикий таежный край добровольцы жили в бараках и шалашах, армейских палатках (О Комсомольскена-Амуре // Комсомольск-на-Амуре : официальный сайт органов местного самоуправления. URL: <http://www.kmscity.ru/city/> (дата обращения: 22.02.2014)).

Воспроизведение сегодня данного фрагмента формулы (на голом месте, в глуши) закрепляет эффект короткой истории¹¹⁸. И та и другая история может быть вполне известна¹¹⁹, но не встроена в идентичность, темпоральный и аффективный режимы, соответственно отсутствует в практиках коммеморации, не участвует в эмоциональной политике.

Наибольшие изменения претерпели два элемента – субъект и аффективный режим. Партия, комсомол сошли с дистанции, фигура строителей в построенном городе потеснена фигурой работника градообразующего предприятия (там, где оно благополучно), новые бизнес-субъекты играют весьма неоднозначную роль для благосостояния горда. В этих условиях становится неясно, кто и от кого должен принимать эстафету. Восторг и гордость из стержня аффективного режима превратились в лучшем случае в некие законсервированные добавки, сопровождающие официальные коммеморации. Сильно одобренные ностальгией и горечью утраченного, эти чувства напоминают о себе в отмеченных кодами жизни и смерти местах памяти сегодняшних молодых городов.

¹¹⁸ Выражение «города короткой истории» использует Е. Трубина [Трубина, 2013а].

¹¹⁹ Например, основанное в 1672 г. кержакское село Шарташ; известно, что берега озера Шарташ были обитаемы и много раньше, в бронзовом веке, III–II вв. до нашей эры (см.: *Кулешов Н.* Шарташ – кержакская столица // Домострой. 2000. № 6–7. Екатеринбург 1723 Свердловск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/dai/dai-39.htm>) (дата обращения: 07.08.2015)). Еще старше найденный под Кировградом Шигирский идол эпохи мезолита (VIII тыс. лет до н. э.) (см.: *Раснопов П.* Большой Шигирский идол // Наш Урал [Электронный ресурс]. URL: <http://nashural.ru/Ekaterinburg/shigirskiy-idol.htm>) (дата обращения: 07.08.2015)). Приведенные ссылки относятся к популярным, не академически специализированным интернет-ресурсам.

РАЗДЕЛ 3

НАСТОЯЩЕЕ: пространства памяти – каталогизация мест

По Ю-Фу Туану [Tuan, 1977], место – узел смыслов, по Д. Мейси [Massey, 2005] – узел историй. Историчность напластований разных смыслов и историй подчеркивается понятием «палимпсест» [Замятин, 2004; Митин, 2008]. Многослойность палимпсеста не означает, конечно, что пласты исторически разных смыслов располагаются отдельно друг от друга в строгом порядке, скорее, наоборот, они перемешаны, хотя правда и то, что наиболее актуализированный в массовом обиходе верхний слой оказывается более-менее однородным.

Наш исследовательский интерес, прежде всего к территориальным местам, обусловлен поиском узлов смыслов в пространстве индустриального города. В этом ключе вполне можно согласиться с Р. Бараш [Бараш, 2013 : 39]: «Пространство хранит в себе историю и идентичность, связывая прошлое с настоящим в “местах памяти”. Таким образом, пространство тематизируется, приписывается некоторыми группами “себе”». Мы обращаемся к тем значениям, которые не обязательно зафиксированы, привязаны к той или иной точке города, но ситуативно, в ходе интервью, они приобретают такую фиксацию, «расцветивая» пространство как для исследователей, так и для самих информантов.

Понятие пространства памяти, заимствованное из названия книги М. Рожанского [Рожанский, 2014], может быть концептуализировано в логике М. де Серто как место, используемое в практике [де Серто, 2013 : 219]. Для нашей задачи инвентаризации и каталогизации мест памяти продуктивно рассматривать пространство как объем не только единичного места, но и совокупности мест. Места памяти можно типологизировать по разным основаниям; наше исследование обнаружило продуктивность следующих трех:

- по масштабу: *общее/частное*;
- по семантическому коду: *код смерти, упадка/код жизни, процветания*;
- по сферам жизнедеятельности: *структурные элемента города*.

Как и в любой типологии, эти критерии условны. Многие места памяти можно характеризовать одновременно по всем трем основаниям, в некоторых случаях на первый план выступает какое-то одно. Взятые вместе, предлагаемые критерии, на наш взгляд, обеспечивают весьма эвристичную оптику, с помощью которой высвечивается детальная, упорядоченная и в то же время живая картина.

Глава 5 МАСШТАБЫ ПАМЯТИ

По масштабу: общее/частное выделяются три позиции (табл. 5.1).

Т а б л и ц а 5.1

**Типологизация мест памяти по масштабу
в зависимости от типа источников**

Масштаб	Интервью (устный рассказ, показ – неофициальный дискурс)	Другие источники (письменные тексты, официальный и неофициальный дискурс)
Общенсторическое, общенациональное, мировое – места включения в большую историю	– +	++
Локальное – городское, региональное (средний уровень)	+	+ –
Частное – часть личного опыта	++	– –

Общее относится, как правило, к общей советской истории, с редкими вкраплениями досоветского прошлого, иногда информанты заявляют о неких международных связях или об известности каких-либо проявлений города на весь мир. Материалы интервью в сравнении с другими источниками именно на этом уровне содержат больше всего пробелов – ведь далеко не все места, когда-либо закрепленные в официальной памяти и идентичности города, сохраняют свою актуальность, удастаясь упоминания

в устном рассказе/показе. В то же время, пожалуй, именно интервью наиболее ярко, убедительно проявляют страстное желание жителей молодого города поместить свой населенный пункт в широкий контекст.

Места *локального* (городского или регионального) значения представляют собой поле для выработки и демонстрации особой местной социальной компетентности, касается ли она изменений города, народной топономики или короткого пути через гору. В отличие от интервью другие источники далеко не всегда выстраивают такую перспективу (что мы отмечаем в табл. 5.1 знаками + и –).

Наконец, уровень *частного* образуют личностно-значимые места, места личного биографического опыта, лучше всего проявляемые в интервью. Разумеется, элементы первого и второго порядка имеют шанс оказаться личностно-нагруженными.

5.1. Мировой контекст: «у нас знаменитый, мне кажется, город»

Общеисторическое, общенациональное, мировое – эти коннотации в семантике молодых городов обозначают места включения в большую историю и географию. Не скупясь на идентификации своего города как маленького и молодого, где все друг друга знают и за час все можно обойти, информанты в то же время уверенно говорят о его значимости, выходящей далеко за пределы маленькой территории и короткой истории. «Знаменитым» делают город чаще всего спортсмены: *«город воспитал 9 олимпийских чемпионов, 48 чемпионов России и мира... то есть в этом плане у нас Лесной очень знаменит»* (ЛМ26). Характерным примером, показывающим «расширение» маленького города, можно считать высказывание одиннадцатиклассницы из Качканара:

У нас знаменитый, мне кажется, город, вообще в стране, не только в стране, вообще в мире, потому что у нас очень много выезжают людей за границу, занимают места призовые (КЖ17).

Ей вторит молодая жительница Заречного:

Цирковая студия у нас «Арена», она вообще вот знаменитая на весь мир даже, потому что они были и в Монако, и везде, и у них очень много званий (ЗЖ36).

Другому мероприятию – мотогонки на горе – женщина присваивает общенациональный уровень известности:

Это Шеелитская гора, здесь у нас проходят мотогонки. Тоже такие известные у нас на всю Россию мотокроссы проходят 9 мая каждый год. Восьмого, девятого. Вот тут вот тогда грандиозное такое шоу, столько народу собирается! (ЗЖ36).

Рассказав о прославленных спортсменах – своих земляках, участники исследования из Лесного развивают тему: *«здесь знаменитых людей так много, у нас есть девочки, которые снимаются в кино и в сериалах на Центральном телевидении, достаточно известные, я, правда, по фамилиям их не знаю. И вот Наташа Стефаненко, которая ведет шоу “Битва хоров” на Втором канале, она нашу школу закончила, да. ...То есть у нас очень есть известные люди, оперные певцы»* (ЛЖ43).

Информант постарше использует более скромный масштаб – области, но с той же интонацией гордости (чуть одобренной иронией): *«вообще Качканар – это и в области звучит. Там каждый второй в Екатеринбурге, наверно, качканарец. Когда идешь, там можно увидеть. У нас основа такая, хорошая»* (КМ59). Оптика, настроенная на восприятие своего города изнутри, словно мешает посмотреть на него со стороны более критично, к тому же (как уже отмечалось в 2.2), изначальная просьба интервьюера показать город, рассказать о нем настраивала некоторых информантов на некий мажорный лад, вызывала желание подчеркнуть достоинства своего города и его жителей.

Подключение к всемирной истории можно проследить на примере Краснотурьинска. Рассказывая об истории завода, молодой человек соотносит ее не только с Великой Отечественной, когда завод был заложен и начал выпуск продукции, но и со Второй мировой войной: *«Во время войны на наш завод шло из Англии 10 кораблей с английским оборудованием для производства. ...Во время пути 8 кораблей из 10 сбили, и только 2 пришли. И вот эти, оборудование, которые оставшиеся с двух кораблей, они все еще стоят на заводе. Я их сам видел во время экскурсии. На них там маркировка английская»* (КрМ19). Можно видеть, что история британского конвоя оказалась настолько значимой благодаря тому, что проникла в личный опыт юноши (видел экспонаты на экскурсии, которую организовал колледж).

Первый полет в космос вплетен в события городского масштаба. В Краснотурьинске, пусть даже с некоторой пуганицей, это установка антенны на здании техникума, что на центральной площади:

Когда монтаж производили антенны, 61-й год был. Кстати, монтаж завершили сразу после полета Гагарина. По-моему, 13 или 14 апреля наши эти монтажники умудрились дозвониться Гагарину. Я не знаю, правда, каким образом, но они сумели (КрМ24).

Другой информант в этом групповом интервью уточняет, что *«это было не радиовещание, это было телевидение»* (КрМ19). Жительница Лесного комментирует названия общежитий, куда заселили приехавших с ней по распределению молодых специалистов, – в *«Орбиту»*, *«Планету»*: *«Здесь все названия такие космические»* (ЛЖ43). Бывший сначала безымянным, городской сквер в Лесном в 1961 г. получает имя Гагарина.

Теперь обратимся к тому, чего нет (или сегодня практически неразличимо) в изучаемых актуальных дискурсах молодых городов, но могло бы быть. Например, московский фестиваль молодежи и студентов летом 1957 г. – событие международного масштаба, напрямую затрагивающее молодежную тему. Все наши четыре поселения к этому моменту уже существовали и вели отчет своим свершениям. Фестиваль открылся 28 июля, через два месяца после первого срубленного дерева на дороге к Качканару. Молодые поселения с первых шагов развивали активную историзацию на марше (см. 4.2), особенно это относится к городам более «поздних» и благополучных годов рождения, таким как Заречный и Качканар. В соответствующих текстах много отсылок к судьбам страны, есть параллели с городом юности Комсомольском-на-Амуре, но семантика международного фестиваля молодежи отсутствует (хотя есть улицы Мира). Зато в 1959 г. в Качканаре был объявлен собственный «первый Качканарский фестиваль, посвященный VII Всемирному фестивалю молодежи»! Программой первого дня, 27 июня, были анонсированы:

- большой праздничный концерт,
- веселая лотерея,
- конкурс на лучшее исполнение песни и танца,
- всевозможные аттракционы. <...>

В воскресенье 28 июня проводится большой спортивный праздник, где будет розыгрыш первенства по волейболу, баскетболу, городкам, а также состоится эстафета. Силами коллектива художественной самодеятельности Строительного управления № 2 будет дан концерт. Проводятся игры, танцы. Играет духовой оркестр (На стройке Качканара. 25.06.59. № 8. С. 1).

Местом памяти это событие не стало, и отсылок к нему сегодня не встречаем.

5.1.1. Известные земляки как символический капитал: «великий во всех смыслах... у нас, из нашего города»

Образованный в ноябре 1944 г. Краснотурьинск уже в начале 1945-го ухватился за фигуру знаменитого земляка Попова, используя и круглую дату – 50-летие изобретения радио. Но не из бескорыстной гордости, а вполне

в логике капитала (хоть по Марксу, хоть по Бурдье и Коулману) конвертировать символический капитал в финансовый и материальный. А именно, отцы города просили Сталина посодействовать в строительстве бани, театра, библиотеки, водопровода, благоустройстве дорог, доставке рентгенооблучения и т. п., ибо в новообразованном городе все это отсутствовало¹.

На двух с половиной страницах послания трижды упомянуто имя Попова. Аргумент а) обеспечивать жизнь горожан, уже «25 тыс. населения», и его «возросшие потребности» подкреплялся необходимостью б) сделать город «достойным быть родиной творца радио А. С. Попова»². Год спустя похожее письмо будет направлено в союзные министерства и Свердловский исполком³. Среди 11 объектов, которые просили включить в титул Богословского алюминиевого завода на 1947 г. для выполнения трестом «Базстрой» и выделить на них средства, – «дом-музей имени А. С. Попова» и «окончание строительства трамвая на 1,5 миллионов рублей»⁴.

Пункт об «увековечивании памяти изобретателя Попова в связи с пятидесятилетием изобретения радио» вошел и в постановление первой городской партконференции в Краснотурьинске. При этом увековечивание трактуется также весьма корыстно: бюро горкома предписывалось «поставить вопрос о создании в городе Краснотурьинске – родине изобретателя, мощного трансляционного узла и студии для местного радиовещания, чтобы каждая квартира, каждое общежитие было радиофицировано»⁵. Впрочем, уже в апреле 1945 г. бюро горкома утвердило и коммеморативные мероприятия⁶.

В 1949 г. руководители Краснотурьинска подобным образом используют «авторитет» Попова, продвигая сплошную радиофикацию города. В отсутствие телевидения радио было очень важным медиа, символом прогресса. Для отдаленных и признающих себя таковыми территорий радио

¹ Письмо Сталину, подписанное председателем горисполкома и ГК КПСС не ранее 07.05.45, не позднее 25.07.45 (ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 24–26).

² Там же. Л. 24.

³ См.: Министру цветной металлургии СССР Тов. Ломако П. Ф., министру строительства предприятий тяжелой индустрии СССР тов. Юдину А. П., председателю исполнительного комитета Свердловского областного Совета депутатов трудящихся тов. Ситникову Г. С. 23 октября 1946 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 9а. Л. 28–30.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Протокол Первой городской партийной конференции 3–4 февраля 1945 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

⁶ См.: О мероприятиях по проведению 50-летия изобретения радио А. С. Поповым // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 1. Д. 3. Л. 152–156.

колоссально расширяло мир⁷, в советских условиях это означало также включенность в жизнь страны, общий порядок как профилактику опасных отклонений от генерального курса. Возможно, именно из-за Попова, точнее из-за его причастности к радио, власти Краснотурыинска и включили Турьинские рудники в свою историю, можно сказать, на паритетных правах, т. е. не исключительно как воплощение отсталости и безнадежности старой жизни, но и как источник славных дел, вроде радио.

Памятник изобретателю радио был установлен в 1959 г., в год его столетия, неподалеку от центра, но не на центральной площади. Зато фотооткрытка 1964 г. (рис. 5.1), помещает памятник в центр монтажной композиции и тем самым в центр самых значимых городских пространств.

Рис. 5.1. Виды Краснотурыинска, родины изобретателя радио А. С. Попова, 1964 г. // ГАСО. Ф. 1. Оп. 30. Л. П-2817

В советское время решение о позитивной преемственности города в отношении старого поселения не было популярным – ни до, ни после 40-х. Образованный в 1932 г. Комсомольск-на-Амуре игнорировал родство с селом Пермским, начавший строиться в 1957 г. Качканар – с Валериановском. Если эти поселки и упоминаются, то только как вешки, которые миновали первостроители в своем победном продвижении.

Символический капитал знаменитости, таким образом, широко использовался для организации притока ресурсов, при этом в публичном дискурсе экономический мотив, конечно, не афишировали. В 1999 г. городская газета скажет, что увековечить память Попова краснотурыинцев побудила «гордость за свой край, за то, что здесь родился такой знаменитый

⁷ Дж. Урри приводит слова Хайдеггера о том, как радио расширяет повседневную среду, преобразует маленький мирок местной жизни [Урри, 2012а : 322–323].

ученый» (Вульф Г. Домик Поповых // Заря Урала. 1999. № 32. С. 2). Имя известного земляка сработало не только в части конвертации в финансовый капитал, материальных поступлений и организационных выгод (на начальном этапе), произошла и собственно символическая капитализация. Рассказывая о своем городе, сегодня о Попове захлеб говорит и стар и млад. Так, молодой человек сообщает: «У нас здесь Попов родился и первое время работал» (КрМ24); 75-летний краснотурьинец поставил музей Попова на второе по значимости (после площади – «маленького Ленинграда») место, акцентируя также личную причастность:

Музей Попова, это тоже все-таки гордость, это мирового... это я даже был, мне когда-то от горкома поручали... Я ездил в Ленинград, и мне поручили завести подарки двум дочерям, они уже были пожилые, такие старые женщины... Они там на улице профессора Попова (смеется) жили. У нас просто Попова улица, а там профессора Попова на Петроградской стороне, вот я у них в гостях бывал даже (КрМ75).

Есть и скептическая оценка потенциала известного имени с точки зрения современной туристической привлекательности города:

То, что здесь Попов родился, изобретатель, один из изобретателей радио, это, конечно, славно. Но, я думаю, мало кто захочет, даже в туристических целях, ехать сюда из-за этого. Чтобы посмотреть его дом, где он жил, собственно? К тому же Попов, он все-таки вызывает споры как изобретатель радио. Тот же Маркони, ну буквально через несколько лет, тоже подал, запатентовал даже свою идею, в отличие от Маркони, Попова то есть. Тесла, ну Никола Тесла, американский, получается, ученый сербского происхождения, он за 5 лет до Попова еще тоже изобрел, опробовал принцип действия радио. То есть тут очень спорно все (КрМ25).

В Лесном тоже гордятся А. Поповым, только здесь речь идет о многократном чемпионе мира по плаванию, ныне члене МОК. Знаменитый пловец родился в Лесном, занимался в местном спорткомплексе «Факел», и теперь его «портрет этажей в семь высотой»⁸, как и изображения других олимпийских чемпионов, украшает торцы домов на центральной улице. «Наши земляки на аренах мирового спорта» – гласит надпись на стенде с фотографиями (рис. 5.2–5.4).

⁸ У нас в гостях: Александр Попов, четырехкратный олимпийский чемпион по плаванию // Гость на E1.ru – Екатеринбург он-лайн. URL: <http://www.e1.ru/talk/guest/desc/311.htm> (дата обращения: 15.07.2015).

Рис. 5.2. Лесной (фото сделано во время интервью ЛЖ27)

Рис. 5.3. Лесной (фото сделано во время интервью ЛЖ41)

Горожане о нем знают и помнят: *«наш самый прославленный олимпиец, это, конечно, Александр Попов, пловец. Он занимался здесь у нас, начал заниматься. Все его знают. Ну и много других олимпийцев есть, которые из нашего города, их не так уж и мало. Есть и гимнастка Ольга Гладких, художественная гимнастика, конькобежцы, тоже очень сильная у нас секция конькобежного спорта»* (ЛЖ28). Причем в ряде интервью встречаем пересечение общемирового и частно-биографического масштабов: для кого-то мировая знаменитость – одноклассник по плаванию, кто-то учился в той же школе:

Это наша гордость. Это, правда, наша гордость. Потому что вот с Александром Поповым, допустим, я вместе плавала в свое время у Витман Галины Владимировны, мы были в одной группе (ЛЖ41).

Великий во всех смыслах пловец Александр Попов у нас из нашего города. Кстати, учился он в 71-й школе, я там тоже одно время учился (ЛМ27).

Есть дома, на которых вот это гордость Лесного, вот эти большие баннеры – там как раз Александр Попов, это гордость Лесного (ЛЖ27).

Это спортивный клуб «Факел» наш. Это хоккейный корт у нас. Сейчас пойдем мимо плавательного бассейна, где Саша Попов начал тренироваться (ЛМ58).

«Воочию» воспринимаемые знаменитости вызывают чувство гордости, эффективно формируя положительную идентификацию с городом. Участница исследования из Лесного, не считающая этот город своим в полной мере, несмотря на 21 год жизни в нем, также поддерживает общее восхищение. Даже несколько недолюбливающая Лесной женщина призналась:

У нас город значит, конечно, нашими спортсменами. Я сама их раньше видела только по телевизору, но когда городу было 55 лет, по-моему, у нас было грандиозное шествие, это просто супер, можно было показывать по телевизору, я увидела и Александра Попова, великого нашего пловца, и Наталью, тоже пловчиху, фамилию не помню, они все в постерах висят на домах, Костю Ускова... воочию. Я тогда, думаю, уже ощущаешь, насколько они великие у нас спортсмены и что они уже из твоего города (немного иронично, но с восхищением) (ЛЖ43).

Для маленького города очень важно иметь способы расширения вовне, как и наличный опыт управления масштабами. Именно эту потребность удовлетворяют знаменитости «не городского масштаба, а дальше»: «у нас даже есть и чемпионы (смеется). Не городского масштаба, а дальше» (КРЖ77).

Имена спортсменов обрастают мифологией. В Краснотурьинске новую лыжную базу обязательно связывают с именем параолимпийской чемпионки: «лыжную базу, которую едем посмотреть, она построена благодаря Анне Бурмистровой, это параолимпийская чемпионка, она с нашего города». Однако просто фактом ее происхождения из этого города дело не ограничивается, место имеет свою легендарную историю:

Параолимпийская чемпионка, которая, не хочу соврать, то ли к Путину, то ли к Медведеву напрямую подошла и сказала, что «я из маленького такого города, что нам надо», и ей здесь построили, ну увидите, и освещенную трассу, и спортивную школу.

И в то же время информант устанавливает близость к этим достижениям через собственный детский-юношеский опыт. Свое участие помогает установить и оживить дистанцию между прошлым – старой лыжной школой – и столь замечательно приобретенным настоящим:

– И когда это было?

– Это было года 2, наверное, назад. Ну 2–3, так вот. Потому что школа, лыжная которая, я ее сам закончил. Тоже бегал за сборную области (КрМ34).

Затем на месте информант еще раз повторит:

Вот старая спортшкола, я в ней когда-то занимался. Тоже за сборную области бегал на лыжах. А это вот новую построили (КрМ34).

Приведенные выдержки хорошо демонстрируют также и вплетение символического капитала известного имени в локальную идентичность: не сговариваясь, информанты щедро пересыпают свою речь притяжательными местоимениями множественного числа – «наш», «нашего города».

Рис. 5.4. Лесной.
Фотография спортсмена
А. Попова среди портретов
известных людей города

Содержание рассказов, сопровождающих демонстрацию спортивных объектов, может отличаться другой тональностью и быть довольно грустным – темпоральный контраст золотого века в прошлом и упадка в настоящем. Цитированный выше рассказ о новой лыжной базе в Красно-турьинске как раз содержит такие нотки упадка:

Раньше больше людей занималось, как муравейник было. В мое время. А щас тут... Ну, все равно занимаются, финансирование есть, они какой-то грант вот выиграли на покупку инвентаря, так как она до сих пор считается школой олимпийского резерва (КрМ34).

В других случаях контраст образуется за счет разности шкал столицы и маленького города, зарубежного и отечественного. В интервью встречается неутешительный вывод о том, что столица забирает перспективных спортсменов:

Лыжник Бадаминин, чемпион мира, с нашего города. Здесь начинал. Дальше берут его. Дальше Москва забирает тренировать-то уже. ...Там-то им больше дадут. Здесь-то чего? Здесь азы дадут им. Только они подымутся, и сразу их отсюда забирают, силком даже. Все. Видят, что перспективы есть (ЛМ58).

В рассуждении жительницы Заречного предполагаемый выход на глобальное чемпионство очень быстро переходит в регистр преимуществ зарубежного, т. е. дело уже не в различии масштабов глобального/локального, но в сопоставлении мест здесь и за рубежом:

Вот в этом корпусе находится теннисный корт. ...И готовят, так сказать, будущих чемпионов. ...У нее мама сама тренер, поэтому она дочкой так плотно занялась. И вот сейчас она учится в Штатах. Ей остался год обучения, 4 года она там играла в местной команде, и они очень хорошие места занимали. Я смотрела несколько интервью с ней, что вот, пробивается все-таки хорошо. Единственное, разочаровывает, почему она уехала туда в принципе, как и Шарапова когда-то, – у нас нет такой возможности развития. И поэтому они едут учиться и заявить о себе в Штаты, потому что там им могут предложить условия. А у нас нет такой заинтересованности, по крайней мере, не умеют так хорошо вложиться (ЗЖ21).

Таким образом, наличие молодых знаменитостей в молодом городе предполагает особую возможность совокупной актуализации мест памяти не только общего и среднего уровня, но и личной причастности.

5.1.2. Включенность в историю страны: «а вы знаете, почему улица Ленинградская – улица Ленинградская?»

Человек приручает пространство, делает его своим, удобным и хранящим смыслы в значительной степени через называние, присвоение имен [Tuan, 1991 : 686]. Официально закрепленные названия городов, улиц и площадей, парков, стадионов и других значимых объектов имеют эффект канонизации и реификации определенного исторического нарратива, осуществляя, таким образом, контроль над пространством и временем, ландшафтом и историей [Light, Nicolae, Suditu, 2002 : 135–136]. Современные критические исследования названий мест (place-name studies) привлекают внимание

к идеологическому, а также расовому, гендерному и коммодифицирующему производству ландшафтов [Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2010 : 457]. На постсоциалистическом пространстве больше всего бросается в глаза, конечно, идеологическая компонента названий. Созданные в 40–50-е, наши молодые города, безусловно, воплотили стиль советской большой истории в своей топонимике. При желании по этим именам можно читать историю страны, при этом на поверхности будет официальная версия, а в просветах и пропусках можно увидеть другие интерпретации⁹.

Г о р о д не сразу при рождении получает имя. Название участвует в идентификации, в данном случае – фиксирует оформленность и основательность, долговременность поселения. И конечно, фиксирует сам статус города.

У закрытых городов особая история наречения. Как и все секретные объекты (заводы, стройки), такие поселения образовывались и долгое время существовали под номерами. Номера могли меняться один на другой, но не на имя собственное. Соответственно факт присвоения такого имени знаменует переход поселения в иное состояние, даже при сохранении статуса ЗАТО: город выходит из тени, «появляется на карте». Массово такое поименование произошло в 90-е гг., после того, как само существование закрытых территорий было официально признано Законом РФ 1992 г.¹⁰ Так, Свердловск-45 получил название Лесной в 1994 г., впрочем, такое имя поселение носило с 1954 г., в 50–60-е оно активно использовалось в официальной документации¹¹. Сегодня долгое пребывание города под номерами, их смена обыгрываются как любопытный факт истории Лесного; на Дне города в поселке Горный (на котором мы побывали в 2014 г.) даже была устроена имевшая успех викторина на эту тему: ведущая предлагала собравшимся у местного ДК участникам празднования ответить, с какого года и как именовался город (точнее, территория с ведущимися на ней строительством и производством). Отмечают череду именовании и наши информанты, как в логике своего рассказа:

⁹ Применительно к сибирским городам, прежде всего к Иркутску, М. Рожанский говорит о «стиле большой Истории» [Рожанский, 2013 : 13]. Наше исследование не подтверждает вывода Рожанского о том, что советская топонимия не создает семантического богатства, в ней мало советской истории [Там же, 2013 : 11]. Впрочем, для корректного сопоставления необходимы четкие критерии.

¹⁰ Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (последняя редакция 13.07.2015) «О закрытом административно-территориальном образовании». Российские ЗАТО являются предметом анализа ряда работ: [Gentile, 2004; Rowland, 1996; Ømeland, Ørgensen, 1998; Danilova, 2014].

¹¹ Например, в справках Лесного горкома КПСС в Свердловский обком КПСС. 04.02.57–18.11.62 (ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 57. Д. 149). См. также: [Атомные города Урала... С. 35, 39].

Город с 47 года. И какое-то время он был даже без названия. Его просто называли, по-моему, база. А потом только Свердловск-45 и, по-моему, в 94-м году его уже переименовали в город Лесной (ЛЖ64),

так и в ответ на уточняющие вопросы:

– Почему Лесной?

ЛЖ64: ... Допустим, Новоуральск был Свердловск-44, челябинские закрытые города Озерск, Трехгорный. Я поняла, что это все равно что-то связанное с природой. А конкретно почему наш назван Лесным? Да вообще-то он в лесу находится. Наверно, поэтому.

– Ну то есть долго не задумывались?

ЛЖ38: Мне кажется, было какое-то, как конкурс на название. Нет?

ЛЖ64: Да, да, да, да.

ЛЖ38: Жителей опрашивали.

ЛЖ64: Конкурс был и на эмблему города. Да. Все это было, да.

– Ну то есть это не то чтобы неформальное название, которое сложилось внутри города? Потом сделали его официальным названием?

ЛЖ38: Неофициальное название вообще «Семерка» была. Все «Семерка» называли.

Имя засекреченного поселения, с одной стороны, должно как-то выражать его идентичность, а с другой стороны, удовлетворять условиям сохранения секретности. Черты идентичности поэтому заимствуются конечно же не из характера градообразующего предприятия, а из свойств местности, далеких от уникальности. Как заметил один из информантов, Лесному и Снежинску стоило бы поменяться именами: *«надо было назвать нас Снежинском, потому что у нас больше снега, а он находится в Челябинской области, а его Лесным – там больше леса»* (ЛМ26). «Лесной» – замечательно универсальное название, именно так назывался в первое время и поселок строительства Белоярской ГРЭС, пока не превратился в Заречный, а среди российских ЗАТО есть г. Заречный Пензенской области.

Участие жителей в присвоении названий довольно эфемерно, но создает эффект причастности, субъектности и субъективации (см. 4.3). Опросы и конкурсы на выбор имени того или иного городского объекта прекрасно работают на усиление локальной идентичности. Городская газета в Лесном подробно прорабатывала такой сюжет с новым мостом через центральную улицу. В течение 2011 г. газета освещала строительство этого «не совсем обычного для города объекта – пешеходного моста» (*Фирсова Н.* Мост строится // Вестник. 20.10.11) в репортаже с торжественного открытия, возводя его даже в ранг давней мечты:

Более сорока лет в Лесном мечтали построить пешеходный мост, и именно в годы работы нынешнего главы многолетняя мечта лесничан осуществилась! (Саутова Т. Мост – это добрая примета! // Вестник. 08.12.11).

А спустя несколько дней газета поддержала предложение читательницы найти мосту имя. Аргументация характерным образом включает уральский город в мировой контекст, ставя вровень с северной российской столицей:

Тенденция давать мостам имена принята во всем мире, и Россия тоже не отстает. Татьяна Алексеевна рассказала, что долгое время жила в Санкт-Петербурге (тогда – Ленинграде), а там каждый, даже самый маленький мосток, имеет имя, не говоря уже о популярных и любимых горожанами и гостями Северной столицы мостах (Рождественская Ж. У моста должно быть имя! // Вестник. 15.12.11).

Показателен и заключительный аккорд обсуждения. В недавнем прошлом начальник Управления образования Лесного, как сообщает газета, предложила «[с]амое достойное название – Александров мост». Обоснование четко обозначает смысл именования – обозначить вехи истории: «два Александра – Авдюков, первый председатель горисполкома, и Иванников, первый избранный народом мэр, – две вехи истории нашего ЗАТО. Первый сделал много для становления города, второй – для развития и укрепления Лесного. «Мост будет символизировать связь двух важных для истории города эпох, – считает Наталья Афанасьевна, – к тому же это название, безусловно, красивое и величественное» (Рождественская Ж. Имя моста: есть лидер! // Вестник. 05.01.12).

Красивое и величественное название сильно отличается от доброй половины предлагавшихся, как, например, Даренкин мост (поскольку выходит к библиотеке Бажова), Радуга, Арфа, Горбатый (по форме сооружения), Мост желаний, свиданий, поцелуев и т. п. Этот мост был обязательным пунктом посещения почти во всех лесничанских go-along маршрутах, само название «Александров мост», правда, встретилось только в одном интервью и с противоречивыми коннотациями:

...Мэром работал Александр Иванович Иванников. Вот в честь него мост назвали, хотя история того, как он у нас покинул этот пост, не очень красивая. Но все равно его очень любят, помнят до сих пор. И все его уважают. Нам, простым, никогда не расскажут то, что было на самом деле, нам подали, мы узнали. А как оно было, я даже не вдавалась и не вдаюсь. Никто не знает. Мост остался (ЛЖ43).

Р а й о н ы в строящемся поселении тоже не сразу получают собственные имена, как правило, первое время их различают по номерам. В Качканаре цифровое обозначение адреса по микрорайонам, без названий улиц, закрепилось и составляет предмет гордости горожан как нечто необычное, как им кажется, отличающее их от других:

Вообще у нас город он разделен не как во всех городах, по улицам, в основном по микрорайонам. То есть и они цифрами идут там – пятый, десятый, восьмой, пятый «а». Чаще всего, когда пишешь, например, письмо кому-нибудь и указываешь там: город Качканар, 5-а-6-67, все думают, что это номер телефона (КЖ28).

В Краснотурьинске микрорайоны в первые годы точно так же фигурировали под номерами, однако сегодня эта практика не вспоминается и не афишируется, некоторые районы идентифицировались по номерам отрядов трудовой армии. В Лесном также до сих пор сохранилось обозначение ряда территорий как номерных кварталов, один из новых микрорайонов носит название «Шестой». Именно в таком качестве, за подписью «Шестой микрорайон», он фигурирует на цветной вкладке в современной энциклопедии города [Атомные города..., 2012].

У местных жителей такое деление города на кварталы-микрорайоны и их цифровое обозначение не вызывает никакого раздражения. Более того, номер провоцирует ряд воспоминаний, точно так же, как в других городах название улицы или района:

– Вот у нас их 11 кварталов, ну или микрорайонов, какая разница, это одно и то же. Да, это вот. Сравнительно-то. Но у нас строили не всегда же по порядку. Вот, допустим, вот это 8-й квартал. Проходили мы вот где вот стадион – там 9-й; 9-й почему-то раньше построили намного, чем вот этот 8-й. Так вот строили, видно, так удобнее было строить. Этот-то намного моложе квартал, чем вот 9-й, допустим.

– А это какой номер?

– Это 8-й. Ой, тут мы бегали, я помню, училище, это 16 лет мне было, 17 (КЖ51).

Женщина, которая переехала в Лесной после окончания института, наоборот, ужасается цифровому обезличиванию городских мест: «Когда мы приехали, здесь было 42, 35, 100... боже мой. Какие-то сотые, сорок вторые, шестьдесят второй» (ЛЖ43).

У л и ц ы в индустриальных городах, их названия, точно так же отражают историю не только страны, но и города.

Ну, изначально вот эти улицы главные, которые вдоль города самого идут, они только имели названия. Поперечные улицы, они названия не имели, вплоть до 45-го года, если мне память не изменяет, и улицы в принципе те, которые имели название, носили совсем другие имена.

Так вот, улица Микова, она, насколько я помню, называлась вообще улица Сарайная. Та улица, которая за улицей Ленина идет. Так, ну после того как город получил свой статус, ну именно города, а не поселка, у поперечных улиц тоже появлялись названия. Так вот у нас улица Сталина вон там идет, она сейчас называется улица Карла Маркса. Там стоял бюст Сталина около музыкальной школы. Бюст потом переместили, он сейчас стоит у водохранилища, в глубине, ну его переместили... после прихода Хрущева (КрМ25).

Улицы Ленина есть во всех городах, за исключением Качканара. В Заречном информанты говорят про треугольник главных улиц: Курчатова, Ленина, Ленинградская, однако один из участников исследования подчеркнул статус улицы Ленина, общий для всех советских городов:

Улица Ленина она идет через весь город и в принципе уходит на выезд. Ну, я думаю, как в любом городе, улица Ленина – она главная. Не встречал таких городов, где улица Ленина была бы какими-нибудь дворами (ЗМ23).

В Краснотурьинске и Лесном информанты рассказывали истории с передвижениями памятников Ленину. В Лесном и Заречном есть улицы Дзержинского. Улица Сталина в Краснотурьинске была переименована в Карла Маркса, в Лесном – в Коммунистический проспект, отдельные информанты упоминают об этом.

Наряду с именами политических деятелей улицы указывают на политически важные социальные группы. Так, улица Комсомольская имеется во всех четырех городах, в Краснотурьинске, кроме того, есть еще улица Ленинского комсомола, а также Пролетарская и Красноармейская, в Лесном – Пионерская. Топонимика советской большой истории включает праздники, например, улица 8 Марта в Краснотурьинске и Лесном, и события: в честь Победы названы улицы в Лесном и Краснотурьинске, а также площадь в Заречном, где есть еще улица 9 Мая.

Политически окрашенные топонимы соседствуют с именами признанных в советское время писателей, например, улицы Лермонтова и Островского имеются в Краснотурьинске, Лесном и Заречном; Гоголя – в Краснотурьинске и Лесном; Мамина-Сибиряка – в Лесном и Заречном. Улица Бажова есть во всех четырех поселениях.

Во многих советских городах есть улицы, названные в честь той или иной почитаемой профессии. В наших моногородах это названия профессиональных градообразующих предприятий: Алюминщиков в Краснотурьинске,

Энергетиков в Заречном, Горняков в Качканаре (в пос. Валериановском). В Лесном такой улицы нет. В Лесном, Качканаре есть улица или переулок Строителей.

Неформальное название «брод» напоминает о временах стиляг и производит специфический семантический микс в сочетании с официальным именем улицы «Коммунистический проспект» в Лесном: *«Это брод, мы называем все Компроспект, брод»* (ЛЖ64). «Компроспект» в Лесном – это уже устоявшееся название, почти все информанты так называют любимую пешеходную зону, сокращенный вариант вполне присвоен, и его изначальное идеологическое значение растворяется в повторах повседневности.

Своеобразная связь с большими историей и географией работает через запечатление в городской топонимике факта участия в создании города людей из разных частей страны. Так, краснотурьинцы обязательно проговаривают родство с Ленинградом – «маленький Ленинград», указывая на центральную площадь, спроектированную ленинградскими архитекторами. В Заречном нам рассказали, что улица Ленинградская так названа потому, что большое участие в строительстве принимали приехавшие из этого города. В «хрониках» зареченского журналиста С. Гончарова отмечено, что в августе 1956 г. на ударную стройку по сооружению Белоярской ГРЭС прибыло почти 400 ленинградцев. *«Встретили нас в Баженово местные комсомольцы, погрузились на автомашины, и с песнями под баян и гитару нас повезли на стройку, – вспоминала впоследствии одна из первостроителей Заречного Алевтина Колесник. – Разместили в вагончиках (теперь на этом месте склады бывшей базы ОРСа), установленных в два ряда, и назвали улицу Ленинградской»*¹². В изложении 18-летней жительницы Заречного с героики/романтики первостроителей акцент уверенно смещается на факт переименования города на Неве и уже его топонимические особенности:

А вы знаете, почему улица Ленинградская – улица Ленинградская? ...Вообще изначально эта улица называлась не улицей, а линией. Потому что сюда же приезжало очень много народа из Санкт-Петербурга, в то время это Ленинград был. И здесь в основном жили из Питера люди. И назвали «линия», потому что у них же там линии, а не улицы. И вот в честь ленинградцев у нас улица Ленинградская (ЗЖ18).

¹² Гончаров С. Родные хроники 1956. 3 авг. Какими они были, первые строители Заречного? // Зона-СГ: Город Заречный и Белоярская АЭС. 02.08.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/zonasg2?w=wall-55254633_9112 (дата обращения: 04.08.15).

Санкт-Петербург очень вдохновляет эту девушку, поэтому и в данном эпизоде важным оказывается, что «приезжали» и «жили» люди «из Питера», а не то, что они здесь строили и как. Кроме того, Заречный хранит память о временах побратимства с Таховским районом Чехословакии в названии гостиницы «Тахов» и Таховского проспекта.

С одной стороны, дискурс молодых городов с его зарождения в раннесоветское время и до сего дня смакует затерянность нового поселения где-нибудь в тайге. С другой стороны, город предстает включенным в пространственные и исторические сети взаимодействий. Прибавочный продукт рассказов о том, из каких удаленных и замечательных мест, вроде Ленинграда, приезжали строители, – это помещение молодого поселения в центр внимания всей страны. Накапливаясь, этот опыт включенности, так же, как и авторитет известного имени, превращается в символический капитал города.

В топонимическом закреплении объектов городского масштаба хорошо прослеживается наличие и значение градообразующего предприятия не только для описываемого города, но и для страны в целом. Основной компонент, обеспечивающий важность моногорода для страны, как ни цинично прозвучит, это градообразующее предприятие, что хорошо прослеживается в топонимическом закреплении объектов городского масштаба.

5.2. Локальное – городское, региональное: ««Сорокалетка» была, есть и будет»

Топонимика молодых городов, как правило, включает имя первого д и р е к т о р а градообразующего предприятия, который фактически отвечал на начальном этапе за строительство и жизнеобеспечение поселения. Тем самым начало фигурирует не только как значимый пункт в собственной, внутренней истории поселения, но и отсылает к более широкой, общегосударственной значимости тех свершений. В этом ключе М. Рожанский говорит о культе исторического смысла стройки как оправдании лишений.

Формирование пространства памяти в молодых городах всегда начиналось с культа исторического смысла стройки – памятных знаков, наименования улиц в честь первостроителей и первого руководителя градообразующего предприятия. Но первоначальная значимость этих мест памяти о историческом смысле стройки как оправдании жизненного выбора и жизненных лишений

сохраняется не более чем для двух поколений – приехавшего на стройку и первого выросшего в новом городе. Разрушение советской системы резко ускорило девальвацию этого символического капитала [Рожанский, 2014 : 13].

А. Ассман еще более категорично утверждает, что фактическая длительность политической памяти, к культурным практикам которой она относит установление памятников, именование улиц и школ и т. п., не превышает длительности самого режима [Ассман, 2014 : 214]. Тот факт, что в современной России довольно много культурных знаков советского времени, согласно этой логике должен означать продолжающееся присутствие советского «режима». Применительно к теме данной книги нам представляется более уместным говорить о континуальности, инерционности и преемственности социальной памяти, какие бы разрывы, барьеры и наслоения ни производились политическими и иными средствами.

Герои наших интервью так или иначе упоминают о запечатленных в топонимике именах, об одних со знанием дела, относительно других путаются или встают в тупик.

Рис. 5.5. Мемориальная доска на улице Рюмина в Краснотурьинске

В Краснотурьинске есть улица Рюмина – директора БАЗа (в 1948–1962 гг.) (рис. 5.5), но это имя оказалось вытеснено в рассказах именем Попова. В одном (групповом) интервью возник сюжет с двойным написанием названий улиц – по-русски и по-немецки. Молодые горожане показали такую табличку на доме по улице Ленина, потом обнаружилась еще одна на доме по улице Карпинского.

– КрМ19: Много же немецких фамилий у нас в городе.

– КрМ24: А, да. Как бы это все осталось. Штайнер, Бауэр, Шмидт... Швайеры, Майцеры, хватает немецких фамилий. У нас даже умудрились

на этом, на некоторых домах по улице Ленина, табличку сделать и на русском, и на немецком.

– КрМ19: Примерно год назад...

– КрМ24: Скорее всего это, на местном форуме... шло обсуждение¹³. ...Большинство, конечно, отрицательно высказались. Скорее всего, может, по желанию жильцов и управляющая компания. Якобы что очень много у нас здесь немцев живет. Не то что немцев, а у кого родственники в Германии, кто сам с Германии тоже, переселенцы тоже.

Рассказывая о названной в честь строителей БАЗа улице Базстроевской, один из молодых людей упомянул о комсомольской стройке:

Эти дома строили комсомольцы, с комсомольской стройки. Именно этот дом строили меньше чем за год, за 7 или за 8 месяцев. ...Не то что комсомольская стройка, а комсомольцев присылали, в основном этот дом постройкой занимались комсомольцы. 57-й или 58-й (КрМ24).

Функционирование топонимики в качестве опоры и ориентира памяти зависит от биографического опыта. Так, молодой житель Лесного рассказывает о переименовании одной из улиц, затрудняясь сообщить ее прежнее название: «*Эта вот дорога налево... она сейчас называется улица Сиротина. Как она называлась до этого, не знаю, но я знаю, что ее переименовали в 90-х годах. И названа она в честь героя Советского Союза, который впоследствии жил в этом городе. Опять же не знаю, как по имени-отчеству человека звали*» (ЛМ27). Сорокалетняя жительница Лесного, рассказывая о той же улице, без запинки, можно сказать на автомате, сообщила ее первоначальное название, ведь это улица ее детства: «*Улица Сиротина. Раньше была Советская. То есть мы очень давно здесь живем. Здесь прошло все мое детство*» (ЛЖ41).

В Лесном упоминали также об улице и школе им. Д. Васильева, первого директора. В Заречном юная информантка объяснила, что улица Невского не в честь князя Александра Невского, а в честь первого директора БАЭС В. Невского. В Качканаре так увековечено имя первого секретаря горкома партии – Гикалова.

В Заречном хорошо известно имя Курчатова: «*Это вот улица наша почти как главная – Курчатова, основоположника. ...Во всех городах у нас официально главные – улицы Ленина. Поэтому официально главное у нас*

¹³ Обсуждение табличек на немецком языке происходило на городском форуме: URL: <http://forum.krasnoturinsk.org/cgi-bin/yabb2/YaBB.pl?num=1339436645/0#pagetop> (дата обращения: 10.07.2015).

идет улица Ленина, которая через площадь проходит и в сторону БАЭС убегает» (ЗМ48).

Далеко не все имена, однако, так хорошо знакомы. «Ученый-атомщик» Петр Алещенков, чье имя стало особенно часто звучать после того, как часть улицы его имени оказалась переоборудованной в пешеходный бульвар, не обрел вместе с тем персональной известности: «– *Бульвар Алещенкова. – А Алещенков – это кто? – Ну вы спросили тоже*» (ЗЖ20). Информант постарше идентифицировал героя через знакомое имя: «*это тоже один из помощников Курчатова*» (ЗМ48). Та же участь постигла и большевика Михаила Гавриловича Микова, члена первого Совета в Турьинских рудниках. Юные информантки затруднились сказать, в честь кого названа улица Микова в центре города, хотя только что с почтением показывали мемориал погибшим красногвардейцам, где есть и фамилия Микова.

Компетентное владение топонимикой не просто входит в локальную социальную компетентность и идентичность, но и дифференцирует обитателей локуса. В Лесном обнаружилось разделение по возрасту: 20-летние знают свой кинотеатр только под названием «Ретро», тогда как для 40-летней Людмилы он существует исключительно под прежним именем:

Вот у нас есть кинотеатр «Ретро». А для меня он остался «40 лет Октября». Вот у меня подружка молодая, ей... ну, 21–22 года. И вот она мне говорит, почему ты его постоянно так называешь? Я говорю, ну потому, что это «Сорокалетка» была, есть и будет. ...Вот возрастная категория 40 – спросить, только так его, наверно, и помнят. «Ретро» – очень трудно. Может, молодые и говорят «Ретро» (ЛЖ41).

Можно предположить, что молодым был бы непонятен смысл прежнего названия: что за 40-летие, какого октября? Для Людмилы же значимость первоначального имени определяется скорее принадлежностью к миру ее детства и юности, чем отсылкой к истории советского государства и даже истории города и самого этого кинотеатра, который был открыт в 1957 г.¹⁴, в год 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

Все приведенные выше сюжеты официальной городской топонимии гендерно не симметричны: улицы носят имена выдающихся мужчин, а не женщин, воспроизводя соответствующий гендерный порядок. А вот

¹⁴ 1957 год в качестве даты открытия кинотеатра приводится в новейшей Энциклопедии о Лесном [Атомные города..., 2012 : 83]. В книге «Лесной: история закрытого города» [Лесной... 1997 : 325] указана другая дата – 1958 г.

в народной топонимике встретить женские имена гораздо легче, даже если это не чье-то конкретное имя, а образное выражение, как в названии пригорка на пустыре:

Вот это мой родной, он называется педиатрический корпус. Там кардиология, неврология отделения и терапия. И функциональное есть. Вот это, слева, такой пустырь очень, очень неприятный, называется Дунькин пуп.

– Куб?

– Пуп. Такое простое название – Дунькин пуп. Вот там вот новое жилье строят, тоже как социальное заявлено. Вот там вот, прямо туда, если дальше уйти, там забор уже стоит.

– То есть вот это Дунькин пуп?

– Вот это да, Дунькин пуп. Потому что выпирает (ЛЖ27).

Официальные топонимы фиксируют имена мужчин-руководителей, отвечавших за серьезные задачи, неофициальный Дунькин пуп – неприятное пустое место. Кроме гендерного аспекта данная выдержка примечательна тем, что свидетельствует о свойствах вернакулярного пространства как близко освоенного, «родного». Человек здесь все знает, и любая мелочь значима, включена в отношения и наделена оценкой. В целом владение «народной» топонимикой свидетельствует об определенном уровне локальной социальной компетентности, ее использование воспроизводит и укрепляет локальную идентичность.

5.2.1. Город сравнивает себя с другими: (не)уникальность локального

Город идентифицируется не только через его собственные характеристики, но и в сравнении с другими городами. Для маленьких городов таким референтом зачастую оказывается «большой город» (просто большой город или конкретно Екатеринбург, Санкт-Петербург), в ряде случаев – соседние поселения того же порядка. С одной стороны, локальное тем самым обнаруживает свою уникальность, с другой же стороны – печется (или печалится) о стирании особых черт. Иными словами, город сравнивает себя с другими через уникальность и не-уникальность локального.

Уникальность локального: *«город оранжевых фонарей»*. Зареченцы выделяют оранжевый цвет как достопримечательность, *«такой вот цвет позитива»* (ЗМ23). Оранжевые фонари обрастают уже своей мифологией, соразмерной с биографией рассказчика. Признание некоторой неухоженности (ржавый оттенок, давно не красили) выдает скорее хозяйское и любовное отношение, нежели критичность.

Еще наш город раньше имел такое шуточное звание – город оранжевых фонарей. У нас, не знаю, с чего это повелось, но столбы фонарные украшали в оранжевый цвет. И по традиции на карнавал у нас приглашают каких-нибудь, скажем, именитых звезд. И в один год, я еще маленькая была, приезжали «Уральские пельмени». Мне, наверно, лет 10 было тогда или 8. И был открытый микрофон, задавали горожане свои вопросы. И одна маленькая девочка спросила: «А почему у вас рубашки оранжевые, как наши столбы?» На что один из «пельменей» ответил, что они ночью по столбам нашим лазили. И все, и город оранжевых фонарей. Ну, мне кажется, у нас только перед карнавалом цвет у них обновляют, чтобы они были сочными. А так вот они стоят немножко ржавого оттенка (ЗЖ21) (рис. 5.56).

Рис. 5.6. Заречный.
Оранжевые фонари
(фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

Еще Заречный иногда называют город оранжевых фонарей. ...Тут, наверное, не видно. Тут уже давно не красились фонари, а так все фонари оранжевого цвета у нас (ЗЖ20).

У нас город оранжевых фонарей. Я не знаю, если честно, почему так. Но у нас, если вы заметили, везде оранжевый цвет присутствует, даже мусорки у нас оранжевого цвета. И даже есть местная группа то ли «4к», то ли «404 рекордс», и у них в песне есть: «Это город оранжевых фонарей» (ЗЖ18).

Известный зареченский журналист С. Гончаров даже книгу о городе хотел озаглавить: «Заречный – город оранжевых фонарей». Автор уверен, что «приезжающие екатеринбуржцы» обращают внимание на уличные фонари – они все окрашены в оранжевый цвет. «Это давняя и очень чтимая жителями городка традиция. Иногда Заречный называют еще “Городом оранжевых фонарей”» [Гончаров, 2006 : 198].

В серии статей к 50-летию БАЭС городская газета характеризует «эпохальность» первого мэра Г. К. Леонтьева через причастность к фонарям:

Для территории он стал поистине эпохальной личностью. Говорят, что даже оранжевые фонари появились в Заречном благодаря Леонтьеву, который потребовал покрасить их в такой цвет «для изюминки». Теперь они визитная карточка нашего города (*Параскивиди Е.* 1996 год – оранжевые фонари Карпенча и тюльпаны на улицах // Зареченская ярмарка. 02.10.14. № 40 [Электронный ресурс]. URL: http://zar-yarmarka.ru/2014/40/1996_god_-_oranjevie_fonari_Karpeicha_i_tulpani_na_ulicah (дата обращения: 20.10.2015)).

Фигура мэра в маленьких городах довольно заметна, упоминания о нем нередко встречаются в наших интервью. В Лесном, как мы уже писали, именем мэра назван новый мост, хотя другие упоминавшие его участники исследования называли его просто новым, или синим мостом (рис. 5.7).

Рис. 5.7. Александров (синий) мост в Лесном (фото сделано во время интервью ЛЖ43)

В каждом городе можно было выделить места, вокруг которых тем или иным образом концентрировались практически все маршруты: в Заречном это был Алешенковский бульвар, в Лесном – новый мост. Для краснотурьинцев значимы антенна и часы на центральной площади, а также трамвай:

[Часы] минимум лет 50 здесь стоят, и они являются достопримечательностью нашего города. Как бы что за Краснотурьинск без трамвая и без часов, есть такое выражение (КрМ19).

Студент колледжа с удовольствием приводит подробности, превращая рассказ про световое табло в приключенческий роман, не преминув в конце подчеркнуть собственную причастность к этой городской достопримечательности:

Изначально... были использованы, задействованы обычные лампы накаливания и очень часто перегорали... В прошлом году они были выключены в связи с какими-то проблемами с финансированием. Лампы накаливания

потребляли очень много электроэнергии, а тут было свыше 1000 ламп накаливания, т. е. изображали цифры. Вот. И все-таки выделили деньги из бюджета, заказали новое оборудование и смонтировали. Монтировали ребята из колледжа. ...Вот смотрите, присмотритесь – тут от колледжа провод отходящий на опору и с опоры прямо на часы. То есть там, на 2 этаже, в кабине химии, есть блок управления. Я сам был там, видел (КрМ19) (рис. 5.8).

Рис. 5.8. Часы на центральной площади Красногурьинска. На переднем плане – строящийся ледовый городок (фото сделано во время интервью КрМ19, КрМ24)

Трамвай вообще и краснотурьинский в частности – символ городского благоустройства, зримый маркер городского качества жизни в раннесоветский период (см. 4.2). В то же время трамвай – плоть от плоти индустриального поселения, именно так связывались селитьба и проходная во многих городах. Его появление казалось вполне естественным после паровоза, сновавшего по временным путям стройки. Отсюда совершенно закономерно, что с упадком производства и развитием других средств передвижения, от маршруток до личного автотранспорта, трамвай становится нерентабельным. Красногурьинск стремился к своему трамвайному сообщению с конца войны, едва получил официальный статус города, но прошло почти десять лет, пока в 1954 г. наконец пустили первый маршрут от Набережной до завода, спустя еще три года – второй. Для этого руководству города пришлось преодолеть множество препон, включая вынесенное 27.09.1949 г. Ленинградским проектным институтом «Гипроалюминий» заключение об экономической нецелесообразности этого вида транспорта в Красногурьинске¹⁵. И тогда, и сейчас его символическая значимость перевешивает экономическую. Выдвинутая сторонниками краснотурьинского трамвая аргументация за 65 минувших лет, в общем-то, ничуть не устарела:

¹⁵ См.: Заключение по вопросу о рациональном выборе вида городского транспорта в г. Красногурьинске. 27.09.1949 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 327. Л. 11–13.

Создание для трудящихся отдаленного северного города Урала современного и наиболее дешевого вида транспорта, поднимающего значимость города... является важным фактом привлечения и закрепления постоянных кадров в нашем отдаленном городе¹⁶.

Отцы города очень хорошо понимали действительную «отдаленность» Краснотурьинска от центров цивилизации и не отказали себе в удовольствии отпустить шпильку в адрес Ленинградского института, – приведенная выше фраза в письме Отделу тяжелой промышленности ЦК ВКП(б) заканчивается заключенными в скобки словами: «...в нашем отдаленном городе (куда представители Гипроалюминия даже в командировку не хотят ехать)»¹⁷! Вряд ли подписавшие документ полагали, что стоит в Краснотурьинске появиться трамваю, как ленинградцы начнут массово к ним приезжать, а там и закрепятся на постоянное жительство. Тем не менее в актуальном дискурсе как интервью, так и местных СМИ¹⁸ это достижение цивилизации прочно связывается со «значимостью города»:

Если трамвай уберут, это уже будет не город, а уже будет поселок. ...Ну какой город без трамвая? (КрЖ17).

В Качканаре в качестве особого места предьявляют вертолетную площадку, которая сочетает деловое предназначение (*«сюда у нас вертолет прилетает, если что. ...Пожарные, тут с детьми, бывает, из реанимации, привозят»* (КМ30)) с неформальным (*«а это для любителей попить пивка. Молодежь как бы»* (КМ30)). При этом лирические, романтические коннотации: *«вот когда парень с девушкой познакомился, говорит, поехали на вертолет. Здесь как бы красиво»* (КЖ29); *«вон вид классный на гору вот здесь»* (КМ30) сочетаются с критическими оценками: *«Тут как бы*

¹⁶ По вопросу строительства трамвая в гор. Краснотурьинске. Октябрь. 1949 // ЦДОСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 327. Л. 4.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Краснотурьинские СМИ постоянно держат ситуацию с трамвайным движением в поле зрения, апеллируя при этом к его истории, переплетенной с историей города (см., напр.: Трампарк Красноурьинска 58 лет // Вечерний Красноурьинск. 17.01.12 [Электронный ресурс]. URL : <http://krasnoturinsk.info/tramparku-krasnoturinska-58-let/> (дата обращения: 20.10.2014); История красноурьинского трамвая // Вечерний Красноурьинск. 22.09.14 [Электронный ресурс]. URL : <http://krasnoturinsk.info/istoriya-krasnoturinskogo-tramvaya/> (дата обращения: 08.08.2015); Красноурьинск окажется без новых трамваев из-за нерасторопности властей? // Там же. 05.08.2015 [Электронный ресурс]. URL : <http://krasnoturinsk.info/krasnoturinsk-ostanetsya-bez-novykh-tramvayev-iz-za-nerastoropnostivlastej/> (дата обращения: 08.08.2015).

рыбаков постоянно. Летом особенно вся вертолетка заставлена машинами, музыка орет, молодежь вся, пьянствует в общем» (КМ30).

Буддистский храм – насколько своеобразная достопримечательность Качканара, настолько же и конфликтная в плане оспаривания права на место этим храмом и его сторонниками и ГОКом и зависимыми от него горожанами. Семейство, которое неоднократно посещало храм, рассказывает легенду о его водворении и виденное собственными глазами:

В соединении нескольких точек нужно построить монастырь буддийский. И вот он приехал и построил на горе. Там у них и козы живут, и курицы, и куча собак, всякие теплицы, всякие постройки, туда туристы приезжают. ...Если ты турист и хочешь у него там переночевать, остаться там на какое-то время, то можешь оставить там паспорт и у него пожить (КЖ29).

В отличие от более скептически настроенного мужа молодая женщина говорит с энтузиазмом: *«там очень интересно. Там такой подъем. Сколько там идти? Полчаса, наверное, вот от основания горы до этого монаха. Идешь и встречаешь периодически вот этих жителей, которые живут на горе, они там кто со шлакоблоком, кто с бревном, там они спускаются вниз. ...А там есть еще такое мертвое озеро. Оно как зеркало, такое красиво. ...Продают чай еще там (КЖ29).*

Качканарскую «китайскую стену» следует разместить где-то между уникальным и неуникальным, если ориентироваться только на название, весьма расхожее, в Лесном тоже есть своя «китайская стена», только там это длинный дом. По сути же качканарская стена довольно своеобразна. Расположенная в одном из знаковых мест – на главной улице напротив ДК, она служит основой для сменных экспозиций детских рисунков. Информанты несколько расходятся в оценке давности такого использования сооружения:

Эта стена у нас называется «китайская». Вот недавно, несколько лет назад, начали практиковать вот эти рисунки. Это дети рисуют эскизы, потом сюда переносят, на эту стену. Периодически их зарисовывают и рисуют новые (КЖ29).

Информантка постарше утверждает, что данная практика существует так давно, что иные дети успели вырасти:

Года через два меняют рисунки, которые вот они тускнеют. Многие уже выросли, некоторые старые рисунки, многие уже дети выросли, а вот рисунки остались. Ну их сейчас обновлять стали почаще (КЖ51).

Расходятся и печатные источники. В книге «Город юности Качканар» [2007 : 41] указывается, что детские рисунки, «посвященные родному краю, ветеранам Великой Отечественной войны, своим родным и близким», на подпорной стене стали размещать в год 45-летия Качканара – в 2002-м, тогда как сайт городской библиотеки предлагает дату 1998 г.¹⁹ Действительно уникальной делает стену (как и что-либо другое) ее история. Чтобы «вытащить» ДК из ямы, в свое время при благоустройстве улицы в этом месте решили снять часть грунта. Улица опустилась вровень с Дворцом культуры, а на месте образовавшегося перепада высот установили подпорную конструкцию, с 1998 г. на ней стали размещать детские рисунки. Публикации местной печати подчеркивают в этих преобразованиях роль первых руководителей города, включая секретаря горкома Гикалова²⁰. Его имя пару раз возникало в рассказах качканарцев, а стену нам показали все информанты, но история ее появления в интервью оказалась за кадром. В итоге место лишилось значительной части возможного символического капитала.

Почему так происходит? Может показаться, что города «короткой истории» как будто сопротивляются ее наращиванию, обнуляя или, как ящерица, оставляя хвост ненужного прошлого. Однако на фоне общего небрежения к истории молодые города отличаются как раз более трепетным отношением к своему прошлому. Может быть, люди отстраняются от политики, руководящих фигур? О современном руководстве они, однако, говорят охотно, но здание администрации города отмечается просто как данность. Интересная ситуация наблюдалась в г. Заречном, где здание администрации не обращено к площади своим фасадом. Если в других городах здание администрации упоминалось информантами, правда, с меньшим энтузиазмом, нежели трамвай или оранжевые фонари, то в Заречном практически никто на него не указывал.

Более вероятной представляется дистанцированность от советского в целом, особенно противоречивая в молодых городах. Возникшие в совет-

¹⁹ См.: «Китайская стена»: Знаменательные и памятные места Качканара : интернет-дайджест. 12.02.14 // Качканарская городская библиотека им. Ф. Т. Селянина. URL: <http://gorbib.org.ru/nash-gorod/137-znamenatelnye-i-pamyatnye-mesta-kachkanara?showall=&start=7> (дата обращения: 09.08.2015).

²⁰ См.: *Краснопевцева Г.* Романтик, оптимист, мечтатель. Он умел сплотить людей высокой целью, зажечь и повести за собой (Качканарский рабочий, 1999) // Краснопевцева Г. Дорогие мои земляки : очерки. Качканар : [б. и.], 2007. С. 180–185; Для чего в Качканаре построили 260 метров «китайской стены» // Качканарский четверг. 25.01.2012 [Электронный ресурс]. URL : <http://www.kchetverg.ru/2012/01/25/dlya-chego-v-kachkanare-postroili-260-metrov-kitajskoj-steny/> (дата обращения: 08.08.2015).

ское время, эти поселения были концентратами советскости, ее анклавами они остаются и сегодня. Трепетно пестуя историю первостроителей, в силу специфики своей темпоральности (см. 4.2.3), молодые города не научились еще коммодифицировать советское прошлое.

Еще одно знаковое для Качканара место – Лежневка – практически полностью выпало из интервью. Разговор о ней зашел только однажды, когда на дому у информантов мы листали книги о городе и спросили о Лежневке; 59-летний участник исследования уверен, что люди его поколения хорошо помнят это «историческое место». В рассказе Валерия Викторовича оно связано с развитием производства, где работали и его родители, и несет прежде всего функциональный смысл средства сообщения в специфических условиях:

Там был бетоносмесительный завод, там завод ЖБИ начинающийся... строительная база крутая. Так вот с горы отсюда была вот именно Лежневка из досок выполнена до конца. А поскольку город-то интересный такой, это все ступеньки все, может быть, их тысячи было.

...Люди каждый день тысячами ходили туда вот через лес напрямую. Это достаточно такое темное пространство, тайга, через тайгу несколько километров Лежневки (КМ59).

В городском фольклоре Лежневка тоже связана с бетонным заводом, но воспевается как романтическое место «зарождения любви». Согласно очерку качканарской журналистки сочиненную когда-то супругами Ведерниковыми песню о Лежневке на первомайской демонстрации пел весь город²¹:

По Лежневке, по Лежневке,
Вечерочком при огнях,
На работу на бетонный,
Провожашь ты меня...
Ах, Лежневка, ты, Лежневка,
Всех дороже нам дорог.
Вот на этой, на Лежневке,
Родилась у нас любовь.

²¹ См.: Краснопевцева Г. «Лукоморье». Чувств и мыслей трепетный посев. Качканар, 2013. С. 2–3 (см. также: Из книги «У истоков Качканара»: очерки, Краснопевцева Г. С. // Чета Ведерниковых. Домашняя страничка [Электронный ресурс]. URL : <http://niko-lalida.narod.ru/> (дата обращения: 18.08.2015)).

Были и другие стихи, выражавшие прагматику пользования временной дорогой:

...Ясным утром, вдыхая аромат лесной, / Качканарцы на работу все спешат гурьбой /

По тропинке, по Лежневке, / Не сбавляя шаг, / Качканарцы на работу / Все идут, спешат.

На Лежневке вдруг собралась / Целая толпа/ И в толпе той раздается: / «Прервана тропа»!

На пути нам встала яма, / С метр как глубиной, / А на дне там блещет лужа / С грязною водой (*Шибанова Т., машинист кислородной станции. Переход с препятствиями // На стройке Качканара. 30.07.59. № 12. С. 1).*

Судя по материалам 1959 г., если «злополучная дорога» (Сделать поселок чистым и благоустроенным // На стройке Качканара. 25.06.59. № 8. С. 1) и символизировала что-то, то только неустроенность жизни и «равнодушие» руководителей, как говорится в редакционном послесловии к вышеприведенному стихотворению. В данном случае мы имеем дело с критическим восприятием места. Нетрудно догадаться, какой из трех смыслов Лежневки нашел продолжение в культурной памяти: производственно-функциональный, романтический или критический. Разумеется, романтический. Замечательный рисунок Лежневки Л. Полстоваловой есть в книжке о Качканаре²², выпущенной накануне пуска первой очереди ГОКа в 1963 г., словесные и фотоупоминания в последние годы регулярно появляются в местной печати²³. В 2009 г. «Качканарский рабочий» отнес Лежневку к «неофициальным памятным местам», которые «в памяти народа живы, каждому понятны»²⁴. Учитывая, что без вопросов интервьюера о знаменитой дороге никто из наших информантов не обмолвился, сообщество памяти – т. е. социальную группу, для которой Лежневка действительно является значимым местом, – следует считать все-таки более узким. Наиболее точно его определяет юбилейное издание 2007 г. о Качканаре – это первостроители:

²² См.: Мой Качканар. С. 26.

²³ Хороший снимок 1966 г. «Знаменитая Лежневка» был прислан на фотоконкурс в городскую газету в 2014 г.: (фотоконкурс «Мой город вчера и сегодня» – Качканарский рабочий. 30.04.14. № 17. С. 20 [Электронный ресурс]. URL : <http://ikar-kch.ru/Arhive/2014/17.pdf> (дата обращения: 18.08.2015)).

²⁴ *Иванова Л., Иванов А.* Неофициальный Качканар // Качканарский четверг. № 26. 08.07.09. С. 20 [Электронный ресурс]. URL : <http://ikar-kch.ru/Arhive/2009/26.pdf> (дата обращения: 08.08.2015).

Слово «Лежневка» в душах первостроителей вызывает яркие воспоминания о далекой юности. Лежневка стала для качканарцев своим собственным «арбатом». По ней не только шли по утрам на работу, а вечером, усталые, возвращались домой. Это было место свиданий и романтических прогулок. Здесь знакомились и расставались, пели песни и плакали. Только по Лежневке девушки могли пройти в туфельках на каблучках, поскольку вокруг стояла непролазная грязь [Город юности..., 2007 : 9].

Лежневка сохранилась лишь как «просека» (КМ59), объект ностальгии старшего поколения; более молодые эту дорогу не застали и, судя по нашим интервью, не восприняли ни в коммуникативной, ни в культурной памяти.

А что ты говоришь про Лежневку, я Лежневку не помню, но зато я помню, как толпы народу в 6 часов с вокзала, оттуда... Это уже просто вместо Лежневки асфальт положили... Я помню, как шли... Я с музыкалки иду, и эти толпы ГОКовских (КЖ33).

Далеко не все исчезнувшие объекты постигает такая участь, часть из них продолжают свою жизнь в повседневных коммуникациях горожан – троллейбусное кольцо в Качканаре, парикмахерская «Локон» или магазин «Школьник» в Лесном. Затухание коммуникативной памяти о Лежневке обусловлено, на наш взгляд, не столько тем, что она физически ушла из обихода раньше того же качканарского троллейбуса, сколько ее разнополярной заряженностью. Производственная необходимость и в то же время негативные коннотации, видимо, были довольно сильны, так что как только удалось сменить «злополучную» дорогу на более функциональную, о ней благополучно стали забывать, делегировав романтический остаток соответствующему сообществу памяти.

Уникальность – особые дома: «наши знаменитые три башни...». В Качканаре это три 12-этажки. На эти здания обязательно указывают при прогулке по улице Свердлова, они красуются в наборе открыток и во многих изданиях о Качканаре.

КМ19: *Наши, ах да, наши знаменитые три башни, эти, как они называются, 12-этажки, я уже забыл, как они называются.*

КЖ19: *Три самых высоких здания, вид сверху очень красивый.*

КМ17: *На весь город у нас всего три 12-этажки, самые высокие здания в городе. Находятся рядом с площадью.*

Однако говорят о них обычно только как о самых высоких, акцент на особенностях внешнего вида, пусть и мимолетный, выглядит исключением: «*вот здесь вот сейчас начнутся двенадцатизэтажные дома.*

Три дома в виде звездочек. Ну, и с них отличный вид на город и гору. Туда можно подняться, я думаю, если еще не закрыли» (КМ15). В целом же коммуникативный формат коллективной памяти качканарцев не содержит упоминаний об архитектурно-композиционных решениях архитектора Торопова и истории их создания, вписанной в драматичную разработку генплана города²⁵. Между тем для официальной презентации города важно, что «дома-трилистники, удачно вписанные в природный ландшафт, – яркий пример того, как при типовой застройке можно создать неповторимый облик населенного пункта» (Гора Качканар и 12-этажные дома-«трилистники» // Панорамная галерея Качканара / Качканарский городской округ : официальный сайт. URL: http://www.admkgo.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=129&Itemid=389) (дата обращения: 08.08.2015).

В Заречном с иронией, но в целом позитивно упоминают самое высокое здание: *«И сейчас мы с вами поднимемся вверх и я вам покажу наш Высоцкий – 18-этажку, самый-самый высокий дом наш в городе»* (ЗЖ18) и ругают «сгущенку»:

Там наша знаменитая «сгушенка»²⁶, ужаснейший дом. Не знаю, все его так прозвали, «сгущенкой». По цвету, наверное (ЗЖ20).

Жители отмечают историю и как будто менее примечательных зданий:

А это МЖКовские дома стоят. В свое время все девятки, вот то, что возле ТЮЗа, три 9-этажки стоят – это все МЖКовские дома, скажем так, 5-этажки, это БАЭС строила и город, а эти вот 9-этажки все они строились МЖК. Вот городские и местные молодежные организации, скажем так, тогда комсомольские. Все это отстраивали они. И вот дизайн, такие картинки, видать, придумали. Все-таки не однообразная серость (ЗМ48).

Еще мне раньше очень нравились вот эти панорамные такие рисунки из кирпича на домах, потому что как-то везде серый невзрачный кирпич – и так на 9-этажках какие-то узоры выложены. Мне так нравилось, мне казалось, что это краской нарисовано сверху на домах (ЗЖ21) (рис. 5.9).

²⁵ См.: Грачев И. Трилистник Торопова, или О том, как прояснилось лицо юного уральского города // Уральский следопыт. 1981. № 10 (см. также: [Качканар..., 1999 : 197–203]).

²⁶ Про дом-«сгушенку» и другие есть подборка: Неофициальные микротопонимы города Заречный [Электронный ресурс]. URL: <https://maps.google.ru/maps/ms?msid=216622151872952754766.0004d44d8ffa41807a93d&msa=0&dg=feature> (дата обращения: 07.08.2015).

Рис. 5.9. Заречный.
Дом с рисунками из кирпича
(фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

В Лесном гордятся особой школой с обсерваторией и зимним садом (подробнее см. в главе 7), причем уникальным, «дико концептуальным», по выражению одного из лесничан, оказывается не только внешний облик здания, но и его содержание, создававшееся людьми. Зимний сад не просто растения, «это огромный... Его наш учитель биологии Лобанова... Татьяна Владимировна (пауза, вспоминает имя), получается с нуля все она садила, делала, ну уникальный сад там выращен, конечно» (ЛЖ30). В этом же городе нам показывали детский сад «Жемчужина», построенный в виде средневекового замка.

Неуникальность локального: «у нас город такой же, как большой город». При идентификации своего города через соотнесение с другими городами сравнение акцентирует не только различие, но и сходство, несмотря на разность весовых категорий маленького и большого города. Возможно, наиболее яркое уподобление мегаполису в рассказах информантов дают «с т р а ш и л к и».

Это у нас почти тут вот. Здесь у нас всегда были ужасы. ...Ну, как-то пару раз... у нас тоже своих приключений хватает, даже несмотря на то, что маленький город... больные везде найдутся. ...И маньяк тут у нас был (ЗЖ20).

Аккуратно! Здесь тоже могут сбить, хоть и маленький город, но бывают случаи. У нас на шумевший случай, когда на пешеходном переходе со смертельным исходом. И причем это с каждым годом все больше и больше. Вот почему я говорю – все сюда дойдет. Все плохое сюда дойдет рано или поздно. Жизнь-то меняется, поколения меняются. И очень много таких вот кошмарных случаев, вроде кажется – как? А еще когда копнешь, и каждый знает этого человека (ЛЖ27).

Исключительные случаи получают известность в масштабах города через средства массовой информации, а зачастую и через плотную сеть знакомств.

А вот это такой вот... памятник очень грустный. У нас в том году произошла авария, водитель виноват – был пьяный очень. Ехал и вот здесь вот прямо, а здесь шла молодая мама с ребенком, и мама умерла. ...[Ребенок] 9 месяцев было, 9 или 8, ну совсем маленький. Его тоже в город забирали в реанимацию, операцию ему какую-то делали. Сейчас ничего такой, бегают... это на весь город прогремело, по новостям показывали, в газетах писали, везде было. Ну и тем более что это у меня у знакомой произошло (ЗЖ18) (рис. 5.10).

Рис. 5.10. Заречный.
«Очень грустный памятник»
(фото сделано
во время интервью ЗЖ18)

Уравнивание с большим городом происходит по наличию мест с дурной славой, куда идти *«точно не хочется даже молодежи. То есть нарваться там на что-нибудь – это реально. То есть стараешься эти места обходить»* (ЛЖ41). В качестве примера такого места Людмила привела боулинг: *«Там, ну вот у меня по крайней мере со знакомыми так было. Что они пришли туда, т. е. мало того, что их посетители, т. е. с посетителями там непонятно что творится, но и обслуживающий персонал ведет себя так же, почему-то... хамски»* (ЛЖ41). Подобные ситуации и их обсуждение в соцсетях натолкнули Людмилу на размышления о специфике маленького города. Тот факт, что все друг друга знают, не уберегает от инцидентов. Потребность «выплеснуть негатив» удовлетворяется в определенных местах, так происходит в любом городе. Особенность маленького поселения в том, что там «все виднее», «все на виду». Приведем это социологическое по сути сопоставление маленького и большого города целиком:

– Об этом писали много, т. е. у меня друзей в соцсети много, читаешь порой комментарии и думаешь, ну как так? Вроде бы город маленький, вроде бы все друг друга знают и должно быть по-другому. А нет. Видимо, наверно, это те места, куда хотят ходить подраться, что ли, выплеснуть свой негатив, как-то так, видимо.

– Ну это какая-то группа молодежи или не зависит от возраста?

– Ну вот, допустим, об этом писала, ей, т. е. мужу 30, ей 25, т. е. вот такая категория людей. У нас так же, у нас город такой же, как большой город, только у нас все виднее, потому что людей поменьше и все на виду. То есть он не может быть ласковым и пушистым – это город. Люди со своими проблемами, со своими характерами, наверно. Если в большом городе что-то скрыть можно, то в нашем ты точно ничего не скроешь (ЛЖ41).

Конфликтные эпизоды, по-видимому, вообще эффективно структурируют память, участники исследования приводили истории давностью в несколько десятилетий.

– Раньше вот здесь не любили, когда из города приезжали на дискотеку. Ну это молодежь. Взрослых это как-то не касалось. Молодежь вечно делила какие-то свои территории. У нас туринцы (усмехается) не любили лесовских. Ну, было дело, там молодыми. Об это даже в телевизоре показывали. По телевизору.

– Про что показывали?

– А у нас молодежь решила сойтись стенка на стенку. Это, э-э, 80-й год, наверно, вот так. Кое-как их разогнали. Туда милицию, военных согнали. Потому что слишком много молодых людей. Ну это около вахты как раз (ЛЖ41).

Чтобы завершить тему «ужасов нашего городка», отметим, что они облекаются и в форму самодостаточных историй, уже без отсылок к большому городу. Такие нарративы входят составным элементом в локальную компетентность и идентичность. В одном из приводимых ниже пассажей подчеркивается отклонение «исключительных случаев» от вообще-то безопасной ситуации, информантка указывает источник информации – газету. В другом ничего не говорится про распространенность ужасов, зато история разворачивается по всем законам нарративного жанра: как было страшно раньше, пока не дошло до кульминации, как сейчас и что будет потом.

Конечно, у нас бывают исключительные случаи. Вот недавно в газете написали, что педофила поймали. Что он девочку шестилетнюю завел куда-то там за гаражи, ну ничего не сделал. Но это единичный какой-то случай (КЖ29).

Там раньше, не помню, как называлось, «Восход» не «Восход», ну, в общем, там проходили всякие тусовки ночные, которые были с алкоголем, наркотиками и поножовщиной. ...Все не могли закрыть, все боялись. Закрыли

только тогда, когда за одну ночь там погибло два человека. Один резанул одного парня, который пока не потерял слишком много крови, не скончался, позвонил брату, приехал брат, не стал долго разбираться – пырнул. И все – два трупа. ...Только после этого закрыли это ужасное место. Хотя вот здесь сейчас уже который год строится новое кафе, под кораблик сделанное. Неизвестно, что там будет, посмотрим (ЗЖ21).

Похожие истории, разворачивающиеся полностью в настоящем времени, со вкусом рассказывают молодые люди из Качканара и Красноурьинска.

Вернемся к неуникальности локального. Менее выразительно уравнивание своего города с другими по определенным элементам инфраструктуры, вроде пешеходной зоны Компроспект в Лесном: *«обычная пешеходная... улица, коих в каждом городе, наверное, есть. Место прогулок и встреч»* (ЛМ27). Правда, производство этого пространства в конкретном городе получает свое собственное наполнение. Как рассказывает тот же молодой человек, на Компроспекте расположен вуз – «кузница кадров», заводское общежитие – одно из первых каменных зданий, а в праздничные дни *«проходят уличные гуляния, всякие шествования. И вот здесь, на этой пешеходной улице, организована всякая торговля, в общем, стоят палатки с музыкой. Жизнь кипит и бурлит, потому что народ курсирует от Ленина до обелиска, там. Есть там зал «Юность», э-э, спорт этот, м-м, комплекс «Факел». В общем, там проходят все действия, там стоит сцена, там еще что-то. А народ здесь гуляет, курсирует туда-сюда»* (ЛМ27).

По мнению этого участника исследования, кроме своего особого административного статуса Лесной ничем не отличается от других городов, таких как Березовский или Среднеуральск, про который говорят, *«вообще город-копия»*, Саров. Суждение о схожести обосновывается советской практикой градостроения:

Поскольку все строилось по одному проекту, очень похоже с Саровом. ...Города строились, в общем, в одно и то же время по очень похожим генпланам. Я где-то смотрел фильм об этом Сарове. ...Кинотеатр «Ретро» по Ленина у нас находится, так вот в Сарове этот кинотеатр – точно такое же здание кинотеатра стоит, но у них это называется Дом культуры, а у нас кинотеатр (усмехается). Вполне возможно, что у них есть такое же здание, как у нас, называется Дом культуры, а у них оно называется кинотеатром. То есть может быть так (смеется) (ЛМ27).

Подчеркивание стандартности, одинаковости выполняет идентификационную функцию – к какого рода поселениям относится собственный город, и тут возможны варианты: к закрытым, малым, советским.

У нас есть Дом культуры «Современник» в центре города, он во всех закрытых городах один и тот же. Желтое здание с белыми колоннами, в центре площади – Ленин... они типовые в закрытых городах... Снежинск, Трехгорный, там тоже самое, точно такой же Дом культуры, точно такой же Ленин, по-моему, стоит. Ну и много очень похожих зданий. То есть проекты типовые все, одни и те же. Зачем творить что-то, когда уже есть готовый набор (ЛМ26).

Комментируя во время рисования свою ментальную карту (рис. 5.11)²⁷, участник исследования описывает памятник Ленину напротив ДК (рис. 5.12):

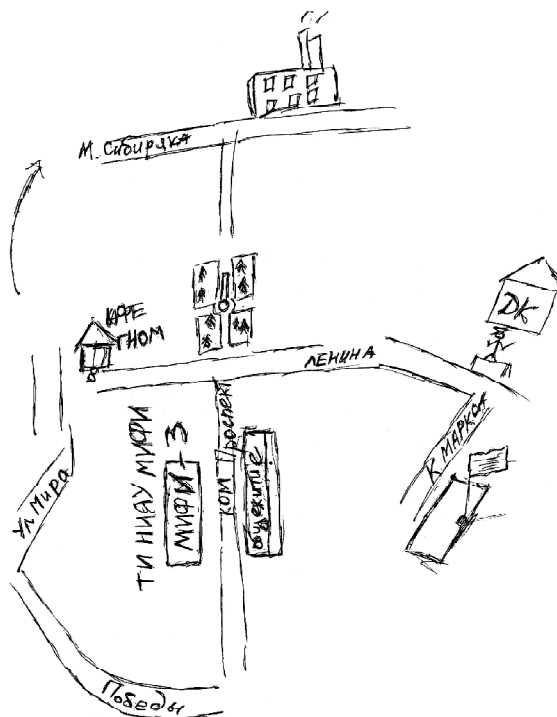

Рис. 5.11. Лесной. Ментальная карта (ЛМ27):
слева – кафе «Гном», справа – «Ильич... в кепке» у ДК,
наверху – комбинат, внизу – филиал МИФИ

²⁷ Ментальная карта – рисунок местности, выполненный информантом по просьбе исследователя [Веселкова, 2010]. В данном случае карта рисовалась в конце go-along интервью, в кафе «Гном».

Вот тут вот улица Ленина поворачивает, здесь как раз большое здание ДК стоит. И вот напротив него стоит бодрый Ильич. Нарисуем его так. Ильич обязательно в кепке, на постаменте (ЛМ27).

Рис. 5.12. Памятник Ленину в Лесном (фото сделано во время интервью ЛЖ25)

5.3. Частное – часть личного опыта

Типичными точками включения биографического опыта являются собственное детство информанта, школа, учеба, друзья, далее своя семья и дети, профессиональная деятельность и самовыражение.

Детство, учеба, друзья: *«можно сказать, вкус детства...». Войдя во вкус, участники исследования нередко обращаются ко временам своего детства в рассказах о городе. Как сформулировала одна из участниц исследования, «тут же дело не только в улицах, а в памяти, которая хранит события из прошлого, правда? Поэтому, когда гуляешь по городу, то вспоминаешь, как тут бегал в детстве или так далее» (ЛЖ51).*

В отличие от биографического интервью, в нашем случае это не целостные последовательные нарративы, а чаще точечные вкрапления – то и дело перебрасываемые в прошлое мостики-референции:

То есть вот те дома крайние – они, эта новая улица Васильева, т. е. там, дальше, еще одна вахта. И когда-то здесь вообще был пустырь. То есть в мое детство тут вообще домов не было. То есть вот здесь оно и заканчивалось, вот это город (ЛЖ41).

Эти мостики-референции призваны выразить континуальность или, наоборот, дисконтинуальность какого-то качества городской среды. Точнее,

различия, какими бы разительными они ни были, обязательно увязываются с сегодняшним днем, т. е. правильнее будет говорить о диалектике дисконтинуальности и континуальности. В вышеприведенном фрагменте жительница Лесного через апелляцию к временам своего детства стремится подчеркнуть контраст между тогдашним пустырем и нынешней застройкой. Нижеследующий сюжет раскрывает уже более подробное обращение к детству.

В Краснотурьинске нам рассказали о том, что местный хлебокомбинат издавна делает «изумительный лимонад», при этом «лимонад Краснотурьинский... сейчас уже не такой, по крайней мере, на мой вкус, как раньше» (КрМ24). Ретроспектива «раньше – теперь» соткана из личного опыта, плотно сплетенного с повседневностью города. А именно, элементы локального масштаба – и хлебокомбинат, и выпускаемый им лимонад, носящий имя этого города, – упоминаются не сами по себе, но будучи включенными в школьное детство Игоря, как следует из его дальнейшего рассказа:

– Раньше его покупали, еще сироп оседал на дне. Его берешь, взбалтываешь...

– Вкус детства?

– Да-да, можно сказать, вкус детства (улыбается). Прямо рядом 9-я школа, я ее заканчивал, там, прямо у нее, в синем доме, этот магазин «Булочная», там постоянно лимонад продавали. Мы там все постоянно из дома ходили в булочную, покупали (КрМ24).

Социальный кадр памяти²⁸ здесь задан городскими объектами: школой, собственным домом и «синим домом» с «булочной», а действующие лица в этом кадре из прошлого – наш герой с друзьями – соседями по дому. Реальное место по ходу интервью представляет собой все-таки конструкцию, продиктованную опытом информанта, одни элементы пространства в нее вошли, а другие нет. Образованное таким образом место, объединяющее хлебокомбинат – «*чуть выше, там, у нас*», «*прямо рядом*» – школу и «*прямо у нее*» – булочную, послужило «эффективным «триггером» чувственно ощущаемой «меня-памяти», в терминах А. Ассман [Ассман, 2014 : 130].

Исследовательница предлагает различать в автобиографической памяти два регистра: «я-память» и «меня-память». «Я-память» реализуется через активное целенаправленное извлечение образов прошлого и выстраи-

²⁸ «Социальные кадры памяти», по мнению Д. Хапаевой, именно это выражение, а не «социальные рамки памяти», является наиболее точным переводом термина М. Хальбвакса (в текстах Хапаевой – М. Альбакс) [Хапаева, 2006].

вание их в форме последовательного нарратива. «Меня-память», напротив, пассивна и зависима от внешних импульсов, исходящих от мест или предметов. Возникший в памяти Игоря вкус «краснотурьинского» лимонада сыграл ту же роль, что для Г. Грасса в изложении А. Ассман – вкус шипучки из детства писателя. Когда Грасс спустя годы увидел заколоченный киоск, торговавший когда-то пакетиками этого напитка, на него обрушился поток воспоминаний. В качестве триггера, или верного пароля к значимому прошлому, срабатывает, таким образом, не только действительный вкус (знаменитого печенья «мадлен» у Пруста²⁹), но вкус воображаемый. Завязанная на «соматическую память» (А. Ассман) история, и тоже в связи с хлебокомбинатом, встретила и в Лесном:

Раньше знаете как, домой идешь, у нас булочная вот рядом за домами, вот как от этого дома, весь обкусаешь – настолько вкусный. А потом было такое: его режешь – вот мокрый, невкусный. То ли поколение ушло пекарей, а новое не вырастили вовремя. Одно время молодежь уезжала из города, я говорю, а сейчас все по-другому (ЛЖ41).

В рассказе Юлии из Заречного тоже участвует вкус. Студентка архитектурной академии, она объясняет выбор маршрута интервью судьбоносной для нее ролью художественной школы:

Для меня это знаковое место... там моя жизнь, можно сказать, началась... именно школа вот эта определила мое будущее. ...Здесь у нас очень много растет барбарисов, со своим специфическим (улыбается) ароматом они здесь. Ну вот я помню, что идешь с художественной школы, несколько веточек нарвешь, так по дороге и слопаешь и маме принесешь, чтобы она чай заварила (ЗЖ21).

«Раньше – теперь» в этом фрагменте определяются местонахождением этой школы: «раньше у нас школа находилась в подвале одного из хрущевских домов» (ЗЖ21), и только сравнительно недавно переехала в один из недостроев – часто встречающийся феномен в зареченских интервью.

Это вот мои любимые качели в детстве. Не знаю, почему, из всех качелей Заречного запомнились именно эти (ЗЖ21).

«Дом с ежиками» в Заречном нам показывали многие, а у некоторых информантов эта городская достопримечательность пронизана глубоко личными чувствами:

²⁹ Печенье в сочетании с напитком как ключ к прошлому – эта идея вновь обыграна в недавнем х/ф «Мой Аттила Марсель» (реж. С. Шомэ, Франция, 2013).

Вот этот дом, 12-этажка, несколько лет назад был самым высоким домом, это было самое высокое строение, и оно мне запомнилось еще с детства, когда мы с другом ходили на 12-й этаж и смотрели на панораму города. На самом деле, безумно боюсь высоты, у меня аэрофобия, но там были такие чувства, что и интересно, захватывающе и в то же время безумно страшно. И жильцы этого дома, они очень любят свой дом, у них очень прибрано внутри и облагораживают территорию каждый год, добавляют какие-то детальки. Вот здесь у них каменные скульптуры есть, маленькие ежики сидят... Еще в этом доме живет моя подруга, которую я с нетерпением жду, она учится... в Соединенных Штатах и вот придет только в июле. Вот с нетерпением жду. Это одно из наиболее красивых мест в городе, мне кажется (ЗЖ21) (рис. 5.13).

Рис. 5.13. Заречный.
«Дом с ежиками» (фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

Можно видеть, что такое прочтение городского пространства не только заряжено эмоциональной энергетикой, но и интегрирует все три масштаба. В чем-то похожее обустройство придомовой территории продемонстрировала нам и жительница Лесного. Главный посыл – показать приватный формат этого места, оформленного усилиями «жителей», включая саму Людмилу. В то же время такая частная инициатива, по мнению рассказчицы, отличает маленький город от большого, тем самым формируя идентичность Лесного:

– Мой город начинается, наверно, с моего дома, и я покажу, какие у нас красивые становятся дворы. В большом городе, конечно, все делает ЖКХ, а здесь стараются жители, чтобы у нас было красиво и приятно... Мы стараемся. Вот это все сами, своими руками...

– Черепашка...

– Мы, наверное, первые в городе. ...Это я ее разукрашивала (ЛЖ41) (рис. 5.14, 5.15).

Рис. 5.14. Лесной.
Черепашка во дворе
(фото сделано
во время интервью ЛЖ41)

Рис. 5.15. Лесной.
Ежик во дворе (фото сделано
во время интервью ЛЖ41)

У 30-летнего качканарца с его школьными воспоминаниями связана «народная» топонимика горы: *«там такая гора есть – Танцплощадка. На нее забираешься, плоская такая. Это когда в поход мы ходили с классом, там идешь, первая остановка Танцплощадка. Вторая – гора Аллы Пугачевой так называемая, а потом на Высоцкого, а потом уже на вершину и на Верблюда с другой стороны на западном карьере выходили»* (КМ30). Жительница Лесного через времена «молодости» описывает танцзал: *«А в ту сторону – там танцзал “Юность”, ну еще в молодости бегали на танцы, ну сейчас там то же самое»* (ЛЖ41).

Общей чертой всех этих лично окрашенных историй оказывается многомерность чувственного опыта: участвуют вкус, утомительность ходьбы по длинной дороге или легкость танца, память сделанного своими руками и т. п. Места тем самым приватизируются и телесно запечатле-

ваются – к таким выводам пришел и М. де Серто с коллегами в исследовании второй половины 70-х:

Места – это фрагментарные и «свернутые» истории, это прошлое, которое утаивается от чтения другого, это накопленные времена, которые могут быть развернуты, но которые являются скорее повествованиями, хранящимися про запас и остающимися загадками, наконец, это символизации, закапсулированные в боль или удовольствие тела [де Серто, 2013 : 209].

Глава 6

МЕСТА ПАМЯТИ: КОДЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ³⁰

6.1. Места, содержащие код смерти: «там такое ощущение заброшенности, упадничества»

К несущим код смерти относятся те места «славы», которые с очевидностью завершили свой жизненный цикл. Они находятся в актуальной коллективной памяти в том числе и молодого поколения, эффективно будоражат коллективное воображаемое, но обязательно с горьким вкусом утраченного. В молодых индустриальных моногородах такие места с большой вероятностью связаны с промышленными объектами и инфраструктурой. Не случайно молодой человек связывает заброшенность с «упадничеством» на уровне ощущения и аналогии с Чернобылем:

– За глаза местное население называет те заводские постройки, заброшенные, Припятью. Потому что там такое ощущение заброшенности, упадничества...

– Как называют?

– Припятью, ну или Чернобылем. Там такие характерные сооружения, ну как вот эта труба известная над энергоблоком 4-м в Чернобыле. Там тоже такая же труба стоит и все заброшено, поэтому такое название получила (КрМ27).

³⁰ Идея и терминология кода жизни/кода смерти применительно к анализу городского пространства с благодарностью заимствована у проф. докт. социол. наук Т. И. Черняевой (ср.: «В кругу жизни и смерти» применительно к новостройке первой волны Игарке у Кинги Нендза-Щикониовской [Нендза-Щикониовска, 2014]).

На момент нашего посещения из двух линий столь значимого для Краснотурынска трамвая, о чем еще будет сказано далее, действовала одна:

...Это трамвайные пути, но сейчас, к сожалению, заброшены. Городской трамвай пока испытывает проблемы, малая посещаемость, вот. Поэтому старая линия сейчас не работает (КрМ27).

Характерно, что в разряд культурного наследия – как объекты urban trip, индустриального, советско-ностальгического туризма, архитектурных памятников – тронутые кодом смерти объекты и территории в Краснотурынске и других изучаемых городах не перешли и, как кажется, крайне далеки от рассмотрения в подобном ключе. Единственную перспективу поддержания трамвайного сообщения в Краснотурынске видят в получении списанных вагонов из Екатеринбурга. При сопоставлении с доставкой в 1956 г. демонтированной телеустановки из Свердловска становятся зримыми принципиальные различия. Телевизионное оборудование, пусть любительское и уже не нужное тогда Свердловску, оставалось знаменем прогресса и несло Краснотурынску ощутимое повышение качества жизни и славу среди районных городов округи, да и всей страны. Актуальность трамвая сегодня находится под большим вопросом³¹, в любом случае приведение трамвайного сообщения в современный вид требует системных усилий и огромных вложений и явно не может быть обеспечено получением подержанных вагонов. Если передача телеоборудования полвека назад представляла собой случай диффузии инноваций, то ожидаемые сегодня вагоны больше смахивают на подачку бедному родственнику. Соответственно в первом случае господствовал код жизни, второй близок к коду смерти.

Кодом смерти отмечена и территория культурного отдыха – такова набережная в Краснотурынске. Построенная на рубеже 40–50-х, она выполняла функцию действительного центра поселения, благодаря образованию которого, собственно, оно и стало не номинальным, а фактическим городом. Информанты отмечают былую «обитаемость», действительную публичность данного пространства:

А это все водохранилище, набережная... Когда-то было две лодочные станции, сейчас уже нет ни одной. ...Не работает. Когда тут люди отдыхали, очередь на лодки стояла. На каждой станции было лодок по 200, и их не хватало. Весь пруд был, люди катались, и спасатели были, тут понтоны, вышки. Все, завод рушится и все бросили социальное (КрМ34).

³¹ Последовательно защищает трамвай как наиболее релевантный вид городского транспорта в городах, пригодных для жизни, В. Вучик [Вучик, 2011]. Там же можно найти и изложение аргументов против.

На языке 20-летнего Алексея популярность этого места выражается также через «красоту»:

Чем вот нам нравилось – летом там очень красиво. А так вот есть старые фотографии о Краснотурынке – там даже можно посмотреть, как красиво было, как люди отдыхали на берегу реки. Массовое скопление, там все купаются, волейбол там, тоси-боси (КрМ20).

Анализ выявил три характерные черты повествований о когда-то славных, а теперь пришедших в упадок местах. Во-первых, в рассказе молодого человека явственно переплетается коллективная, семейная и личная память (что напоминает нам о связности индивидуальной и социальной памяти, о которой говорил еще М. Хальбвакс).

Жительница Краснотурынка более старшего возраста также заметила: «У нас была здесь Лодочная прекраснейшая, и всегда мы отдыхали на берегу» (КрЖ77), рассказывая о том, как любили к ним приезжать родственники из Свердловска и других городов. Во-вторых, феномен фотографически-медиированной коллективной памяти. За коллективную память в рассказе Алексея отвечают не только мамы рассказы, но и фотографии; молодой человек апеллирует к ним несколько раз, рассказывая о Водной (рис. 6.1).

Рис. 6.1. Краснотурынск.
Набережная
(Виды г. Краснотурынска,
1949 г. Фото Ж. Берланда // ГАСО. Ф. 1. Оп. 47. Л. 3638)

Семидесятисемилетняя участница исследования, интервью с которой проводилось у нее дома, тоже часто обращалась к поддержке фотообразов, на этот раз на бумажных носителях – нам показали фотографии из домашнего архива. Человек как бы включает в текущую коммуникацию визуальный образ – конкретные фотографии, зацепившие воображение (пунктум Р. Барта). Наконец, в-третьих, постоянное противопоставление

прекрасного вчера и безрадостного сегодня. В рассказе о набережной («Никто не ремонтирует, все расписано, все разваливается. Все скоро разломается») (КрМ20) отчетливо слышен код смерти. Его компоненты: разваливается, разломается, загрязнена, умирает, упадет, развалины, противно – при умножении на обобщающие местоимения «все», «никто» создают результирующий эффект фатальности.

А сейчас ничего этого нет. Река загрязнена выбросами, которые с Бого-словского завода. Поэтому там никто не рискнет купаться. И то, что бюджет нашего городского этого нашего города снизился. Вообще, лавки вообще умирают так-то. Раньше качели были какие-то – все умирает. ...Раньше все там плавали, купались оттуда. Вот здесь были самые были мои любимые качельки – видите, они в каком состоянии. Никто не хочет их на реконструкцию брать... Ну такая территория – здесь люди отдыхали как бы, ну такое скопление. Красиво, короче, сделано было, для людей. Сейчас этого ничего не наблюдается. Тут нету, тут этого вещей нету, тут развалины, и получается общий вид – все упадет (так). И вообще здесь противно находиться, даже неинтересно, здесь некуда сесть (КрМ20).

Радикальность противопоставления прошлого и настоящего в высказываниях такого типа, пожалуй, не уступает формулировкам начального советского периода, только с обратным знаком. Тогда стремились отринуть прошлое во имя сегодняшней стройки, сегодня отмеченные кодом смерти места заставляют отворачиваться от «противного» настоящего, ища жизнь в прошлом.

По контрасту с утраченным краснотурьинской Водной кодом аналогичное место в Качканаре и Заречном исполнено жизни. Летом горожане купаются, отдыхают на берегу своих искусственных водоемов. В Качканаре участники исследования были уверены, что и в день интервью, в сентябре, можно взять лодку напрокат, одна информантка сожалела, что поздно пришли к пруду: «*Погода сегодня нормальная, на катере бы прокатила. У меня здесь хорошая знакомая*» (КЖ51) (рис. 6.2, 6.3).

В Заречном место славы, несущее ныне код смерти, – Дом торговли с заброшенным фонтаном на прилегающей территории. Как и в Красно-турьинске, даже молодые информанты противопоставляют нынешнее состояние былому великолепию, окрашенному для них в позитивные цвета памяти детства.

Это Дом торговли. Здесь раньше рынок стоял, я помню, когда маленькая была. Сейчас его убрали, перевезли в другой конец города, и сейчас он закрылся. А это бывший фонтан (смеется). То есть я не знаю, собрались его

Рис. 6.2. Качканар.
Лодочная станция
(фото сделано
во время интервью КМ15)

Рис. 6.3. Заречный.
Детский пляж
(фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

реставрировать или нет, но раньше он закрытый вообще был. Сейчас там все расчистили, может быть, что-нибудь из него сделают. А то у нас во всем городе только один фонтан за ДК, и то там трубы все срубили, не знаю тоже... Он был такой необычный, звездочкой, да. Из него такие, так сказать, палочки торчали... из этих палочек вода текла. Очень красиво было (ЗЖ20).

Функционирующий торговый комплекс производит впечатление полузаброшенного. Наряду с не очень опрятными рисунками и надписями, усугубляющими эффект «заброшенки», данное пространство заселяется и любопытными граффити (рис. 6.4, 6.5).

Подобным образом выглядит и «Пассаж» в Лесном. И в Заречном, и в Лесном центральный вход этих бывших торговых мест славы удручает рассыпавшейся лестницей, приглашая во «вход со двора». «Это Пассаж,

Рис. 6.4. Заречный. Граффити на торговом комплексе (фото сделано во время интервью ЗЖ18)

Рис. 6.5. Заречный. Граффити в переходе (фото сделано во время интервью ЗЖ20)

с такой неремонтированной лестницей. Так название-то какое громкое – торговый центр Пассаж» (ЛЖ27) (рис. 6.6).

В концентрированном виде воплощение упадка можно найти в поселке Горный, он же 35-й квартал Лесного, с которого, как рассказывают информанты, начинался город.

Есть на 35-м дома старые-старые, когда приедем, я вам покажу, где была первая больница. Где начиналась первая больница, в ней было все – и больница, и роддом (ЛЖ27).

СУС – строительное управление, там есть вот гордость как бы наших строителей. Но сейчас он что-то обанкротился, этот СУС. Тоже там какая-то нехорошая история с ним произошла, в плане того, что строили дом и никак не достроят (ЛЖ27).

Рис. 6.6. Лесной.
Пассаж, рассыпающиеся ступеньки
центрального входа (фото сделано
во время интервью ЛЖ27)

Информантка рассказывает о маме-строителе: *«Там раньше СУС был. То есть у нас вот это управление строительное было очень большое. То есть мы работали не только здесь, в городе, но и в ближайших городах. Но вот так получилось, что развалилась эта организация. Как сам СУС, он исчез. Пытались восстановить, пытались там это, но все равно банкрот, организация-банкрот. Потому что долгое время, долгое время в городе вообще ничего не строили. То есть не знаю. А тут вот эти новые дома строят подрядчики с Екатеринбурга, т. е. уже. Ну и наши пытаются как-то восстановить это все»* (ЛЖ41). Рассказ о банкротстве строительного управления воспроизводится целым рядом информантов, предстает как некий признак возможности распада сложившегося пространства целого города, как значимая потеря для его развития. Такие символы присутствовали во всех городах. Различия только в соотношениях: в Краснотурынске код смерти, безусловно, доминирует, в Качканаре и Лесном он отмечается как возможность и предупреждение.

Качканар демонстрирует обрушение всего семантического ряда когда-то героической молодежной стройки, несмотря на активизирующиеся по круглым датам чествования первостроителей. Символическую перекодировку статуса строителей с положительного и очень высокого на отрицательный и низкий можно наблюдать на примере клуба «Строитель» (рис. 6.7).

Рис. 6.7. Возведение клуба «Строитель». 1959 г. (Фотографии строительства г. Качканара, 1959–1968 // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 732. Л. 1)

Это место сохраняет популярность в течение полувека и фигурирует именно под таким названием вопреки официальному переименованию. В то же время произошла радикальная смена смыслов. Если книга «Качканар» 1999 г. включает открытие клуба «Строитель» в «героическую эпопею» города, рассказывая об этом знаменательном событии в контексте памятования ленинской даты и кружков самодеятельности:

1958. Открыт клуб «Строитель». Первый концерт был дан здесь 22 апреля, в день рождения В. И. Ленина. Под руководством директора клуба Миры Михайловны Мальцевой были созданы и работали кружки художественной самодеятельности... (Героическая эпопея // Качканар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 7),

то 55 лет спустя 17-летний молодой человек рисует данное место как «некультурное»:

Самый такой, по сути, нехороший, славившийся, это «Строитель» – «Вечный зов» официально. ...Там очень много пьяных, драк. Были случаи убийства. ...Там культурно никто не отдыхает. Все напьются, и по любому каждую ночь бывает драка... ну еще в «Строителе» сауна. Бильярд, боулинг, все развлекательное. Караоке, 5D кинотеатр, много там чего. И танцевальная зона, на которой происходит самое мясо, особенно в пятницу и субботу после полудня (KM17).

За пределами официального дискурса, прославляющего первостроителя, сама эта фигура, особенно у молодого поколения, может ассоцииро-

ваться с неблагополучием: старые деревянные дома, опустившиеся люди. Тот же юноша сообщает:

Есть у нас такой район, как Первомайка. ...Это самый криминальный, наверно, такой район города. Ну там живут много алкашей. Там дома такие, знаешь, как первостроители, двухэтажки такие деревянные. ...Там постоянно «синяки», наркоманы. Есть, конечно, и нормальные ребята живут, но это редкость. Ну и большинство не советуют появляться на Первомайке после 11, жуть-жуть (КМ17).

Аналогичная негативная кодировка встречается и в групповом интервью, в котором участвуют люди вдвое старше только что процитированного 17-летнего студента колледжа:

КМ30: У нас есть Гарлем же. ...Первомайка.

КЖ29: Да, есть один район, куда вот лучше не соваться. Там даже днем-то страшно.

КЖ33: Что, правда? Мне кажется, там все тихо, потому что там «синяки».

КМ30: Не-не. Там всякая отмороженная молодежь.

КЖ29: Там неблагополучные семьи живут. Очень много. Очень старые дома там, и я туда стараюсь вообще не соваться.

Упоминания о стадионе «Строитель» встречаем только в литературе, горожане ведут к стадиону «Горняк», – здесь фигура строителя уже явно вытеснена фигурой горняка. Относительно благополучен в Качканаре Парк строителей, где расположен памятник первостроителям и, в неказистом здании, краеведческий музей. Парк как «зримое олицетворение самой первой главы в истории города, главы очень красивой, романтической, героической»³², вобравший в себя и мемориал погибшим воинам, и образцы военной техники, оказывается многосоставным мемориальным местом, концентрирующим культурную (некоммуникативную) память.

Код смерти и код жизни – парные маркеры. Присутствие одного кода обязательно высвечивает работу противоположного – в прошлом или в будущем, что соответствует размещению золотого века в прошлом или будущем. Бедственное положение Краснотурьинска («Дела очень плохо обстоят в городе. Завод встал практически, поэтому» (КрЖ67); «Город загнивает. Завод закрыли, 6-ю серию закрыли. Столько мужиков – куда идти

³² Титовец М. И., начальник архивного отдела администрации Качканарского городского округа. Поклонное место // Качканарский городской архив [Электронный ресурс]. URL : http://www.archive.kgo66.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=80:2010-03-03-14-47-18&catid=24:publication&Itemid=288 (дата обращения: 09.08.2015).

работать, воровать, что ли?» (КрМ45)) побуждает информантов обращаться к временам процветания, актуализируя и уплотняя их в виде места памяти:

У нас здесь всякие эти научно-практические конференции со всего, со всей России ехали сюда – и Москва, и Санкт-Петербург, всех поили-кормили. Тут пиршество горой, все звезды сюда приезжали, все это бесплатные концерты, все это – ну вообще мы вот так вот жили (КрЖ67).

6.2. Места, содержащие код жизни: «а еще у нас обновили...»

Характерной закономерностью удаленного во времени кода жизни является позиционирование поселения в расширенном пространстве. Точно так же, как выше мы говорили, в основном в историческом ключе, о масштабе принадлежности молодого города к жизни страны и мира, и здесь заявляется значимость города на уровне всей страны. Причем это не Краснотурьинск или Качканар «просят» признания, а, наоборот, к ним стекаются люди из разных мест, включая и столицы.

Расширение пространства города до масштабов страны проявляется и в успехах, большой востребованности представителей города далеко за его пределами. Старшее поколение вспоминает, как краснотурьинский БАЗ служил кузницей кадров для других алюминиевых заводов:

У нас же на заводе была как бы кузница кадров. У нас очень многие уезжали в другие города, даже сейчас это другие республики. Допустим, там, в Таджикистане, завод алюминиевый, наши кадры там поднимали, новые строились. Или там везде разъезжались наши, ну как бы специалисты (КрЖ67).

Молодые качканарцы (в начале второго года обучения в екатеринбургском вузе) уверены, что раньше они всегда были «заметны» на разных соревнованиях, но сейчас ситуация ухудшилась:

Мы очень много ездили, почему-то Качканар всегда видно. По каким-то параметрам нас всегда выделяли, мы куда ни ездили, у нас всегда есть призовые места. Даже у нас «Бригантина» клуб, где Ирина Валерьевна ведет. И все она нас постоянно раньше куда-то вывозила. «Уральские зори», всякие сборы международные там. Сейчас, насколько я знаю, придя... новый мэр стал, все это прикрывается. Они, конечно, выезжают, но выезжают уже только те, за свой счет, кто может (КЖ19).

Тот же Краснотурьинск дает пример присвоения кодов жизни будущему в принципиально расширенной географии. В данном случае, правда, позиции города выглядят не слишком сильными, что звучит в критических комментариях интернет-обсуждения. В отличие от прошлого «золотого века», будущий оказывается возможен только благодаря варягам, их идеям и порядкам. Именно такие коннотации выделяют скептики и противники проектов «московского архитектора» и «европейского кладбища». Престижность этих внешних референтов (московский, европейский) заставляет лишний раз почувствовать более низкий статус уральского города, будоража и так уязвленное самолюбие местных жителей³³.

Другими словами, если раньше расширенный масштаб достигался за счет помощи изучаемых городов остальному миру, то теперь, наоборот, эти поселения запрашивают помощь извне. Общим знаменателем, однако, и там и там остается транслокальная включенность в широкие сети.

Код жизни не в отдалении прошлого или будущего, а в настоящем заявляет о себе в городском благоустройстве, особенно заметном при смене вектора динамики от упадка к обновлению: *«А еще у нас обновили музей. Очень здорово сделали. Раньше он хирел, хирел, а тут вот здание, стало очень красивое»* (ЛЖ41).

Безусловным знаком жизни служит строительство нового. В Лесном перекинутый через улицу Ленина между двумя торговыми комплексами мост примечателен во многих отношениях. Он нов и красив. По рассказу 27-летней Тамары, *«был открыт, по-моему, тоже два года назад. Он подсвечивается»*³⁴. *Вечером как-нибудь прогуляйтесь – вечером тоже в городе подсвечивают, красиво»* (ЛЖ27). Но этим его достоинства не исчерпываются. Он служит «арматурой» (если можно так развить терминологию Д. Шейна³⁵), несущей конструкцией «новой традиции» – оставлять на нем

³³ Центр Краснотурьинска собираются «перекроить» на деньги инвесторов (фото). 19.10.2014 | Рубрики: Город | Добавлено: Александр Сударев | <http://krasnoturinsk.info/centr-krasnoturinska-sobirayutsya-perekroit-na-dengi-investorov-foto>. В Краснотурьинске появится европейское кладбище. 20.10.2014 | Рубрики: Город, | ЖКХ | Добавлено: Александр Сударев | <http://krasnoturinsk.info/v-krasnoturinske-poyavitsya-evropejskoe-kladbishhe/>

³⁴ Именно в таком виде, с вечерней подсветкой, этот мост присутствует на цветной вкладке в энциклопедии Лесного [Атомные города..., 2012].

³⁵ Дэвид Грэхем Шейн выделяет три типа организации пространства в соответствии с доминирующими в них элементами – анклав, арматура, гетеротопия [Shane, 2005]. Применение данной концепции к анализу моногородов см.: [Veselkova, Pryamikova, Vandyshev, 2011].

замочки молодоженам, переходящим в новую жизнь через «своеобразную реку» – центральную улицу Ленина. А кроме того, он явился победой сторонников более комфортной городской среды в ранее спорной ситуации, как следует из того же интервью:

Замочки вешают молодожены. Ну вот, своеобразная река, сделали мост. А сделали тоже – долго спорили, нужен нам, не нужен. Вроде как комплекс, библиотека, пешеходники есть, зачем же вроде мост? А он просто тут необходим. Многие ездят (ЛЖ27).

Новшество благоустройства у этого моста – чаши с цветами – рифмует маленький город в представлении информантки с большим: «*опять же новшество, смотрю – как в больших городах стойки с чашами для цветов. Я смотрю, вот сегодня еду – цветочки уже. Как бы стараются в городе уют создавать*» (ЛЖ43). Знаком побеждающего нового оказывается даже идущая в районе моста реконструкция улицы Ленина: «*у города стало много машин – принято решение расширить дорогу*» (ЛЖ41). Одна из участниц исследования именно с этого моста показала дом в новом районе, где ей недавно дали квартиру по подошедшей, спустя много лет, очереди.

Несмотря на ярко выраженный почти во всех интервью локальный патриотизм, большая «доза советскости» в молодых городах предопределяет значимость темы упадка. Отмеченные кодом смерти места контрастируют, на наш взгляд, не столько с несущими код жизни современными местами, сколько в сравнении со сверхоптимистическим зарядом (ранне)советского дискурса молодых городов.

Глава 7

МЕСТА ПАМЯТИ КАК СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ГОРОДА

В данной главе представлена каталогизация мест в структурно-функциональной логике: в сфере производства, образования, культуры и т. п.

7.1. Места производства

Производственная сфера представлена прежде всего градообразующим предприятием: «это наше основное, за счет чего живет город...».

Тема градообразующего предприятия постоянно звучит в интервью, с разными коннотациями, но как неизменно важная, обеспечивающая жизнеспособность города. Так, качканарцы повторяют, как мантру:

У нас город держится на ГОКе (КМ15).

Это наше основное, за счет чего живет город. На этом предприятии работает большая часть нашего города, где-то 30 тысяч из 50 работает там... Если ты работаешь в ГОКе, это считается престижно... Там у нас очень хорошие зарплаты, те, кто работает, они уже там вечно... Уволиться оттуда, потом сложно найти работу с таким же заработком (КЖ28).

В автомобильной поездке один из информантов продемонстрировал нам промзону ГОКа:

Главная вот наша, будем говорить, моноструктура – комбинат. ...Если его не будет, безусловно, все умрет. Относительно умрет, конечно. Ну, по крайней мере, бизнес развиваться так не будет (КМ59).

Независимо от пола, возраста и занятости (указанные информанты не работают на ГОКе, некоторые настроены подчеркнуто критически) жители Качканара демонстрируют сильную приверженность градообразующему предприятию, дискурсивными маркерами чего служат частые личные притяжательные местоимения. Такая идентичность воспитывается с малых лет. На торжественном открытии фонтана в день празднования 50-летия ГОКа дети читали стихи: «Наш город большой и прекрасный, / наш город красив и богат, / наш город растет, потому что / работает наш комбинат»³⁶.

Пожалуй, предельным проявлением такой приверженности можно считать признание подчиненности людей, города в целом одному предприятию: «обычно говорят о заводе, много и часто, для чего мы все здесь живем» (ЛЖ30). Эта формула приверженности, прозвучавшая в интервью с 30-летней жительницей Лесного, почти дословно присутствовала и в речи

³⁶ Выступление детсада «Дружба» – Открытие фонтана у ДК Качканара 27 сентября 2013 // Дворец культуры города Качканар : официальный сайт. URL: <http://kachkanardk.ru/arhiv/2013/9/27/83>, начиная с 14.34 мин видеозаписи. URL: http://www.youtube.com/watch?v=UqMbxOuQ6sk&feature=player_embedded (дата обращения: 08.08.2015).

главы Качканара на вышеупомянутом праздновании 50-летия ГОКа, «комбината, ради которого создан город, ради которого сегодня мы трудимся, живем»³⁷. Воспроизводится она и в официальном дискурсе. Так, в красочном издании к 50-летию Качканара говорится о вызванном монопрофильностью дисбалансе развития города и тут же проблемная ситуация дедраматизируется³⁸: «Изначально город строился как сбалансированная инфраструктура, призванная обеспечить устойчивое развитие Качканарского горно-обогатительного комбината» [Город юности..., 2007 : 12, 14, 16].

Упоминание комбината все больше и больше, особенно в устах молодого поколения, окрашивается кодом смерти.

Монопрофильность и перспективы диверсификации: *«город процветал, потому что как-то в содружестве было – и завод, и город»*. В ЗАТО монопрофильность умножается на закрытость и появляется следующий эффект: *«мы являемся просто невероятно моногородом. То есть, как только что-то случится, с гособоронзаказом например, тут на следующий день все изменится»* (ЛМ27). Развивая воображаемую ситуацию, информант прогнозирует: *«Население сразу в два раза упадет, цены на квартиры, которые я говорю, что сейчас в данный момент они очень высокие, рухнут просто в два раза единомоментно. ...Риска того что завтра все это закроют, он, конечно, очень мал, но я просто говорю о том, что это ну не очень приятная ситуация, когда этот риск гипотетически вообще есть»* (ЛМ27).

В Заречном работник градообразующего предприятия безапелляционно утверждает: *«Из достопримечательностей самая главная – БАЭС»* (ЗМ48). Рассказывает о ней любовно: *«Это вот наше новое детище – четвертый блок Белоярской атомной станции. ...Тут уже в новых тенденциях, из монолитобетона все сделано – не взорвать, не подорвать. Говорят, тут следом пойдет дальше еще пятый блок. Вроде бы как под него уже площадку расчистили. Я, правда, в прошлом году не видел, а нынче еще не был. Грибной сезон начнется, съездим и посмотрим, что там ковыряют у нас. ...Все уже новое, красивое. Внутри еще как доделают, будет совсем красотища»* (ЗМ48). По словам этого же информанта, БАЭС сейчас активно присутствует в информационном пространстве – и в местных газетах, и в социальной сети Вконтакте.

³⁷ Выступление главы ГО Качканар – Открытие фонтана у ДК Качканара 27 сентября 2013 // Дворец культуры города Качканар : официальный сайт. URL: <http://kachkanardk.ru/arhiv/2013/9/27/83>, начиная с 21.11 мин видеозаписи. URL: http://www.youtube.com/watch?v=UqMbxOuQ6sk&feature=player_embedded (дата обращения: 08.08.2015).

³⁸ Интеракционистская концепция дедраматизации социальных проблем предложена Хилгартнером и Боском [Хилгартнер, Боск, 2008].

Ну начиналось все с БАЭС, и потихоньку вот так город от нее застраивался. Сначала до площади все застраивалось, там 3-этажные дома были, а потом потихоньку вот... так разрастался, разрастался (ЗЖ20).

Попытки отойти от тотального доминирования градообразующего предприятия предпринимались при поиске символов г. Заречного, в контексте строящегося в 2011 г. бульвара Алешенкова: «у нас и так уже все с БАЭС связано. Надо чисто зареченское что-то» (Imperor. 17.06.11. Заречный Форум / Бульвар на Алешенкова. С. 11. URL : <http://z-city.ru/forum/view-topic.php?f=1&t=2232&sid=b31448ac4337363da0eb9117bdab8cc6&start=200> (дата обращения: 07.08.2015)).

Безуспешность попыток диверсификации хорошо заметна на примере Качканара. В 70-е ученые считали монопрофильность этого города временным явлением: «Молодостью города объясняется и его одноотраслевая структура. Качканар развивается пока на основе одного предприятия — ГОКа, на котором занято 80 % всех промышленных рабочих. Около 85 % валовой продукции города также приходится на комбинат» [Анимица, 1975]. Действительно, позднее в городе стал функционировать радиозавод, который в условиях 90-х не смог выжить. Это было высокотехнологичное предприятие, аккумулировавшее «креативный класс» того времени, кроме того, решалась проблема занятости женщин. Вспоминают завод неизменно с положительными коннотациями и сожалением об утраченном.

Когда-то в городе был достаточно крупный радиозавод, ну военно-оборонное предприятие, будем говорить, 5 тыс работающих. В основном создавали для женщин. В Качканаре проблема – горняки, остальных куда девать? Женщины, мамочки – все они работали на радиозаводе. Пришла перестройка и все поставила на место. ...Когда мозги выросли, их решили уничтожить, и их уничтожили. Не осталось ничего. Растащили по кусочку. Вообще было крупное предприятие, молодое, крупное (КМ59).

Раньше тут был такой хороший радиозавод, у меня папа там, помню, телевизор брал, магнитофон. Там мама работала химиком (КЖ29).

С закрытием радиозавода монопрофильность Качканара была восстановлена. Идея об «альтернативах» ГОКу иногда возникает, как можно видеть из социальных сетей:

Вот еще лет 50–100 – и руда кончится, что сделает ЕВРАЗ? Дак в этот же день свалит, как будто и не было его вовсе, а жителям останется город с испорченной экологией, загрязненной водой, окруженный карьерами. Не знаю, как ты, я бы не хотел видеть свой город таким. Самое подходящее время

искать альтернативу, коей раньше был радиозавод и птицефабрика (Сделать город лучше. 17.01.13 // Типичный Качканар 2.0 / Вконтакте. URL : http://vk.com/topic-46359936_27540268 (дата обращения: 06.08.2015)).

Современные попытки диверсификации моногородов, однако, практически не увенчиваются успехом. Дело в том, что заложенные в советское время молодые города воплощают собой не только продолжение ускоренной индустриализации, но и интенсивной историзации. Культивирование жесткой модели моногорода (единственное абсолютно доминирующее градообразующее предприятие) привело к такому же концентрированному формированию path dependency (инерционного институционального ландшафта, по Д. Нортю). Эта колея (path), как узкоколейка, проходит в головах качканарцев, – даже самые юные из них твердят, как заклинание: *«У нас же только ГОК, предприятий-то больше нет. ...Ну а где работать?»* (Ж17, М15).

Несбыточной, как кажется, мечтой в Качканаре уже несколько лет является проект горнолыжного курорта (*«голубая мечта мэра»*, по словам одного из информантов (КМ59)). Хорошо помня оживленную жизнь Качканара на заре его строительства, участник исследования пытается спроецировать подобное состояние, повторный виток, в предполагаемое будущее. Бонусы, по его мнению, очевидны, от «правильных» домов и дорог до гостиниц и ресторанов:

Город будет лучше всех. ...Даже когда проектировать начнут, да, это уже что-то закрутится. Сюда будут вкладывать десятки, сотни миллионов на проектирование надо, если уж говорить про это. ...Будут работать люди. Будут рабочие места, интеллектуальная какая-то база будет расти. Потом начнут если вкладывать в инфраструктуру, значит, водозаборные устройства будут совершенствоваться, пойдут новые технологии, пойдет развитие нового жилья, пентхаусы будут строить (КМ59).

Рассказывая о планах строительства курорта, информанты сразу же дают задний ход, высказывают свои сомнения о возможности такого варианта развития города. В представлениях участницы исследования, школы, даже если курорт заработает, прибыль пойдет не в город, и *«это все равно немного, если ГОК – это большое предприятие, то тут не сравнится с ГОКом»* (КЖ17). Более оптимистичные оценки взрослого эксперта включают тем не менее обязательную оговорку о нереалистичности проекта, при всей его привлекательности:

Курорт – это такая маниловщина, это надо же вложить несколько миллиардов, может, десятки миллиардов. Нужно найти олигарха, который бы, может быть, свои деньги теоретически, виртуально [вложил] (КМ59).

Таким образом, независимо от профиля градообразующего предприятия, преобладающая убежденность в моностатусе города обуславливает убежденность жителей в монополии жизнеобеспечивающей роли предприятия и соответственно в губительных последствиях сворачивания производства. Перспективы диверсификации выглядят в глазах участников исследования неправдоподобными. Привлекательность завода подкрепляется и усиливается растущей коммерциализацией социальной сферы. Бесплатное или льготное обеспечение неразрывно связано с деятельностью градообразующего предприятия, и ценность такой поддержки отмечают не только пожилые, но и молодые люди:

У нас есть лечебные центры, именно призаводские, в общем, профилакторий при комбинате. Туда практически раз в три года всем дают бесплатную путевку, там человек проходит лечение, питание, массажи. Без дополнительных выплат, со всем-со всем. Как сказать, поддерживают здоровье своего персонала (ЛЖ30).

Следует отметить, что в стремлении показать свой город с лучшей стороны информанты подчеркивали, что те или иные блага у них бесплатны; 67-летняя участница исследования вспоминает времена, когда завод был «очень стабильный»:

Поэтому и город процветал... шло такое жилищное строительство. Я когда-то в 70-е годы сюда приехала, я простым воспитателем в детский сад устроилась, но от Богословского алюминиевого завода, отработав семь лет, я получила трехкомнатную квартиру (КрЖ67).

Обращает на себя внимание, как почтительно женщина несколько раз произносит полное название предприятия, не аббревиатуру. В этом контексте мы узнаем о застройке – заводом! – нового района города:

Вот этот Заречный район – это новый район. Это полностью завод как раз строился, 70-е годы. С шестьдесят, наверное, пятого здесь началось строительство вот в Заречном; 70-е, 80-е, потом восточную часть строили (КрЖ67).

Живое и мертвое в производственной сфере. Четыре города резко контрастируют по степени жизнеспособности градообразующего предприятия, от состояния которого как круги по воде распространяются

импульсы «живости» или «тухлости», если прибегнуть к выражениям наших информантов.

Красноурьинск весьма болезненно переживает закат своей промышленности.

Сейчас шахты, конечно, у нас работают не очень хорошо. Завод вообще, вот опять обещают к новому году 600 человек сократить, это нам очень больно. Людям негде работать, у меня свои сыновья ездят по вахтам, а раньше здесь работали. Сын работал в золоте [ЗАО «Золото Северного Урала»]. Второй сын работал на заводе. А теперь вот приходится ездить (КрЖ77).

Давно затухавший и всерьез загнувшийся к концу 2013 г. БАЗ заставляет жителей Красноурьинска с особой силой противопоставлять текущему положению времена процветания:

Завод, конечно, работал тогда хорошо, у нас город был прекрасный... Работы было много, и город у нас очень интересно жил. А сейчас, конечно... (КрЖ77).

В Качканаре стабильно и «мощно» работающий ГОК не отменяет тем не менее ностальгии старожилов по временам бурного роста. В представлениях Валерия энергетика развития была сосредоточена в радиозаводе:

Радиозавод – это было вообще. Настолько было современное это предприятие, просто оно гремело повсюду! То есть там одна молодежь работала только, возраст до 30, допустим, до 40, все кипело просто это предприятие, 5 тысяч работающих, это вообще было (КМ59).

«Гремело» и «кипело», интонации приведенной фразы – все это коды не просто жизни, а ее особо интенсивной фазы, которую можно назвать гипервитаальностью. Не случайно молодежность связывается именно с радиозаводом, а не с ГОКом, который Валерий считает более тяжелой структурой. По умолчанию приписываемая молодежи энергичность призвана засвидетельствовать, насколько на пике времени, «современным» и перспективным был радиозавод. Если радиозавод относится к взрослости информанта, то весь Качканар с самого детства помнится Валерию как муравейник, сгусток или концентрат кипучей жизни. Поселок, живущий в режиме большой стройки, создает впечатление повсеместности, тотальности бурления. Это отсылает нас к концепту радикальной всеобщности преобразований в схеме молодых городов (см. 4.2), а нашего информанта приводит к акцентированию специфики Качканара в сравнении с большим городом:

Здесь настолько это все кипело. Просто стройка шла! Там это надо видеть. Такого в большом городе, допустим, не увидишь. Здесь вот весь город, это был муравейник просто. Тут строят, тут строят, там (КМ59).

Период восходящего развития и затем расцвета предприятия/города – и в депрессивном Краснотурьинске, и в относительно стабильном Качканаре – неизменно акцентирует энергию, напоенную энтузиазмом, тем самым поддерживая одну из смыслообразующих линий и опор аффективного режима молодых советских городов (см. 4.3). Сегодня опоры жизненности находятся вне городского локуса. Поиск ревитализации Краснотурьинска опирается на принципиально неместные координаты – «московский» архитектор, «европейское» кладбище (<http://krasnoturinsk.info/centr-krasnoturinska-sobirayutsya-perekroit-na-dengi-investorov-foto/>).

7.2. Места культуры, здравоохранения, спорта: «у нас рассадник культуры!»

Дворец культуры – обязательная принадлежность советского города. Как и задумывалось на заре советского градостроения, общественные здания в стране, «кующей социализм, здания, в которых мощные людские коллективы творят историю, неминуемо станут и уже теперь становятся *символами* всей нашей культуры» (Хигер Р. Конструктивизм в архитектуре // Революция и культура. 1929. № 19–20. С. 30). Такие заведения призваны были служить интегральными центрами новой культуры, призванными «оздоровить, «окультурить» отдых широких рабочих масс, привить им органические навыки к художественному зрелищу, к книге, к спорту; для этого здание должно быть спроектировано и построено «с всесторонним учетом психологии рабочего, его нужд, его культурных запросов, который сделался бы для трудящегося вторым жилищем» (С. 26).

На Северном Урале эти конструктивистские идеи нашли воплощение в Серовском Дворце культуры металлургов (арх. И. П. Антонов, В. Д. Соколов, 1928–1930; ранее, в 1925 г., был выполнен, но не реализован проект Дворца труда архитектором А. А. Яковлевым). Участвующие в нашем исследовании поселения младше, чем Серов (Надеждинск), и не могли обладать конструктивистской архитектурой.

Дворцы – сооружения серьезные, в изучаемых городах они появляются примерно спустя 10 лет после основания города. До этого культурные и «агитационно-массовые» нужды справлялись в клубах, которые строили

быстро, если не сказать спонтанно³⁹, и посвящали строителю – главной фигуре в начальный период жизни нового города. И в Заречном⁴⁰, и в Качканаре первым был клуб «Строитель», с его появлением «культурная жизнь закипела ключом»⁴¹.

Появление Дворцов культуры в изучаемых городах идет в том же порядке, что и хронология возникновения самих городов. В нашей выборке – самый ранний по времени создания Дворец культуры БАЗа в Краснотурыинске (1952), городской Дворец культуры (1959)⁴². В 1957 г. был открыт Дом культуры в Лесном (с 1961 г. – ДК «Современник»), в 1966 г. – ДК «Ровесник» в Заречном, в 1968 г. – ДК в Качканаре. Как можно проследить по табл. 7.1, Дворец культуры появляется примерно через 10 лет после основания города.

Т а б л и ц а 7.1

Хронология создания городов и их Дворцов культуры

Город	Год основания города	Год открытия первого ДК
Краснотурыинск	1944 (1942 – начало строительства БАЗа)	1952
Лесной	1947	1957
Заречный	1955	1966
Качканар	1957	1968

Краснотурыинск из наших четырех городов не только самый старший, но и самый большой по численности населения (в 2013 г. – около 59 тыс. человек), возможно, этим объясняется, что в нем два солидных, «сталин-

³⁹ Так, открытый в 1960 г. в Снежинске клуб «Темп» (ныне «Ритм») был построен по инициативе директора Д. Е. Васильева (до 1955 г. возглавлял строительство в Свердловске-45 (Лесном)) по методу народной стройки за восемь суток [Жучихин, 2012 : 74–75].

⁴⁰ См.: *Маковских В.* «Я помню, как все начиналось...»: 40 лет ДК «Ровесник» // Зареченская ярмарка. 16.03.06. № 11 [Электронный ресурс]. URL: http://zar-yarmarka.ru/2006/11/K_40-letiu_dk_4 (дата обращения: 07.08.2015).

⁴¹ *Шахова-Ставицкая А.* Так начиналась культура // Электронный Качканар. 14.01.14. URL : <http://ekch.ru/news-18.html> (дата обращения: 09.08.2015).

⁴² Автор, разработчик и руководитель строительства обоих ДК – Д. К. Рудницкий, согласно сайтам этих заведений, где ДК присвоен статус «памятников архитектуры эпохи социализма».

ской» архитектуры, ДК. Остальные три города помладше и поменьше, ДК там один. Играемая им роль в пространстве публичных городских действий – своего рода индикатор социального времени города. Лесной и в этом отношении подтверждает статус хорошо законсервированного анклава советскости. Дворец культуры здесь воспринимается, по крайней мере некоторыми информантами, в качестве доминирующего звена в организации публичного пространства культурных практик: *«все туда стекается»* (ЛЖ43) и происходит под неусыпным контролем монументального Ленина.

Вот наш Дом культуры, он у нас очень красивый, здоровский. И все праздники у нас здесь проходят, вот у этого Дома. Раньше была детская библиотека. Я очень часто там сидела, там читальный зал. Там всегда такая тишина, здорово (ЛЖ41).

Построенные в 50-е гг., Дворцы культуры в Краснотурьинске и Лесном принадлежат к советской архитектуре сталинского периода и, при всей их однотипности, являются неотъемлемой и весьма выразительной ее «фишкой».

На снимках (рис. 7.1, 7.2) бросается в глаза просторность площади перед только что построенным ДК БАЗа. Никаких мероприятий не проводится, поэтому немногочленно, но отдельные фигуры все-таки присутствуют, и можно видеть, как люди одеты: телогрейка, ушанка или платок. Пока не появился второй ДК и не была обустроена площадь, это место в Краснотурьинске могло претендовать на центральность. Кроме того, снятое профессиональным фотографом, оно производит величественное впечатление. Сегодня это здание так не выглядит, и хотя информанты его упоминали, только один из маршрутов захватил ДК БАЗа в поле зрения (рис. 7.3), но без комментариев.

В Лесном к тому же периоду относится и кинотеатр «Ретро» («40 лет Октября»). Вообще, в старой части Лесного *«все послевоенной постройки – в стиле вот сталинской архитектуры. ...Дом культуры такой самобытный, вообще, в советскую эпоху же много внимания уделялось архитектуре тоталитарной, поэтому памятники там и рабочим, и интеллигенции с книгой, вставленной в нише Дома культуры. Кинотеатр старый. Видно, то ли сталинский ампи́р, то ли... как называется, сказать сложно* (ЛЖ51).

Зареченский и качканарский ДК строились по типовым проектам другой советской эпохи – исполненных «оттепельной» романтики 60-х. На смену тяжеловесным колоннам стиль «легкости, подвижности, открытости» пришел не только в дизайн кафе (к которым относится наблюдение

Рис. 7.1. ДК БАЗа. 1952 г. (Виды г. Кранотуринска, 1949 г.⁴³
Фото Ж. Берланда // ГАСО. Ф. 1. Оп. 47. Л. 3636)

Рис. 7.2. ДК БАЗа. 1952 г. (ГАСО. Ф. 1. Оп. 47. Л. 3622)

П. Вайля и А. Гениса), но и в другие общественные заведения; ДК тоже «стали на манер аквариумов – со стеклянными стенами всем на обозрение»⁴⁴. Возле них нет Ленина. Публичное пространство маркировано другими значениями, это уже не ленинский путь к коммунизму.

⁴³ Так в описи – 1949 г. Действительной датой следует считать 1952 г., исходя из того, что ДК БАЗа был построен только в 1952 г. и на фотографии здание украшено надписью «XXXV лет великому Октябрю» – 1952 г.

⁴⁴ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М. : АСТ : CORPUS, 2013. С. 144.

Рис. 7.3. ДК БАЗа
(фото сделано
во время интервью КрМ34)

В Заречном к ДК примыкает символическое пространство Победы. Здание расположено на площади Победы, прямо напротив мемориального комплекса с Вечным огнем в сквере Победы, тут же проходит улица 9 Мая. Слева от ДК в 2006 г. был установлен памятный камень в честь первостроителей БАЭС и Заречного, привносящий в данное пространство смыслы собственно города и его основного предприятия. В Качканаре, самом молодом городе, на площади у ДК присутствуют только эти смыслы, особенно ярко явленные с открытием в 2013 г. нового фонтана в год 50-летия ГОКа. Но и до открытия нового фонтана удачное расположение ДК в Качканаре обеспечивало ему роль центра притяжения официальных и неофициальных, неформальных активностей. На площади у ДК организуется празднование Дня города, зимой устанавливают новогоднюю елку, 8 мая отсюда стартует шествие со свечами. Здесь прогуливаются мамы с маленькими детьми, дети постарше катаются на роликах и велосипедах, а молодежь собирается на танцплощадке за ДК на «сковородке». Кроме того, ДК в Качканаре является принципиальным ориентиром в столь распространенных здесь прогулках по Свердлова (одна из информанток признала, что после переезда в Екатеринбург ей долго не хватало «места», читай: практик – таких прогулок):

Самая популярная зона прогулки – это от ДК до площади. Это буквально метров 700 максимум. И вот кто-то идет от ДК до площади, на площади дорогу переходит и по другой стороне спускается до ДК, у ДК дорогу переходит, поднимается до площади. И такая вот прогулка (КМ17).

Символический капитал этого места поддерживается также открывающимся оттуда видом, так что информанту хочется поместить ДК посередине главной улицы города:

Дворец культуры находится ну не посередине улицы Свердлова, но, скорее, на улице Свердлова. Около ДК есть прогулочная зона. Ну, там как площадь такая небольшая. Сейчас там отстраивается фонтан, старый снесли. И оттуда идет, с этой площади, идет вид на Дворец спорта, за Дворцом спорта – пруд, за прудом – гора Качканар, то есть вид тоже неплохой (КМ17).

Дворцы культуры наряду с более современными музыкальными, хореографическими и художественными школами продолжают служить центрами творчества, о которых рассказывают с любовью и гордостью. Предметом гордости могут быть знаменитые выпускники, как, например, в Краснотурьинске: *«у нас Евгения Отрадная ходила в ДК БАЗа. Она из нашего города. Вот, певица. Сейчас она в Москве живет. Ходила в группу в “Фараоны”» (КрЖ16).*

Заложенная в советское время социальная сфера в малых городах с их большими консервирующими возможностями достаточно успешно сохраняет и приумножает свой потенциал.

Культура в городе Лесном, она вообще особую часть занимает, может, из-за специфики людей, потому что у нас столько детских организаций, подразделений. ...В общем, культуры в городе Лесном очень много (ЛЖ30).

Образование и культура в городе еще вот с социальных времен (ЛЖ30).

Молодые города гордятся своими учреждениями среднего основного и дополнительного образования: *«Качканар славен образованием. Если обращали внимание, у нас и педагоги, и дети... детей очень много, ну, с достаточно высоким таким уровнем образования. Значит, компьютерщики, будем говорить, детишки. Биология очень так поставлена достаточно высоко, на российских соревнованиях там везде на олимпиадах много. Ну уровень приличный» (КМ59).* В каждом городе, где проходило исследование, мы услышали много рассказов о заслугах детского образования и победах на различных конкурсах. Воспоминания о таких победах позволяют информантам не только презентовать свой город, но и еще раз убедиться в его относительной уникальности.

Все мы ездили, я... где участвовал, это Москва, Питер, но там мы только начинали, потом мы уезжали, в Македонию ездили, там несколько стран участвовало, там заняли первые места, и в Болгарию на международный конкурс, тоже у нас... наша школа была делегирована в составе оркестра, ансамбля, двух солистов. И все заняли просто первые места там. Люди были в шоке, кто такой город Лесной, откуда понаехал, все забрали... (ЛМ26).

Вот детская художественная школа. ...В принципе город-то такой у нас, культура у нас на хорошем уровне. У нас и детские коллективы – лауреаты всевозможных конкурсов... У нас видите, как... рассадник культуры! Вот у нас та художественная, эта хореографическая школы. Ну такие у нас традиции хорошие (КрМ34).

Хореографическая школа прекраснейшая. ...Дети, ну нет, мальчишки не ходят, девочки танцуют, девочки красивые всегда в праздники, украшают всегда. А мальчишек очень мало. Но мальчишки у нас танцуют во дворах там все-таки. Такие танцы, народные там (КрЖ77).

У нас одна музыкальная школа есть и одна художественная школа. Но везде преподаватели замечательные, очень обучают, как там и там, очень хорошо. Все, кто играет, рисует, если есть талант, то он проявляется, конечно же (ЗЖ18).

...Этого у нас очень много. Танцевальных кружков море, море для детей, выбирай не хочу. Хоровые студии хорошие очень (ЗЖ36).

Здесь все детки вот где-то с трех лет начинают быть чем-то заняты. Детская школа искусств, или музыкальная, или школа хореографии, т. е. всегда при каких-то занятиях. С детского сада сразу возят на какие-то занятия. Это, конечно, есть. Во многих садиках, которые относятся к ЭХП, есть даже свои бассейны (ЛЖ27).

А вот это у нас детская школа хореографии с зеленым значком, у меня туда дочка ходит. Они ездят везде; Турция, Болгария, Чехия, Франция – везде были. Все места хорошие, очень она у нас как бы ценится (ЛЖ43) (рис. 7.4).

Еще одна тема рефреном проходит через многие интервью: город для семейной жизни, город для того, чтобы растить детей, – зеленый, тихий, спокойный, с большим количеством детских учреждений. Вот имидж,

Рис. 7.4. Хореографическая школа «с зеленым значком» в Лесном (фото сделано во время интервью ЛЖ43)

потенциально готовый поспорить с центральной позицией градообразующего предприятия, последнее рассматривается как необходимое условие, но вовсе не главный объект города:

Растить детей здесь хорошо... Если в Екатеринбурге и там большая проблема – ребенка в садик на трамвае или в школу будет сам там добираться. У нас здесь такого нет. Вот тебе садик, вот школа, то есть дети идут утром, сами идут в школу. Ну, конечно, кому по пути, отвозят. Я свою отвожу, так как мне по пути. Ну, это просто по пути, так бы и не возила бы (ЗЖ36).

В Лесном нам с гордостью показывали детский сад в виде средневекового замка:

...Открыли детский садик «Жемчужина» в новом районе. Ну такой он прикольный, вообще. Он как замок сделан, построен, само здание такое, там ворота, вот как, знаете, как башни сделаны у замка, вот вход. Так здорово, красиво (ЛЖ41) (рис. 7.5).

Рис. 7.5. Лесной. Детский сад «Жемчужина»
(фото предоставлено информантом ЛЖ41)

Воспринимаемая ценность города – в таких местах, где можно гулять, отдыхать и развлекаться:

Самое место, там где собираются все, там и мамы с колясками – это площадь вот такая вот, где идет строительство фонтана нового (КМ30)

У нас еще там Парк строителей есть там же. Там, в Парке строителей, есть отведенное отдельное место для рок-групп каких-нибудь там, са-модельности там, сцена. Потом, в другой стороне этого парка, там площадка для детей, там качели, горки всякие построили, эти, как их там, лазелки (КЖ29).

Я вас провела маршрутом, которым ходила с коляской целый год. Я поднималась и вот так вот спускалась или, наоборот, низом. Или так. Это вот моя дорожка (ЛЖ43).

Соответствуют такой позиции и претензии жителей: информантке из Заречного наряду с легкой атлетикой и танцами хотелось бы для дочери возможностей развития в спортивной гимнастике, фигурном катании.

В Качканаре одна из школ выделяется не только современным оснащением, но и зашкаливающей длительностью долгостроя. Вообще в данной сфере, по оценкам информантов, город выдерживает конкуренцию с областным центром:

Качканар чем хорош, даже если сравнить с Екатеринбургом, вот сейчас мы направо увидим... одна из современнейших школ. ...Современнейшая школа, бассейн есть такой, приличный бассейн. В городе у нас сейчас стало два бассейна. ...Здесь очень большой актовый зал, такой интереснейший, будем говорить. Вообще школа предназначена для современного обучения (КМ59).

При этом судьба у таких объектов может быть весьма непростой, продолжает тот же информант:

Хотя мы вот, поскольку я ее начинал строить. Это советский, социалистический долгострой. ...Она очень долго строилась, больше 20 лет, ну не строилась, она стояла, будем говорить, стояла замороженная. Вот буквально 5 лет назад по ней стали работать. Вот вложили много средств, больше 400 миллионов, достроили, сейчас запустили. Все так непросто идет, особенно в сегодняшние времена (КМ59).

Старшеклассница считает состоявшееся наконец открытие этого заведения заслугой мэра: «У нас школа есть 8-я, ее строили 30 лет. У меня когда мама пошла в школу в первый класс, ей бабушка говорила: вот, ты пойдешь в эту школу. Но она в нее так и не пошла, потому что она не построилась. И она строилась 35, что ли, лет. И в этом году ее только открыли. Я считаю, что это заслуга нашего мэра, что он молодец» (КЖ17). Девятиклассник просто отмечает ее достоинства:

У нас сейчас, получается семь школ общеобразовательных. Я учусь в седьмой. И вот совсем недавно, 1 сентября, открылась восьмая школа. Она очень большая, в ней два актовых зала, бассейн. На территории этой школы что-то типа парка, где ученики могут отдыхать. Очень классно сделано. Стадион. ...Ну, у седьмой школы, где я учусь, тоже стадион есть. Ну, здесь оно как бы искусственная трава, все как надо (КМ15).

В Лесном тоже есть подобная школа, правда, факт затянувшегося строительства подчеркнула только одна участница исследования: *«очень долго у нас строили эту школу, замораживали, но вот ее не было, я сюда приехала, даже начала стройки не было в 93-м году»* (ЛЖ43). Другие интервью в Лесном описывают достоинства этого заведения, акцентируя средоточие в нем последних достижений «техники» – *«это как культурный центр в одном месте»*:

Вот наша 76-я школа с обсерваторией (с гордостью)... Даже есть своя астрономическая обсерватория в этом... Я сама даже была, где этот купол находится, у нас учитель астрономии очень интересный был. Школа сразу и с бассейном, и с огромным зимним садом. Ну вообще, столько всего в ней. Понимаете, это как культурный центр в одном месте. Два бассейна, большой зимний сад (ЛЖ30).

76-я школа, самая последняя, с бассейном. Там даже вон на звезды смотреть можно; вот этот наш, «Звездочет» этот. Вот самая последняя школа. Ну сделана по последнему слову техники (ЛМ58).

Абсолютная темпоральная характеристика по времени строительства – «самая последняя» – делает безотносительно прекрасными и возможности этой школы. В некоторых интервью, однако, перечисление достоинств школы дополняется относительными темпоральными характеристиками – «достаточно новая»:

Одна из самых почитаемых школ в Лесном – это 76-я имени Дмитрия Васильева. Она достаточно новая, в ней есть обсерватория, бассейн, зимний сад, причем очень неплохой, ну, соответственно все это действующее (ЛЖ27).

Достигаемый таким образом эффект релятивизации способствует критически дистанцированному размещению объекта на временной шкале, снижая патетику: *«Для того времени это был дико концептуальный дизайн. По сравнению с большинством советских школ, которые сверху выглядели как буква Н, это было прямо замок-замок»* (ЛМ27). Так или иначе, эта школа обязательно фигурирует как примечательное место в лесничанских интервью и упоминается с гордостью.

Средние специальные учебные заведения создавались в молодых городах вскоре после основания, чтобы удовлетворять потребность градообразующего предприятия в квалифицированной рабочей силе: *«У нас колледж есть, там обучают горным специальностям этим, чтобы сразу в ЕВРАЗ качканарский»* (КМ15). Тем самым эти заведения входят в «рас-

ширенное тело» ключевого предприятия, что и определяет сегодня их двойственный статус. С одной стороны, среднее специальное образование исправно служит лифтом, включающим людей в число работников комбината – привилегированную часть населения любого моногорода. С другой стороны, подобная связанность, заранее предписанная ограниченность дальнейшего жизненного пути снижает воспринимаемую ценность таких учебных заведений, как «гапуха» в Качканаре, во всяком случае, у тех, кто учится в других местах:

КЖ19: «Гапуха» – это считается место, ну, я не знаю, куда весь сброд просто скинули, кто куда не поступил.

КМ19: И вот именно этим они подразумевают, что вот эти ребята потом будут в дальнейшем работать в ГОКе. Те, которые ниже какого-то определенного статуса, идут в «гапуху», и после «гапухи» с теми же намерениями, с тем же отношением к учебе... должны работать на градо-связующем предприятии.

Вообще, наши 15–19-летние качканарские информанты свое собственное будущее не связывают с этим городом. Те, кто остаются после школы учиться и работать на ГОКе, по мнению одного из них, – неудачники и жизненная перспектива их выглядит тоскливо:

Те, кого выгоняют из школы после 9-го, потому что они разгильдяи и они не поступают в Туру, в Тагил, в Екатеринбург, и они идут в эту «гапуху» и там учатся. Я бы не сказал, что это престижное заведение. Но все, кто там отучиваются... все идут к нам в цех, ну кто в карьер, кто в цеха. То есть никто из города практически не уезжают. ...Ну, допустим, получил ты машиниста. Сразу в ГОК устроился Качканарский, все, ты работаешь всю жизнь в этом карьере, живешь в этом городе, и вот так у тебя пролетает жизнь – ничего интересного (КМ17).

Скорее всего, оценки учащихся самой «гапухи» были бы иными.

Молодые города не имеют собственных вузов. Высшее образование присутствует здесь в виде филиалов, которые связывают данные территории с местоположением самого университета – Екатеринбург или Москвой. Оценка жителями такого присутствия колеблется от почтительной до упаднически скептической. Негативные суждения связаны с неустраивающим информантов статусом и качеством образования (Краснотурьинск и Качканар), положительные – с самим фактом наличия вуза и опять же его статусом, воспринимаемым высоким – московским и принадлежащим атомной отрасли (Лесной и Заречный):

У нас есть теперь уже и высшее учебное заведение. ...Изначально это было среднетехническое, вот. Учреждение образовательное, потом уже на базе Белоярского энергетического техникума просто сделали вуз. Я не помню точно название, по-моему, МИФИ НИЯУ... Но все же у нас есть где получить и средне-специальное, и техническое высшее образование. ...Магазинов хватает в любых городах (смеется), это не очень интересно. А вот как факт, в маленьком городе высшее учебное заведение, я думаю, это достойно внимания (ЗМ23).

Вот тут находится МИФИ, тут видите, красивое название – национальный ядерный университет, это же филиал Москвы. Здесь вот учатся все, кто хочет быть большим начальником на ЭП или вообще чего-то крупного добиться, получить высшее образование (ЛЖ27).

Театры, библиотеки, музеи в целом на момент проведения исследования демонстрировали смену кода смерти на код жизни. Так, зареченский ТЮЗ, как и ряд других объектов в этом городе, весьма убедителен в данной перекодировке:

Наш новый Театр юного зрителя. Он тоже стоял разрушенный с тех времен, как я сюда приехал [17 лет назад], недостроенный, вернее. Вот в конце прошлого года, перед Новым годом как раз, закончили всю отделку. Сейчас есть где детям творчеством позаниматься театральным (ЗМ48).

Очень характерная оговорка – «разрушенный» – действительно воплощает код смерти, тогда как «недостроенный» может трактоваться двояко, в том числе и как живой, строящийся объект. Точно в таком же ключе, как переход от умирания к восстановлению, жительница Лесного оценивает «обновление» кинотеатра в своем городе:

Вот наш кинотеатр, такой, обновленный. Там сделали сейчас два зала, там здорово. То есть сначала был один зал, а потом сделали, вот недавно, буквально год где-то назад, доделали. То есть ну и ребята ходят в кино. И не только ребята, и взрослые ходят. Есть куда сходить. Потому что одно время мы даже писали в газетах о том, что некуда сходить, т. е. кинотеатр умирал. Ну, нашелся предприниматель, восстановили, сделали (ЛЖ41).

Эффект от ревитализации в обоих случаях выражается в том, что теперь «есть где», «есть куда» – сходить, позаниматься чем-либо. Эффект, вообще-то, двусмысленный, поскольку достижение обнажает пустоту вокруг него: получается, что помимо названного объекта больше «некуда сходить».

Библиотеки. «Вот библиотека. ...Тут раньше с ребятами в мяч играли. ...Вандалы какие-то разрисовали» (КМ15).

«Вот это у нас библиотека, новая, отстроенная. ...Вот, с той стороны вход. Два этажа. Первый этаж – Сбербанк, остальные два этажа – библиотека. Здесь раньше были два этажа и потом надстраивали еще третий» (ЗЖ20).

В Лесном, показывая детскую библиотеку и взрослую, городской музей, информанты подчеркивают их функциональность, включенность в различные практики. Такое позиционирование выступает как один из способов соотнесения своего поселения с другими – «большими городами»:

Вот у нас библиотека взрослая там, в новом районе, она очень большая. Там проходят выставки. А еще у нас обновили музей. Очень здорово сделали. Раньше он хирел, хирел, а тут вот здание стало очень красивое. Как и в больших городах, у нас так же проходит Ночь музея, Ночь библиотеки. Вот было недавно буквально (ЛЖ41).

В Красногурьевске некоторые информанты упоминали о закрытии библиотеки – еще один знак упадка для депрессирующего поселения (рис. 7.6).

Я как депутат городской думы скажу, что катастрофически не хватает денег. Дошло до того, что мы сейчас... боремся – закрывают библиотеку. Ее закрыли... но мы не сдаемся. ...Щас проедем тогда мимо библиотеки. Прекрасное здание. В целях экономии, потому что – называть вещи своими именами. Владимир Владимирович сказал зарплату поднять культурным работникам, да? А денег-то нам не прислал, поэтому зарплату поднимаем, изыскивая средства внутри себя. Мы от Думы писали письмо в область с вопросом. Ну как бы также и в образовании, тут подняли же зарплату. Получается, ответ такой был: «Изыскивайте средства внутри себя», поэтому они выступили с этой вот инициативой.

В том году хотели ее закрыть, мы удержали: выделили деньги, поснимали отсюда деньги. И, чтобы эта библиотека работала, в этом году опять как бы без нашего ведома такие движения идут. Щас вот, потому что мы признали социально значимым объектом, с конкретным адресом... По-видимому, это помещение либо кому-то приглянулось или ну какая-то такая позиция. Позицию главы я не могу озвучить, потому что я ее не знаю. Или его ввели в заблуждение, потому что, может, он и не знал, что социально-значимый объект, понимаете, глава новый у нас.

– А вот библиотека, которую закрывают. Вон она, видите... Давайте повернем, там уже совсем идут, так сказать, работы. Там уже видите что-то... Что-то там делают. Ее закрыли. Здесь всю жизнь была центральная детская библиотека, Гагаринская была. Прекрасное здание, вы видите тут, в принципе...

Рис. 7.6. Кrasнотурьинск.
Закрытая детская библиотека
(фото сделано во время
интервью КрМЗ4)

- То есть это как бы жилой дом, а на первом этаже...
- Изначально, когда жилой дом построили, тут никогда ничего не было, кроме библиотеки... А теперь тут порядка 250 квадратов – просторное помещение. Мы-то вообще были возмущены крайне... этим шагом, так сказать... администрации. Ну вот, сейчас пытаемся, боремся. Ну вот, видите, уже книжки вывозят, практически уже все вывезли. Демонтаж идет и... пожарные, видать, сигнализацию, что-то там лазают.
- И куда они ее поместили?
- Во взрослую библиотеку, во взрослую, на бульвар Мира. <...> В связи со всеми этими манипуляциями 60 000 книг у нас сейчас в подвале, где рвет канализацию и все в таком духе. Я уже сказал: мы их торжественно на площади сожжем потом? Гитлер так начинал, и это, мне вот не нравится (КрМЗ4).

Состояние объектов культуры не только само определяется в кодах жизни и смерти, но и оказывается показательным для положения города в целом:

В принципе я говорю, город-то такой живой у нас, но в связи с финансированием таким потихоньку начинает. Видите, библиотеки тут, все это, начинает тухнуть (КрМЗ4).

Накопленный с советских времен богатый потенциал в сфере культуры (детские музыкальные, художественные школы, секции, кружки, театры, детские лагеря, профилактории и т. п.), в ряде случаев дополненный актуальными формами (как популярный подростковый клуб «Бригантина» в Качканаре), не избавляет изучаемые города от жестокого дефицита современных форматов для разных слоев населения. Перечисленные формы, с одной стороны, законсервировались, а с другой – неумо-

лимо разрушаются. Так, жительница Краснотурьинска со слезами рассказывала об упадке детского технического творчества в городе, в Заречном мы встретились с мнением о деградации художественной школы. Прошлый передовой опыт (музыкальный фестиваль «Форманта» в Качканаре), как и новые формы: малые (поэтический вечер в ТЮЗе в Заречном, инициативное издание поэтического сборника) и крупные (карнавалы в Заречном и Лесном, празднования Дня города, Дня металлурга, юбилеев градообразующего предприятия), не подходят для рутинного форматирования повседневности. В Заречном нам рассказали о занятиях для взрослых, но тут же оговорились, что эта информация не широко распространена.

Для взрослых у нас есть танцы, у нас люди и старшего поколения. Мы сами недавно это с удивлением с подружкой узнали, прочитали где-то в газете, увидели знакомые лица ... Люди... пожилого возраста... ну... ну как пожилого, ну 60... занимаются танго, у них конкурсы проходят, бальные танцы, там вальсы... то есть мы честно не знали, что есть такое... оказывается, есть... (ЗЖ36).

Стандартные же формы развлечений (например, кинотеатр, боулинг, бильярд) отсутствуют или недостаточны. Поэтому по выходным, особенно летом, такой город вымирает: *«развлекательные мероприятия, их очень здесь мало. Мало, и вот какие-то развлечения, там боулинг, бильярд, – их здесь нету. Люди выезжают в Качканар, Тагил, Екатеринбург. Молодежь вся в основном ездит за какими-то развлечениями в Екатеринбург»* (ЛЖ27). Летом же многие устремляются в сады. *«Сейчас вообще лето, так никто ничем не занимается»* (ЗЖ18). В целом, считают молодые информанты, заняться нечем: *«Скучно. Вечером даже вот никуда не сходить. Кафе в основном все до 11 работают. На фильм ни на никакой не сходить. В театр тоже ни в какой не сходить. Сиди дома и смотри и театр, и кино, и что хочешь»* (ЗЖ18).

В итоге мы не раз сталкивались с противоречием: информанты взахлеб рассказывают о клубах, ансамблях, секциях – и припечатывают выводом об отсутствии возможностей для досуга и развития, прежде всего для молодежи и людей среднего возраста, говоря о своем городе, что *«он такой для жизни, вот, скажем, не для развлечений, для жизни»* (ЛЖ43).

З д р а в о о х р а н е н и е: *«хорошие врачи, они уезжают почему-то отсюда».* Мнения о состоянии здравоохранения могут кардинально расходиться даже в пределах одного города.

В Лесном *«медицина настолько плохая, что люди просто приезжают сюда, в областную или в платные клиники. То есть уровень очень низкий*

местной медицины (ЛЖ51). Та же информантка, однако, отметила, что имеющие пропуск в Лесной предпочитают именно там пользоваться услугами стоматолога – при том же качестве, что в Екатеринбурге, цены в три раза ниже.

Родильный дом у нас очень хороший... на весь округ... Больница у нас, со всего округа привозят, на вертолете. Врачи прекраснейшие (КрЖ77).

У городов Росатома своя медицина и свои правила «болезни»:

ФМБА – это Федеральное медико-биологическое агентство. Это, ну для меня, очень загадочная организация, имеющая такие же полномочия, как Минздрав, сказать, что ли, то есть. ...Ну, в общем, ФМБА – это медицинская структура, не подчиняющаяся общей медицине. То есть это медицина для особых объектов типа нашего города.

У них все свое. У них свое... Ну вот терапевтическое отделение, и там есть такое место, где лежат только с БАЭС. ...У БАЭС есть свои врачи, которые лечат только БАЭС (ЗЖ18).

Не заинтересованная темой здравоохранения девушка поясняет:

Ну, я знаю, что у баэсовцев у них очень жесткий контроль за здоровьем. Им вообще нельзя, чтобы гемоглобин был ниже, ничего. У меня у подружки маму чуть не уволили, гемоглобин низкий. Ну потому что там же серьезное предприятие же, здоровье надо иметь хорошее (ЗЖ18).

Но в заводской поликлинике, вот опять к вопросу о болезнях, в основном не болеют. Потому что не положено. Ты работаешь на заводе, не дай бог ты придешь, скажешь у тебя что-то болит. Тебя же снимут со смены, ты же не получишь денег. Есть такое понятие, как «заиреишки», это от Кириенко, да, идут вот эти надбавки ядерной промышленности. Ты их можешь не получить. То есть там все здоровые. То же самое в части в 35-й – тоже все здоровые, то есть пока не вынесут (ЛЖ27).

Детская поликлиника тоже в свое время была таким прорывным объектом медицины для этого города. Потому что раньше детская поликлиника здесь тоже была в старой части, вот. Но почему-то она была очень маленькая. Там постоянно были дикие очереди. Проблемное было место. И построили большую, большую-большую детскую поликлинику, где все специалисты там – от хирурга до, понятно, педиатров и терапевтов, все сконцентрировано в одном месте (ЛМ27).

Больше всего теряют краснотурьинцы: хорошая система здравоохранения медленно угасает, несмотря на то, что она позволяла решать проблемы со здоровьем всему северу области, по крайней мере, так считает наш

информант. *«Тут вот детская больница, давайте проедем. Давно ее построили. Она у нас считается как бы такого областного... Не то чтобы областного значения... Получается, это северный куст, весь здесь. Тут прекрасные специалисты... Город с хорошими традициями... Но как-то все начинает затухать, честно говоря»* (КрМ34).

Информанты связывают плохое состояние здравоохранения либо со статусом маленького города, либо с общей ситуацией с «бесплатной медициной»: *«Очень плохое. Поэтому я к нашим врачам не обращаюсь. Все, кто хорошие врачи, они уезжают почему-то отсюда. Да, мне кажется, бесплатное здравоохранение, оно сейчас везде плохое, только чем это аргументируется, я не знаю»* (ЗЖ18).

С п о р т : *«у нас двадцать восемь спортивных направлений в городе...»*. Тема спорта – особая тема для молодых городов, с одной стороны, это кузница будущих чемпионов, с другой – место для пропаганды «здорового образа жизни». Во всех изучаемых городах информанты активно описывают богатую спортивную инфраструктуру, включая стадионы, бассейны, корты, спортивные секции и т. п.

С т а д и о н ы полифункциональны: помимо спортивных мероприятий они служат ареной и для городских праздников. *«Стадион “Факел”, здесь у нас тоже вот все и происходит, когда грандиозные события, сцена в центре, два экрана, все как в больших городах, все так же красиво, много всего»* (ЛЖ43). На стадионе «Горняк» качканарцы в День металлурга в юбилейном для города 2013 году слушали концерт Н. Баскова, там же в свое время проходил культовый фестиваль «Форманта».

«Горняк». Там его обновили, подкрасили, все там подделали. Делает городу много хорошего. ...Здесь все мероприятия крупные проходят. Все более-менее значимые для города. Например, День металлурга был, День города бывает».

Информант даже иронизирует:

День металлургов был, 16 000 человек стадион выдержал. Поле футбольное. И как бы ничего не случилось. Я был очень удивлен (КМ30).

На стадионе «Электрон» в Заречном каждый раз завершается знаменитый городской карнавал. Названия привязывают объект к деятельности градообразующего предприятия (за исключением «Факела» в засекреченном Лесном), проговаривается и имя головной организации, иногда информанты прямо указывают на роль предприятия:

У нас есть стадион «Горняк». Летом там проводят турниры, соревнования по футболу среди комбинатов ЕВРАЗ, других городов. А зимой заливают каток, и желающие могут кататься. Либо на прокат берут коньки, или свои приносят. Вход бесплатный (КМ15).

На стадионе, вот спорт у нас, конечно, в принципе развит неплохо. Опять же силами БАЭС. То есть «Электрон» у нас входит в структуру БАЭС, и соответственно все спортивные мероприятия, все, спонсируют они, и проходит это все по инициативе вот комитета БАЭС (ЗЖ36).

Информанты в нижеследующем примере – мама двух малышей – подчеркивают полифункциональность стадиона и с точки зрения интересов различных социальных групп: *«Здесь проходят футбольные матчи между нашими городскими командами и ГОКовскими. И приезжие приезжают. В этом году здесь построили, там, в углу дальнем, там такая полянка есть, там построили всякие тренажеры, всякие лазелки, прыгалки. А вот здесь сделали песочницу» (КЖ29).* Еще одна миссия зареченского стадиона «Электрон», наряду со спортивной и развлекательной, – символическая. На нее работают, помимо названия и собственной символики, расположенные по фасаду эмблемы, немного выцветшие, всех российских атомных станций: *«Ну тут Росэнергоатом и лейблы всех станций. Десять станций, которые у нас есть. К 50-летию, похоже, опять гостей понаедет со всех станций» (ЗМ48).*

В Качканаре еще одна такая фишка есть – здесь очень много, ну порядка 10–12, спортивных школ олимпийского резерва. Поскольку у нас глава – мастер спорта по горным лыжам, вообще, у него и сначала была спортивная школа (КМ59).

Зареченцы радуются бассейну, который вскоре должен войти в строй после ремонта. Место тем самым приобретает, точнее восстанавливает и усиливает, код жизни, новое означает жизненное. В рассказах найдем и указание на витализирующую роль градообразующего предприятия, и вплетенность в собственную биографию информанта:

Бассейн своими силами станция, ну за счет концерна, потихонечку восстанавливают. Потихонечку, вроде сказали, в этом году должны закончить. С этой канителью, глядишь, будем купаться в бассейнах зимой. Очень хотелось бы этого. Он сколь, лет 15, наверное, стоит. ...Сейчас новое, красивое снаружи здание. Там пристройки новые сделали (ЗМ48).

Тут у нас восстанавливают городской бассейн. Мы, когда еще в садик ходили, там детский, как называли, лягушатник, потому что воды мало было. Он еще функционировал. Но уже много лет – лет 15, если не больше, он закрыт. И год назад его стали ремонтировать (ЗЖ21).

Прошлое, настоящее и будущее скреплены модусами как личностно окрашенной желательности, как в вышеприведенном фрагменте (очень хотелось бы), так и более рационально выстроенного ожидания-прогноза:

Будет детский бассейн и большой плавательный. У нас все равно готовят спортсменов, тех же пловцов. У него территория огромная, у этого здания, так что, я думаю, там будет несколько бассейнов разной глубины, величины. А так у нас желающие ездят пока... в аквапарк в Екатеринбург и в Асбест, в бассейн, в котором очень холодная хлорированная вода (ЗЖ21).

Заключительное высказывание помещает Заречный в конкурентные отношения с соседними городами, как и в случае торговли. До завершения ремонта бассейна зареченцы потребляют услуги Екатеринбурга и Асбеста. В отличие от торговли, однако, эти услуги более низкого качества (вода холодная и излишне хлорированная), так что свой бассейн является благом не только в силу близости, но и ожидаемого более высокого качества.

Тут лыжники, конькобежцы, баскетболисты... уже не первый год первые места только привозят. На чемпионате России, мелочь, а приятно. ...Станция по мере своих возможностей всегда старается и поселок поддерживать, и спортивные мероприятия, не считая своих мероприятий спортивных, городские мероприятия поддерживать своими финансами (ЗМ48).

В Красногурьевске хвастаются новой лыжной базой: «*Это старая лыжная база, это новая, получается, отстроили. В принципе трасса нормальная там, люди занимаются, в принципе хорошо сделали, я считаю*» (КрМ20).

Через спорт может проходить и разлом социального неравенства. Хотя информанты полагают, что никаких привилегий за работниками ГОКа не осталось, родители семилетнего мальчика вспомнили: «*здесь какой-то забег или какие-то соревнования, и почему-то половину детей позвали, а половину не позвали. Мы вот задались вопросом, почему из нашей группы только вот Костя бежит? И сказали, что это только для ГОКовских мероприятие*» (КЖ29).

Важное измерение в памятуемой и рассказываемой истории спортивных объектов – степень их доступности, включая попытки перевода из бесплатного режима в платный:

В том году у нас пытались сделать платным каток, но у них ничего не вышло из этой затеи и оставили как есть. ...У нас новую площадку возле одной спортивной школы, которая баскетбольная, сделали платной. Так

ребята бесплатно занимались, а тут 500 рублей в час. ...Если приходят, то на 3–4 часа, и платить такие деньги у них просто нет возможности, да и желания (ЗЖ21).

Лейтмотивом таких сюжетов является все-таки доступность, как в смысле оплаты, так и близости, удобства месторасположения. Лидером по бесплатному доступу оказывается, конечно, анклав советскости – закрытый Лесной. Доступен «для населения» не только недавно отремонтированный городской бассейн, но и школьный:

– В эту школу 76-ю ходят в бассейн и взрослые, и дети, т. е. она доступна для населения.

– Бассейн хороший?

– Бассейн есть, да, детская чаша, есть бассейн для взрослых. Конечно, он не такой бассейн, как обычный бассейн вот в спорткомплексе, но тем не менее все очень доступно; вот отсюда [видно] отремонтированное здание бассейна, называется «Факел». Вот там большой хороший бассейн, который вот готовит будущих олимпийцев в принципе (ЛЖ27).

– Это спортивный клуб «Факел» наш. Это хоккейный корт у нас. Сейчас пойдем мимо плавательного бассейна, где Саша Попов начал тренироваться.

– Вы туда ходите сами?

– Пожалуйста, абонемент берешь и купаешься, пожалуйста, там. Это свободно. ...Когда захотел, пошел. Абонемент взял, купался (ЛМ58).

Можно видеть, что при всей важности прагматических аспектов (ремонт, качество, доступность) спортивные объекты при малейшей возможности дискурсивно конструируются как превосходящие свои рамки, масштаб города, с обязательной артикуляцией символического капитала. Снимок позднесоветского периода помогает понять, что этот капитал может быть разным. Прославленный чемпион совсем не автоматически становится «лицом» объекта, будь то отдельное сооружение, увешанная огромными портретами улица или весь город. На фотографии (рис. 7.7) бассейн несет на себе универсальную для своего времени (каким бы оксюмороном это ни звучало), выдержавшую проверку бурных советских десятилетий символику – ленинскую⁴⁵.

⁴⁵ Фотография не датирована, поэтому остается сомнение: сделана ли она около 1970 г. и по каким-то причинам попала в альбом 1987 г. или же ленинская символика оказалась настолько универсальной, что и в 1987 г., в момент создания альбома и спустя 17 лет после празднования столетия со дня рождения Ленина, служила «лицом» бассейна.

Рис. 7.7. Лесной. Бассейн
(Первый секретарь
Свердловского обкома КПСС
Ю. В. Петров на предприятиях
г. Лесного, 1987 г.
(Из фотоальбома
«Свердловск-45») // ЦДОСО.
Ф. 221. Оп. 3. Д. 1086. Л. 8об.)

Комментируя этот снимок, наша 25-летняя информантка сообщила, что к тому времени, когда она стала ходить в этот бассейн, Ленина на нем сменил Александр Попов.

Объекты культа: «много об этом писали, что нужна церковь...». Молодые города строились в советское время на «пустом месте», где «лес вырубил», и соответственно не могут иметь старых храмов. Во всех участвующих в исследовании городах информанты показывают новые храмы, которые самой своей новизной указывают на стоящую за ними предысторию. Поэтому характерный мотив в таких рассказах – «раньше/теперь». «У нас церковь есть. Две церкви – одна старая, а другая – новая» (KM15). В представлениях 15-летнего молодого человека старая церковь появилась «очень давно», путем логических рассуждений он приходит к выводу, что «скорей всего, после [основания города, то есть менее 56 лет], потому что раньше здесь города не было. Вырубили лес».

Новоявленный храм оказывается точкой притяжения в городском пространстве, что выражает другой повторяющийся мотив – «виден отовсюду».

В городе один храм. Его, с-с, тоже с поддержкой администрации идет, его строят. Раньше это был молеальный дом только как бы, вот видите, одноэтажное здание был как молеальный дом, а сейчас посмотрите, какая красота – белый с бирюзовой такой крышей и купол золотой, т. е. какой должен быть этот храм, и в принципе он со многих сторон города виден. ...Его строят буквально 3 года уже, но вот что такая отделка – последний вот этот год, наверное, сделали. Но его еще не освящали, не было вот этого еще большого праздника освящения (ЛЖ27).

Новый храм построили у нас, который видно у нас со всех точек города (КЖ29).

Вот церковь наша. ...Новая. Ее практически из любой точки города видно (КМ15).

Наличие в городе церкви, храма, тоже подчеркивается нашими информантами: во-первых, красивое здание; во-вторых, новый центр притяжения. Некоторые информанты говорили о том, что они ходят в церковь более или менее регулярно. В ментальных картах, создаваемых в предыдущем проекте, можно было увидеть церковь и памятник В. И. Ленину, расположенные рядышком [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013]. Информантка из Лесного рассказывала о новых формах работы с верующими как об инициативе молодого священника.

Ее муж... принял недавно сан. Это мои хорошие друзья... он, допустим, байкерские крестные ходы делает в городе Лесном, он уже вышел за пределы... ходит в школу с согласительными беседами касаясь церковного образования... он организовал потом... специальную выставку... я тоже туда ходила, я вообще на все эти мероприятия с удовольствием хожу, которые он как представитель церкви... (ЛЖ30).

Даже в условиях короткой истории молодого города новый храм подчеркнуто выделяется:

Недавно, совсем недавно, построили вот церковь. И вот, насколько я знаю, насчет церкви, что помогли все. То есть вот молеб... молебный храм, т. е. небольшое здание такое – вот возродили. То есть много об этом писали, что нужна церковь. В городе нужна, вот видите, маленькая. А до этого и этого не было (ЛЖ41).

Исключение среди обследованных нами городов составляет Краснотурьинск, который признает родство со старыми Турьинскими рудниками. В 1949 г. насущной задачей было «переоборудование» старой церкви в кинотеатр:

Следует отметить, что в городе имеется возможность организовать дополнительный культурный очаг – образцовый кинотеатр вместо старой церкви. Есть средства, однако ни один из руководителей предприятий не хочет оказать содействие в осуществлении этой задачи. Необходимо, чтобы горисполком совместно с руководителями предприятий договорились с переоборудованием церкви и использовали отпущенные средства уже в этом году⁴⁶.

⁴⁶ Протокол № 6 собрания городского партийного актива г. Краснотурьинска от 15 ноября 1949 года // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 259. Л. 163.

Первый деревянный храм на месте Максимовской церкви, согласно информации с ее сайта, был заложен еще в 1782 г., в 1829 г. он полностью сгорел. Каменную церковь начали строить в 1844 г., она стала духовным центром Турьинских рудников и близлежащих селений. Пятиглавый красавец на Максимовской площади (ныне это перекресток улиц Карпинского и Октябрьской), говорится в истории храма, сиял золотыми куполами, возвышаясь, как небесный корабль. В 1936 г. по постановлению ВЦИК храм закрыли и обезглавили, колокола взорвали. В 1940-е в нем помещался склад Базстроя НКВД, потом коопторга. До кинотеатра дело дошло только в конце 50-х: после решения Свердловского облисполкома 1956 г. о реконструкции здания спустя еще почти три года, в 1958 г., был открыт наконец кинотеатр «Россия»⁴⁷. В интервью эта история задействует рамку индивидуальной и семейной памяти, артикулируя многослойность места: сначала была церковь, потом ее пытались разрушить, но не сумели, в не до конца снесенном помещении работал кинотеатр:

– Когда-то тут был кинотеатр, купола, все было снесено. Я еще маленький помню, как бы вот этой верхней части вообще не было. А нижняя часть, получается, мне мама моя рассказывала, динамитом рвали, рвали – они не могли стены снести до конца.

– Так крепко...

– Так крепко было сделано, что, получается, основание – оно как было, так и есть, вот эта нижняя часть еще с тех времен. ...Церковь восстановили практически в первоизданном виде (КрМ34).

Длинная история дает возможность говорить не об абсолютной новостройке, но о восстановлении, подчеркивая аутентичность:

– Церковь, э-э, восстановили.

– Она на старом месте стоит?

– Она именно, причем восстановили ее в том виде, какая она была (КрМ34).

Когда-то был кинотеатр «Россия» на месте церкви, потом восстановили церковь (КрЖ67).

Автор последнего высказывания тоже говорит о восстановлении, но ее больше волнует судьба завода: БАЗ вкладывал деньги в Максимовскую церковь, новую часовню и многие другие проекты, в ущерб собственному

⁴⁷ См.: Храм преподобного Максима Исповедника [Электронный ресурс]. URL: <http://hrammaxim.ru/index.php/history/47-2009-11-22-19-46-07> (дата обращения: 20.08.2015).

развитию, по мнению информантки. Такое место объединяет оставшееся «еще с тех времен» и заявляющее о своем отсутствии – «все было снесено», «вообще не было». Существующее континуально и существующее дискретно во времени соединяются в темпоральном конгломерате.

7.3. Места торговли и общепита: «магазинов у нас очень много...»

Торговля, обеспеченность ТНП, товарами народного потребления, – своеобразное место памяти. В Качканаре совместный проект газеты «Качканарский четверг» и радио «Мастер» в юбилейный год был даже посвящен одной из историй ОРСу. А в приведенном другой городской газетой списке из 21 «неофициального памятного места» более трети составляют магазины⁴⁸. В начальный период появление постоянного магазина вместо автолавки повышало статус поселка, справедливо отмечает А. Шахова-Ставицкая, любовно описывающая появление разных мест торговли, прижившиеся и неприжившиеся их названия. Среди прижившихся – памятный с детства Канделевский магазин в 7-м микрорайоне, названный по имени директора ГОКа Е. А. Канделя. Именно в этом квартале были построены первые дома для качканарского руководства, а в магазине «можно было купить все, что душе угодно»⁴⁹. Автор этого замечательного текста, размещенного на одном из городских сайтов, считает Канделя первым директором ГОКа, тогда как Ефим Александрович возглавлял комбинат в 1962–1969 гг., первым же директором был В. П. Дерягин, затем Н. С. Ефремовцев⁵⁰. Аберрация памяти информативна: до Канделя комбинат только строился (первая очередь пущена в 1963 г.), при нем же, в 1968 г., Качканар получил статус города, ну и, наконец, именно о Канделе напоминает благодатный магазин. Этот магазин, таким образом, служит местом памяти не только советской системе торговли и не только начальному этапу обре-

⁴⁸ См.: *Иванова Л., Иванов А.* Неофициальный Качканар // Качканарский четверг. 08.07.09. № 26. С. 20. URL: <http://ikar-kch.ru/Azlive/2009/26.pdf> (дата обращения: 08.08.2015).

⁴⁹ *Шахова-Ставицкая А.* Имена собственные Качканара // Электронный Качканар. 04.02.14. URL: <http://ekch.ru/news-44.html> (дата обращения: 18.08.2015).

⁵⁰ Загадочность кадровых перестановок в предпусковой период ГОКа обсуждается в воспоминаниях другого автора: *Федичкин А.* История Качканара: подготовка и пуск первой очереди комбината // Электронный Качканар. 25.01.14. URL: <http://ekch.ru/news-29.html> (дата обращения: 08.08.2015).

тения Качканаром городского облика, но и присуждает первенство одному из директоров комбината, образуя собственную систему значимости.

О прекрасном магазине своего детства, книжном, с большим чувством рассказывает в интервью и тридцатилетняя Яна, представительница более молодого поколения: *«такое знаковое место в городе, ну в моем детстве было, это вот... [увидим] магазин “Норд” сейчас. А раньше там был книжный магазин. Это был такой крутой книжный магазин, он реально был очень богатый»* (КЖ33). В описании Яны этот книжный был исполнен жизни и давал пространство целому ряду увлекательных занятий:

Летом особенно или в каникулы в школьные мы каждый день туда таскались почти. Иногда таскались просто так – читать книжки. Ну вот, заходишь, там ходишь и, в общем, смотришь эти книжки с картинками. Дефицитные всякие книжки выслеживаешь. И открытки покупали тоже разные там. Я коллекционировала открытки со всякими животными. У меня подружка коллекционировала всякие там флора, фауна, вот так, по сериям каким-то. <...> Всегда народу было много... в этом книжном (КЖ33).

Официальный дискурс строками юбилейного издания к 50-летию города повествует о том же: «Город славился высокой культурой и образованностью жителей. Качканар был признан одним из самых читающих городов области, а по количеству освоенной технической литературы он стабильно занимал второе место в области, уступая только Свердловску» [Город юности..., 2007 : 15].

Прошлое бывает разным. Оно может длиться в настоящем, а может стать перевернутой страницей. Особенность молодых поселений в том, что все их прошлое доступно в режиме коммуникативной памяти, пока живо поколение людей, строивших эти города «с нуля», а у новых поколений с пеленок культивируется сильная локальная идентичность, в том числе через присвоение историй первостроителей. Темпоральной рамкой Яниного нарратива служат минувшее детство и прекративший существование магазин, место которого заняла торговая точка другого профиля. Эти два обстоятельства, взаимно усиливая друг друга, делают прошлое окончательно безвозвратно ушедшим. Частные на первый взгляд знаки прошлого отсылают к временным водоразделам иного масштаба – окончанию советской эпохи, приходу общества потребления. На пересечении разновеликих масштабов (личная биография рассказчицы, судьба здания, сменившего арендатора, радикальная перемена вектора развития страны, глобальность общества потребления) в особом свете предстает и темпоральность города: золотой век канул в прошлое, страница перевернута. Заметим, что

в анализируемом сюжете из интервью нет кода смерти: на месте книжного сейчас другой магазин. Место не разрушено и не тронут тлением, но утратило прежнюю ауру. Знаковым оно остается только в памяти, сегодняшний город состоит из других знаковых мест.

Детские годы в ностальгической ретроспективе нередко предстают в розовом свете, однако 80-е видятся золотым веком не только в детских воспоминаниях нашей информантки. Юбилейное издание не датирует период, когда Качканар славился культурой и образованностью, однако приведенному утверждению предшествует, на соседней странице разворота, рассказ о «периоде расцвета» радиозавода «Форманта» именно в 80-е (был устранен дисбаланс монопрофильности города, в магазины поступала собранная на заводе музыкальная и радиоаппаратура, в годы продуктового дефицита в городе появилась крупная птицефабрика) [Город юности..., 2007 : 14]. Таким образом, на примере Качканара очень хорошо видно, что золотой век и то, что после, различаются не только историческими эпохами советского и, через перестройку, постсоветского и нынешнего, но и по наличию либо отсутствию монопрофильности города.

Дефицит, диспропорции снабжения в особое положение ставят города, относящиеся ныне к Росатому. В советское время эти территории находились в привилегированном положении. Во вдохновенных рассказах молодых участников исследования возникает эффект постпамяти. Восемнадцатилетняя информантка из Заречного рассказывает историю своих бабушки и дедушки через сюжет перераспределения ТНП: семья жила под Камышловом, дедушка учился в Заречном, *«а это 70-е годы, ничего нету. Моей маме постоянно привозил отсюда все, привозил из Заречного продукты»* (ЗЖ18). Молодой человек как будто убеждает самого себя в нормальности биографического выбора своих родителей, пожелавших переехать в Лесной по окончании престижного московского вуза. При этом на поверхность извлекаются и нормы организации потребления того поколения:

Ну, в советские времена здесь жили очень хорошо. Здесь, ну то есть продукты – это не штука, и не надо сейчас это воспринимать как какую-то, не знаю, ну, в общем, неправду: действительно было так, что продукты и некоторые вещи отсюда вывозили в тот же Свердловск. То есть это было нормальным – приехать в гости куда-нибудь в другой регион там и привезти с собой колбасы, например. Потому что здесь со снабжением, с продовольствием и прочими другими товарами ситуация была в разы лучше, чем где бы то ни было. Потому что вот ввиду особого положения производства и важности, важности объекта (ЛМ27).

Другой молодой лесничанин подобным образом живописует изобилие времен, когда его родители приехали в Лесной по распределению:

В Советском Союзе не хватало, допустим, когда на талоны переходили, продуктов не было, сюда приехали... просто «глаза в шоке», все есть, колбаса, сыры, а самое главное дедушке запомнилось, что есть торты, то есть в ассортименте... Что хочешь, можешь на праздник купить, любой там фрукт, тоже все было... Вот, ну это... потому что здесь московское обеспечение было, сейчас-то не знаю, ну и поддержка работников градообслуживающего предприятия должна была быть на уровне (ЛМ26).

А вот рассказ женщины постарше:

Тут все было. Что за границей, за вахтой, такого нету, а у нас колбасы сколько сортов, мяса, всего. А там везде – голодный город. У нас студенты поедут в Свердловск сессию сдавать, две сумки берут. Сессию сдавать! Так и ездили. А че? На самом деле. Все. Сумку мяса там, колбасы привезли, сессию сдали. Шмотки здесь тоже все были импортные у нас тогда. У нас че, это Ленинград и Москва обслуживали. Так что тут жить-то можно. И жили тут (ЛМ58).

Не относящийся к данному ведомству открытый Качканар, вынужденный, однако, привлекать и удерживать рабочую силу в период интенсивного строительства, по воспоминаниям, также снабжался лучше соседних поселений.

Чета Мироновых (впоследствии Владимир Федорович стал председателем горисполкома) перебралась в Качканар в 1966 году. «Когда мы приехали сюда из Серова и пришли в магазин, то мне показалось, что это рай», – вспоминает глава семьи. Комсомольская стройка снабжалась гораздо лучше других городов: молодежь, которая составляла львиную долю населения, необходимо было кормить, подпитывать энергией и вдохновлять на ударную работу...

Несмотря на приличное снабжение, качканарцы постоянно оглядывались на Лесной, который в те годы носил обезличенное название «Свердловск-45» и «Нижняя Тура-10». «Семерка», как прозвали закрытую территорию в народе, снабжалась еще лучше, – туда привозили совсем иной товар по другим каналам поставки, там были красные перцы, маринованные огурцы.

В Новой Туре (так называли современную часть соседнего города) были рынки, куда мы ездили за тряпками, игрушками», – вспоминает Нинель Сергеевна [Миронова] (Когда очереди были большими... // Качканарский четверг. 19.03.14. № 12. С. 15).

Несмотря на повышенный уровень обеспечения в таких городах, 90-е гг. смогли открыть новые перспективы в товарном многообразии, чем и порадовали горожан. По данным телефонного опроса 2011 г., именно торговля оказалась на первом месте в позитивной динамике жизни горожан. На втором месте были доходы, на третьем месте – досуг, а все остальные сферы – экология, состояние дорог, медицина и даже образование – ушли «в минус», т. е. продемонстрировали негативную динамику⁵¹. Сходную картину показал анализ ментальных карт. Магазины и ТРЦ являются постоянно повторяющимся элементом, изображаемым информантами⁵².

Интервью Алены, выпускницы УрФУ, родившейся и выросшей в Лесном, практически полностью структурировано посредством торговых точек. Одна из лежащих на поверхности причин – это время ее взросления, которое пришлось на вторую половину 90-х – начало 2000-х. Магазины тогда были особенно притягательным местом, в том числе для детей и подростков, пространством бесконечных возможностей потребления:

На этой остановке раньше продавались диски МПЗ по 150 треков. Мы тут все время залипали, около него стояли. А вот эта SELA открылась, когда в старших классах я училась, наверное, в классе 10-м, это был первый какой-то брендовый магазин, хоть он и массмаркет и все такое. По-моему, тогда еще вообще ничего не было такого... А вот если полквартала пройти, там будет высокое здание, там был магазин «Школьник» (ЛЖ25).

Девушка отмечает, что магазины нового типа представляли собой «символ большого города, цивилизации, которая до нас добралась» (ЛЖ25).

Повсеместно во всех изучаемых территориях наблюдается строительство новых ТРЦ и обновление прежних мест торговли: «Тут магазин, который все время меняется, почему-то надолго не задерживается, то продукты, то стройка вон какая-то» (ЛЖ25).

Такое развитие вызывает противоречивые оценки местного сообщества. Недавно построенные ТЦ характеризуются скептически, перспективы строительства других ТРЦ (Качканар) встречают сопротивление, люди против того, чтобы сводить развитие города к строительству торговых

⁵¹ Опрос проходил в пяти городах – Асбесте, Краснотурьинске, Лесном, Первоуральске, Североуральске (2011). Общий объем выборочной совокупности – 295 человек (см.: [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2012]).

⁵² См.: [Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013].

центров⁵³. В противовес привычно жизнеутверждающему пафосу нового в молодых городах (создать новое – новое предприятие, город, человека) в данном случае новизна видится нежизнеспособной:

Это вот у нас новый торговый центр, совершенно ненужный и какой-то не способный к жизни, как и все, все торговые центры, которые у нас открывают. Потому что это просто превращается в крытый рынок, и у них очень странная ценовая политика (ЗЖ21).

Торгово-развлекательный центр не просто торговая/офисная площадь. Это квазипубличные пространства, формирующие через практики потребления свободное время – и далее весь образ жизни. И такой формат постиндустриального образа жизни в обществе потребления уже сам по себе контрастирует с культивируемой индустриальностью уральских малых/монгородов. Жители изучаемых городов не прочь приобщиться к такой культуре, и за покупками, и для развлечения ездят в Екатеринбург и другие города (Н. Тура, Н. Тагил – для Лесного и Качканара, Н. Тагил, Карпинск – для Краснотурьинска, Асбест – для Заречного).

Я в Качканаре как бы особо-то не покупаю. В основном, когда попадает, в Екб, в Екатеринбург съездить (КМ15).

Я одеваюсь в других городах как бы, блин. Цены мне... пофиг там на деньги, сколько стоит. Зато качественно, и знаю то, что в одном экземпляре. Чем я пойду в эти «ошины», эти федеральные сети – буду, как все, одет, как, не знаю, как-то пфу-у (КрМ20).

Магазинов у нас очень много, но выбор невелик. За той же самой одеждой мы все равно ездим в Екатеринбург. Нет у нас каких-то вот таких больших знаменитых марок. Только «Глория джинс». Для детей, и все (ЗЖ36).

Свои же торговые центры им кажутся неубедительными. Краснотурьинский студент Алексей иронично называет недавно выстроенный ТЦ новой достопримечательностью города: «офигенный “Столичный”». *Не знаю, что люди здесь делают, но они постоянно здесь ходят, че-то смотрят, че-то покупают. Ха! А покупать вообще там нечего так-то» (КрМ20).*

Маленьким городам приходится конкурировать с крупными за потребителя, такова плата за вступление в клуб общества потребления.

⁵³ См., напр.: Ларионова Ю. Город торговых центров // Новый Качканар. 30.05.14 [Электронный ресурс]. URL : <http://новыйкачканар.рф/город-торговых-центров/> (дата обращения: 09.08.2015).

Не спасает даже удаленность, когда на поездку в один конец в Екатеринбург нужно тратить три часа:

Для лесничан это сесть... как на дачу съездить. В порядке вещей. Утром рано поехать, и многие же так, вот от ТП, от завода нанимают машину, в 5 часов сели, поехали в «Ашан», закупились, и все счастливо доехали. Особенно перед большими праздниками они это практикуют (ЛЖ27).

Можно было бы сказать, что предполагаемый современными «храмами потребления» тип аудитории не коррелирует с существующей в молодых малых городах социальной структурой населения, однако важнее, пожалуй, другое. А именно, ТЦ, похоже, ассимилируются в местной среде, перевариваются ею. То, как разные типы жителей малых городов осваивают подобные пространства, требует отдельного обстоятельного изучения. Заслуживает внимания, что не представитель старшего поколения, а 20-летний Алексей: а) высмеивает новый ТЦ и старательно, снобистски, дистанцирует себя от него («Я вообще там не хожу») и в то же время б) использует его как место неформальных пересечений, характерных для сообщества маленького города (ср.: [Van Auken, Frisvoll, Stewart, 2010], цит. по: [Fink, 2012 : 42]):

Ну, все равно народ ходит – так, посмотреть на кого-нибудь там, поздороваться. Я в «Магнит» иду, там как бы попить себе куплю, газировку там, че-нибудь, чипсов, заодно пойду там, со всеми поздороваюсь. Только для этого захожу, а так там нечего делать вообще (КрМ20).

В феноменологическом понимании места, развиваемом Дэвидом Сином, такие непреднамеренные, но вероятные, предполагаемые встречи относятся к процессу Place release [Seamon, 2013 : 17] – серендитипности, интуиции в отношении места, добавим от себя: интуиции компетентного⁵⁴ пользователя.

Краснотурьинский сюжет с новым ТЦ не особенно отличается от описанного Габриелой Бендайнер-Вайани феномена восприятия магазина в одном из районов Бруклина (Проспект-Хайтс Prospect Heights). По мнению американской исследовательницы, в любом микрорайоне есть супермаркет, который не только снабжает товарами повседневного спроса, но и служит местом встреч, «цементирующим эмоциональную связь с микро-

⁵⁴ Компетентного в смысле социальной компетентности, см.: [Веселкова, Прямина, 2005].

районом» [Bendiner-Viani, 2005 : 469]. Герой исследования Габриелы Давид, как и наш Алексей, не рассматривает магазин с точки зрения шопинга, поскольку делает покупки в других местах. При этом если Давид видит в бруклинском супермаркете место, поддерживающее ценности места, где он хотел бы жить [Там же : 463, 469], то краснотурьинец Алексей скептичен в отношении нового магазина, однако осваивает его именно в ключе цементирувания сообщества. Тем самым новоявленный торговый центр, даже по названию не местный, а «Столичный», все же включается в практики, свойственные тесному маленькому соседству.

Своеобразным типом тревожной ассимиляции выступает мифология, которой обрастает новый торговый центр Краснотурьинска. Сорокапятилетняя Лидия рассказала об алармистском предсказании экстрасенсов, согласно которому *«в Свердловской области в каком-то городе построен “Столичный”, и он рухнет, будут жертвы, человек триста»*. Предпосылки уже наблюдаются: *«“Столичный”, он построен очень неправильно», «трещины уже пошли по потолку там в некоторых местах», «сейчас вот снега навалит»*, поэтому там *«все девочки работают и боятся»* (КрЖ45). Рассказ этой энергичной и предприимчивой женщины, таким образом, обнаруживает код смерти, ярко выраженный в ощущении тревожности, грядущего обрушения и упадка, поражающий даже объекты, призванные нести обновление, выводить на новый жизненный виток. «Столичный» фигурирует в краснотурьинских рассказах как мишень: в случае Алексея – насмешек, в случае Лидии – страхов. Упадочное пространство депрессивного города перекодирует ТЦ из символа развития в символ тревоги, концентрирующий риски.

Получается замкнутый круг: распространение ТРЦ нужно для развития города, но если люди уезжают, то не нужны и новые ТРЦ. Однако если их не строить, то не будет и важной составляющей привлекательности поселения. Проблема, видимо, в том, что малые города старательно проходят все ступени развития ТРЦ, известные своей порочностью, – быстрой исчерпаемостью первоначального формата. Скорость смены форматов ТРЦ плохо согласуется с темпоральным режимом малого города.

Сфера торговли очень часто становится ареной борьбы локального и глобального. Порождающая ее потребительская диффузия, т. е. распространение инноваций в области потребления от центров к периферии, проявляется не только в проникновении в малые поселения ТРЦ, но и крупных сетевых игроков. Действительно, в изучаемых нами городах заметен

массированный вход региональных и федеральных торговых сетей. Местные жители усматривают в этом интервенцию, противопоставляя своих и не своих:

Вот недавно построили москвичи торговый центр (КрМ34).

Вот, пожалуйста, супермаркет – это Павлосы у нас, единственные, кто могут конкурировать с «Магнитом», с «Монеткой». С 90-х начали, папа помог у них (КрМ20).

В маленьких городах экспансия иногородних и федеральных торговых сетей, вытесняющих местных торговцев, особенно заметна. В то же время воспринимаемая чуждость этих сетей усиливает внутригрупповую солидарность – в данном случае городскую идентичность.

У нас очень много вот «Монеток» и «Магнитов» в городе. Не понимаю, зачем нам столько магазинов, сами себе конкуренцию делают (ЗЖ18).

Нас потихоньку заселяют «Монетки» и «Магниты». Мне не очень нравится. Раньше были местные магазинчики, они были хорошие, там и выбор был хороший. И продукты были свежие... А сейчас... Все недовольны (ЗЖ20).

Что нас раздражает, «Магниты» и «Монетки» просочились к нам. И хорошие магазины закрываются. Вот их потому, что они не справляются, частные магазинчики, с таким оборотом, как здесь. А нам вот не нравится ни «Монетка», ни «Магнит» (ЗЖ36).

Возмущению зареченцев как будто вторит жительница Лесного: «И раньше не допускали сюда, была у них такая даже как склока с этим “Магнитом”, они долго не хотели его допускать сюда, потому что это же все понятно, деньги, финансы уходят. И в городе раньше, чтобы как-то открыть свое дело, было очень плохо, администрация не давала» (ЛЖ27). Не все, конечно, столь патристичны, но обилие сетевых магазинов все же вызывает недоумение: «Шесть “Магнитов” на такую Семерку⁵⁵ маленькую, шесть магазинов «Магнитов»! Не считая «Монетки». «Монетки» еще три (ЛМ58).

В высказываниях владелицы небольшого бизнеса в Краснотурьинске (упоминавшейся выше Лидии) встречаем амбивалентную оценку роста магазинов. С одной стороны, ей было бы страшно жить в доме с торговыми точками в цокольном этаже, который «не запланирован был под магазины изначально» из-за страха обрушения. В этом смысле, видимо, правильно, что «у нас запретили уже переводить жилое в нежилое потому что,

⁵⁵ «Семерка» – «народное» название Лесного.

потому что мэр считает, что перебор магазинов» (КрЖ45). В то же время экономическая логика диктует противоположное отношение: *«Хотя кому какая разница, нам-то лучше, конкуренция. А вот наш мэр запретил. ...А кому какая разница, сколько магазинов-то будет в городе, только людям хорошо, что будут скидки»* (КрЖ45). Впрочем, «за взятку», «еще через кого-то», как она знает, вопрос можно урегулировать. Жительница Лесного также двойко оценивает занятие цокольных этажей: с одной стороны, это большой шаг вперед, еще несколько лет назад ничего подобного в этом городе не было, с другой же стороны, торговых точек, по ее мнению, становится слишком много.

Магазины всеядны, они могут вселиться не только в жилое помещение, но и в здание столовой или учреждение культуры, меняя их функционал «совершенно и категорически»⁵⁶. Так писала в 2012 г. одна из качканарских газет, особенно выделяя кинотеатр «Юность», в здании которого сегодня располагается сетевой супермаркет. Возле него состоялось несколько наших встреч с информантами, но никто о «Юности» не вспомнил. А ведь когда-то это заведение было едва ли не культовым и прорывным для своего времени. А. Шахова-Ставицкая, автор ряда любопытных заметок о Качканаре, полагает, что открытие «Юности» в 1963 г. «можно сравнить с культурным скачком на несколько позиций вверх. В кинотеатре одновременно демонстрировалось по два фильма и еще два фильма находились в режиме ожидания. То есть качканарцы имели возможность планировать досуг на неделю вперед!»⁵⁷.

Палимпсест палимпсесту рознь, и занявший место любимого кинотеатра магазин вызывал отторжение: «я полгода не могла себя заставить зайти в него. Мне на подсознательном уровне казалось, что это будет предательством по отношению к прошлому»⁵⁸. В 2007 г. составленная группой горожан петиция относилась превращение единственного городского кинотеатра «Юность» в очередной магазин к действиям городской администрации, направленным на разрушение культуры⁵⁹.

⁵⁶ См.: *Медведев М.* Выборочная «справедливость» // Качканарский рабочий. 13.06.12. № 23. С. 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://ikar-kch.ru/Arhive/2012/23.pdf> (дата обращения: 20.08.2015).

⁵⁷ *Шахова-Ставицкая А.* Юность, которую мы потеряли // Электронный Качканар. 23.10.14. URL: <http://ekch.ru/news-28.html> (дата обращения: 23.01.2014).

⁵⁸ См. также: *Шахова-Ставицкая А.* Важнейшее из искусств в Качканаре // Электронный Качканар. 21.01.14. URL: <http://ekch.ru/news-25.html> (дата обращения: 09.08.2015).

⁵⁹ См.: Городская демонстрация в поддержку культуры // Качканар.ru. 18.04.14. URL: <http://kachkanar.ru/> (дата обращения: 20.08.2015).

Наряду с новыми форматами торговли и потребления сохраняются и прежние. Еще советские магазины в соответствии с временными рамками малого города именуются старыми, и даже старинными (см. 4.2.3).

Старые магазины работают в режиме ностальгической топонимики, закрепляющей внутригрупповую идентичность и локальную социальную компетентность, поскольку иной раз заведений с подобными названиями уже нет, но в коммуникациях местных жителей данное пространство сохраняет прежнюю маркировку:

...Название таких старых магазинов. Их в свое время-то, в советское-постсоветское, было немного, и оно закрепилось у них. «Школьник» – там понятно, одежда и школьные принадлежности; Вот перед нами магазин «Школьник». Сейчас, конечно (улыбается), совсем не «Школьник», там чего только нету – сеть «Норд», ювелирный (ЛЖ27) (рис. 7.8).

Высокое здание, там был магазин «Школьник»... Сейчас «Школьника» уже давно нет, но его все равно все «Школьниковом» называют (ЛЖ25).

Рис. 7.8. Магазин «Школьник» в ностальгической топонимике Лесного (фото сделано во время интервью ЛЖ27)

“Локо́н” – его уже не существует, этого “Локона”, но он есть этот “Локо́н”, остановка (как ориентир) – “Локо́н”, вот около “Гнома” парикмахерская была» (ЛЖ27). Салон красоты «Локо́н», похоже, совсем не случайно сохранился в дискурсивной практике, он действительно был знаковым местом, если судить по тому, например, что из 16 фотографий в фотоальбоме, направленном в Свердловский обком КПСС в память о визите первого секретаря в тогда еще Свердловск-45 в 1987 г., одной из первых является изображение уходящих вдаль рядов многоэтажных домов на безлюдной улице, с этим самым «Локоном» на переднем плане (рис. 7.9).

Рис. 7.9. Парикмахерская
«Локон» в Лесном
(в оригинале – без подписи)
(Первый секретарь
Свердловского обкома КПСС
Ю. В. Петров на предприятиях
г. Лесного, 1987 г.
(Из фотоальбома
«Свердловск-45») // ЦДООСО.
Ф. 221. Оп. 3. Д. 1086. Л. 1об.)

Воспроизводимое подобным образом определение мест конструирует их как палимпсесты. Старые и новые магазины, такие знаковые места, как «Локон», выполняют функцию ориентира, успешно конкурируя с официальной топонимикой и даже вытесняя ее.

Улицы города, мне кажется, все плохо знают, все знают, тут «Школьник», тут вот «Юность», тут еще что-нибудь (ЛЖ25).

Адрес, допустим, там Компроспект, 4, мне он ни о чем не скажет. А другой там скажет: о, так там же «Молодежный», сразу так все понятно, сразу так бы и сказал. Есть места, конечно, где больше бываешь. Вот новый район у них, который называется, вот где мы были, там есть центральное место – магазин «Василек», на него ориентируются (ЛЖ27).

Молодые города в концентрированном виде являют путь отечественного обобщения от фабрики-кухни до «ресторана-ресторана» (по выражению одной из участниц исследования). Фабрика-кухня – концептуальное изобретение советской культуры раннего периода. Обобществление быта на основе рационализации и индустриализации плюс архитектура конструктивизма – ее отличительные черты. Начиная с первой фабрики-кухни 1925 г. в Иваново-Вознесенске, в 20–30-е гг. такие сооружения строились повсеместно, в том числе на Урале – в Свердловске (1927), Надеждинске (1930). Изучаемые нами города возводились позднее, и такой классики жанра в них не могло быть. Самый старший из них, Краснотурьинск, все-таки обзавелся этим важным элементом социалистической цивилизации в конце 40-х, и это здание справа от центральной проходной БАЗа с выпуклой надписью на фронте «Фабрика-кухня» до сих пор функционирует в качестве столовой. А в послевоенные 40-е, получив формальный

статус города, Краснотурьинск отчаянно стремился приобрести реальные атрибуты настоящего города, каким он тогда представлялся. В постановлении городского партактива от 07.06.1949 г., согласно принятой формуле, желаемая труднодостижимая цель из будущего привнесена в настоящее:

В короткие сроки и в наиболее трудные годы – в период Великой Отечественной войны – вырос на Северном Урале новый город Краснотурьинск с благоустроенными жилищами и культурно-бытовыми учреждениями, строительство которых продолжается с особым размахом и в послевоенный период⁶⁰.

Каковы же были эти искомые атрибуты? Постановление конкретизирует их: «С возникновением Краснотурьинска построено много столовых, благоустроенная и механизированная фабрика-кухня, механизированный хлебозавод, новые клубы, лечебные учреждения, детясли, детсады, пионерские лагеря, несколько новых благоустроенных школ»⁶¹. 10 июня 1949 г. городская газета воспроизведет этот пассаж, опустив эпитеты про благоустройство и механизацию, видимо, далекие от действительности⁶². Однако фабрика-кухня, построенная, конечно, без конструктивистских изысков (в ту пору о них уже не вспоминали, ругали космополитизм⁶³) стала реальностью.

Во время двух go-along интервью краснотурьинцы независимо друг от друга проводили исследователей вблизи этого здания, когда показывали завод. В одном случае молодые люди обратили внимание на фабрику-кухню только после вопросов интервьюера, хотя были уверены в ее функциональности, даже предлагали пообедать.

– Столовая «Заводчанка», раньше, ну до сих пор, все называют фабрика-кухня. ...Тут постоянно все справляют юбилеи, свадьбы.

– А когда она построена?

⁶⁰ Протокол № 2 заседания Краснотурьинского городского партактива от 7 июня 1949 года «О состоянии и очередных задачах жилищного, культурно-бытового строительства и благоустройства в городе Краснотурьинске» // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 259. Л. 56.

⁶¹ Там же.

⁶² «С возникновением Краснотурьинска построено много столовых, фабрика-кухня, хлебозавод, новые клубы, лечебные учреждения, школы и много других социально-бытовых помещений» (Заря Урала. 10.06.49. № 65. С. 1).

⁶³ На том же краснотурьинском городском партактиве 07.06.1949 г. говорилось о «налете космополитизма» в городском проектировании (ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 259. Л. 41).

– А это вот все как завод строили. Она большая, как бы здание маленькое, но назвали «фабрика». То есть кухня. Не просто столовая, а фабрика-кухня (КрМ24) (рис. 7.10).

Рис. 7.10. Краснотурьинск.
Фабрика-кухня «Заводчанка»
(фото сделано
во время интервью
КрМ24, КрМ19)

Другой исследователь не спросил своего информанта о данном заведении, и оно оказалось никак не отмеченным в рассказе, хотя и запечатленным на фото (рис. 7.11).

Рис. 7.11. Краснотурьинск.
Фабрика-кухня «Заводчанка»
(фото сделано
во время интервью КрМ34)

Таким образом, легендарный объект молодых советских городов первого периода – фабрика-кухня в ее специфическом воплощении молодым городом второго периода – остается накрепко привязанной к заводу и поглощенной его пространством. Собственно, и пообедать не получилось, по мнению информантов, потому, что мы оказались там между сменами:

рабочие прошли, а на других посетителей заведение не рассчитано. В городской ткани фабрика-кухня никак не выделяется, интернет-ресурсы Краснотурьинска и краеведческая литература молчат относительно времени и обстоятельств ее создания. Можно заключить, что самостоятельным, отдельным от завода местом памяти фабрика-кухня практически не является.

В этом плане более завидной оказалась судьба заводской столовой № 18 в Лесном. Открытая в 1963 г. в структуре ОРСа градообразующего предприятия, в конце 60-х она была преобразована в ресторан «Самоцвет» [Атомные города..., 2012 : 129] и именно в этом, ресторанном, качестве памятна жителям. Обращает на себя внимание плотная дискурсивная вплетенность подобных заведений в личный опыт рассказчиков. Точнее, сплетенными, соизмеренными оказываются «биография вещи»⁶⁴, в данном случае кафе или ресторана, и биография информанта.

Вот ресторан «Самоцветы», т. е. он стоит здесь, сколько я себя помню. Ну то есть он до меня еще стоял. Только его облагородили, сделали более красивее (ЛЖ41).

А вот здесь ресторан «Самоцветы», у меня здесь сестра старшая свадьбу гуляли. Причем в момент, когда он открылся, он был, казался, совсем-совсем рестораном-рестораном. К моменту, когда у меня сестра играла там свадьбу, уже казалось, что это более доступное, сейчас я там иногда обедаю (ЛЖ25).

Другое лесничанское заведение, кафе «Гном», заняло достойное место не только в наших исследовательских маршрутах, но и в посещении города первым секретарем Свердловского обкома КПСС в 1986 г. Из 13 снимков, составляющих направленную в обком стильно оформленную фотоподборку, шесть сделаны у «Гнома» или в нем, в том числе единственная цветная фотография⁶⁵. Сегодня лесничане вспоминают, каким было раньше оформление кафе, – течение времени заметно по понесенным утратам в виде отсутствующего гномика и фонаря:

Это кафе «Гном» для детей. Когда сюда мы приехали, это, наверно, было единственное кафе, где поздравляли детей. Здесь были куклы, белоснежки, гномы, все было так по-сказочному. Сейчас, наверно, все уже не так. На собаках сидели вот гномики, а сейчас почему-то только один остался. Был фонарь – фонаря нету (ЛЖ28).

⁶⁴ Лефовский термин Сергея Третьякова, см.: [Третьяков, 2000].

⁶⁵ См.: Посещение г. Лесного первым секретарем Свердловского обкома КПСС Ю. В. Петровым, 1986 г. Лесной (Свердловск-45) // ЦДООСО. Ф. 221. Оп. 3. Д. 1085.

Вот это вот есть кафе «Гном» с чудными малыми формами при входе. Этим скульптурам, тоже вот, сколько себя помню, они всегда здесь были. Еще у гномиков в руках были фонарики в руках.

– Жалко, что сейчас нету фонарика.

– Да. На самом деле, дети сюда залазят и вот с ними, с ними фотографируются (внутри кафе). А здесь уже и гномика нет (ЛМ27).

Возраст заведения определяется информантами через собственный сознательный возраст («сколько себя помню») или какие-то веховые события биографии, как переезд, рождение ребенка.

– Впереди нас ждет наше кафе «Гном». Оно очень давно.

– В каком году его построили-то?

– В 89-м я Вадика родила. В 80-м где-то. ...Оно так и есть кафе «Гном», никуда не переделывали, ничего – живет (ЛЖ41).

В целом же «Гном» успешно сохраняет «колорит советской действительности» (ЛМ27) неспешным обслуживанием посетителей у стойки (официантов нет), отсутствием дежурного администратора зала.

Прямо противоположная ситуация с общепитом в Заречном. Как и в «Гном» в Лесном, в Заречном исследователей привели сюда информанты, причем двое не знакомых между собой участников исследования – в одно и то же заведение, относительно новое, современное. Вообще, на момент посещения Заречного весной 2014 г., по словам информантки, в городе открылось много новых кафе. В Качканаре ее ровесница также привела нас в кафе, где она любит бывать с друзьями. И в Заречном, и в Качканаре это относительно новые, существующие несколько лет места, никак не завязанные на символику или какие-то специфические смыслы своих городов и не делящие советскость:

Там уютненько так. Потом... ну там просто красиво, в принципе, в этом кафе. Не знаю, мне нравится сама обстановка. И там мороженое самое вкусное в городе, поэтому туда все ходим (КЖ17).

Выполняя функцию одного из пунктов в прогулках друзей, такие заведения ценны для молодых людей именно накопленным опытом личного освоения:

Вот слева будет «Курандерос», самое лучшее заведение в нашем городе. Вот я уже там завсегда, я звоню: девчонки, мне нужен столик. – Да, хорошо, все отлично (ЗМ23).

Это самое лучшее у нас заведение в Заречном. Самое спокойное и личное. И у меня там работают друзья. Я очень частенько туда захожу к ним, так, посидеть, поразговаривать, кофе попить (ЗЖ18).

Здесь приятная атмосфера и круг общения. А кроме того, как следует из интервью, кафе служит своеобразным порталом во внешний мир: *«И за барной стойкой зачастую сидят ребята, которые приезжают сюда. Мы знакомимся, общаемся. Приезжают абсолютно из разных городов. Из Самары приезжают, из Калининграда даже были, из Москвы, конечно»* (ЗЖ18).

Возможно, этим кафе суждено когда-нибудь стать местами памяти, сейчас же они живут, если следовать данной терминологии, в объединенном режиме рождающихся мест памяти и мест действия.

Во всех изучаемых поселениях горожане отмечали свои кафе, столовые и рестораны как старые или новые, любимые или нет, для чего они лучше подходят. На первый взгляд, иные заведения готовы служить третьим местом, некоторые признаки чего мы наблюдали. Еще только подходя к популярному зареченскому кафе, молодая участница интервью по припаркованной машине узнала, кто из ее знакомых сейчас там. Такая серендипность, компетентная интуиция в отношении места взаимосвязана со свойством этого места с достаточной вероятностью генерировать встречи. Конечно, третье место не площадь в день советской демонстрации, оно объединяет людей избирательно. И для части горожан таких мест нет, как сказал нам в Качканаре информант постарше. Нет таких мест и для родителей с детьми, по крайней мере, так считает информантка из Заречного:

...Места общения, в которое бы просто пришел, ну просто пришел, захотел я попить просто чая, пришел – уютное, хорошее место, сел вот так же в кресло, сижу там че-то – нету такого притягательного (КМ59).

Кафешки, конечно, тоже есть, много, но... как-то ассортимент тоже вот к детям свожу. Потому что детям там заняться нечем. Все равно в Екатеринбург, там вот как-то есть и зоны для детей, в этих же кафешках. У нас нет, к сожалению, такого (ЗЖ36).

Культура третьих мест в российских городах, в том числе малых, молодых, монопоселениях, нуждается в отдельном исследовании, перспективность которого показывают уже эти наблюдения. Произведенный в рамках нашей темы анализ обнаруживает три смысловые конструкции заведений общепита. Первый тип – заводская столовая конца 40-х гг., несущая в надписи «фабрика-кухня» практически не воспринимаемый сегодня отблеск авангардистских исканий более ранней эпохи. Слившаяся с заводом, краснотурьинская «Заводчанка» обращена целиком в прошлое, но не работает как место памяти. Второй тип – старые пункты общепита Лесного,

они лучше всего проявляют себя в качестве мест памяти, вероятно, в силу особой консервирующей атмосферы закрытого города, куда не способно просочиться ничто случайное, по словам одного из информантов. Наконец, третий тип – новые современные кафе; не случайно они вышли на передний план в более молодых и успешных городах, как и то, что были рекомендованы молодежью. Такие места еще только накапливают свой символический и, возможно, мемориальный капитал.

7.4. Особые районы города (престижные и не очень)

Новые социалистические города, задуманные как энергичный шаг на пути к бесклассовому обществу, конечно же не были свободны от социальной дифференциации – в отличие от того, как ситуация иногда представляется в текстах западных авторов. Так, Барбара Энгель полагает, что этот социалистический город отличался отсутствием геттоизации. Тот факт, что в одном микрорайоне могли проживать и врач, и учитель, и рабочий, дает ей основание заключать, что местожительство практически не зависело от дохода. В действительности эти поселения довольно быстро выстраивали иерархии, обретая свои трущобы и «дворянские гнезда» [Engel, 2006 : 191]. Именно так, дворянским гнездом, окрестили уралмашевцы выделявшийся архитектурой и благоустройством квартал своего соцгорода в Свердловске. Эти дома проектировались в 1934 г., заселялись в 1937–1942 гг.⁶⁶, т. е. в самом начале капитального обустройства Уралмаша.

Краснотурьинский городской партактив критиковал в 1949 г. руководителей, в числе которых были директор завода и начальник стройуправления: *«У ряда руководителей проявляются тенденции изоляции себя от трудящихся, строят коттеджи, дома, отгораживаются заборами, создают себе уют и забывают или ослабляют свое внимание к нуждам трудящихся»*⁶⁷. Отсутствие же воплощений социальной дифференциации в начале строительства на Качканаре вылилось в инцидент, полу-

⁶⁶ См.: Анфимов В. Дворянское гнездо // За тяжелое машиностроение. 17.05.84. С. 3. Библиотека М. Горького / Краеведение / Дворянское гнездо [Электронный ресурс]. URL: <http://biblio28.ru/kraevedenie/pamyatnyie-mesta/dvoryanskoe-gnezdo.html> (дата обращения: 06.06.2015).

⁶⁷ Протокол № 5 собрания городского партийного актива Краснотурьинска от 7 октября 1949 г. // ЦДООСО. Ф. 949. Оп. 4. Д. 259. Л. 157.

чивший жестокое порицание пленума Нижне-Туринского ГК КПСС (Качканар в начальный период административно относился к Н. Туре) в 1958 г. Вот что говорил докладчик:

Было решено организовать общежитие, в которое поместить молодых инженеров, техников и молодых рабочих, пришедших на стройку после 10 класса, а также тех, кто учится в вечерней школе. Такое «соседство» для молодых специалистов [выпускников УПИ] показалось позорным, и они потребовали дословно – «изолировать» их от этих юношей и девушек по тем мотивам, что у них нет с ними ничего общего, что у них взгляды и главное, как они выразились, «мировоззрение» различное (Доклад на пленуме Нижне-Туринского ГК КПСС 25.12.58 г. «О подборе, расстановке и воспитании руководящих кадров в городе». С. 14 // ЦДООСО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 103. Л. 115).

На этом фоне даже требование вчерашних студентов о совместном общежитии для юношей и девушек прошло практически незамеченным. Зато стремление к «изоляции» дало повод для поддержки новой системы образования, предполагавшей возможность поступления в вуз только при наличии производственного стажа от двух лет.

У человека, который уйдет в институт от станка, от экскаватора, уйдет на учебу из рабочего коллектива, а не из-под маминого крылушка [так в источнике], у такого человека, по возвращению из института на свой родной завод, на свою родную стройку не будет подобных мыслей, подобных взглядов. И мировоззрение у него будет такое, какое подобает иметь советскому человеку⁶⁸.

И сегодня в жилой застройке молодых городов коллективная память отмечает некоторые здания, наделяя их особым статусом, который, в свою очередь, фиксирует представления о социальной иерархии. В Краснотурьинске возникшая с первых лет застройки города престижность сохранилась за «дворянским гнездом» на улице Базстроевской (рис. 7.12):

Люди, живущие в этом районе, этот район называют «дворянское гнездо», потому что здесь очень большие квартиры, особенно в этом районе. Даже если посмотреть на размер окон, он уже [отличается] (КрМ19).

Вот эти дома большие-то, в основном здесь жили начальники, мастера заводские, начальники цехов в этих домах. Потому что это в основном за счет средств завода (КрМ24).

⁶⁸ Доклад на пленуме Нижне-Туринского ГК КПСС 25.12.58 г. «О подборе, расстановке и воспитании руководящих кадров в городе». С. 14.

Рис. 7.12. Краснотурьинск.
 Большие окна в «дворянском гнезде»
 на улице Базстроевской
 (фото сделано во время интервью
 КрМ19, КрМ24)

В Лесном особым престижем пользуются легендарные финские дома, строительство этих кварталов было завершено в 1950 г. [Атомные..., 2012 : 37]. *«Еще есть район, так называемые финские дома, почему-то их называют. В самом центре города, деревянные, в общем, строения, иные даже с претензией на изящный-изящный дизайн, но самое замечательное то, что они полностью подключены к коммунальной инфраструктуре. То есть там есть вода холодная, горячая, газ. Вот. Но и тогда и сейчас это какое-то, т. е. как народ себе их добывал эти коттеджи, я не представляю. ...Прямо знать-знать там жила. Ну вот, например, сейчас там у нас живет глава города. ...Ну там тоже, деревянное строение уже убрал, такой аккуратненький особнячок (ЛМ27).*

Выделяющиеся на общем фоне современные постройки и вызывают скептическое отношение, комментарии с оттенком неприязни или зависти. В Краснотурьинске: *«это вот у нас “нищий дом” называют, или “сиротский дом”, для “сирот”. Там квартиры по 200 кв. метров. Вот считайте, большой дом, на одном этаже считайте четыре квартиры. В четырехэтажном доме лифт. ...Подземный паркинг» (КрМ24).* Этот единственный в городе дом, поясняет молодой человек, *«у нас (вздыхает) бывший глава завода Сысоев строил это на заводские деньги. ...Он, кстати, депутат местной городской думы. Живет в этом доме» (КрМ24).* Второй участник группового интервью дополняет: *«немножко за пределами городской части, ну, где высотные дома, есть*

своеобразная рублевка, тоже “нищенский” район» (КрМ19). В Качканаре «это качканарская рублевка. Там такие дома отгрохали, очень красиво стало. ...Люди, у которых не хватает денег на свой коттедж, туда ездят смотреть на чужие» (КЖ29). В пространство «рублевки» входят «красивые дома» на берегу пруда плюс «там у них как бы маленькие пирсики свои построены и там у них яхты летом стоят... Они тут все съезды поперекрывали шлабгаумами» (КЖ29). Привилегированность места в целом, по мнению этой информантки, отмечает обилие фонарей, «при том, что во всем городе фонарей мало».

В качестве значимых мест по контрасту называются как богатые, так и бедные районы, возможно, в силу каких-то отличий. В том же Качканаре есть микрорайон 4а с домами, получившими в народе название «типушки».

Они и сейчас у нас эти остались. «Типа общежития», это как, как она называется-то, квартира-то, коммунальная квартира. Общий коридор, шесть комнат на этаже. Там общий туалет, кухня общая, ну как коммунальная, так же. У нас называется «типа общежития». В простонародье – «типушки» (КЖ51).

– «Типушки», да, там типа коммуналки такой, т. е. один туалет на три квартиры, например. Там, да. Там совсем не престижно.

– А кто там живет в основном, в этих «типушках»? «Типушка» от слова «тип»?

– Ну типа того, да, т. е. что-то так. Ну в основном как раз и те, у кого низкий доход там, либо те, кто уже совсем не знает, как на что жить. Ну те же самые алкоголики, не будем бояться этого слова. То есть вот это именно туда. Там низкая квартплата, соседи не докучают, что вы не убиваетесь, либо у вас там дома шум и гам (КЖ28).

Первая информантка вспомнила про эти дома, потому что маршрут проходил мимо них, а вторая – в процессе рассказа о специфике жилых домов города.

Режимность: «зона нужна, с ней как-то поспокойнее...». Закрытость Лесного выступает его идентифицирующей чертой и имеет свою историю. По рассказу молодого жителя Лесного, при выборе места расположения секретного строительства даже климатические условия были учтены так, чтобы работать на закрытость: «Большая часть города... покрыта облаками, это было запланировано при проектировании. Место стройки было запланировано именно так, чтобы 300 дней в году город был

закрыт облаками» (ЛМ26). «Защитные» облака, призванные круглогодично скрывать город, и присутствующие в той же фразе данного интервью олимпийские чемпионы, волей-неволей «открывающие» Лесной миру, образуют странный контраст, ускользающий от самого рассказчика.

Хотя для Лесного, в отличие от ряда других ЗАТО, перспектива упразднения режимности не рассматривается, по словам информантов, наблюдается динамика в сторону послаблений. Это не мешает, впрочем, смаковать проявления былых строгостей:

В последнее время с режимом стало попроще, проходным у нас. Но вот, скажем так, в советское время людей сюда даже на похороны не пускали. Ну то есть бывало такое, что надо как бы иногородних привезти. Нет, со спокойной душой отказывали. Увы. Если не нравится, вот, пожалуйста, перевозите в Нижнюю Туру (ЛМ27).

Отмечают и особенности менталитета жителей закрытого города:

Здесь менталитет у людей другой абсолютно, чем в Туре. То есть здесь всегда было лучше. Хотя люди порой, ну, более сложные, чем в Туре. В Туре люди как-то попроще немножко, наверно. Ну наш город обязывает сам по себе быть немножко другими. В основном из-за предприятий, которые в этом городе (ЛЖ41).

Я всегда эту разницу ощущаю, здесь другие люди... то ли это закрытость на них так действует, как-то вот я не знаю, как какой-то вирус – «нам все должны»... Здесь же очень много льгот в этом городе (ЛЖ43).

Запущенная в 90-е гг. либерализация затронула и ЗАТО, которые вышли из тени – вместо номеров получили имена, о них выпускают книги, доступна информация в сети Интернет. Некоторые ЗАТО обсуждают и реализуют сокращение или полное снятие закрытого статуса, но Лесной остается бастионом. Как известно, жители ЗАТО, как правило, поддерживают сохранение режимности. В Лесном тоже «поднимался вопрос о сносе забора, границ. Но пока все-таки, вроде как, мнение такое, что зона нужна, с ней как-то поспокойнее» (ЛМ26). Разумеется, забор остается не в угоду горожанам, но нам интересны именно их аргументы: «То есть в чем плюсы зоны: тут реально меньше и преступности, и более такой порядок сохраняется стабильный. Но минусы: у нас землю здесь нельзя купить, она дается в аренду на 49 лет», поэтому, резонно заключает лесничанин, «с экономической точки зрения наш город очень непривлекателен, потому что соответственно земля не твоя, и многие фирмы не хотят сюда ехать» (ЛМ26).

Для некоренного жителя визуализация закрытости способна вызывать «жуткое ощущение»: *«И вот ощущение, я вот помню, ну жуткое ощущение, в окно глядишь, у меня видно забор, а между забором полоса, и по полосе идут солдатики с собакой... ну вот первый-то раз я увидела, я даже маму позвала: “мама, гляди, шагают, как будто война и граница, а там другая страна, государство”»* (ЛЖ43). И все-таки та же самая информантка говорит: *«когда я 21 год назад приехала, меня поразили две вещи – это чисто и нет людей кавказской национальности. Это бросалось резко в глаза»* (ЛЖ43).

В а х т ы – видимые узловые средоточия закрытости и в то же время ориентиры в городском пространстве. Они имеют свои официальные и неофициальные имена. Помимо официальной центральной упоминались «прудовская вахта», «тридцатипятовская».

– Там вот конечная остановка, там еще вот, эти сады, и вот если их пройти, там будет стоять вахта. И вот за эту вахту переходишь, там, еще немного, и будет Качканар.

– И если нужно в Качканар, можно туда или там нет дороги?

– Да. Ну, раньше по крайней мере была. Я очень давно там не была, не знаю. Мы раньше с родителями за ягодами туда ездили, за грибами туда (ЛЖ41).

Вахту лучше не фотографировать, не стоит рисковать здоровьем (ЛМ26).

В Заречном закрытость БАЭС символизирует «серьезность» не только охранного режима, но и предприятия в целом, что отбрасывает отблеск солидности и на всех обитателей данного пространства:

То есть вот у нас дорога непосредственно к градообразующему предприятию. Да, это дорога на Белоярскую АЭС. То есть она, конечно, закрытая, то есть въезд только по пропускам либо через согласование с дирекцией и начальством. Довольно серьезный охранный режим (ЗМ23).

Ностальгические воспоминания про былую закрытость также характерны для жителей Заречного:

Ну так как вообще... раньше же у нас был закрытый город, и плотина которая, это стратегический объект, военный тоже. Плотины закрыли, сейчас здесь нельзя ездить... Можно вот до конца, сейчас машина вот спустится и там остановится. А дальше там уже ворота, там нельзя. Поэтому здесь вот и спокойно можно гулять. Плотина охраняется всегда, там охрана (ЗЖ36).

– Много, причем молодежи много, причем вот кто там спивается сильно, наркоманят. ...Много, много. Раньше, когда был закрытый город, было намного лучше.

– А у вас закрытый был? Я просто не в курсе вообще.

– Был, был закрытый город, у нас стояли... все машины проверяли. К нам так просто было не въехать... то есть только местные машины могли упадать сюда. По типу Лесного, знаете? Вот у нас такой же был закрытый.

– Давно это было?

– Открыли, наверно, лет шесть назад, со всех сторон открыли. У нас было три въезда таких, и вот они сейчас все открытые, и, конечно, стало намного хуже, стала преступность выше (ЗЖ36).

Если бы мы провели сегодня исследование по поводу введения закрытого режима, по крайней мере ряд зареченцев скорее всего проголосовал бы «за». Один из наиболее явных рисков для горожан – это наличие мигрантов, в Заречном они строят 4-й блок.

– Вот которые строят 4-й блок соответственно, это вот страны ближнего зарубежья, толпами они у нас здесь ходят, в Заречном. Вот это неприятно, их стало очень много, ведут себя безобразно...

– Безобразно в каком смысле?

– Ну, пьют, к девчонкам пристают (ЗЖ36).

Жители готовы мириться с решением вопросов прописки, общения с родственниками для того, чтобы обеспечить себе спокойное существование в рамках города. И даже находят в этом существенные плюсы.

Я хочу прописать жену, расписались, все. Прихожу в режим, отдел режима у нас есть такой, говорю вот, хотим. Хочу жить вместе с женой в этом городе (смеются оба). Хорошо, пускай она заполнит анкету, а сначала написать ходатайство, члены комиссии рассмотрят, может ли она здесь жить, может она какая-нибудь шпионка, злодейка. ...Дальше при положительном ответе, что может, надо заполнять анкету в отдел режима, где она проходит у ФСБшников проверку. Это примерно полгода. В нашем случае, она недавно прошла, это пять месяцев. Дальше надо тоже пройти еще несколько инстанций (ЛМ26).

От частого набега родственников это тоже избавляет (смеется)... Очень удобно в этом плане, что к тебе, не согласовав с тобой, не по желанию, никто не припрется (ЛЖ30).

Закрытость ЗАТО является антитезой «расширению» вовне не только, как выше упоминалось, в плане международной знаменитости, но и в повседневных практиках зарубежных поездок.

Минусы – ты невыездной, 5 лет за границу [нельзя] после увольнения. ...Ну, это один из острейших вопросов, почему люди... школьники, не идут на комбинат. Что они хотят увидеть, посмотреть мир, хотят съездить за границу (ЛМ26).

Вот у меня муж, 10 лет нельзя за границу. Ну то есть это никогда, в 45 пенсия пока сейчас, хотят увеличить до 50, т. е. однозначно никогда (ЛЖ27).

Или достойный заработок, или заграница. Вот, то есть многие люди у нас приезжают, устраиваются сюда, им не нравится, они хотят больше воли, больше жизни, больше движения... Они уезжают в Екатеринбург, Нижний Тагил (ЛМ26).

7.5. Специализированные мемориальные места, праздники и традиции: «Ленин видит все»

Сегодня в молодых городах актуализирован запрос на историю, характерный для функционирования культурной памяти в условиях коммодификации прошлого. За историю обычно отвечают специализированные мемориальные места, специально предназначенные для актуализации памяти, прежде всего во время праздников, воспроизводящих и оживляющих традиции. Самые очевидные из таких мест – собственно мемориалы, по-русски – памятники, среди которых будем различать официальные монументы и вернакулярные, т. е. скорее «народные», памятные места⁶⁹. Это не два изолированных типа мест, официоз и вернакуляр продуктивнее представить в виде полюсов континуума.

«Монументы – это вехи, которые люди создают как символы своих идей, во имя своих целей и в ознаменование своих действий. Они задуманы, чтобы пережить породивший их период и стать наследием для будущих поколений. В этом качестве они формируют звено между прошлым и будущим» [Sert, Leger, Giedion, 1993] (цит. по: [Stangl, 2008 : 246]). На полюсе официальности в таком случае оказываются памятники Ленину,

⁶⁹ Мы полагаем более уместной оппозицией вернакулярному, понимаемому как естественно сложившееся, неофициальное, – официальное, а не монументальное, как у Пауля Штангла [Stangl, 2008]. Противопоставление тут проходит примерно так же, как между коммуникативной и культурной памятью в концепции Я. Ассмана [Ассман, 2004].

обязательно венчающие наиболее значимые публичные пространства советских городов. Есть таковые и в двух старших, основанных в 40-е гг. городах нашей выборки – Краснотурьинске и Лесном.

Обычно памятники Ленину устанавливались в юбилейные для революции годы. В Лесном первый такой монумент появился в 1957 г., в год 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции, второй – 5 ноября 1987 г., к 70-летию революции [Атомные города..., 2012 : 118, 263]⁷⁰. Маркер революции был, очевидно, неизмеримо важнее собственной истории города, который в 1957 г. встречал свой десятилетний юбилей, а в 1987-м – сорокалетний; эти круглые даты энциклопедия Лесного не упоминает в связи с установкой памятников. Второй памятник, размещенный на площади у ДК «Современник», больше предыдущего (3,5 и 4,1 м) и выполнен не из бетона, как первый, а из бронзы с чернением.

Бетонный Ленин в городском сквере на Компроспекте был вообще первым городским памятником. Он стоял *«в центре, посредине аллеи»* и был убран, по воспоминанию информантки, при реконструкции парка. В своем комментарии к архивной фотографии она с улыбкой отмечает: *«Я его застала»*. Тогда же *«убрали трибуну, такое небольшое подобие на входе в парк с центральной улицы. На ней встречали/приветствовали демонстрации высокопоставленные чины Свердловска-45. Я помню такие, ходила с дедом... на 1 мая»* (ЛЖЗЗ) (рис. 7.13).

Рис. 7.13. Лесной,
первый памятник Ленину
в парке Гагарина
(Первый секретарь
Свердловского обкома КПСС
Ю. В. Петров на предприятиях
г. Лесного, 1987 г.
(Из фотоальбома
«Свердловск-45») // ЦДООСО.
Ф. 221. Оп. 3. Д. 1086. Оп. 6. Л. 1)

⁷⁰ Сам ДК открыт в 1957 г., название «Современник» получил в 1961 г. [Атомные города..., 2012 : 260].

В 1987 г., при появлении в Лесном второго Ленина, первого перенесли на территорию войсковой части 01060⁷¹. Место памятника довольно часто бывает палимпсестом. Сегодня тем, кто знает о прежнем Ленине, как один из наших информантов, эта палимпсестность внушает скептицизм: непонятно почему «вождя убрали» и поставили «какую-то непонятную стелу», причем судьба депортированного памятника оценивается как незаглядная: *«там раньше стоял вождь мирового пролетариата. Теперь его оттуда убрали, и он стоит на задворках, на окраине города, в общем, рядом с военным общежитием»* (ЛМ27).

Оставшийся же стоять на центральном месте Ленин продолжает выполнять ворох социальных функций, которые одна из информанток очень хорошо определила: *«Ленин видит все»*. Учительница по профессии, она поясняет метафору в основном через связанные с детьми (но не только) коллективные практики: *«У нас дети все время смеются (сама смеется). Зимой там елка, с огоньками, фонариками, снеговиками, Дед Мороз, Снегурочка и посредине – Ленин. Потом весна, у нас всегда проводы русской зимы, где? ДК [перед которым и стоит эта статуя]. Столб, на него дядьки раздетые залазят, а рядом стоит Ленин (смеется). Дети уезжают в лагерь, идет запись по отрядам, благословляет Ленин. ...И вот сейчас День города будет тоже у ДК, и тоже в центре Ленин»* (ЛЖ43).

В Качканаре нам рассказали о новой традиции торжественного вручения паспортов 12 июня (о том, что это День России, никто из информантов не упомянул) у памятника качканарцам, погибшим при исполнении воинской службы. 8 мая, накануне Дня Победы, в последние годы сюда направляется шествие со свечами, сюда же приезжают молодожены. Рассказ/показ мемориала и связанных с ним ритуалов наполнен как локальными, так и личностными идентификациями:

А мы уже третий год подряд приходим к этому памятнику 12 июня. Здесь вручает моя мама паспорта. Кто первый раз получает паспорта, у кого по срокам совпадает, их на 12 июня приглашают сюда. Тут вот встает мэр и говорит там: «Ля-ля-ля-тополя», там пионеры какие-то. Ну такой вот праздник мини. Ну первый год тут были только родители тех, кому вручают, и те, кому вручают. На второй – побольше. ...В этот год было уже так побольше народу (КЖ29).

В честь качканарских парней... наша мемориальная доска, всем городом собирали деньги на нее, потому что парни... молодые (КЖ28).

⁷¹ См.: Воронина Е. В. Памятник В. И. Ленину // Атомные города : Город Лесной : энцикл. Екатеринбург, 2012. С. 118.

Нашим качканарцам. ...У меня вот тут дядя тоже... Он тоже поехал на войну. Ну как, не на войну, там какой-то был... ему мама всегда прикрепляла ладанку, она его всегда защищала. ...И он постоянно приезжал с войны нормально. А в этот раз он ее снял и забыл одеть и не вернулся. ...Он учился в нашей школе, вот в 7-й школе. ...И там тоже плита ему есть, в музее нашем школьном (КЖ17).

Таким образом, это место памяти вбирает в себя более широкую историю страны и связывается с биографиями горожан; вне сомнений, это хорошо читаемое и живое место (почитание погибших эффективно конвертируется в жизнеутверждающие практики).

Военная техника, в рамках общей тенденции, все плотнее вписывается в городские ландшафты, выполняя официально мемориальную функцию, а повседневно очень часто – развлекательную для детей, к умилению взрослых:

Вот здесь, сюда, постоянно детвора приходит летом, ползать на танчики (КМ30) (рис. 7.14).

Рис. 7.14. Качканар.
Военная техника в Парке
строителей
(фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

И вот все дети прямо обожают это место. Тут можно поползать, посмотреть (ЗЖ21) (рис. 7.15).

В «экскурсионном» показе танк может эстетизироваться:

Вот у нас такой красивый памятник – танк. Маленькие дети очень любят туда лазить. Вот наши все... Это построили десантники, парни, которые занимались спортом, боевым искусством их обучали (ЗЖ18).

Рис. 7.15. Заречный.
Военная техника в городе
(фото сделано
во время интервью ЗЖ21)

Прежде чем попасть на свое нынешнее место, военная техника проделывает определенный путь из каких-то других мест. Предполагаемые локальной компетентностью знания об этих перемещениях тем самым позволяют танкам двигаться в пространстве и времени, связывая между собой определенные места, включая город и воинские части.

Они у нас раньше стояли возле клуба «Альтернатива». ...Там сейчас «Мотокросс» (КЖ17).

Их, по-моему, года два назад установили. Такой был подарок городу военной части (ЗЖ21).

Танки? Это нам Гагарский разъезд подарил, войсковая часть, отработавшую технику... Это в свое время на Аллее славы, военные нам подарили (ЗМ48).

Официальный дискурс определяет значения несколько иначе. Недавняя книга о городе и сайт библиотеки согласны в том, что «образцы военной техники» были установлены в начале 90-х у ДК⁷² [Город юности..., 2007 : 47]. Книга выпущена в 2007-м, поэтому о миграции боевых машин в парк «Строитель» в 2010 г. сообщить могла только библиотека, она же формулирует послание: «Грозная боевая техника – напоминание о воинском долге, который добросовестно выполняли качканарцы». Уместность танка, бронетранспортера, БМП и ракетной установки объясняется через связь

⁷² См.: Боевая техника: Знаменательные и памятные места Качканара : интернет-дайджест. 12.02.14 // Качканарская городская библиотека им. Ф. Т. Селянина. URL: <http://gorbib.org.ru/nash-gorod/137-znamenatelnye-i-pamyatnye-mesta-kachkanara?showall=&start=16> (дата обращения: 09.08.2015).

города с войной. Хотя ни боевых действий, ни военного производства здесь не было, Урал – «опорный край», особенно в Великую Отечественную войну, радиозавод «создавал военную электронную начинку», а продукция ГОКа, превращаясь в высокопрочную сталь, может оказаться в военной технике.

Сложившаяся практика допускает почти неограниченные игры малышей на танках (рис. 7.16). Насколько свободны в своих действиях маленькие дети, настолько же строго должны вести себя взрослые, трактуя создаваемое военной техникой пространство как героически-мемориальное. Как заметил культуролог В. Дьяконов, в России невозможны такие художественные высказывания, как розовый танк Давида Черны⁷³. Вот и станцованный в феврале 2013 г. возле мемориального танка в Краснотурьинске гарлем-шейк с выложенным в Интернет роликом вызвал негативную реакцию, хотя «показательного процесса» из него не сделали⁷⁴. Мы были в городе почти год спустя, и двое информантов из числа самых молодых и самых старших упоминали данный эпизод (без идентификации с «гарлем-шейком») в осуждающем тоне:

Рис. 7.16. Заречный.
Во время карнавала

⁷³ См.: Дьяконов В. *Politics of Public Art in USSR and Russia: Выступление на интеллектуальной платформе II Уральской индустриальной биеннале современного искусства*. Екатеринбург : УрФУ, 2012.

⁷⁴ См., напр.: На Урале задержали участников Harlem Shake на мемориале павших воинов // Полит.ру. 05.03.13. URL: <http://polit.ru/news/2013/03/05/bmp/> (дата обращения: 15.07.2013); Вот так история! Танцуем на мемориалах дальше? За Harlem Shake в Краснотурьинске никто так и не ответил // Ura.ru. 30.05.13. URL: <http://ura.ru/news/1052218158> (дата обращения: 08.08.2015).

Вот здесь у нас устроили, возле танка, это в память погибшим в афганской войне. Там все вот эти пришли, там молодые девчонки, мальчишки, устроили там безобразие. Пьянку и все на свете. И действительно, надо с ними разговаривать, чтобы не было на святых-то местах, чтобы они не безобразничали (КрЖ77).

Таким образом, военные мемориалы рассматриваются как «святые места», не подлежащие никаким вольным трактовкам. Танки продолжают производить пространство, насыщенное исключительно священно-героическими кодами.

Вернакулярные мемориальные места: *«тут мы гуляли на свадьбе».* Активное присвоение официальных объектов публичного пространства можно наблюдать на примере так называемого «Ключа». Этот указатель при въезде в Качканар весь увешан ленточками, которые завязывают молодожены и будущие родители. Цвет ленточки – розовый или синий – пожелание пола будущего ребенка (рис. 7.17). Такие практики хорошо известны по всему миру. Для нашего информанта «Ключ» и связанный с ним обычай обрел личностный смысл как *«место, где я повязал ленточку, что[бы] у меня родился сын. Я завязал ее выше всех, и у меня родился сын. Когда мы поженились, я на “Ключ” залазил. ...Как бы вот так принято»* (КМ30).

Рис. 7.17. «Ключ» в г. Качканаре

Уникальность этому качканарскому сюжету придает тот факт, что в местной геральдике ключ обозначает ключ к горе, природным богатствам как смыслообразующему ядру локальной идентичности. В терминах масштабов мест памяти подобные ритуалы интегрируют локальный и биографический уровни. Во множественной гетеротопии «Ключа» пересекаются и разные сферы жизнедеятельности города: селитьба и промзона,

город и трасса; молодоженам запомнился поучаствовавший в их торжестве гудок поезда: *«Тут вот город закончился. Тут трасса, там комбинат, тут поезда ездят. Тут мы гуляли, когда на свадьбе, нам поезд сигналил»* (КЖ29).

Участники паблика (группы) «Типичный Качканар» социальной сети Вконтакте осуществляют критическую рефлексию *производства пространства* «Ключа». Осуждая сограждан, которые там мусорят, участники обсуждения формируют смысл и норму ответственного отношения к этому месту как своеобразное проявление локальной идентичности, *place attachment*.

Памятник грузовику находится в Качканаре, напротив администрации ГОКа, но никто о нем не упомянул. В Краснотурьинске тоже был подобный памятник, но на территории АТП информант с интервьюером его не обнаружили. Точно так же информантка в Лесном не нашла на положенном месте самолет:

– Лицей профессиональный сейчас мы проедем, там сзади увидите самолет. По крайней мере, раньше он там стоял, когда я там училась 13 лет назад, там был самолет. Тоже старое здание, вот оно с момента основания, можно сказать, города, потому что оно готовило работников именно для комбината – токарей, расточников. Так давайте сейчас с вами самолет посмотрим, где он тут у нас... все заросло, самолет был.

– Развалился, может быть?

– Слушайте, мне кажется, он здесь стоял... Или перенесли в другое место...

– Ладно.

– Подождите-подождите... Самолет был...

– На металлолом, наверное, распилили, нету самолета.

– Нету (удрученно). Нету самолета, в общем, раньше здесь был самолет (смеется) (ЛЖ30).

Несмотря на смех, чувствует растерянность и разочарование: информантка была уверена в присутствии этого примечательного знака и хотела поделиться, предъявить приезжему исследователю эту часть своего города. Подобное настроение было у молодого информанта из Краснотурьинска, который хотел показать интервьюеру старый вагон в трамвайном парке. Про перенос памятника Ленину – а такое перемещение имело место в Краснотурьинске и Лесном – информанты говорят более спокойно.

Городские праздники. Молодые поселения, разумеется, отмечают общенациональные праздники, и уровень их подготовки является предметом гордости или разочарования – относительно города

в целом и его властей в частности. Участница исследования из Лесного предоставила фотографию (рис. 7.18), сопроводив ее положительными комментариями: *«Новый год! Это возле Дома культуры. Там проводят все праздничные мероприятия! Правда, красиво?»* (ЛЖ41).

Рис. 7.18. Новый год в Лесном
(фото предоставлено информантом ЛЖ41)

В Краснотурьинске, напротив, молодой человек не доволен новогодним убранством: *«в этом городе, знаю точно, то что вот, по сравнению с Серовом, у них какие-то огни висят, да вот, Новый год, как бы хочется праздничного настроения. Че-нибудь, лампочки – зеленый там, красный свет. У нас ничего нету, вот это вот одно плохо»* (КрМ20). Хотя ничего феерического из прошлых лет информант не припоминает, сравнение с прошлым все-таки оказывается тоже не в пользу настоящего. Поскольку интервью проходило в середине декабря, он сомневается в успешной подготовке: *«банально вот в центре, конечно, где мы проезжали площадь, обычно всегда украшаются огнями, там все так красиво раньше было. Горки строились. Сейчас я не знаю, как будет у нас, на этапе строительства. Я не знаю, че они за 15 дней успеют, не успеют че построить»* (КрМ20). Этот молодой человек откровенно дистанцируется от устроителей праздника. В отличие от него другой его ровесник рассказывает о планах устройства во дворе дома новогоднего детского «минигорода»:

Здесь много семей с маленькими, 2–3 года. Вот туда, на центральную площадь, они не ходят, потому что и много народу там, мало ли, поранятся. На следующей неделе вот за елкой я поеду, тоже елку искать (КрМ24).

Общегородские праздники vs профессиональные, ведомственные:

«приезжайте... не пожалеете». Регулярно повторяемый праздник – род годовщины некоего значимого события в привязке к определенной дате. А. Ассман вслед за Беатой Биндер (2001) называет три функции годовщин, которые актуальны и для нашего исследования. Во-первых, функция интерактивности и участия. Годовщина выступает в качестве перформативного повторения и реактивации памятного события, порождающих новый совместный опыт. Регулярные, закреплённые в календаре повторы создают «публичный, общедоступный хронотоп для организованного возвращения прошлого» [Ассман, 2014 : 253]. Подчеркнем здесь три момента: а) реактивация прошлого подразумевает его оживление, сплавление с настоящим; б) у всех участников коммеморации формируется новый совместный опыт; в) важны формальная упорядоченность и организация. Таким образом, возвращение прошлого канализируется и регламентируется.

Во-вторых, годовщины работают на укрепление групповой идентичности – «Мы-инсценирование», по А. Ассман. Благодаря коммеморации номинальная группа приобретает публичную арену и время для демонстрации и восприятия себя в качестве единства.

В-третьих, годовщины дают импульс для дальнейшей рефлексии. В комплексе названные аспекты, полагает А. Ассман [Там же : 255], делают годовщину «живой опорой культурной памяти», обеспечивая ее долговременность на протяжении многих поколений. Наряду с продуктивными возможностями годовщины обладают также потенциалом диктатуры⁷⁵, «тирании памяти»⁷⁶.

Идентичность города именно как города (а не придатка предприятия) в первую очередь обеспечивается, конечно, празднованием Дня города. В Качканаре дата 27 мая была выделена уже к концу 1957 г., и в 1958 г. в этот день отмечалась первая годовщина начала работ. До и после этого было немало значимых событий (в том числе ГОК был пущен 30 сентября 1963 г., статус города Качканар получил 9 октября 1968 г.), но отсчет Качканару ведут именно с 1957 г. и празднуют день рождения 27 мая. В Красноуральске начало активных работ относится к страшной зиме 1941/42 г.,

⁷⁵ По названию III Международной летней школы центра «Культурно-исторические исследования» и др. «Диктатура памяти. Мировые войны в культурной памяти России и Германии» (17–30 августа 2015 г., Челябинск).

⁷⁶ Активно обсуждались с последних десятилетий XX в. в проекте мест памяти П. Нора, диалектики памяти и забвения у П. Рикёра. На этой волне были актуализированы более ранние идеи «вреда «историзма»» Ницше, социальных рамок памяти и коллективной памяти М. Хальбвакса, «проработки прошлого» Т. Адорно.

и первые шаги там никто не отмечал. Статус города ему был присвоен гораздо быстрее, уже 27 ноября 1944 г., и именно эта дата считается днем рождения города. В начале 1990-х День города перенесли на последнюю субботу июня, а 27 ноября иногда называют датой переименования Турьинских рудников в Краснотурьинск. День рождения города и День города разделились и закрепились за разными днями календаря. Сдвиг даты на летнее время – обычная практика, но ее значение не исчерпывается удобством празднования.

День рождения как важный элемент мифа происхождения обязательно отсылает к прошлому⁷⁷, тогда как День города может свободней обращаться к настоящему и будущему. Сильно завязанное на завод прошлое моногорода с упадком БАЗа тоже пришло в негодность, Краснотурьинск все больше интересуется дореволюционной историей вплоть до вогулов и Максима Походяшина. Впрочем, интерес к истории своих мест с древнейших времен (на манер Броделя с его средиземноморским миром) характерен для всех четырех изучаемых городов. В предисловии к книге Ю. Гунгера о Турьинских рудниках с 1758 г. глава Краснотурьинска утверждает: «Наш город встречает свой 250-летний юбилей» [Гунгер, 2007]. Когда-то столь культивируемая молодость уже не радует, во всяком случае, не всех и не в такой степени, как раньше. Молодые города пытаются обрести длинную историю.

В Лесном, по оценке 27-летнего информанта, *«вот прямо как праздник-праздник [день города]... стал, наверно, лет 10–15. ...Он был... на моей памяти всегда. Но вот так вот, на широкую ногу, как сейчас принято его праздновать, все-таки празднуют, наверно, лет 10–15. Ну то есть это уже относительно такое сытое время, когда на это и деньгиходятся, и настроение для подобных мероприятий у горожан есть»* (ЛМ27). И если другие лесничане рассказывали, что празднование Дня города у них просто приурочено ко Дню России, то этот молодой человек объясняет выбор даты тем, что 12 июня вышло постановление Совета министров о создании завода⁷⁸, рождение города в представлениях слито с рождением завода.

⁷⁷ Идеи о мифе основания, связи дня рождения с прошлым обсуждались на дискуссионном подиуме в рамках III Международной летней школы «Диктатура памяти. Мировые войны в культурной памяти России и Германии» 23 августа 2015 (Екатеринбург).

⁷⁸ Согласно летописи комбината Постановление Совета министров СССР № 2140-562сс/оп «Вопросы завода № 814» датировано 19 июня 1947 г. [Атомные города..., 2012 : 248].

В Качканаре День металлурга сливается с Днем города или даже вытесняет его. Один из информантов сказал, что концертом Баскова отмечался именно День города, позднее поправился – День металлурга. В видеозаписи хорошо видно, что сцена прославляла именно предприятие: «50 лет успеха ЕВРАЗ КГОК», «Поздравляем с Днем металлурга!» (Николай Басков в Качканаре (День металлурга, 20.07.2013) – YouTube <http://www.youtube.com/watch?v=HYSbHLhUgiQ>). В целом такие праздники любят и ждут.

Центральная роль градообразующего предприятия выступает как данность:

ЗЖ36: В основном все мероприятия у нас как-то под БАЭС, под атомную станцию. То есть там огромный коллектив, большая часть города работает там.

ЗЖ33: Градообразующее предприятие...

ЗЖ36: Да, и у них там профсоюз, и они организуют разные конкурсы. Карнавалы у нас проходят в июле месяце, грандиозное шоу.

Изучаемые города устраивают или устраивали и такие праздники, которые существенно превосходят их собственный масштаб. Зареченский карнавал (рис. 7.19) пытается объединить смыслы предприятия и города, гордится известностью за пределами города. Неофициальный и официальный дискурсы рисуют карнавал в восторженных тонах. На этом фоне одна из оценок оказалась нетипично сдержанной: «Городское мероприятие. Шествия разрисованных, размалеванных. ...Старая БАЭСовская. Карнавалы устраивали цехами сначала, а потом и город стал подключаться. И все это пошло по городу. Теперь это уже идет, скажем так,

Рис. 7.19. Карнавал в г. Заречном

на регулярной основе. Не каждый год, но стараются регулярно проводить. ...[Организует] БАЭС, молодежная организация городская, молодежная организация БАЭС, ну и спонсируется в основном БАЭСом (ЗМ48).

ЗЖ36: Карнавалы у нас проходят в июле месяце, грандиозное шоу, в этом году 19 июля приезжайте... не пожалеете, вот на шествие. То, что, конечно, там потом дискотека, там нечего смотреть, а вот само шествие, днем оно начинается, да... То есть каждый коллектив свой выбирает... свой стиль, наряжаются, сценки соответственно, песни, стихи...

ЗЖ33: Ну там обычно задается конкретная тема, и все ее как бы переосмысливают под свои...

– А ну то есть одна тема на...

ЗЖ33: Да, вот на этот раз будет тема «Единственная моя...». И тут уже кто как... Единственная моя БАЭС, единственная моя стройка, единственная моя труба, ну кто чем занимается... Если сантехник, то...

ЗЖ36: Ну вот народ, кто во что горазд... Участвует... Мы тоже участвовали, вот пока работали вместе, вот на предприятии с подругой.

В Качканар в 80-е гг. съезжались музыкальные коллективы на всесоюзный музыкальный фестиваль «Форманта». Горожане рассказывают об этом потерянном элементе кода жизни общенационального уровня. У тридцатилетнего качканарца с «Формантой» связаны детские воспоминания, он заговорил о фестивале в связи со стадионом: *«У нас же здесь была “Форманта”. У нас же... папа у меня их привозил, с Кольцово или откуда там... автобусом. Я в автобусе там с Газмановым сидел, там на барабанах его стучал. У нас дома есть плакат с росписями их всех»* (КМ30). Участница исследования постарше объяснила, что фестиваль получил свое имя по названию радиозавода, который на пару с ГОКом финансировал это ежегодное мероприятие – во время Советского Союза и даже после распада. Другим временным ориентиром для нее служит возраст маленького тогда сына, рассказывает с большим воодушевлением о встрече с группой Стаса Намина, других эпизодах: *«Все у нас, кто в то время был, певцы, певицы, все у нас тут были. ...У нас очень много приезжало здесь. ...Тогда же тоже у нас вообще... музыкальный город был... Помню, Боярский приехал на таком коне, на таком на белом, на сцену выехал»* (КЖ51).

В наши дни в Качканаре проводится поэтический фестиваль, но вряд ли кто-то скажет, что он определяет лицо города. Участница поэтического фестиваля 2013 г., чьи стихи напечатаны в большом фолианте о Качканаре и других изданиях, призналась, что не любит этот город.

Традиции: *«своей какой-то традиции определенной, вот кроме карнавала, каких-то своих устоев, у нас в городе пока нету...»*. Разделяемые сообществом и повторяющиеся по определенным поводам действия, закрепляя локальную идентичность в коллективной памяти, образуют традиции. Все упоминания о них в исследовании связаны с празднованием каких-либо событий в городском публичном пространстве. Это могут быть события личного плана, вроде свадьбы, и общенародного, как государственные праздники. Рассказывая о них, наши собеседники нередко смаковали нюансы.

У нас свадьбы по пятницам. У нас вчера было много свадеб. Гудят, едут, то есть здорово. У нас молодежь, там, в новом районе, есть мост, вот который построили, такой синий, и вот они туда прикрепляют свои замочки. Это традицией стало, уже новой традицией нашего нового города (ЛЖ41).

Молодые качканарцы с вдохновением рассказывали о новой традиции – шествии со свечами 8 мая:

– У нас от ДК до парка собирается вся молодежь 8 мая, это уже традиция по ходу, берут большие пластиковые стаканы...

– Потому что им говорят?

– Это добровольная штука. Все приходят, зажигают свечки, идут по улице Свердлова, ставят свечки и расходятся (КМ17).

Практически во всех городах информанты упоминали Бессмертный полк в праздновании 9 Мая, правда, под другими названиями (полк погибших (КрЖ77), безымянный (ЛЖ43)).

Учительница рассказала о связанной со школой традиции:

У нас есть такой обычай, что перед тем, как прозвонит в школах последний звонок, у нас ребята ходят из школ, сажают деревья, вот раньше высаживали, здесь была аллея, вот она оттуда шла. А сейчас высаживают в новом районе, так как там стройка была и вырублено все, там сейчас елочки тоже сажают. Это вот тоже у нас достопримечательность городская. Сейчас смотрю, елочки и школьные эти таблички, какая школа, где сколько посадила (ЛЖ43).

В ответ на вопрос о городских традициях другая жительница Лесного, напротив, утверждала, что «нет ничего такого», связывая традиции с национальными народными праздниками: *«У нас начали проводить татары свой сабантуй, но это тоже лет всего 5 назад. То есть объявили общегородским праздником, у них афиши везде висят, все желающие, и прово-*

дят где-то вот здесь, у “Юности”. Я один раз ходила. Ну, весело, конечно. Они повсюду в нарядах своих национальных, разговаривают на татарском, интересно так. А так-то такого больше нет. Я вот не видела» (ЛЖЗ8).

Традиции ассоциируются с давностью и «устоями», что не укладывается в образ молодого города «короткой истории», что также приводит к отрицанию:

Город же молодой еще. И вот какого-то вот такого вот, своей какой-то традиции определенной, вот кроме карнавала, каких-то своих устоев, у нас в городе пока нету, таких прям, которые, так сказать, на протяжении многих веков (ЗЖ18).

Таким образом, одни горожане готовы рассматривать происходящее как складывание традиций в режиме текущего времени, «историзации на марше», для других молодой город исключает возможность таковых. Невозможность традиций отсылает нас к периоду в эпопее новых городов, когда превознесение настоящего и будущего означало отрицание прошлого. Разумеется, речь не идет о прямых параллелях, наши информанты не против традиций, просто им кажется, что прошедшее время еще не способно их породить.

Заключение

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЖИЗНИ МЕСТ ПАМЯТИ

Город для других и город для себя: ограниченность локального конструкта. В описаниях своего города люди часто апеллируют к восприятию приезжих, которому приписывают желаемые коннотации. Дескать, это не только пристрастный взгляд местных, но и другие, неместные, вполне объективно оценивают наш город вот так и так. Восприятие приезжих, таким образом, призвано служить легитимирующим подтверждением смысла того или иного места или аспекта города. Желаемое, ожидаемое далеко не всегда совпадает с действительными впечатлениями нерезидентов. В итоге локальный конструкт становится сверхлокальным, существующим только для местных. Остальные же просто не видят того, чем гордятся и любят жители города. Разумеется, этот контраст справедлив, если речь идет о неподготовленных визитерах, оптика которых заранее не сфокусирована на поиск тех или иных достопримечательностей. Для такого рода приезжих остаются незаметны и уникально оранжевые зареченские фонари, и уникально красивая качканарская гора.

Разумеется, здесь работает общая закономерность: восприятие и Флоренции, и Качканара зависит от подготовленности, образования и просто желания «видеть». Про исторические места, однако, неизмеримо больше написано, и эта информация встречается тут и там, а не только в специальных буклетах. Флоренция, Париж или Верхотурье находятся в другой весовой категории и по длительности их истории, и по культивируемому статусу, вплоть до официальных, таких как «исторический город», «объект культурного наследия», «памятник архитектуры» и т. п. Таким образом, старые места, как кажется, вполне «законно» претендуют на широкую известность и общепризнанную значимость, весомость в самых больших масштабах. Молодые города в таком случае проигрывают изначально. Между тем они смело и активно формируют свою историю на марше. Коммеморации здесь нередко живее – города соразмерны своей историей продолжительности человеческой жизни.

Локальная социальная компетентность. Задавая уточняющие вопросы, мы не раз попадали впросак. Так, в Краснотурьинске на вопрос,

хорош ли упомянутый кинотеатр, нам ответили – единственный, точно так же в Качканаре: хорошая ли поликлиника – единственная. В Лесном многие информанты показывали ЗАГС, затрагивали тему празднования бракосочетания, но, на удивление интервьюеров, почему сегодня, в субботу, не видно молодоженов, объяснили, что свадьбы бывают только по пятницам, так как на несколько дней недостаточно брачующихся.

Рассказывающая про краснотурьинский трамвай девушка не сразу поняла уточняющий вопрос про количество маршрутов. Понятие маршрутов и их количества оказалось нерелевантным, поскольку изначально было только две ветки, а в начале 2011 г. (почти за три года до момента интервью, т. е. очень давно для 17-летней девушки) и вовсе осталась только одна.

Первоначальное недопонимание очень хорошо выявляет зазор в компетентности, точнее, различия между кажущимися универсальными характеристиками современного города и конкретными параметрами изучаемых территорий.

Местные жители в своих рассказах используют дискурсивные конструкции со знаковыми местами, типа кафе «Гном» в Лесном, чтобы объяснить местонахождение каких-то других объектов: *«напротив кафе “Гном”, около библиотеки центральной городской»* (ЛЖ51), *«“Локоп”, вот около “Гнома”, парикмахерская была»* (ЛЖ27). Для не знакомых с городом визитеров подобные указания, естественно, не работают, что не отменяет информативности выбора объектов на роль ориентиров, соотнесения между собой различных элементов города. Самое же важное заключается в том, что именно такие семантические зазоры и обнаруживают границы вернакуляра, местного знания, отделяющие его от некоего «универсального», общепринятого представления (например, о том, что трамвайное сообщение предполагает несколько маршрутов).

Закономерности функционирования мест памяти. Места живут своей жизнью: сами задают определенный порядок производства пространства и в то же время вовлекаются в разнообразные «посторонние» практики. В ходе анализа обнаружились определенные закономерности этой жизни: многослойность, избирательность меморизации, семантика.

Многослойность: место как палимпсест. *Все* эпохи города, «неповрежденные и одушевляющие друг друга, продолжают жить в *одном и том же месте*» (курсив автора цитаты. – Авт.), – пишет М. де Серто о Риме, подытоживая: «место – это палимпсест» [де Серто, 2013 : 328]. Действительно, любое место содержит потенциал палимпсеста – включая и те самые голые, пустые места, с которых начинали строить новые города, но не всякое может его реализовать. По крайней мере, при наличных обстоя-

тельстввах. Так, воспроизводимая номинация голого места обнуляет все предыдущие значения, отказывая им в возможности когда-либо раскрыться. Потенциал палимпсеста в разных местах, таким образом, имеет разные шансы на актуализацию. Каким образом одни части накопленного опыта тщательно культивируются, тогда как другие предаются забвению; сопровождают ли их единодушие, оспаривание, путаница или небрежение – все это определяется политикой памяти, которая, в свою очередь, тоже имеет свою историю. Концепция памяти, однако, заставляет отказаться от веры в «неповрежденность» осколков прошлого в настоящем¹:

Целое, составленное из фрагментов, являющихся разновременными и все еще связанных с рухнувшими целостностями, управляется тонким и компенсирующим равновесием, которое молчаливо гарантирует взаимодополняемость этих фрагментов [де Серто, 2013 : 327].

Акцент на многослойности места позволяет жителю города быть вдвойне компетентным – не просто комментировать выставленные на обозрение городские символы, мемориалы и т. п., но показать то, чего уже «нет». Подобная историчность и деятельная историзация (собственный интерес, желание рассказать интервьюеру), пусть они формально простираются недалеко вглубь веков, все же противостоят феномену города короткой истории, без корней и традиций. В начальный советский период последнее считалось важным достоинством². В случае палимпсеста история здесь явлена не поступательным, постепенным изменением, а наложением нового поверх стертого старого, как жилой район или площадь на месте старого кладбища. Такие истории нам встретились в Лесном и Краснотурьинске.

Вообще мы по этому месту идем, раньше вот эти дома, наверное, только в 70-х начали застройку, раньше здесь было старинное кладбище. Вот вся эта часть, что слева, что справа, все было кладбище. Вот там еще как овраг, есть еще люди, которые с детства как бы помнят, что там старинные могилы. Кладбище было Туринское, старинное Туринское, потому что город Тура он намного старше самого Лесного. Ну, в принципе, люди кто здесь, многие же еще помнят, поэтому кто-то относятся предвзято, а кто-то и не очень (улыбается), такое место (ЛЖ27).

¹ Разве только в онейретической модели, которую де Серто и упоминает со ссылкой на Фрейда [де Серто, 2013 : 328], пожалуй, лишь во сне неповрежденные куски разных эпох как ни в чем не бывало могут жить в одном и том же месте.

² См., напр., «У этого города нету традиций», стихотворение В. Маяковского о Свердловске, рассуждения героев романа-хроники «Время, вперед!» В. Катаева на площадке Магнитостроя о преимуществах молодого города перед старым.

Сейчас здесь площадь, а раньше центральное кладбище было. Тогда еще не городское, еще статус города не был присвоен. Турьинские рудники был поселок, здесь было центральное кладбище. Потом здесь был стадион. После стадиона здесь площадь сделали (КрМ24).

Внимание к многослойности города, его «длинной» памяти неизбежно опирается на коллективный ресурс. Информантка из Лесного, живущая там только несколько лет, ссылается на знакомых местных жителей (ЛЖ27); молодой человек из Краснотурьинска раскрывает источники своих познаний – он сам читал и *«усвоил про кладбище, еще отец рассказывал, в школе преподавали по обществознанию, у нас там историю города немного рассказывали»* (КрМ24).

Теме кладбищ в Лесном отдал дань и официальный (краеведческий) дискурс, где кладбища анализируются как элемент городского пространства, выражающий особенности истории поселения: «По числу кладбищ небольшой и молодой еще город Лесной вполне может поспорить с городами куда постарше. Да и количество отдельных захоронений в нем на единицу площади – с учетом погребенных заключенных, строивших город, пожалуй, тоже довольно велико...» [Карякина, 2010 : 18].

Попытки малого бизнеса в Краснотурьинске использовать центральную площадь под платные развлечения вызывают сопротивление властей. Мэр выступает против, аргументируя тем, что это место памяти и что кошунственно на нем скакать; предприниматель угрожает уехать в другой город³. Подобное столкновение интересов – типичный случай оспаривания пространства (contesting space), в котором разыгрывается конкуренция за апроприацию данного ресурса и различные способы его дальнейшего воспроизводства. Одновременно проявляется и проблема (отсутствия) центра города: утраченный неформальный центр Краснотурьинска на набережной, похоже, не до конца заменил официальную центральную площадь. Споры об аттракционах «на костях» выявили разные, в том числе враждующие, представления о центре, а значит, и о городе, о его обитателях: что должно быть в центре и чего не должно быть? о чем стоит рассказывать детям, а о чем нет? Размежевание обозначилось по линиям:

³ Аргумент через коммодификацию детства: Сударев А. В Краснотурьинске аттракционы на городской площади могут закрыть (ВИДЕО) 05.06.14 <http://krasnoturinsk.info/v-krasnoturinske-atrakciony-na-gorodskoj-ploshhadi-mogut-zakryt-video/>; Сударев А., мэр Краснотурьинска. «На городской площади аттракционам не место» // Вечерний Краснотурьинск. 06.06.14 [Электронный ресурс]. URL: <http://krasnoturinsk.info/mer-krasnoturinska-na-gorodskoj-ploshhadi-atrakcionam-ne-mesto/> (дата обращения: 06.06.2015).

– современное: вечный огонь vs детские аттракционы, пиво-шашлыки (конкурирующие и сочетающиеся группы: родители с шумными детьми и гадящие пони – синева и гопота – отдыхающие люди);

– современное vs кости предков.

Эти и другие позиции находим в интернет-обсуждении, отдельные реплики которого весьма показательны:

1. Дмитрий 06.06.2014

И хватит постоянно говорить о костях предков, а то на кладбище не хочется жить.

6. Stella 06.06.2014

А теперь площадь, лицо города, выглядит как цирк шапито.

20. Копытов 06.06.2014

Александр Юрьевич!

А жителям пятиэтажек, которые также живут на костях, вы что предложите – переехать в другие квартиры? Не наводите тень на плетень, и не надо здесь употреблять такие термины, как «на костях предков». А что Москва, Екатеринбург и прочие столицы не на костях предков стоят?

А аттракционы стоят и пользуются успехом, значит, это народу надо...

21. МаМаша 06.06.2014

Вот ни за что не расскажу своим детям, что мы рядом с кладбищем живем. И ходить оплакивать то, что уже давным-давно вывезли, считаю глупым. Да, танцевать и петь там не надо, но и рыдать и вздыхать тоже...

27. Алекс 06.06.2014

Аттракционы надо убирать, это правильно, но и шашлычников с пивнушками тоже надо с бульвара заставить съехать. Центр города – это лицо города, а у нас это балаган с развлечениями (комментарии к ст.: *Сударев А.* На городской площади аттракционам не место // Вечерний Краснотурьинск. 06.06.14).

Сюжет с оспариванием пространства в Качканаре закручен вокруг буддистского храма и представляет собой борьбу за присвоение горы Качканар. Понятие оспаривания пространства направляет внимание на различие интересов и вероятные конфликты, за которыми предполагается все-таки взаимодействие и сосуществование сторон. В силу этого, на наш взгляд, оно мало подходит для осмысления ситуаций уничтожающей борьбы. Именно такой режим борьбы нового со старым определял судьбу сооружений культа с 1929 г., Максимовской церкви в Турьинских рудниках он коснулся в 1936 г. Решительное стирание старого слоя и насаждение нового в таких случаях происходит под знаменем прогресса, безусловно и всестороннего улучшения. (При всех различиях именно в такой логике продвигаются сегодня все джентрификационные проекты.) Так, остов Максимовского храма в 1958 г. дал жизнь широкоформатному кинотеатру

«Россия», одному из лучших в Свердловской области; эта оценка присутствует в изложении истории храма на его сайте, в разделе «Храм – мученик»⁴.

В разделе о торговле мы уже говорили о болезненном восприятии (по крайней мере, частью горожан) превращения качканарского кинотеатра в магазин. О том, что к/т «Юность» действительно был знаковым местом и его перелицовка осталась шрамом, свидетельствует материал «Качканарского четверга», посвященный 55-летию города. Один из восьми снимков, олицетворяющих этапы в истории Качканара, это «Юность», в сопровождении драматического комментария о том, что через несколько десятилетий после открытия кинотеатр сгорит и не будет восстановлен⁵.

Другой случай палимпсеста связан с наступлением города на сады. Локальная идентичность реализуется через семейную память:

В этом районе... это застройка где-то 80-х годов, у меня у бабушки, вот у моей мамы, здесь был садовый участок, прямо под магазином... Здесь было садовое товарищество. ...А участок у моей бабушки и моей мамы был на месте вот этого магазина, который сейчас Кировский. ...Как они так точно, у меня родня смогла его спозиционировать, что именно здесь находилась, я не знаю, но это так. Мама рассказывала о своих детских впечатлениях, что в детстве это казалось так далеко, это надо было ехать на машине, там грунтовая дорога, еще что-то – это целое приключение (ЛМ27) (рис. 1).

Рис. 1. Лесной.
Магазин «Красный»
(«Кировский») (фото сделано
во время интервью ЛМ27)

⁴ См.: Храм преподобного Максима Исповедника [Электронный ресурс]. URL: <http://hrammaxim.ru/index.php/history/47-2009-11-22-19-46-07> (дата обращения: 20.08.2015).

⁵ См.: Качканар: Как все начиналось // Качканарский четверг. 28.07.12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kchetverg.ru/2012/05/28/kachkanar-kak-vsyo-nachinalos/> (дата обращения: 20.08.2015). (В публикации для «только что построенного» кинотеатра ошибочно указан 1960 г.)

В изменившемся масштабе города это расстояние кажется молодому человеку незначительным, в его голосе звучит снисходительность и к детскому опыту мамы, и к тому времени; в отношении же точного позиционирования бывшего местонахождения сада – скорее почтительное удивление. Другая информантка из Лесного рассуждает о мотивах перепрофилирования одного объекта в другой:

Вот этот торговый центр тоже недавно. То есть его достроили, он не такой был чуть-чуть. Там раньше у нас здесь не торговый центр был. Наверху была столовая «Метелица», внизу кулинария. Ну, видимо, не нуждается город в столовых и кулинариях. Ну их достаточное количество. Решили переделывать, вот сделали так. Была там, там красиво (ЛЖ41).

Прямое заявление «прав» на место или контроль над ним посредством особого умения «спозиционировать» являются практикой управления временем (в части соединения прошлого и настоящего) в рамках локальной социальной компетентности. Другая важная черта всех практик палимпсеста – присутствие отсутствий, по выражению де Серто. Во всех наших примерах информанты обращаются к когда-то бывшему, но теперь не существующему слою, а одна из участниц исследования вывела формулу: его не существует, но он есть! Действительно, «указательные местоимения говорят о невидимых идентичностях видимого» [де Серто, 2013 : 208]:

Здесь рядом две остановки. Опять-таки – «Локон», его уже не существует, этого «Локона», но он есть, этот «Локон», остановка (как ориентир) – «Локон», вот около «Гнома» парикмахерская была (ЛЖ27).

Мишель де Серто пришел к своим выводам о поразительном присутствии отсутствия на основании исследования, проводимого с помощью интервью во французских городах второй половины 70-х.

Избирательность меморизации и ее нравоучение. Памятники первостроителям, наряду с напоминанием о лишениях, выражают все же код жизни. Романтизация деяний первостроителей осуществлялась на протяжении всего советского времени. Мемориалы чаще всего включают в себя фигуры людей, реже это памятные камни. Так, в Комсомольске-на-Амуре есть уже целый ряд памятников (памятный камень (1967), памятник комсомольцам 30-х гг. (1967), памятник первостроителям (1982), памятник военным строителям – участникам ледового перехода 1934 г. (2002)). Каменной глыбой является и памятник первостроителям Заречного (рис. 2), правда, ни один из участников исследования не обратил на него нашего внимания. В ответ на вопрос о памятнике информант ответил без энтузиазма: «года три-четыре назад аллею сделали первостроителям Заречного. Поставили им монумент» (ЗМ48).

Рис. 2. Памятник
первостроителям Заречного

Города, производство которых связано с каким-либо химическим элементом, в ряде случаев включают его как символ покорения в памятник первостроителям. Например, в Новоуральске памятник первостроителям включает фигуры трех молодых людей (один из которых – интеллигент в свитере и очках), а вся конструкция символизирует знак урана в таблице Менделеева. Из участвующих в нашем исследовании городов знак железа присутствует в символике Качканара. Он имеется в конструкции возле управления Качканарского ГОКа: *«есть памятник в виде куба, и на нем знак “Fe”, но мы туда не пойдем, это далековато, да и не совсем интересно смотреть»* (КЖ28). Никто из информантов так и не удостоил это место вниманием ни в пешей, ни в автомобильной прогулке.

О том, как (мало) этот знак определяет пространство города (или хотя бы присутствует в нем), может свидетельствовать тот факт, что в 2008 г., с продолжением в 2010 г., участники форума городской газеты долго искали, где же находится сей «памятник железу» (Памятник железу // Качканарский четверг: информационно-развлекательный форум. URL: <http://www.kchetverg.ru/forum/index.php?topic=1047.0#top> (дата обращения: 06.06.2015)). Есть знак железа и на «Ключе» при въезде в город.

В Качканаре работник ГОКа прокомментировал (в ответ на вопрос, сам он этой темы не касался) практику укрепления на домах мемориальных досок в связи с юбилейными датами города и комбината с прохладцей. Его эта форма коммеморации, похоже, обходит стороной и, вместо того, чтобы пробуждать солидарную приверженность, наоборот, вызывает дистанци-

рование: *«Первостроители. Сейчас по всему висят городу. И на тресте повесили еще... тоже табличку. Также какой-то первостроитель. В общем, сейчас я так понял, что первостроителей и особо отличившихся... Я пока ничем не отличился»* (КМ30).

Весьма характерный символ жизни первых строителей молодых городов по всей стране – палатки, идет ли речь о начале 30-х или конце 50-х. Один из мемориалов Комсомольска-на-Амуре – «Слава городу юности» – содержит железобетонный макет шалаша. В Магнитогорске установлен памятник первой палатке (1966) с выбитыми строчками из стихотворения Б. Ручьева. Другие города, где увековечена палатка первостроителей, были заложены уже в послевоенный период, точнее, в 50-е. Так, палатка включена в мемориальный комплекс в Новополоцке (1973), в г. Шелехове Иркутской области («город металлургов», 1956) памятник из железобетона (1966) – на месте «Зеленого городка», где жили комсомольцы-первостроители, сейчас – санитарно-защитная зона; есть еще пилон «Ладони» – держат куб с алюминием) – в Красноярске («Так начинался наш город. Подвиг на Енисее, 1958–1973»).

Качканарский памятник первым палаткам, пожалуй, из самых поздних (город заложен в 1957-м, а памятник установили в 1982-м по инициативе Н. Ф. Литвиненко по примеру Новополоцка)⁶. Он обозначает место, где жили в палатках основатели города, и символизирует н а ч а л о. Едва ли не во всех бурно строившихся городах люди жили в палатках и землянках, но далеко не везде взялись увековечить эти первые жилища как романтически-героическое напоминание о начале. Были палатки и в Лесном, и в Красноурьинске⁷, однако в Лесном памятника первостроителям нет вообще, в Красноурьинске – печальный мемориал трудармейцам (рис. 3). Лесной строили заключенные, Красноурьинск – «спецконтингенты» (заключенные, спецпереселенцы, трудармейцы, пленные).

Качканарцы, по словам начальника архива⁸, гордятся тем, что их город – дитя «оттепели», легендарного XX съезда, т. е. строили его свободные люди. По сравнению с Красноурьинском разница, безусловно, большая, однако не абсолютная. Так, заместителем начальника треста «Качканар-рудстрой» был В. Б. Миллер, трудармеец БогословЛАГа, ранее строивший

⁶ Памятник первостроителям «Первые палатки» // Качканарская городская библиотека им. Ф. Т. Селянина [Электронный ресурс]. URL: <http://gorbib.org.ru/nash-gorod/137-znamenatelnnye-i-pamyatnye-mesta-kachkanara?showall=&start=6> (дата обращения: 08.08.2015).

⁷ На фото «Здесь жили первые строители» видны большие палатки и бараки [Путылов, 2003 : 214–215].

⁸ Михаил Титовец, историк. Записала Р. Васильева Качканар – территория жизни (Областная газета. 12.11.11) // Уральская библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://urbibl.ru/Stat/Goroda_sela/kachkanar-terroteria-zizni.html (дата обращения: 15.05.2015).

Рис. 3. Краснотурьинск.
Памятник трудармейцам
(фото сделано
во время интервью КрМ34)

как раз Краснотурьинск⁹. Есть свидетельства и об участии в строительстве Качканара расконвоированных осужденных, условно освобожденных и условно осужденных¹⁰.

Ну а свободный энтузиазм молодых строителей подогревался необходимостью приобрести производственный стаж перед поступлением в вуз – такое правило вводилось новым законом об образовании 1958 г.¹¹ Кто строил и из каких побуждений, очевидно, накладывает печать и на политику памяти: о ком и как помнить. Как помнить – наверное, самый многосложный вопрос. Каков нравственный урок, какое сообщение несут места памяти первостроителей? В пространном разделе о Краснотурьинске в современном издании Б. Путилов довольно много пишет о трудармейцах, вспоминая и своего знакомого газетчика, перешедшего на завод – не только

⁹ «Миллер Виктор Богданович 1913 г. р. (Орджоникидзевский край, Минераловодский район, г. Минеральные Воды), из крестьян, по профессии зоотехник, до мобилизации – Красноярский край, Балахтинский район, мобилизовал Балахтинский РВК 12.03.42, прибыл 05.04.42, выбыл из БогословЛАГа 23.04.46 в Базстрой» (Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. <http://www.rusdeutsch.ru/?bogoslav=5&text=15403>). «Откровенно говоря, с грустью покидал я ставший мне родным Краснотурьинск – один из красивейших городов Урала, в строительстве которого я участвовал со дня его рождения» (В. Миллер, зам. управляющего трестом «Качканаррудстрой»).

¹⁰ См.: Первостроитель Качканара // Телекон. 23.05.14 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telecon-tv.ru/telecon/1762-pervostroitel-kachkanara> (дата обращения: 06.06.2015); Лебедев Р. П. Не запятнать честь мундира... Екатеринбург : АКВА-ПРЕСС, 2005. С. 33–34.

¹¹ 24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Статья 28 предписывала при зачислении в вузы отдавать предпочтение лицам, имеющим стаж практической работы. Начиналась перестройка образования с 1959/60 учебного года. Закон утратил силу 01.01.1974.

чтобы выработать горячий стаж, но и «хлебнуть из отцовской чашки» трудармейца, прибегая к свидетельствам других людей. Не скованный цензурой, в отличие от времен написания своей книги (1980¹²) и газетных материалов об этом городе, писатель отмечает и политику НКВД, и невыносимые условия:

Немцы, другие трудармейцы (кроме немцев тут были тысячи таджиков и узбеков), русские заключенные гибли не только на возведении плотины, они умирали – от холода, голода, болезней, да и просто от тоски по родине – на всех рабочих площадках и во всех бараках Турьинских рудников. Однако тем самым они дали жизнь одному из лучших городов Урала [Путилов, 2003 : 252].

Такими словами Б. Путилов предваряет рассказ о первом в нашей стране памятнике трудармейцам, установленном на Краснотурьинской плотине в 1995 г. Последнее предложение оформляет смысл, оправдание страданий этих людей. Тем самым косвенно показываются подлежащими оправданию и действия советского руководства, обрекшие сотни тысяч советских немцев на унижения и лишения, а многих – и на гибель.

Жертва должна быть не бессмысленной, очередная социальная категория занимает свое место в сообществе героизма и страдания [Браунинг, Сигельбаум, 2011 : 341–342]. Извлекаемый (возможный) урок: в конечном итоге все было сделано правильно. Мессидж во многом такой, какой готовы прочитать нынешние горожане. В Краснотурьинске многие считают не советских (российских) немцев, а пленных немцев. Произошла не просто коррозия, трансформация памяти, но выворачивание ее наизнанку:

Трудармейцы – это вот, эти, э-э (вздыхает), пле-, пленные немцы, фашисты, их называли трудармейцами (КМ24).

Мемориал вои... нет не воинам, этим, трудармейцам. Тут же строили все военнопленные немцы – и город, и вот эту плотину. Она на костях, можно сказать, вот эта плотина. Тут была речушка, которую, ну, бабушки, дедушки рассказывали, можно было по доске пробегать, в связи со строительством завода, строили вот эту плотину. Пленные жили, есть воспоминания у меня, у мастера, бабушка рассказывала, прямо в палатках, здесь, на берегу, мороз, ну, в общем, так это все. Вот можете прочитать фамилии тут, вот фамилии, вот можете прочитать, написано: «трудармейцам Богослов-ЛАГа, строителям города, алюминиевого завода и ТЭЦ» (КМ35).

Неработающая семантика. Приведенные выше многочисленные примеры неработающей семантики свидетельствуют о перекодировке или полной дисфункциональности определенных мест памяти или отдель-

¹² См.: Путилов Б. А. Вставший на крыло. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1980.

ных обозначений. К последнему относится утраченное значение космоса. В Лесном на вопрос «почему космос?» информант затруднился объяснить соответствующую символику на здании вечерней школы (рис. 4): *«Ну как-то так вот получилось. Там есть половина этого здания – это спортзал, там есть спортзал внутри и несколько учебных кабинетов на первом и втором этажах. Потому что для школы для обычной очень маленькое здание. Вот. На самом деле, как оно использовалось до этого, я не знаю. Когда я был, это уже была вечерняя школа для тех людей, кто по каким-то причинам не смог закончить общеобразовательную»* (ЛМ27).

Рис. 4. Лесной.
«Космос» на здании
вечерней школы
(фото сделано
во время интервью ЛМ27)

Почему городской парк в Лесном носит имя Гагарина, не находят объяснения и авторы обширного повествования об этом городе, опубликованного тиражом в 17 000 экземпляров: «Немного странно, что сквер носит имя Ю. А. Гагарина, хотя возник он значительно раньше 1961 года и никак с космонавтом не связан» [Карякина, Струганов, 2006 : 151]¹³. Дезактуализация официальной топонимики хорошо проявляется в путанице даже у Людмилы, которая вообще-то неплохо ориентируется в нынешних и прошлых названиях, это она «на автомате» указала старое и новое названия улицы (Советская – Сиротина), кинотеатра (им. 40-летия Октября – «Ретро»), а вот с именованнием парка дважды оговорилась:

¹³ Согласно современной энциклопедии Лесного имя Гагарина было присвоено созданному в 1947–1952 г. «силами горожан» скверу в 1961 г. При реконструкции 2004 г. была возведена «центральная композиция, продолжающая тему космоса, – шестиметровая мраморная стела “Солнечные часы”, окруженная литым циферблатом» [Атомные города..., 2012 : 80].

– *Есть в нашем городе Парк Горького, ну там, в центре. У нас раньше там принимали в пионеры.*

– *Парк Горького?*

– *Гайдара. Нет, Гагарина, все правильно (ЛЖ41).*

Рассуждая, почему же «его так назначили изначально», Людмила предполагает:

– *Как значимое место. Видимо, он создавался в тот, в тот период, наверное, когда он полетел в космос. Может быть, из-за этого. Честно говоря, даже не знаю. Но вот стелу там построили, т. е. уже позже. Раньше там по-другому все было. Там статуя стояла.*

– *Какая?*

– *Как раз посередине на этом месте.*

И далее тему не развивает, переключаясь на другие объекты-ориентеры неподалеку, – ЗАГС, Вечный огонь и т. п.

На самом деле, сейчас вот в Парке Гагарина стоит какая-то непонятная стела, и говорят, что это, э-э, вроде солнечные часы стилизованные, вот, и они символизируют, что там стремление ввысь и прочее. На самом деле там раньше стоял вождь мирового пролетариата (ЛМ27).

Такой разрыв коммуникации может быть обусловлен разными причинами: сменой эпох (космос) и/или невосприимчивостью жителей к посланиям «сверху». Так, предложенная авторами проекта «Жемчужная лагуна», семантика Заречного как жемчужины, продиктованная Белоярским водохранилищем водная тема, похоже, не вполне усвоена местными жителями, которые называют это место не лагуной, а бульваром Алешенкова. В целом же сбои в системе городской семантики напоминают ситуацию многоквартирного дома, жильцы которого долго живут по соседству, но мало что знают друг о друге. Существующие знаки не срабатывают: либо не считаются вообще, либо трактуются неверно. Это означает, что интересы жильцов находятся в другой плоскости и общаются люди по другим каналам, в другой системе координат.

* * *

Мемориальные исследования сегодня популярны и уже несколько десятилетий активно развиваются. Тщательному исследовательскому анализу подвержены сама память и процессы ее формирования, зависимость памяти от социальных условий и индивидуальных биографий. Уже доказано, что версии памяти конкурируют между собой, при этом по-иному расставляются акценты, одни интерпретации выпячиваются и актуализируются, другие

уходят на периферию. Теоретически работа памяти описана во множестве источников, по поводу этого проведено (и будет проведено) множество дискуссий, потому нет более благодатного предмета спора, чем пережитая история.

Молодые города являются удивительным объектом исследования: они сочетают в себе стремление к историчности, обретению длинных воспоминаний и сравнительно небольшой период собственной истории. Как и в любых других городах, там переплетаются материальные (места и вещи) и не материальные (мифы и устная история) элементы памяти.

Истории молодых городов – это истории самоотверженного труда во имя высоких целей преобразования эпохи социализма. Они как губка впитали в себя воспоминания о Великой Отечественной войне, что нашло закрепление в виде памятников, стел, Вечного огня и других объектов. Строительство градообразующего предприятия и основание города закрепились в памяти в виде рассказов о первостроителях с обязательным указанием конкретных мест, с которых начался город. Героическая составляющая истории дополняется памятниками героям афганской и чеченской военных кампаний. Кроме того, милитаризация истории молодых городов подкрепляется активным использованием списанной военной техники: ее лакируют и выставляют в виде памятников, используют в качестве детских развлечений и пр.

Одной из ключевых тем в рассказанных историях стала природа, – она обеспечивает особый колорит городам, делает жизнь в них более здоровой. Вместе с тем в природном дискурсе фиксируются борьба, покорение, восхищение и пр.

Заложенная в советское время монопрофильность городов до сих пор оказывает ключевое влияние не только на их социально-экономическое положение, но и на настроения жителей. Даже те, кто вроде бы никакого отношения к градообразующим предприятиям не имеет, в своих рассказах о них упоминают (и довольно часто); дискурсивно такие предприятия выступают в качестве причины, определяющей состояние дел в городе.

Молодые города, при всей схожести их историй, обладают своими уникальными образами. Они конструируются не только благодаря политикам государства, градообразующего предприятия, но и личными переживаниями, причастностью горожан. Каждый город имеет свой образ, у каждого горожанина есть свой образ города. Этот образ тесно связан с местами памяти в социальном пространстве.

В исследовании были использованы мобильные методы. Мы достаточно большое место уделили их описанию в расчете на то, чтобы они вошли в исследовательский арсенал урбанистической социологии.

Подводя общий итог анализу дискурсивной схемы образования новых/молодых городов, следует отметить, что как вся схема, так и ее отдельные элементы сохраняют устойчивость и воспроизводятся в актуальном дискурсе, о чем мы рассуждали в третьей части. Апелляция к пустому месту в начале создания городов подчеркивает грандиозность произведенных преобразований и в то же время принижает и обесценивает то, что было до новостройки. Воспроизведение сегодня данного фрагмента формулы (на голом месте, в глуши) закрепляет эффект короткой истории¹⁴. И та и другая история может быть вполне известна¹⁵, но не встроена в идентичность, темпоральный и аффективный режимы; соответственно отсутствуют в практиках коммеморации, не участвует в эмоциональной политике.

Наибольшие изменения претерпели два элемента: субъект и аффективный режим. Партия, комсомол сошли с дистанции, фигура строителей в построенном городе потеснена фигурой работника градообразующего предприятия (там, где оно благополучно), новые бизнес-субъекты играют весьма неоднозначную роль для благосостояния города. В этих условиях становится неясно, кто и от кого должен принимать эстафету. Восторг и гордость из стержня аффективного режима превратились в лучшем случае в некие законсервированные добавки, сопровождающие официальные коммеморации. Сильно одобренные ностальгией и горечью утраченного, эти чувства напоминают о себе в отмеченных кодами жизни и смерти местах памяти сегодняшних молодых городов.

Места живут своей жизнью: сами задают определенный порядок производства пространства и в то же время вовлекаются в разнообразные «посторонние» практики. В ходе анализа обнаружились определенные закономерности этой жизни: многослойность, избирательность меморизации, неработающая семантика. Очевидно, что история молодых городов не закончена. Наверняка большая их часть сумеет преодолеть болезни роста и превратятся в города со значительной историей, содержащей в себе воспоминания множества поколений. А какие-то города, возможно, исчезнут, не выдержав конкуренции с другими поселениями, а затем и с природой.

¹⁴ Выражение «города короткой истории» использует Е. Трубина [Трубина, 2013а].

¹⁵ Например, основанное в 1672 г. кержакское село Шарташ; известно, что берега озера Шарташ были обитаемы и много раньше, в бронзовом веке (III–II вв. до н. э.) (см.: Кулешов Н. Шарташ – кержакская столица // Домострой. 2000. № 6–7. Екатеринбург 1723 Свердловск [Электронный ресурс]. URL: <http://www.1723.ru/read/dai/dai-39.htm> (дата обращения: 06.06.2015). Еще старше найденный под Кировградом Шигирский идол эпохи мезолита (VIII тыс. лет до н. э.) (см.: Распопов П. Большой Шигирский идол // Наш Урал [Электронный ресурс]. URL: <http://nashural.ru/Ekaterinburg/shigirskiy-idol.htm> (дата обращения: 06.06.2015)). Приведенные ссылки относятся к популярным, не академически специализированным интернет-ресурсам.

Сведения об изучаемых городах (Красно

Город	Дата принятия решения о строительстве	Дата начала работ/ основа- ния города	Дата при- своения статуса города	Градообразующее предприятие	Корпорация, на 2014 г.
Красно- турьинск	1940	1942	1944	Богословский алюминиевый завод (БАЗ)	Русал
Лесной	1947	1947	1954	Комбинат «Электрохимприбор», ФГУП	Росатом
Заречный	1955–1957 – решение о строительстве атомной электростанции	1955	1992	Белоярская атомная электростанция им. И. В. Курчатова (БАЭС)	Росатом
Качканар	1950 – постановление Совет министров СССР 1956 – строительство ГОКа включено в директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства	1957	1968	Качканарский горно- обрабатывающий комбинат (КГОК)	ЕВРАЗ

Приложение 1

турьинск, Лесной, Заречный, Качканар)

Количество жителей на 01.01.14, тыс. человек (по данным Росстата)	Ближайший населенный пункт в начале строительства	Местные газеты, использованные в исследовании	
		советского времени	постсоветского времени
59	пос. Турьинские рудники, г. Карпинск	«Сталинская стройка» «Заря Урала» «Рабочий Базстроя»	«Вечерний Краснотурьинск»
49	г. Нижняя Тура	–	«Про Лесной» «Вестник» (с 1990) «Радар» (с 1990) «Резонанс» (в комплекте с «Радар», с 1992) «Вести» (корпоративная газета ФГУП «Комбинат «Электрохимприбор»)
27	пос. Шеелит, пос. Муранитный	«Ленинская искра» «Мирный атом»	«Зареченская ярмарка» «Пятница ПРО» «Пятница»
40	пос. Валериановский, г. Нижняя Тура	«Вперед, к коммунизму!» «На стройке Качканара» «Качканарский рабочий» «Руда» «За большую руду»	«Качканарский четверг» «Новый Качканар» «Качканарский рабочий» «Качканарское время»

**Образец объявления, размещенного
в социальной сети для поиска информантов**

**Департамент социологии
и политологии Уральского
Федерального Университета
приглашает к сотрудничеству
жителей города Лесной.**

Долгое время город Лесной оставался «невидимым». Его не было на картах, а информацию о нем было сложно найти в открытых источниках. Сегодня активно развиваются исследования городов и городского образа жизни. Преподаватели университета работают над научным исследовательским проектом, связанным с изучением городского пространства.

Для работы над этим проектом нам нужна помощь жителей города. Обычно социологи просят заполнить анкеты, но нам нужны люди, готовые с нами **встретиться в городе Лесной и провести небольшую экскурсию по городу, показать свой город.**

Если Вы готовы показать свой город и поучаствовать в настоящем научном исследовании, свяжитесь с Анной:

<http://vk.com/>

тел.

e-mail:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- Архитектор Николай Милютин. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 504 с.
- Ассман А.* Трансформации нового режима времени / пер. с англ. Вл. Кучерявкина под ред. А. Скидана // Новое лит. обозрение. 2012. № 4. С. 16–31.
- Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 328 с.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славян. культуры, 2004. 364 с.
- Атомные города Урала: Город Лесной : энцикл. / РАН. УрО, Ин-т истории и археологии ; [под общ. ред. В. В. Алексеева]. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2012. 303 с.
- Бараиш Р.* Между исторической памятью и толерантностью // Вестн. рос. нации. 2013. № 1–2. С. 16–45.
- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / [пер. с англ. М. Л. Коробочкина]. М. : Весь Мир, 2004. 188 с.
- Бауман З.* Рассказанные жизни и прожитые истории // Социол. исслед. 2004. № 1.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии : [эссе]. М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. С. 60–113.
- Бёрджесс Э.* Рост города: Введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11 : Социология. 2000. № 4.
- Бокарев Ю. П., Соколов А. К., Борисова Л. В. и др.* Периодическая печать // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика : [учеб. пособие для вузов] ; [под ред. А. К. Соколова]. М. : Высш. шк., 2004. 688 с.
- Болотова А.* Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный Запас. 2006. № 2 (46).
- Болотова А.* «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2014. № 5 (97). С. 170–188.
- Браунинг К., Сигельбаум Л.* Социальная инженерия. Сталинский план создания «нового человека» и нацистское «народное сообщество» // За рам-

ками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М., 2011. 679 с.

Бродель Ф. История и социальные науки. Большая временная продолжительность // Философия и методология истории / общ. ред. и вступ. ст. И. С. Кона. М. : Прогресс, 1977. 336 с.

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II : в 3 ч. Ч. 1 : Роль среды / пер. с фр. М. А. Юсима. М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Быкова С. И. Политические представления советских людей в 1930-е годы (на материалах Уральского региона) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург : [б. и.], 2003. 216 с.

Бунин А. В., Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства : в 2 т. 2-е изд. М. : Стройиздат, 1979. Т. 2. 406 с.

Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей, 2001. 562 с.

Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 75–81.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М. : АСТ : CORPUS, 2013.

Вайнер Д. Экология в Советской России: Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы : пер. с англ. / послесл. и ред. Ф. Р. Штильмарка. М. : Прогресс, 1991. 400 с.

Валлерстайн И. Изобретение реальностей времени-пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира : альм. Вып. 2 : Структуры истории / под ред. Н. С. Розова. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. С. 102–116.

Валлерстайн Э. Время и длительность: неисключенное среднее. Размышления над Броделем и Пригожиным // Пригожин И. Р. Человек перед лицом неопределенности. М. ; Ижевск : Ин-т компьютер. исслед., 2003. С. 127–136.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Практика жизнеобеспечения населения моногородов: между прошлым и будущим // Развитие городов в условиях глобализации : сб. науч. тр. в честь юбилея засл. деятеля науки РФ, д-ра геогр. наук, проф. Е. Г. Анимицы. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2012. С. 113–118.

Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журн. социологии и соц. антропологии. 2013. Т. 16, № 3. С. 101–111.

Васильев А. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов // Новое лит. обозрение. 2012. № 117.

Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // Топос. 2011. № 1. С. 208–224.

Веселкова Н. Немцы-трудоармейцы: аффективный режим между травмой и рессентиментом // Образы власти в гуманитарных исследованиях : сб. ст. Н. Новгород, 2013. С. 226–230.

Веселкова Н. В. Темпоральный порядок школьных дискурсов миграции // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2010. № 1. С. 133–144.

Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. М., 2010. № 31. С. 5–29.

Веселкова Н. В. Отношение к будущему: штрихи к портрету темпоральной субъектности // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2006. № 2 (57). Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 5. С. 11–15.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. Дискурс природы в молодых городах // Социол. обозрение. 2016. Т. 15, № 1. С. 112–133.

Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Социальная компетентность взросления. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. 290 с.

Веселкова Н. В. Социология времени и Жорж Гурвич // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 50–64.

Веселкова Н. В. Существует ли социология времени? // Русский социол. форум. 2000. № 1–2 (4). URL: <http://www.sociology.ru/forum/veselkova-an.html> (дата обращения: 17.03.2015).

Воронина Т. Память о БАМе. Тематические доминанты в биографических интервью с бывшими строителями // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/vo5.html> (дата обращения: 08.08.2015).

Вучик В. Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / пер. с англ. А. Калинина под ред. М. Блинкина. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2011. 576 с.

Ганжа А. «Легендарного времени крестники»: рождение советского универсализма из рефлексии коллективного погружения в обновляющую стихию темпорального // Время, вперед! Культурная политика в СССР. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013.

Ганжа А. Тематизация времени в советской массовой песне // Логос. 2014. № 3. С. 41–66.

Глазков К., Стрельникова А. Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интер. 2015. № 10. С. 79–90.

Глазычев В. Л. Город без границ. М. : Территория будущего, 2011. 400 с.

Гонина Н. В. Трансформация социокультурной идентичности горожан в условиях индустриализации во второй половине 1950-х – начале

1980-х гг. (на материалах Ангара-Енисейского региона) // Лабиринт. 2014. № 1. С. 49–56.

Гончаров С. Город мирного атома // Знакомые незнакомцы: Новоуральск. Лесной. Заречный : [культур.-ист. очерки] / В. Б. Берюхов, О. Карякина, В. Струганов, С. Гончаров. [Екатеринбург : Сократ, 2006].

Горбунов Ю., Печуркина Р. Город на красной руде // Медное платье Урала: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург : Сократ, 2004. С. 201–274.

Город юности Качканар : юбилейн. изд. Екатеринбург : КВАДРАТ, 2007. 144 с.

Горчева А. Ю. Пресса ГУЛАГа. Списки Е. П. Пешковой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 222 с.

Гунгер Ю. Турьинские рудники : ист. очерки. [Краснотурьинск : Пунктуальность по-немецки], 2007. 256 с.

Гутнов А. Э., Глазычев В. Л. Мир архитектуры: лицо города. М. : Молодая гвардия. 1990. 350 с.

Демакова Е. В. (вступ. ст., подгот. публ. док.) Из истории уральской промышленности 30-х гг. XX века // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 131–146.

Добренко Е. Искусство принадлежать народу. Формовка советского читателя // Новый мир. 1994. № 12.

Добренко Е. Формовка советского читателя : Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб. : Академ. проект, 1997. 328 с.

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 592 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. 576 с.

Евланов В. В. Формирование территориально-республиканской системы управления охраной природы (50–80-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 4 (30) : в 3 ч. Ч. 1. С. 70–78.

Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов» : горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. 213 с.

Журавлева В. А. Градостроительство на Урале в 20–30-е гг. XX в. : моногр. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Южно-Урал. гос. ун-т и др. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 133 с.

Журавлева Н. С. «История фабрик и заводов» на Урале // Литература Урала: история и современность : сб. ст. / РАН, УрО, Ин-т истории и археологии ; [отв. ред. Е. К. Созина]. Вып. 7 : Литература и история – грани единого (к проблеме междисциплинарных связей) : в 2 т. Т. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 280–284.

Жучихин В. И. Начало (из истории ВНИИТФ и города Снежинска) // Дважды первый директор / под ред. Н. П. Волошина. Снежинск : Изд-во РФЯЦ – ВНИИТФ, 2012.

Замятин Д. Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. 512 с.

Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М. : Хронограф, 2013. 548 с.

Зенкин С. «Освободительные деяния» Поля Рикера: между символом и рассказом // Социол. обозрение. 2014. Т. 13, № 2.

Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.

Исхаков Р. Л., Ситникова М. В. Прикосновение к харизме. Екатеринбург, 2006.

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб. : Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. 480 с.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2001. 575 с.

Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 462 с.

Карачурина Л. Б. Демографические трансформации городов постсоветской России // Регион. исслед. 2013. № 3. С. 23–36.

Карякина О., Струганов В. Здравствуй, Лесной! // Знакомые незнакомцы : Новоуральск. Лесной. Заречный. С. 95–196.

Качканар. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Коган Л. Н. Культура молодого социалистического города как объект социального изучения и планирования // Культура молодого социалистического города : на материалах г. Качканара : [сб. ст.] / АН СССР. Урал. науч. центр ; [отв. ред. Л. Н. Коган, В. Л. Барсук]. Свердловск : [б. и.], 1972. С. 14–28.

Коган Л. Н., Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. 171 с.

Колосов В. А., Полян П. М. Ограничение территориальной мобильности и конструирование пространства от сталинской эпохи до наших дней // Режимные люди в СССР : моногр. М. : РОССПЭН, 2009.

Коньшова Е. В., Меерович М. Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток : на примере Магнитогорска / Рос. акад. архитектуры и строит. наук ; НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. М. : URSS : ЛЕНАНД, 2012. 224 с.

Коньшова Е. В. Советский город сталинской эпохи: пространство оптимизма // От великого до смешного... Инструментализация смеха в российской истории XX века : сб. ст. Челябинск : Каменный пояс, 2013. С. 133–142.

Красильников С. А. Репрессивное раскрестьянивание в 1930-е гг.: политика и практика // История сталинизма: крестьянство и власть : материалы междунаrod. науч. конф. в Екатеринбурге, 29 сент. – 2 окт. 2010 г. М. : РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. С. 45–55.

Культура молодого социалистического города : на материалах г. Качканара : [сб. ст.] / АН СССР. Урал. науч. центр ; [отв. ред. Л. Н. Коган, В. Л. Барсук]. Свердловск : [б. и.], 1972. 103 с.

Кухер К. Парк Горького: Культура досуга в сталинскую эпоху, 1928–1941. М. : РОССПЭН, 2012. 350 с.

Ле Корбюзье Ш. Э. Три формы расселения; Афинская Хартия / пер. с фр. Ж. Розенбаума. М. : Стройиздат, 1976. 136 с.

Лесной : история закрытого города / сост. Т. В. Шипулина. Екатеринбург : Сред-Урал. кн. изд-во, 1997. 352 с.

Лефевр А. Производство пространства // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 1–3.

Макнотен Ф., Урри Дж. Социология природы // Теория общества / под ред. А. Ф. Филиппова. М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999.

Меерович М. Г., Коньшова Е., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: Градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М. : РОССПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 268 с

Методы анализа текста и дискурса / Стефан Тичер [и др.] ; [пер. и науч. ред. А. А. Киселевой]. Харьков : Гуманитар. центр, 2009. 354 с.

Мирзоев Р. А. Озеленение Ангарска. Опыт сохранения леса среди городской застройки // Проблемы современного градостроительства. 14 : Озеленение городов. М. : Гос. изд-во лит. по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1963. С. 74–80.

Митин И. Место как палимпсест // 60 параллель. 2008. № 4. С. 20–25.

Михайлин В. Ю., Беляева Г. А., Нестеров А. В. Шершавым языком: Антропология советского политического плаката. Саратов : Лиска, 2013. 124 с.

Нарский И., Хмелевская Ю. «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгромов винных складов в России в 1917 году) // Россий-

ская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Франко-рос. центр гуманитар. и обществ. наук, Герм. ист. ин-т ; под ред. Яна Плампера [и др.]. М. : Новое лит. обозрение, 2010.

Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 613 с.

Нендза-Щикониовска К. Город, оторванный от земли, люди, привязанные к городу: Заполярная Игарка // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 5 (97). С. 209–223.

Нендза-Щикониовска К. (Nędza-Sikoniowska K.). Городской активизм в постсоциалистическом пространстве польского города – пример Краковского района Нова Хута // Город, пригодный для жизни : материалы Первой международ. науч.-практ. конф. «Современные проблемы архитектуры, градостроительства, дизайна» / ред. И. В. Кукина, И. Г. Федченко. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 105–110.

Непридуманные истории, подсказанные людской памятью: 30, 40, 50-е годы XX столетия в воспоминаниях детей, давно ставших взрослыми / сост. И. Н. Демченко. Екатеринбург : Издат. дом «Автограф», 2013.

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Города и веси: поляризованное пространство России // Интернет-еженедельник «Демоскоп Weekly». 2010. № 437–438. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/index.php> (дата обращения: 17.03.2015).

Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А. Широкаковой. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 456 с.

Омельченко Е. Л. Молодежь: Открытый вопрос. Ульяновск : Симбир. кн., 2004. 184 с.

Паперный В. Культура Два. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 408 с.

Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социол. обозрение. 2002. Т. 2, № 3.

Подлубнова Ю. Жанровая эволюция прозы Урала 1917–1930-х гг. // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина и др.; отв. ред. акад. В. В. Алексеев. Екатеринбург : УрО РАН, 2010. С. 421–423.

Постников С. П. Кабаков пишет Сталину // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 193.

Прищепа А. И. О причинах школьной реформы 1958 г. // Вестн. Нижегород. гос. гуманитар. ун-та. 2012. № 4. С. 58–62.

Пыжиков А. В. Реформирование системы образования в СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Вопр. истории. 2004. № 9. С. 95–105.

Пузанов А., Ланцев Д., Попов Р. От Тольятти до Звездочки // Эксперт. 2014. № 12. 17–23 марта. С. 36–43.

Путилов Б. Солнечный город на Красной Турье // Наследники Икара: Каменск-Уральский. Североуральск. Краснотурьинск. Михайловск : культур.-ист. очерки / Н. И. Буйносова [и др.]. М. : Сократ, 2003. 416 с.

Рагон М. О современной архитектуре / пер. с фр. Ж. С. Розенбаума. М. : Госстройиздат, 1963. 232 с.

Рикёр П. Манифестация и прокламация / пер. с фр. И. Б. Иткина // Социол. обозрение. 2011. Т. 10, № 1–2. С. 178–196.

Рожанский М. Сибирь как пространство памяти : моногр. Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2014. 180 с.

Рожанский М. Деколонизация городского пространства: топонимия // Пути России. Историзация социального опыта : [сб. ст. участников XVIII Международ. симп., 4–5 февр. 2011 г. / [под общ. ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова]. М. : Новое лит. обозрение, 2013. С. 9–32.

Рожанский М. Сибирские узлы империи: Сибирь и инерция внутренней колонизации: шансы на преодоление // Gefter 06.05.2015 [Электронный ресурс]. URL : <http://gefter.ru/archive/15048> (дата обращения: 15.07.2015).

Рубл Б. А. Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве Серебряного века и Осаке эпохи Мэйдзи / [пер. с англ. М. Дадяня]. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2004. 454 с.

Савчук В. В. Новые медиа – новые формы насилия // Неопределенность как вызов. Медиа. Антропология. Эстетика : коллектив. моногр. / под ред. К. Вульфа, В. Савчука. СПб. : Изд-во РХГА, 2013.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европейс. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Смоляр И. М. Новые города (Планировочная структура городов промышленного и научно-производственного профиля). М. : Изд-во лит. по строительству, 1972. 184 с.

Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы : хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. 222 с.

Траусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования : Обоснованная теория. Процедуры и техники / пер. с англ. и заключ. ст. Т. С. Васильевой. Изд. 3-е. М. : URSS : [КомКнига, 2010]. 254 с.

Тимофеев М. Там, где видны фабричные трубы, или Гимн индустриального периода (незавершенное эссе из 4 3/4 частей) // Лабиринт. 2014. № 1. С. 4–16.

Третьяков С. М. Биография вещи // Литература факта : Первый сб. материалов работников ЛЕФа / под ред. Н. Ф. Чужака [1929]. М. : Захаров, 2000.

Трубина Е. Урбанистическая теория. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. 323 с.

Трубина Е. Г. Примиряясь с упадком: руины 2.0 // Неприкосновенный запас. 2013а. № 3 (89). С. 175–194.

Трубина Е. Г. «Трамвай, полный Wi-Fi»: о рецепции идей Ричарда Флориды в России // Там же. 2013б. № 6 (92) (нояб.–дек.). С. 191–207.

Урри Д. Мобильности. М. : Праксис, 2012а. 576 с.

Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М. : Высш. шк. экономики, 2012б. 336 с.

Ушакин С. Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказались // Новое лит. обозрение. 2005. № 1 (71). С. 263–300.

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008. 285 с.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.

Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда : [в 2 кн.]. Кн. 2 : Социальные проблемы. М. : Стройиздат, 2001. 712 с.

Хапаева Д. Готическое общество // Критическая масса. 2006. № 1.

Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Средства массовой коммуникации и социальные проблемы : хрестоматия / сост. И. Г. Ясавеев. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000.

Хлебников В. Проза. М. : Современник, 1990.

Хмельницкий Д. С. «Соцгород» Николая Милютин в контексте советской истории [предисл. ко второму изд. кн.: *Милютин Н. А.* Соцгород]. Берлин : Изд. DOM Publishers, 2008.

Хмельницкий Д. Николай Милютин в истории советской архитектуры // Архитектор Николай Милютин. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 504 с.

Царицыно: аттракцион с историей / отв. ред. Н. В. Самутина, Б. Е. Степанов. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 464 с.

Чучкалов В. Г. Хроники нашего «Времени». Нижняя Тура, 2014.

Шауфлер Г. Сохранение ландшафта в жилых районах нового промышленного освоения Урала и Зауралья // Архитектура СССР. 1975. № 9. С. 50–53.

Щютце Ф. Биографическое исследование и нарративное интервью / пер. с нем. Е. Ю. Мещеркиной // Безрогов Б., Кошелева О., Мещеркина Е., Нуркова В. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях. М. : Изд-во УрАО, 2001. С. 142–147.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2003. 92 с.

Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. М. : Акад. Проект, 2000. 222 с.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 448 с.

Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. N. Y. : Routledge, 2004.

Alexander A. Britain's New Towns Garden Cities to Sustainable Communities. L. ; N. Y., Routledge, 2009.

Baločkaitė R. Post-Soviet Transitions of the Planned Socialist Towns: Visaginas, Lithuania // Studies of Transition States and Societies. 2010. 2(1). P. 63–81.

Bendiner-Viani G. Space and Culture. 2005. Nov. Vol. 8, 4: pp. 459–471. Walking, Emotion, and Dwelling: Guided Tours in Prospect Heights, Brooklyn // Space and Culture. 2005. 8, 4: pp. 459–471.

Buder S. Ebenezer Howard: The Genesis of a Town Planning Movement // Journal of the American Institute of Planners. 1969. 35(6). P. 390–398.

Büscher M., Urry J., Witchger K. (eds). Mobile Methods. N. Y. : Routledge, 2010. 206 p.

Brown L., Durrheim K. L. Brown, K. Durrheim. 2009. Different kinds of knowing: Generating qualitative data through mobile interviewing // Qualitative Inquiry. 2009. Vol. 15. P. 911–993.

Bryson J. Smoke Space: Material and Imagined Nature in the Smelter City of Anaconda, Montana // Journal of Historical Geography. 2013. 40. P. 16–23.

Carpiano R. M. Come take a walk with me: the «go-along» interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being // Health & Place. 2009. 15. P. 263–272.

Cinis A., Drémaitė M., Kalm M. Perfect Representations Of Soviet Planned Space: Mono-industrial towns in the Soviet Baltic republics in the 1950s–1980s // Scandinavian Journal of History. 2008. 33(3). P. 226–246.

Cohen S. A., Thulemark M. Lifestyle Mobilities: Intersections of Travel, Leisure and Migration. Ashgate, 2013. 266 p.

Czarniawska B. Shadowing and Other Techniques for Doing Fieldwork in Modern Societies. Liber, Sweden : Copenhagen Business School Press, 2007.

Czarniawska B. Why I think shadowing is the best field technique in management and organisation studies // *Qualitative Research in Organizations and Management: An International Journal*. 2014. Vol. 9, Iss. 1. P. 90–93.

Danilova A. Secret Cities: Material and Ideational Borders of Social Space // *Eurasiatique*. 2014. Vol. 2. P. 21–24.

Engel B. Public space in the Blue Cities in Russia // *Progress in Planning* 66. 2006. P. 147–239.

Evans J., Jones P. The walking interview: methodology, mobility and place *Applied Geography*. 2011. 31(2). P. 849–858.

Fairclough N. Textual analysis for social research. L. ; N. Y. : Routledge, 2004.

Ferguson H. Researching Social Work Practice Close Up: Using Ethnographic and Mobile Methods to Understand Encounters between Social Workers, Children and Families // *Br J Soc Work*, 2014.

Fink J. Walking the neighbourhood, seeing the small details of community life: Reflections from a photography walking tour // *Critical Social Policy*. Febr. 2012. Vol. 32, 1.

Fisher J. C. Planning the City of Socialist Man // *Journal of the American Institute of Planners*. 1962. 28(4). P. 251–265.

Freeden M. Editorial: Emotions, ideology and politics // *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18, No. 1, 1–10.

Garcia C. M., Eisenberg M. E., Frerich E. A., Lechner K. E., Lust K. Conducting go-along interviews to understand context and promote health // *Qualitative Health Research*. 2012. 22(10). P. 1395–1403.

Gentile M. Former closed cities and urbanisation in the FSU: an exploration in Kazakhstan // *Europe-Asia Studies*. 2004. 56(2). P. 263–278.

Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht – Holland : D. Reidel Publishing company, 1964.

Holland S., Burgess S., Grogan-Kaylor A., Delva J. Understanding Neighbourhoods, Communities and Environments: New Approaches for Social Work Research // *British Journal of Social Work*. 2011. 41. P. 689–707.

Holton M., Riley M. Talking on the move: place-based interviewing with undergraduate students // *AREA*. 2014. Vol. 46, Iss. 1. P. 59–65.

Hømland G., Jørgensen A.-K. Closed cities on the Kola Peninsula: From autonomy to integration? // *Polar Geography*. 1998. Vol. 22, Iss. 4. P. 231–248.

Johnston M. Public Policies, Private Choices: New-Town Planning and Lifestyles in Three Nations // *Urban Affairs Quarterly*. 1977. 13(1). P. 3–32.

Kaika M. Dams as Symbols of Modernization: The Urbanization of Nature Between Geographical Imagination and Materiality // *Annals of the Association of American Geographers*. 2006. Vol. 96 : 2. P. 276–301.

King K. Choosing their own paths: Mobile methodologies for understanding youth lifestyles // *Duncan T., Cohen S., Thulemark M., eds. Lifestyle Mobilities: Intersections of Travel, Leisure and Migration*. Ashgate.

Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles ; L., 1995.

Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*. 2003. 4 (3). P. 449–479.

Light D., Nicolae I., Suditu B. Toponymy and the communist city: street names in Bucharest, 1948–1965 // *GeoJournal*. 2002. Vol. 56, Iss. 2. P. 135–144.

Macionis J. J., Vincent N. Parrillo. *Cities and urban life* / 5th ed. Boston [etc.] : Pearson education, Inc., 2010.

Macnaghten Ph., Urry J. *Contested Natures*. L. : Sage, 1998.

Madge J. The New Towns Program In Britain // *Journal of the American Institute of Planners*. 1962. 28(4). P. 208–219.

Massey D. *For space*. L. : Sage, 2005.

McDonald S. Studying actions in context: A qualitative shadowing method for organizational research // *Qualitative Research*. 2005. 5. P. 455–473.

McIlvenny P., Broth M., Haddington P. Moving Together: Mobile Formations in Interaction // *Space and Culture*. 2014. 17. P. 104–106.

Merlin P. The New Town Movement in Europe // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 1980. 451(1). P. 76–85.

Merriman P. Rethinking mobile methods // *Mobilities*. 2014. Vol. 9, No. 2. P. 167–187.

Minnery J. Model industrial settlements and their continuing governance // *Planning Perspectives*. 2012. 27 : 2. P. 309–321.

Nora P. From lieux de mémoire to realms of memory // *Nora P., Lawrence D. Kritzman eds Realms of Memory: Rethinking the French Past*. 1996. Vol. 1 : conflicts and divisions. N. Y. ; Chichester : Columbia University Press, 1996.

Osborn R. J., Reiner T. A. Soviet City Planning: Current Issues and Future Perspectives. *Journal of the American Institute of Planners*. 1962. 28(4), 239–250.

Oswalt Ph. (ed.) *Shrinking cities volume 1 – International research*, Hatje Crantz, Ostfildern, 2005.

Oswalt Ph. (ed.) *Shrinking cities volume 2 – Interventions*, Hatje Crantz, Ostfildern, 2006.

Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

Rees A. Nineteenth-century planned industrial communities and the role of aesthetics in spatial practices: the visual ideologies of Pullman and Port Sunlight // *Journal of Cultural Geography*. 2012. 29 : 2, 185–214.

Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. № 34. P. 453–470.

Schütze F. Biographieforschung und narratives Interview // *Neue Praxis* 13. 1983. 3, pp. 283–293. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-53147>

Shane D. G. Recombinant Urbanism. Conceptual modelling in architecture, urban design and city theory. Chichester : Wiley, 2005.

Sheller M. The new mobilities paradigm for a live sociology // *Current Sociology*. 2014. 62 : P. 789–811.

Seamon D. Place Attachment and Phenomenology: The Synergistic Dynamism of Place // Lynne C. Manzo & Patrick Devine-Wright, eds. *Place Attachment: Advances in Theory, Methods, and Applications*. N. Y. : Routledge, 2013. P. 11–22.

Spradley J. P. The Ethnographic Interview. Wadsworth Group, Belmont, CA. 1979. 195 p.

Stangl P. The vernacular and the monumental: memory and landscape in post-war Berlin // *GeoJournal*. 2008. 73. P. 245–253.

Thorsheim P. Inventing Pollution: Coal, Smoke, and Culture in Britain Since 1800. Athens, Ohio University Press, 2006.

Tuan Yi-Fu. Language and the Making of Place: A Narrative-Descriptive Approach // *Annals of the Association of American Geographers*. 1991. 81(4). P. 684–696.

Tuan Y. F. Space and Place. The Perspective of Experience. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1977.

Underhill J. A. Soviet New Towns and National Growth Policy, Washington DC, GPO, 1976.

Underhill J. A. Soviet New Towns, Housing and National Urban Policy: An Update. URL : <http://hdl.handle.net/1920/1886>. 1987.

Underhill J. A. Soviet New Towns, Planning and National Urban Policy: Shaping the face of Soviet citites // *The Town Planning Review*. 1990. 61(3). P. 263–285.

Vandyshhev M., Veselkova N., Pryamikova E. Creative Potential of The Young Ural Town: The Case of Kachkanar // *PROCEEDINGS: The idea of creative*

city/The urban policy debate | Cracow 17–18 Oct. 2013, European Scientific Institute, ESI. Kocani, Republic of Macedonia, 2014. P. 166–177.

Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshv M. Social Construction of «Mono-town» Space: Between Human and Non-Human // P. Gibas, K. Pauknerová, & M. Stella et al. (Eds.), *Non-Humans in Social Science: Animals, Spaces, Things*. Červený Kostelec : Pavel Mervant, 2011. P. 151–168.

Ward S. W. The garden city tradition re examined // *Planning Perspectives*. 1990. 5(3). P. 249–256.

Ward S. W. (Ed.) (1999). *The Garden City: Past, Present and Future*. L. : Spon, 1992.

Ward S. W. Soviet communism and the British planning movement: rational learning or Utopian imagining? // *Planning Perspectives*. 2012. 27(4). P. 499–524.

Wawrzynski J. Nowe Tychy: an assessment of a polish new town // *Planning Outlook*. 1986. 29(1). P. 34–38.

Williams R. *Ideas of Nature* // Williams R. *Culture and materialism: Selected Essays*. L. ; N. Y. : Verso 2005 [1980]. P. 67–85.

Wilson I. B. The French new towns – Les Villes Nouvelle. *Planning Outlook*, 1986. 29(1), 26–34.

White A. *Small-Town Russia: Postcommunist Livelihoods and Identities: A Portrait of the Intelligentsia in Achit, Bednodemyanovsk and Zubtsov, 1999–2000*. L. ; N. Y. : Routledge, 2004.

White A. Is Civil Society Stronger in Small Towns? // Evans A. B. Jr., Henry L. A., L. McIntosh Sundstrom (Eds.). *Russian civil society: a critical assessment*. P. 284–302. Armonk ; N. Y. ; L., England : M. E. Sharpe Inc., 2006.

Список сокращений

БАЗ	– Богословский алюминиевый завод, градообразующее предприятие г. Красноуральска
Базстрой	– трест, образованный для строительства Богословского алюминиевого завода
БТЭЦ	– Богословская тепловая электрическая станция, построенная для нужд БАЗа и г. Красноуральска
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, комсомол
Вхутемас	– Высшие художественно-технические мастерские в Москве
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
Главлит	– Главное управление по делам литературы и издательств, государственный орган, осуществлявший цензуру в СССР
ГК	– городской комитет, горком
ГОК	– горно-обогатительный комбинат
ГТРК	– государственная телерадиокомпания
ДК	– Дворец культуры
ДК БАЗа	– Дворец культуры Богословского алюминиевого завода в г. Красноуральске
ИФЗ	– «История фабрик и заводов», серия книг, инициированная М. Горьким
КГОК	– Качканарский горно-обогатительный комбинат
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
НТГРЭС	– Нижне-Туринская государственная районная электрическая станция
ОК	– областной комитет, обком
ОМПУ	– объединенный музей писателей Урала
ОРС	– отдел рабочего снабжения
РК	– районный комитет, райком
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
ТРЦ	– торгово-развлекательный центр
ТЦ	– торговый центр
ТЭЦ	– тепловая электрическая станция
УР	– «Уральский рабочий», газета
ЦДООСО	– Центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦК	– центральный комитет

Предметно-именной указатель

Ассман, Алейда 33, 34, 84, 157, 158, 193, 251, 271, 272, 349

Ассман, Ян 33

Аффективный режим 6, 82, 196, 204, 208, 209, 215, 218, 220, 221, 223, 230, 231

Бауман, Зигмунд 84, 172

Беньямин, Вальтер 38

Будущее 4, 79, 93, 122, 147, 153, 157, 164–166, 169, 171, 173, 178, 181–184, 186–191, 193, 211, 219, 222, 303, 311

Бурдые, Пьер 52, 171, 237

Вебер, Макс 7, 208

Говард, Эбенизер 8, 18, 19, 121, 122

Гора 63, 95, 97–100, 105, 106, 108, 114, 118, 125, 126, 151, 153, 171, 226, 229, 234, 235, 259, 261, 274, 298,

Город

– «город-сад» 9, 18, 19, 120–123

– молодой 3, 5, 9–11, 15, 22, 24, 27–29, 31–36, 42, 43, 48, 71, 75–78, 82, 83, 90, 92, 102, 106, 113, 122, 125, 126, 129, 130, 132–134, 143, 144, 157, 158, 161–163, 170, 172, 173, 175, 179–181, 186–189, 193, 194, 196, 200, 201, 209, 213, 216, 220, 224, 227–231, 234, 244, 254, 284, 314, 321, 350, 355, 357, 358, 368, 369

– индустриальный 3, 4, 8, 59, 87, 126, 196

– моногород 3, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 29, 33, 59, 63, 100, 119, 126, 170, 181, 186, 192, 206, 207, 248, 250, 275, 288, 290, 303, 321

– новый 8, 9, 17, 19, 20, 22, 24–26, 28, 36, 43, 71–77, 79, 81, 82, 86, 92, 94, 104, 129, 130, 133, 134, 136, 141, 142, 145, 148, 151, 152, 155–158, 165, 167, 168, 170, 172–174, 179–183, 201, 202, 205, 206, 209, 212, 215, 222, 223, 226, 229, 230, 328, 356

– юный, город юности 3, 43, 71, 75–79, 88, 102, 135, 142–144, 260, 288, 317, 318

Горький, Максим 38, 105, 130, 131, 170, 175, 176, 194

Градообразующее предприятие 3, 9, 10, 29, 31, 32, 59, 120, 170, 186, 191, 206, 207, 230, 231, 250, 287, 290, 338, 351

Дворец культуры, ДК 56, 128, 136, 156, 173, 187, 197, 201, 206, 293–298

Дестинация 57–59, 63, 67, 68

Дискурс 24, 27, 28, 35, 43, 45, 74, 79, 80, 86, 92, 94, 95, 97, 102, 105–107, 110, 113, 123, 126, 130, 147, 148, 150, 151, 158, 161, 163, 170, 175, 186–188, 194, 202, 206, 208, 209, 213, 223, 224, 228

– актуальный 6, 34, 35, 206, 230

– официальный 5, 6, 13, 25, 35, 36, 40, 42, 86, 92, 106, 115, 138, 160, 162, 168, 172, 173, 175, 189, 201, 204, 208, 214, 215, 220, 223, 227, 228, 233, 317, 344, 351

– советский 35, 112, 125, 126, 157, 172, 206

Диффузия инноваций 180, 227

Зубаревич, Наталья 180

История фабрик и заводов, ИФЗ 79, 170, 171

Код жизни 231, 232, 275, 283–286, 361

Код смерти 110, 152, 191, 231, 232, 275–283

Коммодификация 111

Конверсия рисков 115, 119

Ле Корбюзье, Шарль Эдуар 9, 19, 20, 84

Лежневка 186, 261–263

Лефевр, Анри 11, 13

Маленький, Алексей 39, 95, 101, 102, 132, 171

Ментальные карты 4, 46, 120

Методы мобильные 46, 69, 368

Место 13, 34, 50, 53, 54, 68, 82, 85, 97–99, 106–108, 110, 115, 120, 124, 125, 128, 130, 132, 146, 152, 156, 177, 191, 209, 224, 229, 369

– голое (пустое) 75, 82–88, 90, 91, 93, 95, 157, 181, 199, 231, 356, 357

– место памяти 4, 5, 33, 15, 14, 17, 40, 48, 84, 107, 122, 177, 209, 216, 232, 233, 275, 284, 286, 332, 343, 356, 358, 364

Настоящее 52, 79, 147, 150, 155–157, 163–167, 169, 171–173, 175, 178, 180–182, 184, 188, 190, 228, 232, 278, 311, 328, 348, 361

Нора, Пьер 5, 14, 33

Память 7, 33, 34, 84, 89, 161, 162, 171, 209, 217, 222, 231

– коллективная 33, 160, 377, 334

– коммуникативная 170

– культурная 97, 161, 170, 283

– «меня-память» 34, 271, 272

– «я-память» 34, 271

Природа 23, 77, 79, 86, 91–98, 102, 104–106, 109–115, 120, 123, 124, 126, 152, 158, 160, 167, 211, 218, 222

Прошлое 33, 40, 79, 81, 82, 131, 147–157, 161, 163, 165, 166, 168, 170, 171, 173, 175, 187, 190, 192–194, 220, 224, 228, 232, 261, 270, 275, 278, 311, 317, 332, 350

Радио 36, 157, 162, 228, 236–239, 318, 345, 351

Риски 69, 107, 113, 115, 116, 118, 119, 126, 323

Серто, Мишель де 13, 84, 275, 232, 356, 361

Символический капитал 130, 224, 236–238, 250, 297

Социальный порядок 208

Субъект 36, 82, 94, 196–198, 204–207, 210, 231

Субъектность 47, 94, 195, 196, 198, 205, 207, 208, 227, 245

Темпоральный режим 147, 157

Трамвай 53, 127, 129, 131, 132, 134, 140, 142–145, 156, 181, 185, 188, 197, 216, 256–258, 276, 260, 356

Урри, Джон 15–17, 30, 57, 66, 98, 110, 120

Affordance 98

Go-along интервью 5, 45–49, 52, 57, 59, 62, 63, 66, 69, 116, 120, 190, 246, 328

Non-human 98

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
РАЗДЕЛ 1. Характеристика подхода:	
теоретико-методологические основания и дизайн исследования	7
Глава 1. Теоретические основания исследования мест памяти в малых городах	7
1.1. Урбанистика и новые города	7
1.1.1. Новые города: международная ретроспектива	17
1.1.2. Новые города: отечественный опыт	19
1.2. Места памяти	33
1.3. Где ловить дискурсы? Источники в исследовании	35
Глава 2. Дизайн эмпирического исследования	42
2.1. Выборка	42
2.2. Методический дизайн	46
РАЗДЕЛ 2. ПРОШЛОЕ: молодые города, дискурс преобразования	71
Глава 3. Язык новизны	71
3.1. Новые, молодые, юные: как формировалась лексика	71
3.2. РАНЬШЕ – ТЕПЕРЬ: новое как качественное преобразование	79
Глава 4. Дискурсивная схема образования молодых городов	82
4.1. Голое место	83
4.2. Преобразование	91
4.2.1. Природа: преобразование как покорение	91
4.2.2. Преобразование как достижения градостроения	127
4.2.3. Преобразования как особая темпоральность	147
4.3. Конструирование субъектности и аффективный режим «восторг» ...	196
РАЗДЕЛ 3. НАСТОЯЩЕЕ: пространства памяти – каталогизация мест	232
Глава 5. Масштабы памяти	233
5.1. Мировой контекст: «у нас знаменитый, мне кажется, город»	234
5.1.1. Известные земляки как символический капитал: «великий во всех смыслах... у нас, из нашего города»	236
5.1.2. Включенность в историю страны: «а вы знаете, почему улица Ленинградская – улица Ленинградская?»	243

5.2. Локальное – городское, региональное: «Сорокалетка» была, есть и будет»	250
5.2.1. Город сравнивает себя с другими: (не)уникальность локального	254
5.3. Частное – часть личного опыта	270
Глава 6. Места памяти: коды жизни и смерти	275
6.1. Места, содержащие код смерти: «там такое ощущение заброшенности, упадничества»	275
6.2. Места, содержащие код жизни: «а еще у нас обновили...»	284
Глава 7. Места памяти как структурно-функциональные элементы города ...	286
7.1. Места производства	287
7.2. Места культуры, здравоохранения, спорта: «у нас рассадник культуры!»	293
7.3. Места торговли и общепита: «магазинов у нас очень много...»	316
7.4. Особые районы города (престижные и не очень)	333
7.5. Специализированные мемориальные места, праздники и традиции: «Ленин видит все»	340
Заключение. Закономерности жизни мест памяти	355
Приложение 1. Сведения об изучаемых городах (Краснотурьинск, Лесной, Заречный, Качканар)	370
Приложение 2. Образец объявления, размещенного в социальной сети для поиска информантов	372
Библиографические ссылки	373
Список сокращений	387
Предметно-именной указатель	388

Научное издание

Веселкова Наталья Вадимовна
Прямикова Елена Викторовна
Вандышев Михаил Николаевич

МЕСТА ПАМЯТИ В МОЛОДЫХ ГОРОДАХ

Монография

Ответственная за выпуск *Н. А. Юдина*
Редактор *Т. А. Федорова*
Корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 13.09.16.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 25,16. Усл. печ. л. 22,9. Тираж 300 экз. Заказ 347.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: + (343) 350-56-64, 358-93-22

Факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

Для заметок

Для заметок